

ЦИРКУМПОНТИКА

THE CIRCUMPONTICS

2021

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8360 (print)

2021 / № 5

ISSN 2310-676X (online)

серия

ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по историческим наукам и политологии: 07.00.02 – Отечественная история; 07.00.03 – Всеобщая история; 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования; 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) in Historical Sciences and Politology: 07.00.02 – Domestic history (historical sciences); 07.00.03 – Global history; 07.00.09 – Historiography, source-study and methods of historical research; 23.00.04 – Political problems of international relations, global and regional development.

ISSN 2072-8360 (print)

2021 / № 5

ISSN 2310-676X (online)

series

HISTORY AND POLITICAL SCIENCES

BULLETIN OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала
«Вестник Московского государственного областного университета:
Серия: История и политические науки»

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области
Московский государственный областной университет

————— Выходит 5 раз в год —————

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Багдасарян В. Э. – д.и.н., проф., МГОУ

Заместитель главного редактора:

Волобуев О. В. – д.и.н., проф., МГОУ

Ответственный секретарь:

Федорченко С. Н. – к. пол. наук, доцент, МГОУ

Члены редакционной коллегии:

Воронин С. А. – д.и.н., проф., Российский университет дружбы народов (г. Москва);

Гайдук В. В. – д.пол.н., к.ю.н., проф., Башкирский государственный университет (г. Уфа);

Гонзалез Дж. – доктор наук, Исторический научный центр Рожкова (Австралия);

Ершов В. Ф. – д.и.н., проф., МГОУ;

Журавлев В. В. – д.и.н., проф., МГОУ;

Захаров В. Н. – д.и.н., проф., Институт российской истории РАН;

Каширина Т. В. – д.и.н., доцент, Дипломатическая академия МИД России (г. Москва);

Ковалев В. А. – д.пол.н., проф., Сыктывкарский государственный университет;

Михайловский Ф. А. – д.и.н., проф., Московский городской педагогический университет;

Наталици М. – д.и.н., проф., Университет Сиена (Италия);

Панкратов С. А. – д.пол.н., проф., Волгоградский государственный университет;

Саква Р. – доктор наук, профессор, Университет Кент (Соединенное королевство Великобритании и Северной Ирландии);

Смоленский Н. И. – д.и.н., проф., МГОУ (научный руководитель журнала);

Сулакшин С. С. – д.пол.н., д.ф.-м.н., проф., Центр научной политической мысли и идеологии;

Феофанов К. А. – д.пол.н., проф., Дипломатическая академия МИД России (г. Москва);

Фукс А. Н. – д.и.н., проф., МГОУ

Штоль В. В. – д.пол.н., проф., Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ) (г. Москва)

ISSN 2072-8360 (print)
ISSN 2310-676X (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» – печатное издание, публикующее статьи российских и зарубежных ученых по историографии, источниковедению, истории России, всеобщей истории и политологии.

Журнал адресован российским и зарубежным историкам и политологам, докторантам, аспирантам и всем, интересующимся достижениями исторической и политической науки.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-73347.

Индекс серии «История и политические науки» по Объединённому каталогу «Пресса России» 40712

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 5. Циркулянт. Вып. III. 230 с.

© МГОУ, 2021.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д.10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

**Founder of journal «Bulletin of the Moscow Region State University:
Series: History and Political Sciences»
Moscow Region State University**

Issued 5 times a year

Editorial board

Editor-in-Chief:

V. E. Bagdasaryan – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU

Deputy Editor-in-Chief:

O. V. Volobuyev – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU

Executive secretary:

S. N. Fedorchenko – Ph.D. in Politology, Associate Professor, MRSU

Members of Editorial Board:

S. A. Voronin – Doctor of Historical Sciences, Professor, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow);

V. V. Gajduk – Doctor of Political Sciences, Ph.D. in Law, Professor, Bashkir State University, Ufa;

J. González – Doctor of Science, Rozhkov Historical Research Centre (Australia);

V. F. Ershov – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU;

V. V. Zhuravlev – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU;

V. N. Zakharov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of Russian History, RAS;

T. V. Kashirina – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry (Moscow);

V. A. Kovalyov – Doctor of Political Sciences, Professor, Syktyvkar State University;

F. A. Mikhailovsky – Doctor of Historical Sciences, Professor, Moscow City Pedagogical University;

M. Natalici – Ph.D., Professor, University of Siena (Italy);

S. A. Pankratov – Doctor of Political Science, Professor, Volgograd State University;

R. Sakwa – Ph.D., Professor, University of Kent, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland;

N. I. Smolensky – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU (Scientific Consultant of Bulletin)

S. S. Sulakshin – Doctor of Politology, Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Center of Scientific Political Thought and Ideology (Moscow);

K.A. Feofanov – Doctor of Political Sciences, Professor, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow);

A. N. Fuks – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU

V.V. Stol' –The Institute of CIS countries (Institute of Diaspora and integration) (Moscow)

ISSN 2072-8360 (print)

ISSN 2310-676X (online)

The peer-reviewed scientific journal "Bulletin MRSU, series: History and Political Sciences" is a printed edition that publishes articles by Russian and foreign scholars on historiography, source study, the history of Russia, world history and political science.

The journal is aimed at Russian and foreign historians and political scientists, doctoral students, postgraduate students and everyone who is interested in the achievements of historical and political science.

The series « History and Political Sciences» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № ФС77-73347.

**Index of the series «History and Political Sciences»
according to the Union catalog «Press of Russia» 40712**

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library "CyberLeninka" (<https://cyberleninka.ru>), as well as at the site of the Moscow Region State University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow Region State University» is obligatory. Scientific publication of materials is carried out in accordance with the license of Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences, 2021, no. 5, Circumpontica, iss. III. 230 p.

© MRSU, 2021.

© Moscow Region State University Editorial Office, 2021.

The Editorial Board address:

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ЦИРКУМПОНТИКА

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ.....	8
Кадров С. Р. Центральноевропейский кризис, неоднородность культуры и миграции из степей в неолите.....	9
Коньков А. С. Популяционная история Кавказа в эпоху неолита и бронзы с позиции палеогенетики.....	16
Булатович А., Миланович Д. Культурно-хронологический контекст памятников Бубань и Велика Хумска-Чука недалеко от Ниша (Юго-Восточная Сербия) и его значение для понимания возникновения энеолита Центральных Балкан.....	36
Николова Л. Балканские перспективы развития циркумпонтийских исследований в эпоху Ранней Бронзы (позднее 4–3 тысячелетие до н. э.).....	65
Тубольцев О. В., Павлюкова П. С., Радченко С. Б., Кайзер Э. Результаты исследований памятника ямной культуры Генералка 2 на острове Хортица на Днепре.....	74
Яровой Е. В., Пыслару И. К вопросу о локальных центрах ямной культуры в Северо-Западном Причерноморье.....	96
Коваленко П. П., Красильников К. И. Одиночный курган эпохи бронзы у с. Гончаровка в Среднем Подонцовье (раскопки 1988 г.).....	113
Николаева Н. А., Сафронов А. В., Карлова К. Ф. Периодизация катакомбной культуры (по материалам курганов у с. Чикола Северной Осетии).....	129
Кекеев Э. А. Археологические материалы бронзового века в фондах Национального музея Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова.....	150
Чшиев В. Т. Обряд вторичного захоронения в ранних комплексах Адайдонского некрополя кобанской культуры Кавказа.....	165
Яценко С. А. Знаки-нишан аристократии Сасанидского Ирана.....	179

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

Ткачёв А. Н. Исследователь кавказских дольменов А. Ф. Лещенко (1880–1954 гг.): к биографии учёного.....	203
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

К юбилею Иона Пыслару.....	216
Николаева Н. А. К юбилею Александра Григорьевича Козинцева.....	219
Николаева Н. А., Яровой Е. В. К юбилею Игоря Леонидовича Кызласова.....	221

ПАМЯТНИКИ МИРОВОЙ МЫСЛИ: ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Коллиньон М. Сообщение о раскопках, проведённых в Аполлонии Понтийской г-ном Деграном, консулом Франции в Филиппополе.....	224
---	-----

CONTENTS

CIRCUMPONTICA

EDITOR'S COLUMN	8
S. Kadrow. Central European Crisis, Culture Heterogenization and Migrations from the Steppes in Neolithic	9
A. Konkov. Population History of the Caucasus During the Neolithic and Bronze Age from the Standpoint of Paleogenetics	16
A. Bulatović, D. Milanović. The Cultural and Chronological Context of Sites of Bubanj and Velika Humska Čuka Near Niš (Southeastern Serbia) and Their Significance for Understanding the Emergence and Development of the Central Balkans Eneolithic.	36
L. Nikolova. Balkan Perspectives of Development of the Circumpontic Research Design During the Early Bronze Age (Later 4 TH – 3 RD Millennium CAL BCE)	65
O. Tuboltsev, P. Pavlyukova, S. Radchenko, E. Kaiser. Results of Research of the Pit Culture Monument Generalka 2 on the Hortica Island on the Dnieper	74
E. Yarovoy, I. Pyslaru. On the Local Centers of Yamnaya Culture in the North-Western Black Sea Region	96
P. Kovalenko, K. Krasilnikov. Single Funeral Mound of the Bronze Age Near Goncharovka Village on the Seversky Donets Basin (Excavation Materials 1988)	113
N. Nikolaeva, A. Safronov, K. Karlova. Periodization of the Catacomb Culture (Based on the Materials of the Mounds Near the Village of Chikola, North Ossetia).	129
E. Kekeev. Bronze Age Archaeological Materials in the Funds of N. N. Palmov National Museum of Kalmykia	150
V. Chshiev. The Rite of Secondary Burial in the Early Complexes of the Adaydon Necropolis of the Koban Culture of the Caucasus	165
S. Yatsenko. Nishan-Signs of the Aristocracy of Sasanian Iran	179

THE HISTORY OF THE SCIENCE

A. Tkachev. Researcher of the Caucasian Dolmens A. F. Leshchenko (1880–1954): To the Biography of the Scientist	203
--	-----

ACADEMIC LIFE

To the Anniversary of Ion Pyslaru	216
N. Nikolaeva. To the Anniversary of Aleksander Kozintsev	219
N. Nikolaeva, E. Yarovoy. To the Anniversary of Igor Kyzlasov	221

THE SCIENTIFIC THOUGHT HERITAGE: FIRST PUBLICATION IN RUSSIAN

M. Collignon. Note on the Excavations Conducted in Apollonia Pontica by Monsieur Degrand, Consul of France in Philippopoli	224
---	-----

ЦИРКУМПОНТИКА

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Третий выпуск международного ежегодника «Циркумпонтика» продолжает издание различных материалов по археологии Причерноморья*. Наряду с публикациями археологических источников и теоретическими разработками по древнейшей истории Европы в него вошли работы по палеогенетике, музееведению и истории науки. Всего данный сборник содержит 12 статей, авторами которых стали учёные из Болгарии, Германии, Польши, Сербии, России, Румынии и Украины. В них рассмотрен огромный географический регион: от Центральной Европы до Кавказа, Калмыкии и Средней Азии включительно. Значителен и хронологический диапазон представленных публикаций – от неолита до поздней античности.

За прошедший год состав Оргкомитета международного проекта «Циркумпонтика» не претерпел изменений и состоит из 14 ведущих археологов из 10 стран (см.: Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 5. Циркумпонтика. Вып. II. С. 8–9). Редколлегия традиционно вела минимальную правку присланных статей, оставляя за авторами право высказать

собственную точку зрения по тем или иным проблемам. В связи с этим каждый из них несёт персональную ответственность за качество и содержание опубликованных в сборнике работ. Следует особо отметить, что значительная часть данного выпуска собрана и подготовлена профессором историко-филологического института МГОУ Н. А. Николаевой.

В заключение хотелось бы ещё раз подчеркнуть, что в наше непростое время наука должна объединять учёных независимо от страны проживания. Недопустимо использовать археологию в политической конъюнктуре, которая постоянно меняется и уже в определённой степени разъединила научное сообщество. Нет сомнения, что только совместными усилиями профессионалов из различных стран можно ставить и решать самые сложные научные проблемы. И альтернативы этому процессу нет!

Е. В. Яровой – доктор исторических наук, председатель Оргкомитета, ответственный за специальный выпуск журнала «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 5. Циркумпонтика. Вып. III»

* Первый и второй выпуски «Циркумпонтики» были опубликованы соответственно в 2019–2020 гг. См.: Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 5. Циркумпонтика. Вып. I; Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 5. Циркумпонтика. Вып. II.

УДК 94(4); 902

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-5-9-15

CENTRAL EUROPEAN CRISIS, CULTURE HETEROGENIZATION AND MIGRATIONS FROM THE STEPPES IN NEOLITHIC

S. Kadrow

*Institute of Archaeology, Rzesz w Univeristy
Moniuszki 10; 35-015 Rzesz w, Republic of Poland*

Abstract

Aim. To show the symptoms of the socio-economic crisis in Central Europe (2nd part of the 4th millennium BC) and the accompanying cultural mechanisms.

Methodology. The author uses the tools of the globalization theory (network connectivity etc.) and the theory of culture (heterogenization, hybridization etc.) to analyze the effects of a long-term crisis.

Results. Attention was drawn to the probable correlation of the crisis and the accompanying cultural changes with the increasing migrations from the steppes and their positive impact on deep cultural changes, i. e. the formation of the Corded Ware Culture.

Research implications. The described situation finds structural analogies in late antiquity (the fall of Rome in the conditions of the growing strength of early Christian network communities) and today according to Oswald Spengler's idea of the fall of the West (Untergang des Abendlandes).

Keywords: Central Europe, steppe migrations, crisis, hybridization, heterogenization, culture change

ЦЕНТРАЛЬНОЕВРОПЕЙСКИЙ КРИЗИС, НЕОДНОРОДНОСТЬ КУЛЬТУРЫ И МИГРАЦИИ ИЗ СТЕПЕЙ В НЕОЛИТЕ

Кадров С. Р.

*Институт археологии, Жешувский университет
Монюшки 10; 35-015 Жешув, Республика Польша*

Аннотация

Цель. Показать симптомы социально-экономического кризиса в Центральной Европе (вторая часть 4 тыс. до н. э.) и сопутствующие ему культурные механизмы.

Процедура и методы. В исследовании использованы инструменты теории глобализации (сетевая связность и т. д.) и теории культуры (гетерогенизация, гибридизация и т. д.) для анализа последствий долгосрочного кризиса.

Результаты. Обращено внимание на вероятную взаимосвязь кризиса и сопутствующих культурных изменений с увеличением миграций из степей и их положительным влиянием на глубокие культурные изменения, т. е. формирование культуры шнуровой керамики.

Теоретическая и/или практическая значимость. Описанная ситуация находит структурные аналогии в поздней античности (падение Рима в условиях растущей силы раннехристианских сетевых сообществ) и сегодня в соответствии с идеей Освальда Шпенглера о падении Запада (Untergang des Abendlandes).

Ключевые слова: Центральная Европа, степные миграции, кризис, гибридизация, гетерогенность, изменение культуры

Introduction

The aim of the article is to describe the crises affecting Neolithic communities in the 2nd half of the 4th millennium BC in Central Europe. Due to the advancement of the state of research, such phenomena have been described on the example of south-eastern Poland and central Germany. In the above-mentioned areas and additionally in Kuyavia, intensive processes of heterogenization and hybridization of cultures were found. At the end of the 4th millennium BC, traces of the presence of graves typical of the Yamnaya (Hubinek) culture, and even earlier, «pre-*amnaya*» influences (Malczyce) come from south-eastern Poland. So there was a temptation to make a hypothesis whether the crisis situations and the accompanying socio-cultural changes in the form of the dominance of horizontal network structures and intense hybridization do not create favorable conditions for the absorption of steppe migrants and profound cultural change?

The Fall of Neolithic Societies

Janusz Kruk and Sarunas Milisauskas, analyzing the material evidence of everyday activities of the Neolithic communities in south-eastern Poland, identified multiple symptoms of the crisis in the socio-economic sphere from the middle of the 4th thousand BC [14, p. 171–208].

The aforementioned crisis, or «Fall of Neolithic Societies», was preceded by a «Rize» of them (as it was expressed in the title of the book: «*The Rize and Fall of Neolithic Societies*» [14]), which began with the arrival of the oldest Danubian farmers in south-eastern Poland, and reached its peak with the development of Funnel Beaker culture.

The most spectacular symptoms of the crisis in south-eastern Poland are visible in the transformations of the settlement network. It is about a drastic decrease in the number of large settlements in the Bronocice region, that took place with the formation of syncretic (Funnel Beaker-Baden) cultural complexes of the Bronocice IV–V type [14,

p. 171–176]. During the BR V phase 54% of the entire population of the whole region was concentrated at the site of Bronocice. For this reason, this process was called «the stage of reduction and concentration of settlement» [14, p. 174–176]. The population of the region also decreased (from 6200 in BR II to 900 in BR V).

Ecological factors seem inadequate to explain these changes [14, p. 330]. Their most likely cause was an internal conflict [7, p. 239–240], which probably also took on bloody forms. This is indirectly indicated by the burial data from Bronocice site which seems to point to an anomalous catastrophic event, an epidemic or a massacre [18, p. 55–86]. In turn, the increase in the number of flint axes and the fortifications of the settlement in the Bronocice V phase increase the probability of military events [14, p. 330].

Similar crisis trends can be noticed in other areas of Central Europe, such as in East Westfalen and Hessen, in the North-Alpine area, in Bohemia and Moravia and southern Scandinavia and first of all in Central Germany [19, p. 427–437].

The overexploitation of the environment and other archaeologically hard-to-grasp causes led to crisis situations that resulted in serious social changes, taking place in different ways in different regions. The processes of change were not completely synchronous. In Denmark and south-eastern Poland, their intensification took place around 3300 BC, while, for example, in East Westfalen and Hessen around 2800 BC [19, p. 437]. The causes of the crisis could have been different for each region. Sometimes they were transcultural networks for the exchange of goods and ideas, other times migration movements or climate change etc. [19, p. 438].

Extensive study of the Central German (*Mittelbe-Saale-Gebiet*) Neolithic has led to similar but more specific conclusions [19, p. 268–426]. «Since 3500 BC cal some form of crisis is obvious, which might be result of new difficulties in accessing eastern alpine copper raw material. Furthermore, the changes in the Altmark with the appearance

of Tiefstich might be the reason for some kind of instability in the central Elbe and Saale region. As a result, the diversity of ceramic decoration, which seems to reflect the need for the expression of group boundaries, grows» [19, p. 424, 445, fig. 261].

Foundation of satellite settlements (during secondary colonisation – «Landesausbau») reduced the significance of central sites (and central institutions). In consequence smaller enclosures formed structural fixed points on a local level [19, p. 424, 445].

Culture heterogenization and hybridization

The phenomenon of cultural heterogenization was observed as early as the end of the 19th century. Units of this type were called syncretic cultures. Mixed cultures were considered by traditional archaeologists to be an example of deviation from the norm, that is, something special, an exception¹.

Cultural studies today question the definition of culture as a homogeneous entity with clearly delimited ranges [1, p. 47, 294]. Hybridization – combination of at least two different cultures [3] – takes place mainly in the periods of operation of globalization processes. Hybrids destabilize and blur cultural boundaries. Hybridity is contrary to the mechanisms of the center-periphery or world system relationship. The idea of hybridization helps to notice the processes of creating new identities and cultural forms [1, p. 293–295, 317].

In times of intensification of crisis phenomena in the most important settlement regions of Central Europe, vivid processes of culture, heterogenization and hybridization, are observed.

One of the examples of such a cultural hybrid in south-eastern Poland is the Wyciąże group of mixed Polgar-Baden character [8; 9; 20]. In the light of radiocarbon chronology the Wyciąże group is placed within the younger stage of the Proto-Baden horizon,

which means within 3500–3100 BC [25, p. 145].

Another cultural hybrid is the unit called Funnel Beaker – Baden, distinguished years ago on the basis of late materials from the site in Bronocice, BR IV – BR V phases [12; 13]. Another cultural hybrid is the unit called Funnel Beaker – Baden, distinguished years ago on the basis of late materials from the site in Bronocice [15, p. 123–127]. This hybrid is dated from 3300–2800 BC [16, fig. 20].

The above-mentioned hybrids developed in close proximity to a large crowd of so-called “normal” cultures. In the light of Marek Nowak’s latest studies [21] in the 4th millennium BC, the only unit present in western part of south-east Poland all this time was the Funnel Beaker Culture (3750–3100 with a maximum development between 3500 and 3300 BC). The settlement of the Lublin-Volhynia Culture (3900–3600 BC) occurs in the loess uplands between the Dłubnia in the west and the Nida in the east, and in the loess foothills near the Raba valley [21, fig. 2]. The late-Polgar group of Wyciąże-Złotniki (3900–3600 BC) is limited in its occurrence to the vicinity of Kraków-Nowa Huta and the foothills located directly south of the Vistula [21, fig. 2]. The population of the Funnel Beaker-Baden (3300–3100 BC) was limited to the settlement of the loess highlands between the Szreniawa and Nida rivers. To the west of the mentioned unit, i. e. to the west of Szreniawa and Raba, there were communities of the Baden culture (3100–2800 BC).

Communities of the hybrid group called Wyciąże, inhabited a small area where the population of Lublin-Volhynia Culture previously and to some extent at the same time lived, together with the late Polgar (Wyciąże-Złotniki) and Funnel Beaker Culture. Probably at the end of the existence of the Wyciąże group, it was contemporary to the Baden culture².

In Kuyavia throughout the 4th millennium BC, Funnel Beaker Culture settlement

¹ Kadrow S., Krzywda A., Naglik R. Wyciąże group and other heterogenic culture entities in 4th millennium of Central Europe. 2022. (in press).

² Kadrow S., Krzywda A., Naglik R. Wyciąże group and other heterogenic culture entities in 4th millennium of Central Europe. 2022. (in press).

was dominant. It was accompanied by traces of the presence of an epimezolytic population [4, fig. 3]. Final phase of Brześć Kujawski Culture survived probably in this region at the beginning of this millennium. Then its place was taken by the Globular Amphorae culture [4, fig. 3, 29].

The first heterogeneous cultural units in Kuyavia were the Matwy and Radziejw Kujawski groups in the mid of 4th millennium BC. Peculiar face of the Mątwy group was determined by the presence of elements of the Trypillia culture [10]. The second one is a local variation of the Funnel Beaker and Baden culture [22].

Particular intensification of the processes of heterogenization and cultural hybridization took place in the 4th millennium BC at Central Germany (*Mittel-Elbe-Saale Gebiet*). Side by side, numerous cultural units with different levels of advancement of syncretization processes and of different origins existed [19, p. 63–248, fig. 140–141] in a relatively small area [19, p. 57–58, fig. 5). As time passed, the hybridization process intensified.

As in the case of south-east Poland, the Funnel Beaker Culture was present throughout the millennium. Initially, apart from the aforementioned Funnel Beaker Culture, the tone was set by Michelsberg and Baalberge, with the participation of the Jordansmühl culture. Starting from the middle of the 4th millennium Baden Culture, Globular Amphorae Culture, Salzmünde and Bernburg and a whole series of syncretic local groups began to prevail [19, fig. 140–141].

Other examples, however not so intense processes of hybridization of cultures are also readable in other regions of central Europe [19, p. 427–438].

Horizons of the influence (infiltrations) of the steppe population in the areas of central Europe

In recent years, researchers distinguish stages of the influence of the steppe population in the areas of Central Europe to the north of the Carpathians [11; 24].

The oldest stage is represented by burials from a barrow in Hubinek in the western part of the Volhynia Upland (ca. 3000 BC). Three graves with Yamnaya culture features were discovered there.

The second stage is related to the barrows of the oldest horizon of Corded Ware culture (ca. 2900–2700 BC).

In the third period, burials in catacombs appear, showing similarities to the features of Dnieper culture features.

The fourth migration trend is represented by Bell Beaker culture burials (ca. 2400–2250 BC), however, the eastern steppe nature of this culture is problematic.

The fifth wave is represented by burial mounds from the beginning of Strzyżów culture (around 2000 BC). A barrow in Stryjów in the Lublin Upland is typical of them.

The above-mentioned stages of steppe influences were represented primarily by the infiltration of increasingly larger, with the passage of time, groups of the steppe population in Central Europe. Much earlier, around 3500 BC, circular mounds appeared in south-eastern Poland in the context of the Funnel Beaker Culture (for example in Malczyce), testifying to the influences of the steppe groups of an undefined nature [24, p. 3, fig. 15].

Due to such an early chronology, Eastern impulses had to come from the pre-yamnaya backgrounds represented by the Nizhne-Mikhailovka and Kvityana cultures [5, p. 47].

The main impetus of influences and migrations from the steppes was towards the lower Danube and then further south to Bulgaria and up the Danube to the eastern part of the Tisza river basin [5, p. 47]. The western direction, north of the Carpathians, was not subjected to such intense influence.

Conclusion

The Yamnaya culture, played an important role in shaping the gene pool of Corded Ware Culture and Bronze Age Europeans, which extends into present-day patterns of genetic variation in Europe [6]. The results of genetic tests confirm the significant share of

migration within the so-called steppe influences in the area of central Europe.

In the case of the lower Danube, intensive migrations from the east are already readable from 3300 BC. Their origins were related to the cultural units known as «preyamnaya», since the Yamnaya culture is dated only from 3050/3000 BC [5, p. 46].

To the north-east of the Carpathians, the beginnings of systematic migration from the steppes date back to around 3000 BC. Cultural communities of Zhivotilovka-Volchansk, Gordinești and early Yamnaya participated in them [24, p. 3].

In times of domination of horizontal network structures the phenomena of polyculturalism, heterogenization, multi-ethnicity [17, p. 8, 28, 161, 212] and heterarchy appear. At the same time hierarchical ties typical of the world system [23], or the relationship between the center and the periphery [2] are relegated to the background. Late antiquity (the spread of early Christianity; see «*The History of the Decline and Fall of the Roman Empire*»

by Edward Gibbon) and modern times («*Untergang des Abendlandes*» by Oswald Spengler or «*Le temps des tribus*» by Michel Maffesoli) are an excellent illustration of the flourishing of hybrid cultures [17, p. 164] in the conditions of a deepening socio-cultural crisis.

It goes without saying that the crisis of the late antique world facilitated the barbarians' invasions on the Roman state, or even encouraged them to do so and led to a complete restructuring of the world at that time.

Due to the coexistence of many of the same structural phenomena in both horizons (late antiquity and the second half of the 4th millennium BC in Central Europe), such as crisis, network connectivity, polyculturalism, heterogenization, hybridization, multi-ethnicity, migrations, heterarchy etc., the world of declining Rome can serve as an interpretive model for socio-cultural and economic phenomena and processes that took place 3500 years earlier.

Дата поступления в редакцию 28.09.2021

REFERENCES

1. Barker C. *Studia kulturowe. Teoria i praktyka*. Kraków, Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2005. 659 p.
2. Braudel F. *Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XV–XVIII siècle. Vol 1. Les Jeux de l'Echange*. Paris, Armand Colin, 1979. 551 p.
3. Canclini N. G. *Hybrid Cultures. Strategies for Entering and Leaving Modernity*. Minnesota, University of Minnesota Press, 1990. 280 p.
4. Cofta-Broniewska A., Koško A. *Historia pierwotna społeczeństw Kujaw*. Warszawa-Poznań, PWN, 1982. 285 p.
5. Frinculeasa A., Preda B., Heyd V. Pit-Graves, Yamnaya and Kurgans along the Lower Danube: Disentangling IVth and IIIrd Millennium BC Burial Customs, Equipment and Chronology. In: *Praehistorische Zeitschrift*, 2015, vol. 90 (1–2), pp. 45–113.
6. Juras A., Chyleński M., Ehler E., Malmström H., Żurkiewicz D., Włodarczyk P., Wilk S., et al. Mitochondrial genomes reveal an east to west cline of steppe ancestry in Corded Ware populations. In: *Scientific Reports*, 2018, no. 8 (1). DOI: 10.1038/s41598-018-29914-5.
7. Kadrow S. Concept of the 'stage of reduction and concentration of settlements' in the Neolithic studies. Demography, settlements and social conflict. In: *Documenta Praehistorica*, 2020, vol. 47, pp. 232–244.
8. Kadrow S., Krzywda A., Naglik R. Szarbia, site 7, Comm. Koniusza. Graves and settlements from the Neolithic to the Early Bronze Age. In: Naglik R., ed. *Szarbia, site 7, Comm. Koniusza. Settlements and Cemeteries from Neolithic to the Roman Period (Biblioteka Muzeum Archeologicznego w Krakowie 9)*. Kraków, Muzeum Archeologiczne, 2019, pp. 23–119.
9. Kadrow S., Krzywda A., Naglik R. Relics of the Eneolithic Wyciąże Group at Site 7 in Szarbia, Lesser Poland. In: *Slovenská archeológia*, 2020, vol. 68, pp. 307–316.
10. Koško A. *Udział południowo-wschodnioeuropejskich wzorców kulturowych w rozwoju niżowych społeczeństw kultury pucharów lejkowatych. Grupa mątewska*. Poznań, Uniwersytet im. Adama Mickiewicza, 1981. 222 p.

11. Koško A., Włodarczak P. A Final Eneolithic Research Inspirations: Subcarpathia Borderlands between Eastern and Western Europe. In: *Baltic-Pontic Studies*, 2018, vol. 23, pp. 259–291.
12. Kruk J., Milisauskas S. Wyżynne osiedle neolityczne w Bronocicach, woj. Kieleckie. In: *Archeologia Polski*, 1981, vol. 26, pp. 65–113.
13. Kruk J., Milisauskas S. Chronologia absolutna osadnictwa neolitycznego z Bronocic, woj. Kieleckie. In: *Archeologia Polski*, 1983, vol. 28, pp. 257–320.
14. Kruk J., Milisauskas S. *Rozkwit i upadek społeczeństw rolniczych neolitu*. Kraków, Instytut Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk, 1999. 403 p.
15. Kruk J., Milisauskas S. Bronocice. *The Chronology and Development of a Neolithic Settlement of the Fourth Millennium BC*. Kraków, Institute of Archaeology and Ethnology, Polish Academy of Sciences, 2018. 304 p.
16. Kruk J., Milisauskas S. *Real Time. Radiocarbon Dates and Bayesian Analysis of the Neolithic Settlement at Bronocice, Fourth Millennium BC*. Kraków, Institute of Archaeology and Ethnology, Polish Academy of Sciences, 2018. 153 p.
17. Maffesoli M. *Czas plemion. Schyłek indywidualizmu w społeczeństwach ponowoczesnych*. Warszawa, PWN, 2008. 253 p.
18. Milisauskas S., Kruk J., Pipes M.-L., Haduch E. *Neolithic human burial practices. The interpretation of funerary behaviors at Bronocice, Poland*. Kraków, Institute of Archaeology and Ethnology, Polish Academy of Sciences, 2016. 318 p.
19. Müller J. *Soziochronologische Studien zum Jung- und Spätneolithikum im Mittelbe-Saale-Gebiet (4100–2700 v. Chr.). Eine sozialhistorische Interpretation prähistorischer Quellen (Vorgeschichtliche Forschungen 21)*. Rahden/Westf., Verlag Marie Leidorf GmbH, 2001. 620 p.
20. Naglik R., ed. *Szarbia, site 7, Comm. Koniusza. Settlements and Cemeteries from Neolithic to the Roman Period*. Kraków, Muzeum Archeologiczne, 2019. 411 p.
21. Nowak M. The Funnel Beaker Culture in Western Lesser Poland: Yesterday and Today. In: *Archaeologia Polona*, 2019, vol. 57, pp. 79–101.
22. Przybył A. From south to north. Baden culture people and their neighbours. In: Urbańczyk P., ed. *The Past Societies. Polish Lands from the First Evidence of Human Presence to the Early Middle Ages*. Warszawa, Instytut Archeologii i Etnologii PAN, 2017, pp. 171–209.
23. Wallerstein I. *The Modern World System*. New York, Academic Press, 1974. 440 p.
24. Włodarczak P. Eastern impulses in cultural and demographic change during the end of the south-eastern Polish Eneolithic. In: Heyd V., Kulcsár G., Preda-Bălănică B., eds. *Yamnaya Interactions : proceedings of the International Workshop, Helsinki, 25–26 April 2019 (Yamnaya Impact on Prehistoric Europe 2)*. Budapest, Archaeolingua, 2021, pp. 1–27.
25. Zastawny A. Absolute chronology of the Baden Culture in Lesser Poland – New Radiocarbon Dates. In: Nowak M., Zastawny A., eds. *The Baden culture around the Western Carpathians (Via Archaeologica. Źródła z badań wykopaliskowych na trasie autostrady A4 w Małopolsce)*. Kraków, Krakowski Zespół do Badań Autostrad, 2015, pp. 191–219.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sławomir R. Kadrow – Dr. Sci. (Archeology), Prof., Institute of Archaeology, Rzeszów University;
e-mail: slawek.kadrow@archeologia.rzeszow.pl

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кадров Славомир Ромуальд – доктор археологии, профессор Института археологии Жешувского университета;
e-mail: slawek.kadrow@archeologia.rzeszow.pl

FOR CITATION

Kadrow S. Central European crisis, culture heterogenization and migrations from the steppes in Neolithic. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2021, no. 5, Circumpontica, iss. III, pp. 9–15.

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-5-9-15

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Кадров С. Центральноевропейский кризис, неоднородность культуры и миграции из степей в неолите // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 5. Циркумпонтика. Вып. III. С. 9–15.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-5-9-15

УДК 575; 903;94

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-5-16-35

ПОПУЛЯЦИОННАЯ ИСТОРИЯ КАВКАЗА В ЭПОХУ НЕОЛИТА И БРОНЗЫ С ПОЗИЦИИ ПАЛЕОГЕНЕТИКИ

Коньков А. С.*Центр палеоэтнологических исследований**109012, г. Москва, Новая площадь, д. 12/5, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Определить роль эпохи неолита и бронзы в популяционной истории Кавказа между палеолитом и современностью.

Процедура и методы. В статье сделан анализ данных, опубликованных в литературных источниках и полученных при помощи разных биоинформационных методов и алгоритмов.

Результаты. Установлено, что период с позднего неолита до ранней бронзы был вторым после позднего палеолита периодом популяционных перестроек в горной зоне Кавказа. Создана модель генезиса населения в ареалах разных археологических культур и их связей с другими регионами.

Теоретическая и/или практическая значимость. Автором оспорены тезисы о генетической непрерывности в популяционной истории Кавказа, популяционной однородности в эпоху бронзы и односторонней проводимости с юга на север. Постулирована необходимость изучения популяционной гетерогенности горной зоны Кавказа и его связей с верхней Месопотамией. Приведены аргументы в пользу обособленности кубано-терской культуры и возможности влияния горцев на генофонд долинской культуры.

Ключевые слова: Кавказ, генетика, палеодНК, неолит, бронза, разлом в популяционной истории

POPULATION HISTORY OF THE CAUCASUS DURING THE NEOLITHIC AND BRONZE AGE FROM THE STANDPOINT OF PALEOGENETICS

A. Konkov*Paleoethnology Research Center**Novaya pl. 12/5, Moscow 109012, Russian Federation*

Abstract

Aim. The purpose of this work is to determine the role of the Neolithic and Bronze Age in the population history of the Caucasus between the Paleolithic and Modernity.

Methodology. Comparison of published data from literature sources obtained by different bioinformatics methods is the main approach.

Results. The period during the Late Neolithic to the Early Bronze Age was the second period of population rearrangements after the Late Paleolithic in the mountainous zone of the Caucasus. A model of the populations' genesis in different areas and the connections with other regions has been created.

Research implications. The ideas about genetic continuity in the Caucasus population history, their population homogeneity in the Bronze Age, and one-sided conduction from south to north are disputed by the author. The research postulates that real population heterogeneity and its connections with Upper Mesopotamia must be further studied. The arguments for existence of separate Kuban-Tersk culture and possibility of highlanders impact on the Lola culture population are presented.

Keywords: Caucasus, genetics, ancient DNA, Neolithic, Bronze, rift in population history

Введение

В человеческой истории, особенно в её бесписьменный период, важно понять, как передача и смена культурных традиций может быть сопоставлена с возможной диффузией и сменой населения. Движение культурных явлений не всегда предполагает обязательное движение населения, но оно его допускает. Если археология – ключевой инструмент для изучения истории человеческой культуры (и при отсутствии исторических источников этот метод вообще ведущий), то антропология и генетика – ключевые инструменты для изучения истории её носителей. Это вызывает закономерный интерес к сравнению их данных. Особенно здесь привлекательно сопоставление именно археологии и генетики, т. к. методы генетики более молодые и могут дать свежий угол зрения на старые проблемы.

Последнее десятилетие отличается не только активным внедрением методов генетики в сферу исторических исследований, но и получением относительно внятной картины истории населения большинства регионов. Этот процесс связан как с усовершенствованием самих технологий биохимического анализа древней ДНК и биоинформатической обработки данных, так и со значительным расширением информации о проанализированных с позиции генетики археологических объектах, а вместе с ними и о современных популяциях [11; 16; 17; 25; 29].

К настоящему моменту опубликован ряд основательных работ, как по древнему, так и по современному населению Кавказа [1; 12; 14; 15; 17; 19; 20; 21; 22; 23; 26; 29; 32; 33]. Важно, что кроме непосредственно самого кавказского региона получена относительно полная информация и о палеогенетической истории окружающих его областей [12; 15; 17; 20; 22; 23; 26; 27; 28; 29; 30]. Для Кавказа это очень важно, т. к. его древняя история плотно связана с историей соседних регионов

Причерноморья и Ближнего Востока [4; 5; 6; 7; 8; 9; 10]. На Кавказе обнаружены оба случая – как совпадения, распространение культурной информации её носителями, так и несинхронность этих процессов. Пример первого – распространение разных групп северокавказских языков с мужским населением у абхазо-адыгских и нахско-дагестанских народов [14]. Пример второго – отсутствие резких популяционных отличий между населением разных археологических культур [12].

Все существующие примеры несоответствия популяционной истории населения с соответствующей им историей культурных традиций требуют пристального рассмотрения для правильной интерпретации прошлого. В этом отношении стоит выделить работу А. С. Конькова «Популяционные связи носителей культуры шаровидных амфор, воронковидных кубков и шнуровой керамики согласно данным палеогенетики» [1] и исследование В. А. Трифонова и др. «Генетическое разнообразие древних народов Кавказа и сопредельной степи в эпоху энеолита – бронзы (V–II тыс. до н. э.): основные результаты и проблемы культурно-исторической интерпретации» [12]. Но сопоставление данных генетики и археологии часто не только не проясняет историческую картину, но создаёт неверные и ошибочные интерпретации. Более внимательное сравнение той же информации позволяет прийти к совершенно иным выводам. Потому при сопоставлении данных генетики и археологии очень важно рассмотреть под новым углом ключевой для населения Кавказа период – эпоху неолита и бронзы.

Популяционный контекст истории Кавказа в период палеолита и мезолита

Самые древние образцы палеоДНК с Кавказа, которые имеются в доступе у исследователей, происходят из пещер Дзудзуана (26 тыс. лет) и Сацурблия (воз-

растом 25 тыс. лет). Существование связанных с ними популяций предшествует по времени последнему ледниковому максимуму [17; 19]. Следом за ними по возрасту идут геномы из той же пещеры Сацурблия, но возрастом 13 тыс. лет назад, и Котиас возрастом 9,7 тыс. лет, которые до недавнего времени считались самыми ранними для этого региона [19].

Образцы периода, предшествующего последнему вюрмскому оледенению, формируют между собой единый кластер, который не схож ни с одной кавказской группой более позднего времени, включая даже поздний палеолит. Они также отличны и от любой другой известной группы до эпохи вюрмского оледенения в Западной Евразии. Но вместе с тем при всём своём своеобразии этот кластер находится в пределах изменчивости западноевразийских популяций древних эпох и современности. Наблюдается даже некоторое тяготение первых жителей Кавказа к южноевропейскому палеолитическому населению близкому могильнику Вилабранья [17]. Возможно, это указывает если не на общее происхождение, то на какие-то популяционные контакты прародителей обеих групп во время их расселения.

Геном из позднего слоя Сацурблии, датированный 13 тыс. годами, представляет верхний палеолит и соответствует концу дриаса [19]. Это указывает на то, что Кавказ начал заселяться ещё до окончания ледникового периода. Причём это произошло в его холодную фазу, т. к. дриасовый период сопровождался ухудшением климатической обстановки и общих условий жизни. Более молодая стоянка Котиас, возрастом 9,7 тыс. лет, датируется уже окончанием ледниковой фазы – началом голоцена. Она связана с мезолитом. Генетические отличия между образцами Котиаса и Сацурблии неразличимы [19]. Это говорит не просто о единстве, но, что важнее, ещё и о преемственности между населением 2 разных эпох верхнего палеолита и мезолита, живших в разных

климатических обстоятельствах [12]. Дриасовое похолодание не уничтожило группы первопоселенцев, а наступление голоценового потепления не привело к притоку новых генетически отличных пришельцев в мезолите.

Палеолитическо-мезолитические обитатели Котиаса и Сацурблии формируют свою самостоятельную группу, которая обозначена в публикациях по генетике населения как CHG (*Caucasian hunter-gatherer*) – кавказские охотники-собиратели [19; 32]. По своему происхождению они явно связаны с иранскими охотниками-собирающими раннего голоцена из Хоту и Ганжи-Даре [32]. Они им не идентичны, но на них похожи. Поэтому изначальные отношения с этими группами или вычленение притока населения с иранской примесью на Кавказ будут требовать более чёткого разграничения в будущих исследованиях.

Дальше отстоят от предков кавказских охотников-собирающих предки анатолийских охотников-собирающих, ядро которых стало основой генофонда ранних земледельцев, пришедших в Европу с аграрной революцией [24]. Разница между кавказскими охотниками-собирающими и анатолийскими оценивается в 25 тыс. лет. Но, на наш взгляд, это требует пересмотра, т. к. эта оценка основана на сравнении с ранними земледельцами, которые кроме местного анатолийского ядра имеют ряд включений от мигрантов со стороны Ирана и Леванта, прибывших туда в эпохи керамического и докерамического неолита.

Ещё более далеки по родству от верхнепалеолитических обитателей Кавказа предки автохтонных охотников-собирающих из Европы и Леванта.

Первое население Кавказа, которое освоило его ещё до вюрмского оледенения, из Дзудзуаны и раннего слоя Сацурблии резко отличается от всех более поздних обитателей региона. Оно представляет самостоятельную группу, возможно, связанную с южноевропейским

населением палеолитической Европы, которое полностью сменилось в период максимума оледенения. Вторая генерация кавказских охотников-собирателей, пришедшая на смену, имела иное происхождение. Её близость к обитателям Ирана говорит о том, что эта группа переселилась из более южных областей близких к Иранскому нагорью. Заселение Кавказа этими людьми произошло ещё в суровую ледниковую фазу. Климатическое ухудшение дриаса не вызвало их депопуляцию, а улучшение природных условий при окончании ледниковой эпохи не привело к заселению Кавказа новым генетически отличным населением. Пережив изменение климата, кавказские охотники-собиратели второй волны вступили из позднего палеолита в мезолит.

Популяционная история Кавказа в неолите

Начало эпохи неолита пока не детектируется палеогенетической летописью в этом регионе. Но известно, что в эпоху докерамического неолита, в период 8,3–7,8 тыс. лет до н. э., в Малую Азию ограниченно переселялись близкие кавказским собирателям выходцы из Иранского нагорья, которые внесли в некоторые южные районы Анатолии 10% примеси в генофонд [18]. Могли ли в этом участвовать группы выходцев из Кавказа, пока неизвестно, но потенциально это допустимо и исключать этого нельзя. В свою очередь, и иранские группы потенциально могли прийти не только на запад, в Малую Азию, но и на север, затронув южные области Кавказа.

При наступлении керамического неолита, в период от 7 до 6 тыс. лет до н. э., начинается активное расселение выходцев из Леванта в Анатолию. Это распространение внесло ощутимую 20% левантийскую примесь и охватило уже не отдельные локальные зоны, а большую часть Малой Азии [18]. Будучи интенсивным, это левантийское влияние могло охватить и Закавказье, но в поль-

зу этого прямых эмпирических данных пока не найдено, но не стоит этого и исключать.

Конец неолита и начало вступления в эпоху металла в энеолите, с середины VII тыс. до н. э., отличались серией мощных перемещений масс людей от Мраморного моря до гор Загроста, что привело к распространению анатолийского компонента в Иране и новое распространение иранского компонента в Анатолии. В итоге в пространстве от Турции до Ирана сформировались метисированные популяции, генофонды которых включали оба компонента, на востоке была выше доля иранского компонента, а на западе – анатолийского [29].

Примечательно, что данный процесс популяционной перетасовки не затронул в текущий период Левант. Он остался в стороне от перестроек генофонда в гористых регионах между Малой Азией и Иранским нагорьем [29].

Южные районы Кавказа оказались в пределах этого перемещения. И если предположения о влиянии Анатолии на территории Кавказа в два предыдущих периода, соответствующих по времени докерамическому и керамическому неолиту, гипотетичны, то формирование анатолийско-иранского градиента в финале неолита уже напрямую оказало влияние на генофонд древних обитателей Кавказа. Оно установлено для поселений шулавери-шомутепинской культуры Ментеш-тепе и Полутепе, датированных соответственно 5,7–5,6 и 5,6–5,4 тыс. до н. э., которые территориально расположены как раз между населением Ирана и Анатолии того времени [29]. В образцах шулавери-шомутепинской культуры закономерно преобладает иранский компонент над анатолийским. Для Армении, Грузии, находящихся в этом же коридоре смешения между Анатолией и Ираном, пока остаётся лагуна, где у исследователей нет данных. Отсутствует и информация по Северному Кавказу, поэтому пока невозможно сказать, как эти события в

горных районах Передней Азии отразились на северных областях региона.

Несомненно, что конец неолита стал периодом активации популяционно-генетических процессов в южных районах Кавказа. Здесь началось формирование нового генофонда за счёт встречного движения и смешения потомков анатолийских и иранских охотников-собирателей. В отношении северных районов Кавказа генетика пока ещё не располагает надёжными данными.

Популяционная история Кавказа в энеолите

Для этой эпохи характерны данные по Армении и Северному Кавказу. Ранний энеолит из Армении представлен памятником Арени, датируемым 4,3–3,7 тыс. до н. э. [21]. Северный Кавказ представлен памятником Дарквети-Мешоковской культуры из Адыгеи – Унаказово, датируемым серединой V тыс. до н. э. [32].

В энеолите структура генофондов кавказских популяций юга региона была унаследована в том виде, в каком она сложилась в финале неолита [20; 29; 31]. Генетические черты жителей Южного Кавказа этого периода полностью укладываются в структуру того анатолийско-иранского тренда, который был сформирован в конце неолита [29]. Не исключено, что на локальном уровне, в отдельных районах ещё могли продолжаться какие-то перемещения групп населения, завершая процессы смешения, начатые ещё в конце неолита. Но в медном веке новых изменений здесь уже не происходило.

Северный Кавказ вступил в полосу трансформаций, войдя в неё, вероятно, с некоторым опозданием. Пришельцы с юга вместе с носителями дарквети-мешоковской культуры приносят на северные склоны Кавказского хребта анатолийский и иранский компоненты. Генофонд Северного Кавказа, существовавший здесь с эпохи оледенения, в медном веке впервые изменился [32]. Эти изменения были существенны, т. к. переселенцы, прибывшие

на Северный Кавказ, поглощали прежних обитателей. Существенная часть генофонда кавказских охотников-собирателей сохранилась и вошла в состав нового населения. Она стала одним из основных его компонентов. Но автохтонный компонент перестал быть преобладающим [32].

Данные палеогенетики согласуются с данными археологии. Появление на Северном Кавказе дарквети-мешоковской культуры с выходцами из более южных районов уже отмечалось А. Д. Резепкиным, проявляясь, в частности, в неожиданной смене керамических традиций и инвентаря [10].

Неполнота палеогенетического материала, конечно, не может исключать проникновение выходцев с юга в более ранний период. Однако это событие не могло произойти раньше позднего неолита, т. к. активная метисация анатолийского и иранского кластера в северных районах Западной Азии не происходила раньше этого времени [29]. А геном из дарквети-мешоковской культуры схож с позднееолитическим и энеолитическим населением Закавказья [32]. Степные популяции из Восточной Европы эпохи неолита, которые получили существенный приток выходцев из Кавказа, несут компонент кавказских охотников-собирателей и анатолийской примеси. Анатолийского компонента, изменившего население горной зоны Кавказа, нет и у энеолитических обитателей Предкавказских равнин. Но это событие в горных районах Северного Кавказа не могло произойти позже энеолита, т. к. геном, связанный с дарквети-мешоковской культурой и новыми генетическими характеристиками, датируется медным веком [32].

Эти факты подтверждают прибытие нового населения на Северном Кавказе вместе с распространением здесь традиций дарквети-мешоковской культуры.

Энеолит завершил трансформацию исходного генофонда Кавказа за счёт притока носителей анатолийского и иранского компонентов. В южных обла-

стях она произошла ещё в прошлую неолитическую эпоху, и период энеолита здесь только стабилизировал новый популяционный облик. Северные же области Кавказа оказались охвачены процессами популяционных изменений только в медном веке. Их проводниками на Северный Кавказ были носители дарквети-мешоковской культуры.

Популяционная история Кавказа в начале бронзового века

Когда медный век стал меняться на эпоху бронзы, и непосредственно в начале эпохи бронзы на юге Кавказа распространяется куро-аракская культура, сместившая здесь шулавери-шомутепинские традиции. Для куро-аракского ареала есть данные по Армении (Капс, Талин и Калаван), датируемые периодом 3,6–2,4 тыс. до н. э., и Дагестану – из Великентского могильника, датируемого 2,8–2,5 тыс. до н. э. [21; 32].

В это же время к северо-востоку от куро-аракского ареала в Азербайджане возникает лейлатепинская культура – есть данные об одном образце из могильника Алхантепе в Азербайджане, датируемые 3,8–3,6 тыс. лет до н. э. [29].

В западных районах Северного Кавказа синхронно с куро-аракской и лейлатепинской культурами происходит появление и экспансия традиций галюгаевско-серёгинских поселений, часто связываемых с так называемой майкопской культурой. В распоряжении генетиков есть материал из раннего и более позднего этапа этой традиции:

– ранний этап представлен памятниками Ногир, Марьинская-5, Баксанёнок (3,7–3,4 тыс. до н. э.):

– поздний этап – более поздним слоем из Марьинской-5, Синюха (3,35–3 тыс. до н. э.) [32].

Также в научном обиходе есть материал по новосвободненской культуре из памятника Клады. Доступные образцы в анализе датированы периодом 3,7–3 тыс. до н. э. [32].

Происхождение традиций куро-аракской, лейлатепинской культур и галюгаевско-серёгинских поселений связывается с новыми южными переселенческими волнами, охватившими Кавказ. В случае лейлатепинской культуры и галюгаевско-серёгинских поселений они связываются с Северной Месопотамией, а по культурной атрибуции, согласно разным взглядам археологов, либо с убейдской, либо с урукской культурами [3; 6].

Археологические сдвиги, связанные с появлением новых культур на Кавказе, отразились на популяционном уровне следующим образом. Население куро-аракской культуры (во всех областях, где был изучен палеогенетический материал), лейлатепинской и галюгаевско-серёгинских поселений в основном унаследовало генофонд энеолитической эпохи. Но получило в свой генофонд дополнительную, по сравнению с предыдущим периодом, примесь компонента иранских охотников-собирателей [29; 32]. Доля этого вклада отличалась у представителей разных археологических традиций: у носителей куро-аракской культуры увеличилась на 25%, у населения более северной новосвободненской традиции – до 37%. Обитатели галюгаевско-серёгинских поселений, не связанные (3,7–3,4 тыс.) до н. э., первоначально не испытали внедрения носителей иранского компонента. Но в более поздней группе, датируемой периодом 3,4–3 тыс. до н. э., они уже получили 10% примесь [32].

Перемещение носителей иранского компонента в разные зоны Кавказа создало вполне реальные генетические отличия между населением куро-аракской культуры, лейлатепинской и жителями галюгаевско-серёгинских поселений. В связи с этим никак нельзя согласиться с выводом о гомогенности кавказского населения эпохи бронзы. В реальности, наоборот, наблюдается неравномерность, которая проявляет себя в ощутимых различиях по вкладу иранского компонента в генофонд разных кавказских

групп [32]. Но здесь важно оговориться, что процессы конца неолита и энеолита существенно сблизили всё население Кавказа, Малой Азии и Ирана. Различия между всеми популяциями этих мест существуют, но весьма не существенны [25; 32]. При переселении новых пришельцев с иранским компонентом на Кавказ, хотя и возникали реальные популяционные сдвиги и они по-разному отражались в отдельных локальных группах, в эпоху бронзы их популяционные следствия были не так масштабны. Здесь смешивалось хотя и отличающееся, но популяционно схожее население.

Увеличение доли иранского кластера на Кавказе, несомненно, было результатом нового перемещения с юга. Но откуда оно происходило? Учитывая, что с начала эпохи бронзы доля компонента иранских охотников-собирателей увеличилась не только на северных склонах Кавказа и в Дагестане, но и в Армении и Азербайджане [32, 29], оно должно было распространяться из более южных или восточных районов, чем Закавказье. Вероятно, оно шло или со стороны Загроса, или из Северных районов Месопотамии. Данные археологии, которые связывают корни многих кавказских культур ранней бронзы с убейдскими или урукскими древностями, больше согласуются с Месопотамской зоной исхода. К сожалению, в настоящее время у палеогенетики нет информации о Месопотамии. В отличие от других регионов к югу от Кавказа – Леванта и Ирана – она остаётся белым пятном.

Важно ещё обратить внимание на то, что на территории Северного и Южного Кавказа переселялись не потомки чистых иранских охотников-собирателей мезолита, а люди, которые на своей родине несли существенную примесь и компоненты анатолийских охотников-собирателей (после смешения в конце неолита, описанного выше) [29; 32]. Но при этом в смешанной композиции у этих людей всё же была выше доля своего исходно-

го иранского компонента, чем у жителей более западных областей в силу неравномерности этого смешения и появления упоминавшегося западно-восточного градиента [21; 25; 32]. Она и создаёт генетическое отличие иранской группы при сравнении с населением Анатолии, Северного Кавказа и Закавказья.

Если суммировать эти факты, то для начала эпохи бронзы вырисовывается следующая картина. В начале эпохи бронзы на Северный Кавказ и Закавказье прибывает новая группа мигрантов с высокой долей компонента иранских охотников-собирателей. Сопоставление с материалами археологии указывает на её наиболее вероятное происхождение из северной Месопотамии. Хотя для полного подтверждения этого предположения будут необходимы новые образцы ДНК из Междуречья. Вклад новых переселенцев изменил энеолитический генофонд Кавказа и создал в нём неравномерность, которая проявилась в отличающейся доле пришельцев у населения разных археологических традиций. Но в силу того, что к эпохе энеолита обитатели Северного и Южного Кавказа, восточной Анатолии и западного Ирана уже обрели значительное сходство, возникшая неоднородность кавказского населения не была столь существенна. Она проявляет себя на небольших масштабах, а на глобальном уровне различия между популяциями Западной Евразии этой эпохи практически неразличимы. Результаты популяционных трансформаций на Кавказе эпохи ранней бронзы уступали по своему значению изменениям в эпохи энеолита и неолита.

Популяционная история Кавказа в середине и конце эпохи бронзы

Середина эпохи бронзы на Северном Кавказе отмечена появлением северокавказской и дольменной культур. Ареал первой занимал центральные горные районы, ареал второй охватывал области западнее Карачаево-Черкессии вплоть до

черноморского побережья. Кроме них представлено ещё 2 памятника средней и поздней бронзы – Кудухурт и Кабардинка, которые могут представлять особые традиции.

Если существование дольменной культуры признаётся всеми археологами, то в отношении северокавказской культуры существует много фактов о том, что в реальности это – искусственное образование, объединяющее в себе разные традиции, как это было установлено Н. А. Николаевой [4].

В палеогенетическом отношении дольменная культура представлена одним образцом из могильника Марченкова Гора в окрестностях Геленджика, датированного 1,4–1,2 тыс. до н. э. Северокавказская культура в горной зоне (как её называют некоторые археологи) представлена широким кругом памятников: Лысогорская 6, Горячеводский 2, Белый угол 2, Марьинская-5, Прогресс-2, в Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии и Ставрополье, датированным периодом 2,9–2,3 тыс. до н. э. Кроме этого, в научном обороте доступны геномы из 2 памятников этого периода, не относимых к какой-либо традиции: Кабардинка (2,2–2 тыс. до н. э.), Кудухурт (1,9–1,7 тыс. до н. э.) [32].

В генетическом отношении население горной зоны во всех этих традициях и памятниках целиком унаследовало генофонд популяций региона начала эпохи бронзы. Возможно, только у носителей дольменной культуры произошло существенное снижение доли иранского компонента. Но дольменная культура пока представлена 1 образцом, и на современном состоянии знаний нельзя утверждать, насколько этот факт репрезентативен и отражает в реальности ситуацию, характерную для населения этой культуры [32].

На Южном Кавказе, в Армении, местное население также наследует генофонд эпохи бронзы с куро-аракского времени. Хотя полногеномных данных по данной

эпохе пока немного. Одним из них является могильник Катнахпур, датированный серединой II тыс. до н. э. (1,5–1,4 тыс. до н. э.). По своим характеристикам он совпадает с полными геномами куро-аракского периода [21; 32]. Население лчашено-мецаморской культуры из второй половины II тыс. до н. э. охарактеризовано по своему митохондриальному генофонду [22]. Установлено, что оно в значительной степени унаследовало ту структуру, которая сложилась на Армянском нагорье 7 тыс. лет назад, т. е. как раз с позднего неолита, когда формируется основа генофонда популяций Кавказа, существовавшая с этого времени до конца эпохи бронзы [22]; он был только несколько изменён миграциями из Ирана на рубеже энеолита и бронзы.

Середина и конец бронзового века – стабильное время для популяционной истории горной зоны Кавказа. В своих культурных трансформациях эта эпоха не отразилась какими-либо значимыми изменениями в генофонде ни северной, ни южной части региона.

Популяционная история Кавказа в финале эпохи бронзы – начале железного века

На рубеже эпох бронзы и железа в конце II – середине I тыс. до н. э. в горной части Кавказа распространяется кобанская культура.

Как считают многие исследователи, именно её период был ключевым для этногенеза уже современных народов Северного Кавказа.

В распоряжении исследователей по палеогенетике кобанской культуры есть данные 2 могильников эпохи железа – Клин Яр и Заюково-3. Эти образцы не были подвергнуты полногеномному анализу и проанализированы только с позиции изменчивости митохондриальных и Y-хромосомных маркеров [15].

Женский генофонд населения целиком унаследован от ранних эпох и высоко сходен с генофондом современных наро-

дов этой области [33]. Выводы о мужском генофонде требуют большей осторожности в силу небольшой выборки и меньшей информативной ёмкости таких данных для малых выборок в сравнении с полногеномными данными. В них наблюдаются как признаки преемственности от населения предыдущих периодов, что видно по присутствию гаплогруппы G2a1a, так и признаки притока населения из степной равнины [14; 33]. На это указывает присутствие гаплогруппы R1b1a1b, связанной со степным поясом Восточной Европы и восточноевропейской гаплогруппы D1a2a, несомненно, принесённой миграциями из восточных районов евразийского степного пояса [16].

Таким образом, начиная с кобанского времени раннего железного века на Кавказе популяционные процессы вновь активизируются. И впервые проявляются признаки не единичного, а масштабного вторжения в среду горных популяций, которое оставляет видимый отпечаток в генофонде. Однако внятная оценка его масштаба потребует и расширения выборки, особенно для однородительских памятников, и применения полногеномного анализа.

Популяционная история Кавказа в более поздние эпохи

Популяции Северного Кавказа, начиная с эпохи железа, вступили в полосу трансформаций, отразившихся на их генофонде. И более того, миграционные процессы изменили своё направление. Если до конца эпохи бронзы, все переселенческие процессы, менявшие генетический облик обитателей Кавказа, шли только юга, из более южных областей Ближнего Востока, то в следующие эпохи эта ориентация связей изменилась. Трансформация генофонда Кавказа происходила под влиянием переселенцев с севера, из Причерноморских степей [32].

Возможно, они начались в кобанское время [15], но могли происходить и в более поздние периоды – Античность и

Средневековье, например, в период переселения алан и другие этапы. Вклад пришельцев из степных районов Восточной Европы на северных склонах Кавказского хребта оставил ощутимый отпечаток, равный 10–20%. Часть носителей этого компонента даже просочилась на его противоположную сторону – в Грузию и Армению, внося 5% примеси в генофонды абхазов, грузин и армян. На Северном Кавказе приток из степи охватил в большей степени западную часть Кавказского региона. Восточную половину он затронул в меньшей степени [33].

История Армянского нагорья, напротив, отличалась противоположными чертами. Генофонд современных армян, если не считать упомянутой незначительной примеси с севера, в значительной степени стабилизировался. Унаследовав генофонд эпохи бронзы, он более не менялся. Женский митохондриальный генофонд, начиная с лчашенско-мецаморской культуры вплоть до нашего времени, вообще не подвергся изменениям в своей структуре [22]. Учитывая, что ряд важных для армянского этногенеза эпох (существование государства Урарту, античные и средневековые армянские государства Ервантидов, Великая Армения Арташесидов, держава Багратидов, оккупация Армении соседними государствами) попадает в этот интервал, следовательно, в течение всего этого бурного времени генофонд армян сохранял свой облик. Популяции армян не затронуло и влияние центральноазиатских кочевников, в отличие от соседних тюркоязычных популяций, которые испытали ограниченное воздействие переселенцев из степного пояса Евразии [22]. Поэтому популяции современных армян – прямые наследники древних популяций Армянского нагорья бронзового века.

Генофонд современного Азербайджана и особенно Грузии охарактеризовать в этом отношении сложнее, т. к. по этим странам немного данных на весь период от бронзового века до современности. В

Азербайджане это только памятник лейла-тепинской культуры из Алхантепе [29], а в Грузии какие-либо палеогенетические материалы просто отсутствуют. Но достаточно выраженное сближение современного населения Грузии и Азербайджана к древнему населению Закавказья, Восточной Анатолии и Западного Ирана эпох энеолита и бронзы предполагает если и не полную, то значительную его преемственность [21; 32; 33].

После начала эпохи железа популяционная динамика в южных областях Кавказа характеризовалась стабилизацией, а в северных районах – новым витком трансформаций. Но по своей интенсивности влияния с севера уступали влияниям эпох бронзы и энеолита, оставив более слабый отпечаток в генофонде жителей Северного Кавказа. Ни в одной части Кавказа новые процессы не изменили его популяционно-генетического ядра. Фундамент своего генофонда местные насельники унаследовали от эпох энеолита и бронзы.

Взаимосвязь популяционной истории Кавказа со степной зоной Восточной Европы

Для Кавказа были характерны миграционные связи с Восточной Европой – это был мост между Ближним Востоком и Восточной Европой.

Уже в неолите с северных склонов Кавказа начинается движение населения в степную зону, ещё до того, как популяционные процессы между Малой Азией и Ираном окажут влияние на Северный Кавказ, охватив и равнины Причерноморья. Влияние первой волны выходцев с Кавказа далеко проникло на север и охватило удалённые от зоны его предгорий территории Среднего Поволжья, о чём говорят данные могильника Хвалынский-2 [32]. При этом оно не оказало влияния на неолитическое население украинских степей [32]. Не затронутой им оказалась и лесная зона Восточной Европы [27]. Поэтому какие-то возможные миграции

из Кавказа до неолита, скорее всего, носят спорадический характер.

Итогом исхода населения из горной зоны Северного Кавказа стало включение в генофонд равнинных популяций Поволжья и Предкавказья компонента кавказских охотников-собираателей, чьё влияние заместило половину генофонда восточноевропейских охотников-собираателей. При этом анатолийский и иранский компоненты здесь отсутствуют [16; 21; 23; 25; 32].

В эпоху энеолита, конца IV тыс. до н. э., население Предкавказья, представленное могильниками Прогресс-2 и Вонючка (4,3–4,1 тыс. до н. э.), продолжает сохранять в равном отношении компоненты восточноевропейских и кавказских охотников-собираателей. При этом в его генофонде отсутствуют анатолийский и иранский компоненты, как и у синхронных ему по времени жителей горной зоны, представленных носителями дарквети-мешоковской культуры [32].

Все эти факты свидетельствуют о том, что:

1. в эпоху неолита ближневосточные популяционные процессы к югу от Кавказского хребта не достигли степной зоны Восточной Европы и Северного Кавказа;

2. первая миграция со стороны Северного Кавказа в степь была самостоятельным, независимым от ближневосточных перемещений, процессом;

3. в энеолите появление носителей дарквети-мешоковской культуры связано с населением новой популяционной формации на Северном Кавказе, проникшим сюда с юга; в этот период переселенческие процессы на Ближнем Востоке уже затронули северные районы Кавказа;

4. в медном веке эти новые обитатели горной зоны Кавказа, пришедшие с дарквети-мешоковской культурой, не повлияли на степное население даже в подгорной зоне.

В эпоху ранней бронзы степь могла подвергнуться влиянию второй мигра-

ционной волны со стороны Кавказа, которая предполагает участие сообществ галюгаевско-серёгинских поселений, взаимодействовавших с популяциями ямной культуры [6]. В пользу этого говорит новое повышение общей доли кавказского компонента у степных популяций, и появление его у всех обитателей степного пояса [32]. В прошлую эпоху кавказский компонент здесь был широко распространён, но охватывал не всю территорию. В степных популяциях Предкавказья, соседних с галюгаевско-серёгинскими поселениями, которые были условно объединены в группу «степной Майкоп», встречались выходцы из горной зоны. Эти люди имели анатолийскую и иранскую примесь, отсутствующую в синхронных им памятниках степной зоны, но присутствующую в горной зоне Кавказа эпохи бронзы [32]. В связи с этим не согласимся с авторами одной из работ об автономности степного генофонда и отсутствии вклада каких-либо миграций с юга в эпоху бронзы [12]. Эти популяционные влияния существовали, даже если они были и не так значительны.

Важно подчеркнуть, что анатолийский компонент в бронзовом веке в этот период распространяется в степную среду ямного населения и из другого источника – с запада [31; 32]. Возможно, при посредничестве представителей культуры шаровидных амфор [1]. И специальное моделирование отделяет это западное влияние на Предкавказские степи от южного, идущего из горных областей [32]. Предкавказские степи находились под влиянием 2 миграционных потоков, принесивших сюда анатолийский компонент. Но появление этих компонентов в группе степного Майкопа, в отличие от прочих популяций равнинных областей, связано именно с исходом со стороны Кавказа.

Появление западных пришельцев из Центральной Европы, повлияв на степную зону предкавказских равнин, не отразилось в популяционном отношении

на обитателях горной зоны. Если какие-то группы проникали на Северный Кавказ, они растворялись среди горцев. Не исключено, что такая ситуация происходила при генезисе новосвободной культуры, и, по мнению А. Д. Резепкина, была связана с культурой шаровидных амфор [9]. В пользу этого свидетельствуют данные митохондриальной ДНК [26], но этот след не детектируется полногеномными маркерами среди изученных древних геномов [32]. Правдоподобно предположить, что пришедшие на возвышенности западные мигранты передали на северо-западный Кавказ отдельные культурные традиции из Центральной Европы, например, мегалитический обряд и особенности керамики. Но в популяционном отношении они были полностью поглощены местными горными обитателями [1; 4; 6; 7; 9; 26; 32].

Сложившийся в Предкавказье генофонд местных популяций ямной культуры (периода 3,3–2,4 тыс. до н. э.) несколько изменился по отношению к энеолиту под воздействием указанных западных и южных влияний из Центральной Европы и Северного Кавказа. Но даже после впитывания кавказских миграционных импульсов он сохранил свою обособленность от популяций горных районов [32].

Генофонд ямников был унаследован носителями более поздних культур равнинной зоны эпохи бронзы: катакомбной (периода 2,6–2,2 тыс. до н. э.), лолинской (датируемой периодом 2,2–1,8 тыс. до н. э.), также степными представителями северокавказской культуры (периода 2,8–2,5 тыс. до н. э.) [32]. На популяционных отношениях между жителями каждой из этих культур и жителями горной зоны стоит остановиться подробнее.

Представления о генезисе катакомбной культуры, формирование которой происходило без смены населения при усилении мегалитической идеологии, соответствуют фактам, наблюдаемым со стороны палеогенетики [4; 7; 8; 32]. Ми-

грационные импульсы из горной зоны эти люди не принимали [33].

Лолинская культура, согласно данным генетики, также возникла на основе равнинного населения, близкого ямной культуре без метисации с горцами, хотя предполагалось, что её формирование проходило при участии выходцев из северо-восточного Кавказа, которые переселялись на равнину при нехватке зимних пастбищ [2]. Впрочем, геномные образцы по лолинской культуре пока представлены только 1 памятником – Невиномысский-3 [32], и новая информация может изменить этот вывод.

Особая ситуация складывается в случае степных представителей северокавказской культуры. В генетическом отношении степные группы отличаются от её горных представителей сближением с населением катакомбной культуры [12; 32]. Это убедительный аргумент в пользу раздробления северокавказской культуры и выделения её степных памятников в особую кубанско-терскую культуру – точка зрения, которая с позиции археологии выдвигалась Н. А. Николаевой [4; 7].

Носители культур средней и поздней бронзы равнинной зоны не испытывали влияния со стороны популяций горной зоны Кавказа. Возможно, только новые данные по лолинской культуре изменят это представление.

В обратном направлении со стороны равнины также происходило перемещение части степняков в горную зону и их инфильтрация в среду кавказского населения. Так, в начале II тыс. до н. э. один индивид из могильника Кабардинка оказался пришельцем из степной зоны с типичным для её популяций генотипом, при том что соседние с ним памятники того же времени несут генетический профиль, характерный для горной зоны [32]. Но это пришлое население, как и в прошлые эпохи, было сразу поглощено горными популяциями и влиянием на генофонд не оказало.

До финала эпохи бронзы переселения из степной равнины в горную зону остав-

ляли только незначительные вкрапления в популяции Северного Кавказа [32]. Какому-либо значимому воздействию населения Кавказа со стороны степных территорий стало подвергаться только с начала железного века, возможно, с периода кобанской культуры [15]. Миграции из равнины в некоторой степени повлияли только на северо-запад кавказского региона [33]. При этом небольшие ручейки миграционных потоков пересекли преграду Большого Кавказского хребта, достигнув Армении [33]. Детали этих миграций и их периодизация, связь со скифами, аланами, гунами, кипчаками и другими группами пока не определима на текущем объёме и качестве данных.

Степная зона имела очень плотные популяционные связи с Кавказом. Именно степь была воспринимающей стороной потоков населения со стороны Кавказа. Обратное влияние – со стороны степи на Кавказ – хотя и существовало, но было намного менее значительным. И если генетические импульсы со стороны Кавказа глобально трансформировали популяционный облик восточноевропейской степи, то обратные влияния поглощались населением горной зоны. В некоторых случаях (в новосвободненской культуре) эти влияния вообще трудно детектируемы. Только на северо-западе Кавказа они оставили значимый след. Хронологически наиболее активным периодом влияния горной зоны на равнину был период неолита и, возможно, ранней бронзы. Влияние степи на горные популяции Кавказа пришлось на период после железного века. Периоды энеолита и средней бронзы были временем затишья в отношении влияния населения степи и гор друг на друга. Между населением горных районов и степи всегда сохранялся популяционный водораздел, даже в эпохи активного притока населения из одной зоны в другую. Примечательно, что эта граница проходила не по высокогорью, а по пограничью северных предгорий и равнины.

Взаимосвязь популяционной истории Кавказа с Ближним Востоком

Кавказ, Северный и Южный, был зоной непрерывного влияния со стороны других регионов Ближнего Востока. Но здесь в отличие от восточноевропейской степи преемником популяционных воздействий было уже население Кавказа.

Примечательно, что все перемещения населения, влиявшие извне на генофонд Северного и Южного Кавказа, были связаны только с обитателями горной зоны Западной Азии. Жители Леванта и аридных равнин юга Ближнего Востока не влияли на кавказский генофонд [29; 33].

Если разбить все воздействия хронологически, то они выстраиваются в такую последовательность: в неолите Закавказье испытывало перекрестное влияние с востока и запада со стороны Анатолии, и со стороны гор иранского Загроса [29]. Продолжилось ли оно на север и отразилось ли в этот период на Северном Кавказе, неизвестно. Но такой косвенный признак, как отсутствие анатолийского компонента в степной зоне до медного века, указывает на то, что оно вряд ли оказало здесь сильное влияние. В эпоху энеолита выходцы с юга приносят на северные склоны Кавказского хребта анатолийский и иранский компонент в среду кавказских охотников-собираателей [32]. Существовавшее синхронно население Закавказья просто наследует ту структуру, которая сформировалась в неолите [21; 32].

В начале эпохи бронзы, новая миграционная волна распространяет своё влияние вначале с востока на Закавказье и оттуда в северные зоны Кавказского региона. Его источником стала новая группа мигрантов, имевшая высокую долю компонента иранских охотников-собираателей. За счёт её движения иранскую примесь получили предки носителей ряда археологических традиций: куро-аракской, лейлатепинской, новосвободненской культур и позднего периода галюгаевско-

серёгинских поселений [29; 32]. Только ранние обитатели традиций галюгаевско-серёгинских поселений первоначально избежали этого импульса [32]. Этот импульс распространялся извне. Его источником могли быть территории Загроса, а возможно, и Северной Месопотамии. Археологические аргументы в пользу влияния убейдской культурной периферии и урукской культуры на население Кавказа более убедительны [3]. Согласно мнению Н. А. Николаевой, лейлатепинская и галюгаевская культуры, происходят от прасемитоязычного населения урукской культуры [6; 11]. Но для окончательного подтверждения нужны данные из Месопотамии, которые в настоящее время отсутствуют.

Носители куро-аракской культуры, согласно реконструкции археологической школы Н. А. Николаевой, вероятно, были местным картвелоязычным населением, возможно, с включением хурритского компонента [4; 6; 11]. В этом случае они могли переселяться, осваивая и более северные зоны кавказского региона. Но и в этом случае перед расширением своего ареала они должны были бы получить новый импульс из Ирана или севера Месопотамии, где влияние урукской культуры выглядит более вероятным [29; 32].

Кавказ формировался не только ближневосточными влияниями извне. Со стороны Кавказа также могло происходить обратное влияние на ближневосточные регионы. На это указывает памятник Арслантепе в Восточной Анатолии. Но в более поздних слоях вклад мигрантов с Кавказа исчезает [29], что ожидаемо совпадает с мнением Н. А. Николаевой о трансформации местного населения под давлением Урукской культуры и экспансии её носителей [4; 6; 11]. Впрочем, здесь важно обратить внимание на то, что нехватка палеогенетической информации может исказить наблюдаемую картину. И будущие данные могут изменить представления о ней.

Также перспективен поиск влияний со стороны Кавказа на Левант. Прямых доказательств в его пользу пока не существует. Но есть ряд косвенных свидетельств не столько за или против такой возможности, сколько в пользу серьёзного рассмотрения этой проблемы с позиции генетики. Важно, если это влияние существовало, то оно должно было исходить из южных областей Закавказья. Жители северных областей вряд ли принимали в нём участие. Но ещё важнее то, что в случае его реальности кавказское влияние должно было выходить за пределы горной зоны Западной Азии

В самом начале эпохи бронзы, синхронно с влиянием носителей повышенной доли иранского компонента на Закавказье и север Кавказа, это влияние распространялось и в Сирию, и Палестину [13; 29]. Под воздействием носителей иранского компонента формируется генофонд населения Эблы и исторического Ханаана [13; 29]. Конечно, в его формировании могли принять участие и прямые выходцы из Загроса или севера Месопотамии, которые мигрировали в Левант в обход Закавказья. Но иранская примесь ощутима на крайнем севере Сирии в Эбле, и в силу географической близости это предполагает частичное участие закавказских групп.

При поиске кандидатов из зоны Закавказья, оказавших такое влияние, со стороны данных генетики вместо ясности возникает больше новых вопросов. Было бы правдоподобно связать участие потока миграций с носителями куро-аракской культуры, которые проникая в Левант, создают производную хирбет-керакскую культуру. Но время смешения с северянами, согласно генетическим датировкам, которое оценивается периодом от 3880 до 3060 тыс. до н. э., частично перекрывается археологическими датировками их проникновения в Сиро-Палестинский регион. И специально проведённое биоинформатическое моделирование исключает участие любой группы пред-

ставителей куро-аракской культуры [29]. Это было показано даже при включении в анализ наиболее географически близкой к Сирии и Палестине её популяции из Арслан-тепе.

Южнее в Ханаане также не очень понятно, кем были носители иранского компонента и как они вообще прибыли в данный регион. Авторы одного исследования допускают появление носителей иранского компонента в Палестине с подъёмом и упадком Аккадской империи 4,4–4,2 тыс. лет назад и связывают их появление с хурритами [13; 29]. Это позволило бы связать такие импульсы с районами Закавказья. Но оба утверждения высказаны в обеих работах без подтверждения каким-либо моделированием.

Влияния со стороны Ближнего Востока были определяющими для формирования генофонда Кавказа. Схема популяционных воздействий была выстроена следующим образом. Юг кавказского региона вначале испытал какую-то инфильтрацию населения с запада или востока. Миграционные влияния, трансформировавшие Закавказье, продолжали отсюда распространять свой импульс на Северный Кавказ. После популяционных сдвигов на юге происходит отток населения в сторону Большого Кавказского хребта, на северные склоны Кавказа. Сам генофонд Кавказа сформирован наложением анатолийских и иранских компонентов на автохтонную основу, восходящую к охотникам-собираателям палеолита. Вклад влияний из Месопотамии пока не определим, но его также нельзя исключать. Обратное влияние со стороны Кавказа на другие регионы Ближнего Востока также происходило, но достоверно оно установлено пока только для востока Анатолии. Но не исключено его влияние в формировании генофонда Леванта в бронзовом веке вместе с выходцами из Загроса. Выявить южнокавказский вклад пока проблематично в силу спорности имеющихся результатов.

Выводы

Проведённое сравнение позволяет сделать несколько существенных выводов о периоде неолита-бронзы на Кавказе.

Период с конца неолита до середины эпохи бронзы – время интенсивного перелома и трансформации в популяционной истории Кавказа. Потому имеющийся тезис о непрерывной генетической преемственности населения Кавказа [12] не согласуется с наблюдающимися популяционными сдвигами.

Первое население, которое обитало здесь до начала вюрмского оледенения, исчезло, не оставив следа, то вторая волна переселенцев, пришедшая на Кавказ в пик последнего оледенения, создала фундамент генофонда, субстратную основу, существующую до настоящего времени. Но именно эпохи неолита, энеолита и бронзы внесли в эту изначальную основу самые значимые изменения. Первая волна популяционных трансформаций началась в Закавказье в позднем неолите, достигнув Северного Кавказа – в энеолите вместе с распространением даркветимешоковской культуры,

Вторая волна охватила горные территории Северного Кавказа и Закавказья в начале бронзы. Она сформировала генофонды населения лайлетепинской, куроаракской культур, новосвободненской культур и галюгаевско-серёгинских поселений. Её импульс предположительно происходил из Месопотамии и мог быть инициирован экспансией урукской культуры.

После бронзового века значимые популяционные изменения затрагивали только Северный Кавказ. Эти изменения происходили уже с севера, из степной зоны, и начались со времён кобанской культуры.

Таким образом, выводы о генетической однородности населения Кавказа несправедливы ни для всей истории кавказского генофонда, ни даже для более узкого интервала эпохи неолита-бронзы. Отличия малы и не имеют евразийского

масштаба, но сужение их масштаба не отменяет их существования, а требует повышения дифференцирующей точности генетических подходов.

Генетические отличие между степью и горной зоной сохранялись, но нельзя согласиться с высказанным мнением об односторонней проводимости популяционного потока на север [12]. Именно после эпохи бронзы направление миграции, трансформирующей генофонд, меняется на противоположное.

Кавказ не только впитывал переселенческие импульсы из других регионов, но и влиял на другие территории, как в северном, так и в южном направлениях.

Северные влияния из Кавказского региона на степную зону происходили в 2 этапа:

- первая волна – в период неолита, ещё до прихода на Северный Кавказ пришельцев с юга; её верхняя временная граница требует уточнения;

- вторая волна переселения происходила уже в период бронзы; её более точный характер также требует прояснения в будущих исследованиях. В более поздние эпохи её воздействия прекратились.

Влияния в южном направлении охватывали восточную Анатолию. В эпоху бронзы эти влияния могли охватывать и Левант, возможно, в серии миграций разного времени. Оценка вклада выходцев с южного Кавказа – многообещающее направление будущих исследований.

Выводы об отсутствии влияния горного населения Кавказа на генофонд лоллинской культуры не могут считаться надёжными, пока в распоряжении исследователей имеются данные одного генома.

Население новосвободной культуры формировалось на основе горных популяций. С пришельцами из Центральной Европы популяционные (не только культурные) контакты также происходили. Но они были поглощены в той среде, которая сложилась с начала бронзового века.

Популяционные отличия между населением степных и горных территорий северокавказской культуры – дополнительный аргумент в пользу выделения особой кубанско-терской культуры в равнинной зоне.

Заключение

Период от неолита до бронзы играл ключевую роль в истории населения Кавказа. По важности с ней может сравниться только эпоха конца палеолита. Эпохи неолита, энеолита и начала бронзы выделяет ещё и то, что в это время популяционные связи Кавказского региона с соседними областями Эйкумены были наиболее активны.

Самые ранние обитатели Кавказской горной страны, пришедшие сюда до максимума оледенения, не оставили никаких следов в позднем генофонде. Обитатели конца ледниковой эпохи и мезолита сформировали субстратное ядро, сохранившееся до наших дней, генетический фундамент, объединяющий все древние и современные популяции региона. Но именно период с позднего неолита по начало бронзы внёс самый яркий перелом в эту основу, заложенную в палеолите. Пришельцы из южных районов горной зоны Ближнего Востока переплавили его, внося новые иранские и анатолийские

компоненты. Более поздние эпохи, начиная с середины эпохи бронзы, не внесли яркие и масштабные трансформации.

Все популяционные импульсы, менявшие обитателей Северного Кавказа и Закавказья, происходили преимущественно с юга на север. Миграционные импульсы с севера начинают оказывать влияние на кавказский генофонд только с эпохи железа. Но их общее значение в популяционной истории Кавказа невелико и несопоставимо с вкладом южных влияний.

В эпохи неолита и ранней бронзы выходцы из северного Кавказа заместили половину исходного генофонда обитателей восточноевропейских степей, которые оттуда разнесли кавказский компонент на значительную часть территорий Евразии. В этот же период выходцы из южных территорий Кавказа повлияли на жителей востока Анатолии и, возможно, Леванта. Ни до, ни после этих эпох импульсы из Кавказа не достигали общевосточного масштаба.

Период неолита и бронзы – эпоха, когда кавказский генофонд, максимально меняясь изнутри, менял облик других генофондов Евразии; когда, обретая своё новое лицо, он создавал и новое лицо популяциям из иных регионов.

Дата поступления в редакцию 01.09.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Коньков А. С. Популяционные связи носителей культуры шаровидных амфор, воронковидных кубков и шнуровой керамики согласно данным палеогенетики // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 5. С. 78–89.
2. Мимоход Р. А. Лолинская культура. Северо-западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века: Материалы охранных археологических исследований. Т. 16. М.: ИА РАН, 2013. 568 с.
3. Мунчаев Р. М., Амиров Ш. Н. Месопотамия и Кавказ в VI–III тыс. до н. э. // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2007. № 3. С. 59–68.
4. Николаева Н. А. Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в III–II тыс. до н. э. в контексте древней истории Европы и Ближнего Востока. М.: Издательство МГОУ, 2011. 556 с.
5. Николаева Н. А. О хронологии древнейшего слоя в индоевропейской мифологии // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2014. № 18. С. 717–729.
6. Николаева Н. А. Проблемы исторической реконструкции в археологии, калиброванные даты и новые решения Майкопской проблемы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2009. № 1. С. 162–173.

7. Николаева Н. А. Древнеевропейцы на Северном Кавказе // Вестник Московского государственного областного университета. 2006. № 1. С. 3–12.
8. Николаева Н. А., Сафронов В. А. Происхождение костяных молоточковидных булавок // Краткие сообщения Института археологии. 1975. № 142. С. 11–17.
9. Резепкин А. Д. Новосвободненская культура (на основе материалов могильника «Клады»). СПб.: Нестор-История, 2012. 342 с.
10. Резепкин А. Д. Энеолитическое поселение Мешоко // Материалы и исследования по археологии Кубани: сборник научных трудов. Краснодар, 2005. Вып. 5. С. 73–93.
11. Сафронов В. А. Индоевропейские прародины. Горький: Волго-Вятское книжное издательство, 1989. 402 с.
12. Трифонов В. А., Прохорчук Е. Б., Жур К. В. Генетическое разнообразие древних народов Кавказа и сопредельной степи в эпоху энеолита – бронзы (V–II тыс. до н. э.): основные результаты и проблемы культурно-исторической интерпретации // Краткие сообщения Института археологии. 2021. Вып. 262. С. 95–115.
13. Agranat-Tamir L. et al. The Genomic History of the Bronze Age Southern Levant // *Cell*. 2020. Vol. 181. № 5. P. 1146–1157.
14. Balanovsky O. et al. Parallel evolution of genes and languages in the Caucasus region // *Molecular Biology and Evolution*. 2011. Vol. 28. № 10. P. 2905–2920.
15. Bouligina E. et al. Mitochondrial and Y-chromosome diversity of the prehistoric Koban culture of the North Caucasus // *Journal of Archaeological Science: Reports*. 2020. Vol. 31. DOI: 10.1016/j.jasrep.2020.102357
16. Damgaard de Barros et al. The first horse herders and the impact of early Bronze Age steppe expansions into Asia // *Science*. 2018. Vol. 360. Iss. 6396. DOI: 10.1126/science.aar7711.
17. Gelabert P. et al. Genome-scale sequencing and analysis of human, wolf, and bison DNA from 25,000-year-old sediment // *Current biology*. 2021. Vol. 31. Iss. 16. P. 3564–3574.
18. Feldman M. et al. Late Pleistocene human genome suggests a local origin for the first farmers of central Anatolia // *Nature Communications*. 2019. Vol. 10. № 1. DOI: <https://doi.org/10.1101/422295>
19. Jones E. R. et al. Upper Palaeolithic genomes reveal deep roots of modern Eurasians // *Nature Communications*. 2015. Vol. 6. DOI: 10.1038/ncomms9912
20. Lazaridis I. et al. Paleolithic DNA from the Caucasus reveals core of West Eurasian ancestry // *Current Biology*. 2018. Vol. 31. P. 3564–3574.
21. Lazaridis I. et al. Genomic insights into the origin of farming in the ancient Near East // *Nature*. 2016. Vol. 536. № 7617. P. 419–424.
22. Margaryan A. et al. Eight Millennia of Matrilineal Genetic Continuity in the South Caucasus // *Current Biology*. 2017. Vol. 27. № 13. P. 2023–2028.
23. Mathieson I. et al. Genome-wide patterns of selection in 230 ancient Eurasians // *Nature*. 2015. Vol. 528. № 7583. P. 499–503.
24. Mathieson I. et al. The genomic history of southeastern Europe // *Nature*. 2018. Vol. 555. Iss. 7695. P. 197–203.
25. Narasimhan V. M., et al. The Genomic Formation of South and Central Asia // *Science*. 2019. Vol. 365. Iss. 6457. DOI: 10.1126/science.aat7487
26. Nedoluzhko A. V. et al. Analysis of the Mitochondrial Genome of a Novosvobodnaya Culture Representative using Next-Generation Sequencing and Its Relation to the Funnel Beaker Culture // *Acta Naturae*. 2014. Vol. 6. № 2. P. 31–35.
27. Saag L. et al. Genetic ancestry changes in Stone to Bronze Age transition in the East European plain // *Science Advances*. 2021. Vol. 7. № 4. DOI: 10.1126/sciadv.abd6535
28. Schroeder H. et al. Unraveling ancestry, kinship, and violence in a Late Neolithic mass grave // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2019. Vol. 116. № 22. P. 10705–10710.
29. Skourtanioti E. et al. Genomic History of Neolithic to Bronze Age Anatolia, Northern Levant, and Southern Caucasus // *Cell*. 2020. Vol. 181. № 5. P. 1158–1175.
30. Scorrano G. et al. The genetic and cultural impact of the Steppe migration into Europe // *Annals of human biology*. 2021. Vol. 48. № 3. P. 223–233.

31. Tassi F. et al. Genome diversity in the Neolithic Globular Amphorae culture and the spread of Indo-European languages // *Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences*. 2017. Vol. 284. Iss. 1867. DOI:10.1098/rspb.2017.1540
32. Wang C. C. et al. Ancient human genome-wide data from a 3000-year interval in the Caucasus corresponds with eco-geographic regions // *Nature Communication*. 2019. Vol. 10. № 1. DOI: 10.1038/s41467-018-08220-8
33. Yunusbayev B., et al. The Caucasus as an asymmetric semipermeable barrier to ancient human migrations // *Molecular Biology and Evolution*. 2012. Vol. 1. P. 359–365.

REFERENCES

1. Konkov A. S. [Population relationship between the Globe amphorae, Funnel beakers and Corded Ware cultures according to paleogenetic data]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences], 2020, no. 5, pp. 78–89.
2. Mimokhod R. A. *Lolinskaya kultura. Severo-zapadnyi Prikaspii na rubezhe srednego i pozdnego periodov bronzovogo veka: Materialy okhrannykh arkhologicheskikh issledovaniy. T. 16* [Lola culture. North-western Caspian Sea at the turn of the Middle and Late Bronze Age: materials of protective archaeological research. Vol. 16]. Moscow, The Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences Publ., 2013. 568 p.
3. Munchaev R. M., Amirov Sh. N. [Mesopotamia and the Caucasus in the VI–III millennia BC NS.]. In: *Vestnik Instituta istorii, arkhologii i etnografii* [Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography], 2007, no. 3, pp. 59–68.
4. Nikolaeva N. A. *Etno-kulturnye protsessy na Severnom Kavkaze v III–II tys. do n. e. v kontekste drevnei istorii Evropy i Blizhnego Vostoka* [Ethno-cultural process in the North Caucasus in the III–II millennium BC NS. in the context of the ancient history of Europe and the Middle East]. Moscow, MRSU Ed. off. Publ., 2011. 556 p.
5. Nikolaeva N. A. [About the history of the oldest layer of Indo-European mythology]. In: *Indoevropiskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [Indo-European linguistics and classical philology], 2014, no. 18, pp. 717–729.
6. Nikolaeva N. A. [Problems of historical reconstruction in archeology, calibrated dates and new solutions to the Maikop problem]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences], 2009, no. 1, pp. 162–173.
7. Nikolaeva N. A. [Ancient Europeans in the North Caucasus]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences], 2006, no. 1, pp. 3–12.
8. Nikolaeva N. A., Safronov V. A. [Origin of hammer-shaped bone pins]. In: *Kratkie soobshcheniya Instituta arkhologii* [Summary reports of the Institute of Archeology], 1975, no. 142, pp. 11–17.
9. Rezepkin A. D. *Novosvobodnenskaya kul'tura (na osnove materialov mogilnika «Klady»)* [Novosvobodnenskaya culture (based on materials from the «Treasures» burial ground)]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2012. 342 p.
10. Rezepkin A. D. [Eneolithic settlement Meshoko]. In: *Materialy i issledovaniya po arkhologii Kubani: sbornik nauchnykh trudov* [Materials and research on the archeology of the Kuban: a collection of scientific works]. Krasnodar, 2005, no. 5, pp. 73–93.
11. Safronov V. A. *Indoevropeskie prarodiny* [Indo-European urheimat]. Gorkiy, Volgo-Vyatka book publishing house, 1989. 402 p.
12. Trifonov V. A., Prokhorchuk E. B., Zhur K. V. [Genetic diversity of the ancient peoples of the Caucasus and adjacent steppe in the Eneolithic – Bronze Age (V–II millennium BC): main results and problems of cultural and historical interpretation]. In: *Kratkie soobshcheniya Instituta arkhologii* [Brief Communications of the Institute of Archeology.], 2021, no. 262, pp. 95–115.
13. Agranat-Tamir L. et al. The Genomic History of the Bronze Age Southern Levant. In: *Cell*, 2020, vol. 181, no. 5, pp. 1146–1157.
14. Balanovsky O. et al. Parallel evolution of genes and languages in the Caucasus region. In: *Molecular Biology and Evolution*, 2011, vol. 28, no. 10, pp. 2905–2920.

15. Bouligina E. et al. Mitochondrial and Y-chromosome diversity of the prehistoric Koban culture of the North Caucasus. In: *Journal of Archaeological Science: Reports*, 2020, vol. 31. DOI: 10.1016/j.jas-rep.2020.102357
16. Damgaard de Barros et al. The first horse herders and the impact of early Bronze Age steppe expansions into Asia. In: *Science*, 2018, vol. 360, iss. 6396. DOI: 10.1126/science.aar7711.
17. Gelabert P. et al. Genome-scale sequencing and analysis of human, wolf, and bison DNA from 25,000-year-old sediment. In: *Current biology*, 2021, vol. 31, iss. 16, pp. 3564–3574.
18. Feldman M. et al. Late Pleistocene human genome suggests a local origin for the first farmers of central Anatolia. In: *Nature Communications*, 2019, vol. 10, no. 1, DOI: <https://doi.org/10.1101/422295>
19. Jones E. R. et al. Upper Palaeolithic genomes reveal deep roots of modern Eurasians. In: *Nature Communications*, 2015, vol. 6. DOI: 10.1038/ncomms9912
20. Lazaridis I. et al. Paleolithic DNA from the Caucasus reveals core of West Eurasian ancestry. In: *Current Biology*, 2018, vol. 31, pp. 3564–3574.
21. Lazaridis I. et al. Genomic insights into the origin of farming in the ancient Near East. In: *Nature*, 2016, vol. 536, no. 7617, pp. 419–424.
22. Margaryan A. et al. Eight Millennia of Matrilineal Genetic Continuity in the South Caucasus. In: *Current Biology*, 2017, vol. 27, no. 13, pp. 2023–2028.
23. Mathieson I. et al. Genome-wide patterns of selection in 230 ancient Eurasians. In: *Nature*, 2015, vol. 528, no. 7583, pp. 499–503.
24. Mathieson I. et al. The genomic history of southeastern Europe. In: *Nature*, 2018, vol. 555, iss. 7695, pp. 197–203.
25. Narasimhan V. M. et al. The Genomic Formation of South and Central Asia. In: *Science*, 2019, vol. 365, iss. 6457. DOI: 10.1126/science.aat7487
26. Nedoluzhko A. V. et al. Analysis of the Mitochondrial Genome of a Novosvobodnaya Culture Representative using Next-Generation Sequencing and Its Relation to the Funnel Beaker Culture. In: *Acta Naturae*, 2014, vol. 6, no. 2, pp. 31–35.
27. Saag L. et al. Genetic ancestry changes in Stone to Bronze Age transition in the East European plain. In: *Science Advances*, 2021, vol. 7, no. 4. DOI: 10.1126/sciadv.abd6535
28. Schroeder H. et al. Unraveling ancestry, kinship, and violence in a Late Neolithic mass grave. In: *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 2019, vol. 116, no. 22, pp. 10705–10710.
29. Skourtanioti E. et al. Genomic History of Neolithic to Bronze Age Anatolia, Northern Levant, and Southern Caucasus. In: *Cell*, 2020, vol. 181, no. 5, pp. 1158–1175.
30. Scorrano G. et al. The genetic and cultural impact of the Steppe migration into Europe. In: *Annals of human biology*, 2021, vol. 48, no. 3, pp. 223–233.
31. Tassi F. et al. Genome diversity in the Neolithic Globular Amphorae culture and the spread of Indo-European languages. In: *Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences*, 2017, vol. 284, iss. 1867, DOI:10.1098/rspb.2017.1540
32. Wang C. C. et al. Ancient human genome-wide data from a 3000-year interval in the Caucasus corresponds with eco-geographic regions. In: *Nature Communication*, 2019, vol. 10, no. 1. DOI: 10.1038/s41467-018-08220-8
33. Yunusbayev B. et al. The Caucasus as an asymmetric semipermeable barrier to ancient human migrations. In: *Molecular Biology and Evolution*, 2012, vol. 1, pp. 359–365.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Коньков Андрей Сергеевич – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Центра палеоэтнологических исследований;
e-mail: andrey.s.konkov@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Andrey S. Konkov – Cand. Sci. (Biology), Senior Researcher, Paleoethnology Research Center;
e-mail: andrey.s.konkov@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Коньков А. С. Популяционная история Кавказа в эпоху неолита и бронзы с позиции палеогенетики // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 5. Циркумпонтика. Вып. III. С. 16–35.

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-5-16-35

FOR CITATION

Konkov A. S. Population history of the Caucasus during the Neolithic and Bronze Age from the standpoint of paleogenetics. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2021, no. 5, Circumpontica, iss. III, pp. 16–35.

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-5-16-35

УДК 902

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-5-36-64

THE CULTURAL AND CHRONOLOGICAL CONTEXT OF SITES OF BUBANJ AND VELIKA HUMSKA ČUKA NEAR NIŠ (SOUTHEASTERN SERBIA) AND THEIR SIGNIFICANCE FOR UNDERSTANDING THE EMERGENCE AND DEVELOPMENT OF THE CENTRAL BALKANS ENEOLITHIC

A. Bulatović, D. Milanović

Institute of Archaeology

Knez Mihajla ul. 35/4, Belgrade 11000, Republic of Serbia

Abstract

Aim. To elaborate the cultural and chronological context of two eponymous multilayered prehistoric sites in southeastern Serbia, in order to understand the eneolithisation process in the Central Balkans.

Methodology. The research is based on the methods of comparative analyses and synthesis, as well as the interpretation of the existing and fresh data acquired through archaeological excavations at the sites of Bubanj and Velika Humska Čuka near Niš. The following factors have been taken under consideration: geographic setting, resources, mutual spatial relations, stratigraphic characteristics, chronology, character of settlements during the Eneolithic, and other relevant data.

Results. The presented cultural and chronological contexts of the two researched sites, as well as other contemporary sites, compared to the pattern of the preceding Vinča settlements, indicated the character of changes that have occurred during the mid-5th millennium BC.

Research implications. The results of the research contribute to the perception of transformation processes within the Late Neolithic communities and the process of eneolithisation in the territory of the Central Balkans.

Keywords: Bubanj, Velika Humska Čuka, Central Balkans, 5th and 4^h millennium BCE, geographic setting, spatial relationship, stratigraphy, eneolithisation

КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ПАМЯТНИКОВ БУБАНЬ И ВЕЛИКА ХУМСКА-ЧУКА НЕДАЛЕКО ОТ НИША (ЮГО-ВОСТОЧНАЯ СЕРБИЯ) И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ПОНИМАНИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЭНЕОЛИТА ЦЕНТРАЛЬНЫХ БАЛКАН

Булатович А., Миланович Д.

Институт археологии

11000, г. Белград, ул. Князя Михайла, д. 35/4, Республика Сербия

Аннотация

Цель. Разработать культурный и хронологический контекст 2 одноимённых многослойных доисторических объектов на юго-востоке Сербии, чтобы понять процесс энеолитизации на Центральных Балканах.

Процедура и методы. Исследование основано на методах сравнительного анализа и синтеза, а также интерпретации существующих и свежих данных, полученных в ходе археологических

раскопок в местах Бубаня и Велика-Хумска-Чука близ Ниша. Были приняты во внимание следующие факторы: географическое положение, ресурсы, взаимные пространственные отношения, стратиграфические характеристики, хронология, характер поселений во время энеолита и другие соответствующие данные.

Результаты. Представленные культурно-хронологические контексты двух исследованных участков, а также других современных участков, по сравнению с рисунком предшествующих поселений Винча, указывали на характер изменений, произошедших в середине V тысячелетия до н. э.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследований способствуют восприятию процессов трансформации внутри позднеолитических сообществ и процессу энеолитизации на территории Центральных Балкан.

Ключевые слова: Бубань, Велика Хумска-Чука, Центральные Балканы, V и IV тысячелетия, географическое положение, пространственные отношения, стратиграфия, энеолитизация

Introduction

The process of the formation of the Eneolithic in the territory of the Central Balkans has traditionally been associated with large-scale migrations that marked the end of the Late Neolithic Vinča culture. According to such a scenario, groups of newcomers, bearers of the Bubanj-Salkuša-Krivodol cultural complex (hereinafter: BSK) inhabited the territory of the preceding communities of the Vinča culture and gradually repressed them [1, p. 204–205; 2; 3, p. 28; 4, p. 158–159]. The majority of authors consider that the aforementioned cultural complex was formed within the territory of western Bulgaria, on the core of the Gradešnica culture, between 4500 and 4400 cal BCE [5; 6; 7]. Its gradual expansion towards the north and east encompassed primarily the areas of present-day southeastern Romania and eastern Serbia, which consequently constrained the territory of the Vinča culture. The key arguments for such a violent end of the Neolithic settlements were increased frequencies of settlements on raised grounds, on naturally fortified places, the so-called *Gradina* settlements, fortification features (ditches and palisades), and burnt final habitation horizons [4, p. 158–159]. It has previously been considered that life in most of the Vinča settlements ended between 4650 and 4550 cal BCE [4; 8], and such high dates for the end of the Vinča culture resulted in a hiatus between the final horizon of Vinča settlements

and early BSK settlements. Furthermore, early BSK settlements, which could serve as a cause for an almost synchronous end of life in many Vinča settlements, have not been recorded in Serbia and Romania [5; 7]. However, new radiometric measurements have indicated a prolonged duration of the Vinča culture in certain micro-regions (up to approximately 4400 cal BCE)¹ [9; 10], compared to the previous stance of D. Borić. Likewise, fresh data indicate that early BSK settlements have existed in the territories of both Serbia and Romania² [10].

Recent research suggests that Vinča settlements have rarely been formed on dominant and raised ground, while it seems like the number of such settlements gradually increases, although their chronology is often unknown [11; 12], and the material culture resembles the earliest BSK settlements, which aggravates the precise cultural distinction [10]. What is certain is that during the BSK cultural complex (4500–3800/3700), the number of such settlements increases [12; 13]³. Apparently, the fortifications repre-

¹ Milanović D. The Copper Age in the Central Balkans. In: Parkinson W. A., Gyucha A., Galaty M., eds. *Oxford Handbook of Balkan Prehistory*. Oxford, Oxford University Press (готовится к печати в 2022 г.).

² Там же.

³ Milanović D. Centralni Balkan u 5 milenijumu pre n. e: obrasci naseljavanja i društveno-ekonomske promene. Unpublished PhD thesis, University of Belgrade, Faculty of Philosophy, Belgrade, 2017; Milanović D. The interplay between lowland and highland zones: Engaging the landscape of eastern Serbia and western Bul-

sent a characteristic of the Vinča settlements starting from the Early Vinča (Vinča A–B), and a similar trend amplifies during the Late Vinča (Vinča C–D) and continues during the BSK period¹ [4, p. 166–169; 14, p. 201–238; 15], especially considering the fact that naturally fortified and elevated plateaus of topographically limited sites should likewise be considered as elements of fortifications [16]. Besides, burnt habitation horizons are characteristic for most of the Vinča and BSK settlements, as it remains unclear whether the burning represents a part of a ritual and a social act connected with the practice of abandoning of parts or entire settlement and/or conflicts and intentional fires [4, p. 166]². However, it seems as if the complex process of transformation of the Vinča culture included a series of internal and external factors [4, p. 159–162], which have led to the gradual abandonment of long-lasting large settlements, micro-regions, and regions, and the formation of the new cultural milieu of the Copper Age³. Such a new cultural environment implied smaller and spatially closer settlements, increased inhabitation of dominant high grounds, and the establishment of new relations between the settlement and

garia in the second half of the 5th millennium BCE. In: Gori M., Hellmuth-Kramberger A., Krapf T., Recchia G., eds. *Archaeology of Mountainous Landscapes in Balkan Prehistory*. Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie, Rudolf Habelt, Bonn (готовится к печати в 2022 г.).

- ¹ Milanović D. The Copper Age in the Central Balkans. In: Parkinson W. A., Gyucha A., Galaty M., eds. *Oxford Handbook of Balkan Prehistory*. Oxford, Oxford University Press (готовится к печати в 2022 г.); Milanović D. The interplay between lowland and highland zones: Engaging the landscape of eastern Serbia and western Bulgaria in the second half of the 5th millennium BCE. In: Gori M., Hellmuth-Kramberger A., Krapf T., Recchia G., eds. *Archaeology of Mountainous Landscapes in Balkan Prehistory*. Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie, Rudolf Habelt, Bonn (готовится к печати в 2022 г.).
- ² Milanović D. Centralni Balkan u 5 milenijumu pre n. e: obrasci naseljavanja i društveno-ekonomske promene. Unpublished PhD thesis, University of Belgrade, Faculty of Philosophy, Belgrade, 2017 p. 274–275, 286.
- ³ Milanović D. The Copper Age in the Central Balkans. In: Parkinson W. A., Gyucha A., Galaty M., eds. *Oxford Handbook of Balkan Prehistory*. Oxford, Oxford University Press (готовится к печати в 2022 г.).

social groups, which included more frequent conflicts [13; 17; 18]⁴, the increased significance of stockbreeding, the increased significance of new crafts, especially metallurgy of copper, gold and other metals, enhanced social mobility and reorganization of trade networks [19; 20; 21; 22; 23; 24]. Such a cultural environment or the process of eneolithisation has been perceived in this paper through the example of the settlement dynamics of two eponymous multilayered sites, Bubanj and Velika Humska Čuka near Niš (southeastern Serbia), during the Eneolithic of the Central Balkans.

The geographic setting, resources, and spatial relations between Bubanj and Velika Humska Čuka

The sites of Bubanj in Novo Selo and Velika Humska Čuka in Hum are located within the Nišava and South Morava confluence zone, in the proximity of the present-day city of Niš. Geomorphologically, the area represents a part of the Niš Basin which stretches between the Seličevica Mountain and Jastrebac-Kalafatbarrier (fig. 1).

The Niš Basin is approximately 44 km long, 22 km wide, and it encompasses an area of 630 km². The wider area in which the sites of Bubanj and Velika Humska Čuka are located lies within the Serbian-Macedonian Mass. The terrain is primarily comprised of crystalline shales, covered by volcanic sediments of the Lece region and the Neogenic sediments represented by systems of ditches and valleys of the South Morava River and its tributaries. The Nišava River is the largest tributary to the South Morava River, in

⁴ Milanović D. Centralni Balkan u 5 milenijumu pre n. e: obrasci naseljavanja i društveno-ekonomske promene. Unpublished PhD thesis, University of Belgrade, Faculty of Philosophy, Belgrade, 2017; Milanović D. The interplay between lowland and highland zones: Engaging the landscape of eastern Serbia and western Bulgaria in the second half of the 5th millennium BCE. In: Gori M., Hellmuth-Kramberger A., Krapf T., Recchia G., eds. *Archaeology of Mountainous Landscapes in Balkan Prehistory*. Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie, Rudolf Habelt, Bonn (готовится к печати в 2022 г.).

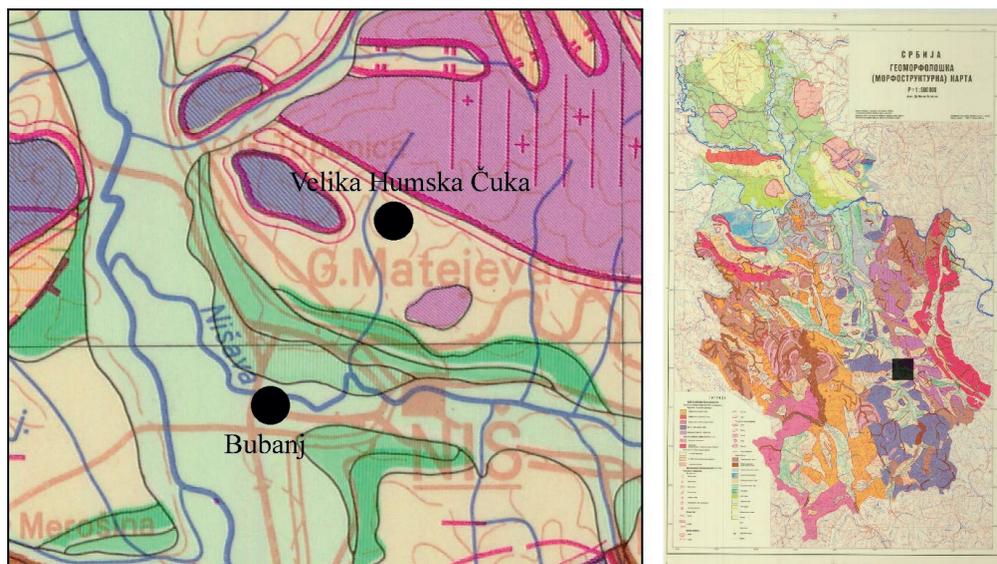

Fig. 1 / Рис. 1. Geomorphological map of Serbia (Zremski) with the highlighted area of southeastern Serbia and the positions of sites of Bubanj and Velika Humska Čuka / Геоморфологическая карта Сербии (Зремски) с выделенной областью юго-востока Сербии и положениями памятников Бубань и Велика Хумска Чука

Источник: данные авторов

which it inflows some 10 km downstream of Niš. The river springs in Bulgaria, below Mali Kom (1840 m), and its flow, which follows the southeast-northwest direction, encompasses a total of 218 km² [25, p. 33]. Nišava runs through a wide valley where it meanders due to small river fall, and through narrow gorges with significantly higher river fall.

The archaeological site of Bubanj is located 5 km west of the city of Niš, on the western fringe of the lowest river terrace, next to the wide alluvial plain of the South Morava River, approximately 7 km southeastern of the confluence of Nišava and South Morava rivers (fig. 1–2).

An ellipsoid loess elevation with an altitude of 198 m, oriented northwest-southeast, with a length of more than 300 m and a width up to 170 m, has once risen within the vast plain, exceeding the surrounding terrain up to 15 m in height. Formerly, the Nišava River flowed next to the site, on its northern side, but following the melioration during the 60s of the 20th century, the river flow has been altered as it now runs further north of

the site. In the course of archeological excavations in 1935 and between 1954 and 1958, all three plateaus of the site were preserved: eastern (approximate surface of 0.85 ha), central (approximate surface of 0.3 ha), and the smallest, western (approximate surface of 0.09 ha). Those plateaus, together with the surrounding slopes of the site, covered an area of approximately 5 ha. The southern and western slopes were the most accessible, while the eastern slope connected the site with the river terrace. The northern side of the site, towards the Nišava River, was inaccessible due to the degree of slope, while the mild slope in the west led towards the confluence of Nišava and South Morava rivers. The eastern portion of the location, within a width of 80 m, was damaged by railroad construction even before the first excavations in 1935, and it was almost completely devastated in the second half of the 20th century by the construction of the highway and the accompanying bypass. Currently, solely the northeastern portion of the site, with a length of around 70 m and a width of approximately 5 m remains preserved, repre-

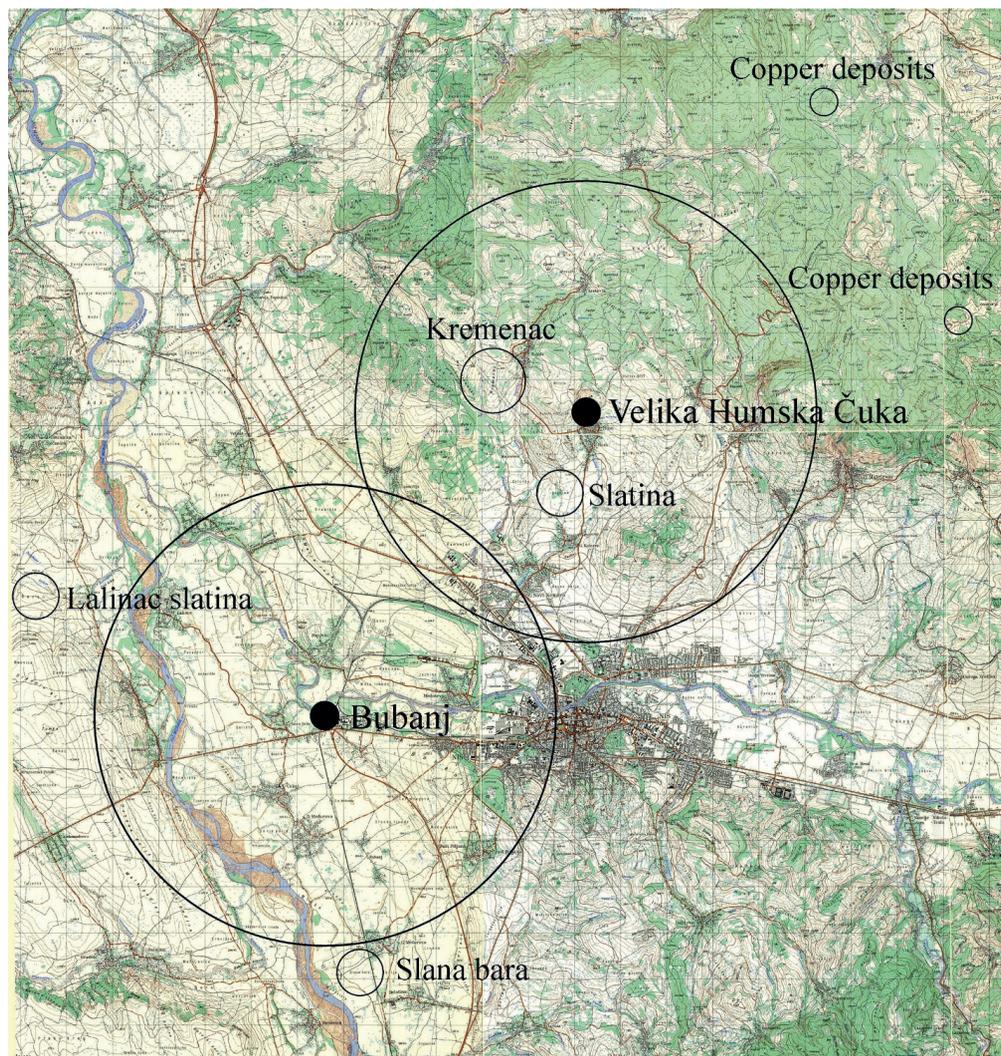

Fig. 2 / Рис. 2. A topographic map with the positions of sites of Bujanj and Velika Humska Čuka, toponyms that indicate salinated soils and saltwater springs, deposits of flint and copper / Топографическая карта с расположением стоянок Бубань и Велика Хумска Чука, топонимы, обозначающие засоленные почвы и источники соленой воды, месторождения кремня и меди

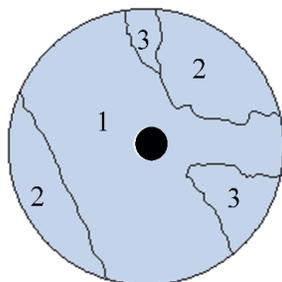
Источник: данные авторов

senting less than 1% of the former surface of the site. The construction of modern infrastructure and Penitentiary southern and eastern of the site, the territorial expansion of the village of Novo Selo towards the west and south of the site during the second half of the 20th and the 21st century, as well as the aforementioned shifts of the river flow, have significantly altered the former surroundings of the site.

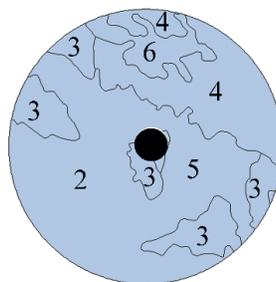
In terms of geology, the immediate vicinity of the site of Bujanj (within a diameter of 10 km), lies on alluvial sediments, while the hinterland is represented by conglomerates, sandstones, sands, marls, limestones, and clays. Judging by geological and topographic characteristics of the surrounding terrain, the settlement at the site of Bujanj was oriented towards river terraces on the east and southeast, and the alluvial plain on

the west, north, and northwest. Due to numerous meanders of the Nišava River before the aforementioned melioration during the second half of the 20th century, a marshy environment was represented. Three types of

soil are present in the territory of the site of Bubanj, within a diameter of 10 km: fluvisol is the most represented, followed by vertisol, and eutric cambisol as the least represented type of soil (fig. 3).

Bubanj, Niš district

Velika Humska Čuka, Niš district

Legend

1. Fluvisol, 2. Vertisol, 3. Eutric cambisol, 4. Calcocambisol and calcomelanosol,
5. Calcomelanosol, regosol and lithosol on limestone, 6. Ranker, regosol and lithosol on sandstone, flvsch and chert

Fig. 3 / Рис. 3. Pedology of sites of Bubanj and Velika Humska Čuka within a 10 km diameter / Почвоведение памятников Бубань и Велика Гумска Чука в пределах 10 км в диаметре

Источник: данные авторов

The site of Velika Humska Čuka is located on a dominant elevated plateau on the north-eastern periphery of the village of Hum, approximately 7 km north of Niš (fig. 1–2). The plateau itself is comprised of four terraces, each on a different height level. The length of the site in the east-west direction is approximately 200 m and the width of the site in the north-south direction is approximately 160 m, measuring a total surface of around 3 ha. The highest point on the central and also the smallest plateau lies at the altitude of 454.79 m. Each of the aforementioned terraces is some 5 m lower than the previous one, and the lowest terrace lies at the altitude of 435–440 m. The Hum River, nowadays a rivulet, surrounds the site on its northern and western sides. Due to vertical slopes, all of the sides of the site are hardly accessible, save for the northern, which is through a smaller saddle connected with the neighboring Mala Humska Čuka. The elevation of the central

plateau, compared to the bank of Hum rivulet (333 m) is 121,79 m. Several cavelets have been recorded beneath the central plateau, on the western portion of the site, at the altitude of approximately 400 m.

Geologically, the narrower and wider zone of the site is comprised of Miocene formations of sandstones, bituminous shales, and marls. On the other hand, the area east of the site (and further to the south and west) is represented by formations of conglomerates, sandstones, sands, marls, limestones, and clay, while the hinterland is also covered with dolomites, shales, and cherts. The site lies directly on calcomelanosols (calcareous-dolomite chernozem), regosol, and orthents on limestone. An area covered with eutric cambisol is present in the southern side of the site, while the hinterland of the site is covered with significant areas of vertisol, calcocambisol (brown soil on limestone and dolomite), and calcomelanosol (fig. 3).

The existence of toponyms that indicate surfaces with saline soils and springs of salt-water in the wider area or the periphery of the researched territory (within a diameter of 10 km) of the sites of Bubanj (Slana Bara, Slatina I and Slatina in Lalinac) and Velika Humska Čuka (Slatina 1) point to the importance of animal husbandry and hunting in those settlements and the possibility of salt procurement for both human and animal diet (fig. 2).

Velika Humska Čuka lies 8.5 km north-east of Bubanj. Flint deposits are represented at the Kremenac location which lies 2.1 km west of the site in the village of Hum, and it is considered that those deposits were exploited in prehistory [26, p. 289–290; 27; 28], while copper deposits are located 8.3 km northeastern of the site. Claypits in the vicinity of both sites (one about 300 m from Velika Humska Čuka and one near Bubanj) point out the possibility that the population from those sites was using those pits for pottery production.

The history of research and stratigraphy

The importance of previous excavations is reflected in the fact that materials uncovered at the sites of Bubanj and Velika Humska Čuka, and publication by A. Oršić Slavetić in 1940 have served M. Garašanin to define two phases of the Bubanj-Hum group of the Central Balkans on the 3rd International Congress of Prehistorians in Zurich in 1950, prior to his excavations [29, p. 8]. M. Garašanin conducted archaeological excavations at the site of Bubanj between 1954 and 1958, and at the site of Velika Humska Čuka in 1956, which enabled him to define and further elaborate the cultural development of the Bubanj-Hum group [30; 31; 32; 33; 34], and subsequently provide certain complements and modifications according to the new data on the Eneolithic cultures of the neighboring regions [29, p. 8–16; 35, p. 154–166].

The site of Bubanj

Six cultural horizons were recorded at the site of Bubanj following Oršić's (1937) and

Garašanin's excavations (1954–1958) [36; 37, p. 246–247]. A total of more than 520 m² have been excavated. The following cultural horizons have been recorded:

1. Starčevo-Middle Neolithic;
2. Bubanj-Hum Ia, i. e. Bubanj-Krivodol-Sălcuța cultural complex – Early Eneolithic;
3. Bubanj Ib, i. e. Cernavodă III-Boleraz-Baden cultural complex – Middle or Late Eneolithic;
4. Bubanj-Hum Ib, i. e. early southern variation of the Coțofeni culture, early Kostolac and Baden cultures – Late Eneolithic;
5. Bubanj-Hum II, i. e. late southern variant of the Coțofeni culture, late Kostolac culture, and certain elements from the southeast (Dikili Tash and Sitagroi in north-eastern Greece) and the northwest (Vučedol culture) – Late Eneolithic;
6. Bubanj-Hum III – Early Bronze Age, i. e. late Glina culture.

The final research campaigns at the site of Bubanj were conducted in a period between 2008 and 2014 by the Institute of Archaeology in Belgrade and the National Museum in Niš. In the course of this period, a surface of approximately 150 m² was investigated on a small remaining part of the site on the eastern plateau. The length of the dig, which was organized in three trenches, was 24 m, and the width up to 6.5 m. A total of five cultural layers (six, in fact, considering that the youngest layer V is separated into upper and lower portion) with at least eleven settlement horizons (Starčevo-level I, Bubanj-Hum Ia-levels I Ia-c, Bubanj Ib-Cernavodă III-Boleraz-Baden cultural complex – levels IIIa-b, Bubanj-Hum Ib-levels IVa-c, Bubanj-Hum II-lower level V and Bubanj-Hum I-upper level V) were recorded in a layer of up to 2.7 m of depth. The latest excavations in the eastern plateau have enabled the separation of 11 settlement horizons, and the finds indicate the existence of Middle Bronze Age, Late Bronze Age and Early Iron Age horizons, as well as a Modern Age necropolis. Those excavations implied detailed analyses of Early Eneolithic settlement patterns in the Niš Basin, results of previous

excavations, stratigraphy, and chronology of the site, pottery, chipped stone and bone industry, animal and plant remains [37]. Of significant importance are the results of the dating of Eneolithic and Early Bronze Age contexts which provided the first chronological framework for certain cultural manifestations in southeastern Serbia and enabled the comparison with dates from the excavated settlements in western Bulgaria and the surrounding regions [38; 39; 40].

The site of Velika Humska Čuka

The first mention of the site, as a Neolithic, comes from the survey reports of V. Fewkes [41]. The first archaeological excavations at the site of Velika Humska Čuka were conducted in 1932 and 1933 by the National Museum in Niš and continued in 1934 by V. Grbić, who attributed the site to the Bronze Age. The excavations were continued in the following years, although the results have never been published. The continuation of excavations in 1956 enabled the separation of a specific prehistoric phase marked as the Bubanj-Hum group [42]. Judging by the plan that was published in 1959, the excavations were conducted on the first and the second terrace [42, fig. 1].

The total depth of the archaeological layer varied between 0.9 and 1.2 m [42, fig. 2–3]. Different stratification was caused by the fall of the terrain from the north towards the south, and the difference in the thickness of cultural layers was caused by erosion and digging of later structures from historical periods. During the earlier excavations, a total of two cultural layers have been separated in the stratigraphy of the site, both with a different degree of preservations and depth. The first cultural layer contained mixed material from the Eneolithic, Bronze Age and historical periods, and the older cultural layer contained the Early Eneolithic Bubanj-Hum Ia material [42, p. 245). A total of four phases of settling have been separated (Early Eneolithic Bubanj-Hum Ia phase, Bronze Age – the so-called Slatina group, Roman phase, and Medieval-Slavic phase), while certain activi-

ties and phases were presumed based on the scarce material (Late Eneolithic Bubanj Hum Ib phase, i. e. Baden-Kostolac, Late Eneolithic/Early Bronze Age Bubanj-Hum II phase, Early Bronze Age Bubanj-Hum III phase, Early Iron Age and La Tène periods) [42, p. 245–249].

The archaeological excavations conducted by the Institute of Archaeology in Belgrade and the National Museum in Niš in 2009 and between 2014 and 2021, covered an area of 530 m² within the eastern portion of the site, on the fringe of the second terrace [43, fig. 1]. The depth of the cultural layer at the plateau measures up to 2 m. The recorded remains of settlement structures and portable archaeological finds indicated the existence of at least 11 habitation horizons:

1. Early Eneolithic Bubanj-Hum Ia phase;
2. Late Eneolithic Bubanj-Hum Ib phase i. e. Late Kostolac-Coțofeni;
3. Late Eneolithic/Early Bronze Age Bubanj-Hum II phase;
4. Early Bronze Age Bubanj-Hum III phase;
5. Middle Bronze Age;
6. Late Bronze Age;
7. Early Iron Age;
8. Later phases of the Early Iron Age (5th/4th century BC);
9. La Tène III phase;
10. Antique (Roman) Period (2nd–3rd century AD);
11. Late Antique-Early Byzantine Period (4th–5th century AD).

The earliest prehistoric layers were more or less damaged by digs from later prehistoric periods and especially the Late Antique Period.

The chronology and the settlement character during the Eneolithic at the site of Bubanj

Early Eneolithic (ca. 4500/4400–3800/3700 cal BCE)

The archaeological excavations at the site of Bubanj have pointed out that two out of three plateaus at the site were inhabited

during the Early Eneolithic. The smallest western plateau, yielded no remains of above-ground structures, while previous excavations recorded the remains of a stone ring, which together with the topographic characteristics of the terrain (circular form and emphasized sloping of the terrain) indicate its defensive function [36, p. 55]. On the largest, eastern plateau, two Early Eneolithic horizons, with a depth between 1.2 and 1.4 m, were registered during the excavations by A. Oršić Slavetić (levels A and B) and later by M. Garašanin (levels V–IV) [29; 35; 36; 44, p. 14]. Latest excavations have pointed out that a portion of the plateau (or perhaps the entire plateau) was encircled by a deep ditch with a deposit of compact soil on its inner side, which might have served as a rampart. Remains of habitation horizon C were recorded in the central plateau. The level is represented by an earlier horizon with above-ground structures possibly separated in at least two phases, and a younger horizon represented by pits. The depth of the layer was up to 0.5 m. Levels with burnt structures in the eastern plateau built in wattle and daub technique, of which one measured the dimensions of 8x4 m (outer dimensions) (Oršić's level A) could represent the parts of simultaneous settlement (Oršić's level A and Garašanin's level V, i. e. Oršić's level B and Garašanin's level IV), while level C on the central plateau was represented by unburnt structures built in different technique (the foundation of walls into deep ditches and the utilization of stone as a building material in the upper portions of the structures). The inner dimensions of three partially excavated structures on the central plateau are approximately 6.4x5.5 m. A foundation wall of a palisade, with an emphasized function of protection from the northern winds, was recorded in the vicinity of the aforementioned structures [29, p. 11].

The latest research has confirmed that during the Early Eneolithic, the preserved portion of the eastern plateau hosted structures built in wattle and daub technique (without foundation ditches and stone as

building material), although no significant remains of burnt daub have been recorded. Several structures with post holes, that had economic and possibly residential character, were recorded within three building horizons of the cultural layer II, with a depth of around 1.35 m [37, p. 69–90]. According to the distribution of finds, it has been suggested that the other features within the excavated area (oven, pits, and ditch) served as working areas in which the most prominent activities were connected with preparation for weaving, weaving, and the production of utility products made of leather and fur [37, p. 162–166, tab. 7, 13, 14]. Additionally, six available AMS dates indicate that three building horizons within the excavated portion of the eastern plateau originate from a relatively short period within one to two centuries between 4343 and 4262 cal BCE (68.2% probability) and 4351 and 4245 cal BCE (95.4%) (tab. 1/6-10). Therefore, it remains unclear whether the remains of the Early Eneolithic settlement in the eastern and central plateau are concurrent or represent settlements from different phases of development of the BSK cultural complex. The existence of the early phase of the BSK complex at the neighboring site in Hum [10, p. 19, fig. 8], might indicate that the phase was present at Bubanj as well and that it could be represented within Garašanin's level C at the central plateau. On the other hand, if the remains of settlements on the central and eastern plateau are concurrent, it would indicate social segregation within a larger settlement, which would in this case encompass both plateaus. An absolute date that originates from the lower portions of a deep Late Eneolithic pit, which might indicate the possibility of settling at the site of Bubanj between the 40th and the 39th century BC, is quite representative of the development and chronology of the Early Eneolithic at the site (tab. 1/12). During the excavations, no features or cultural layers which would correspond to that period were recorded, although certain stylistic and typological characteristics were noted on a series of potsherds, which draw parallels in

period-related cultural groups of the Lower Danube Region, such as Salcuta IV, Galatin, Cernavodă I and others [45, p. 131, fig. 1/1; 36, cat. number 77; 37, Pl. 3/1, 5; Pl. 6/1, 5; Pl. 16; Pl. 17/1, 9, 10, 13, 15]. However, the aforementioned absolute date does not automatically imply that the sample (a river shell valve) was utilized by humans, since those are used both in human and animal diet, and the sample could have been brought to the site in that manner, especially considering the former proximity of the Nišava River to the site. Numerous finds of chipped stone tools (primarily blades) and cores, grinding stones, ceramic weights, and spindle whorls represent a prominent characteristic of the Early Eneolithic habitation horizons at the site. Additionally, finds of ceramic and bone anthropomorphic figurines, ceramic altars and palettes, ceramic vessels coated with golden dust, painted with pasty colors (usually red) and graphite, marine shell jewelry, and copper tools, are all important. Likewise, several features containing a significant number of completely preserved yet broken ceramic vessels have been recorded, as well as several features containing a large number of stone objects, bone tools, and pottery. Pottery from all of the horizons of the cultural layer II is characteristic for the Bubanj-Hum I group, meaning the BSK cultural complex (pl. 1).

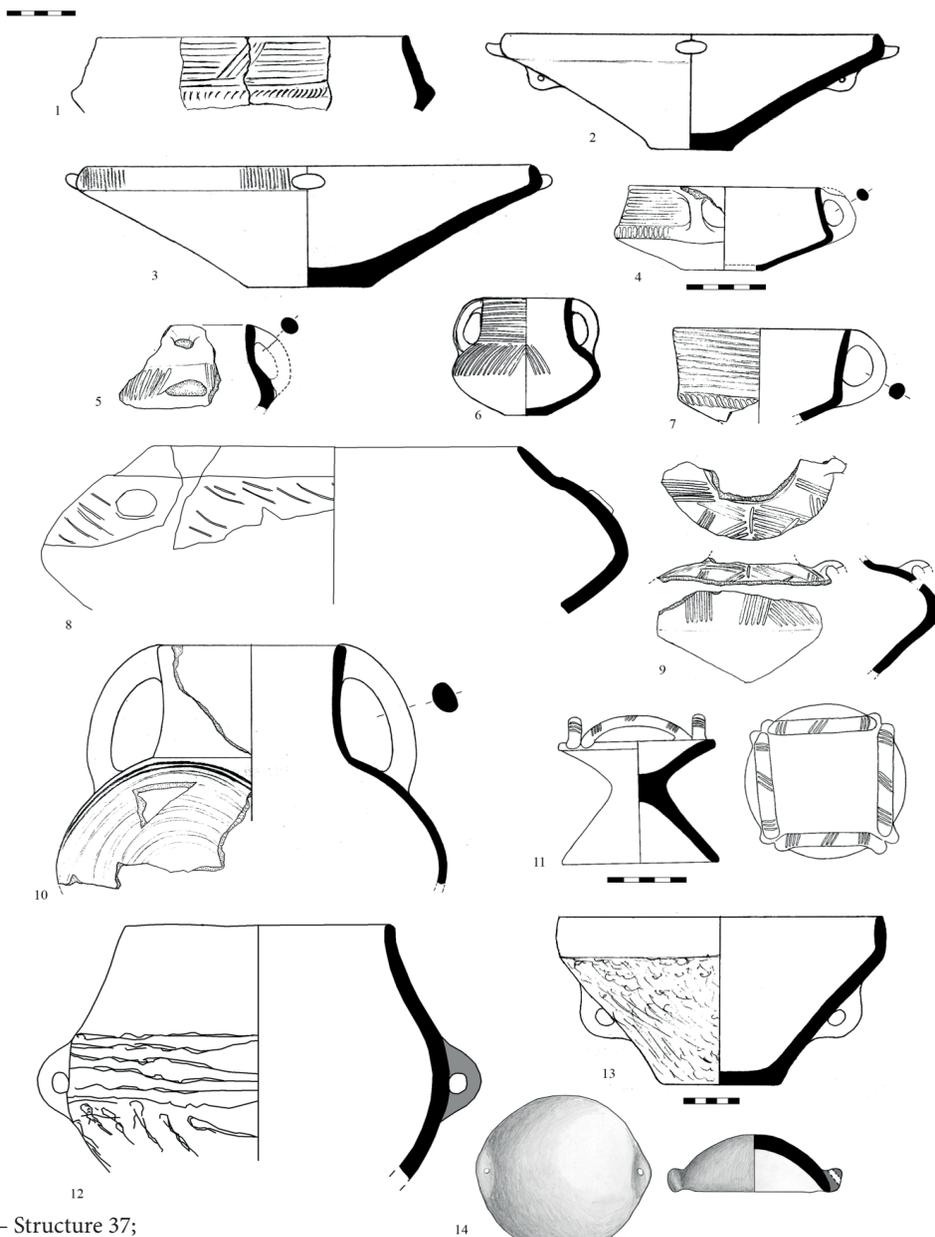
Bowls, beakers, amphorae, pots, and lids comprise most of the recorded vessels from the Early Eneolithic features at the site of Bubanj, while beakers on a foot, cups, strainers, miniature vessels, altars, and vessels with a handle on the bottom comprise a total of 3%. Bowls represent the most numerous forms of ceramic vessels. The most represented are bowls with an inverted rim, followed by conical bowls with a thickened rim, conical, semi-globular, globular, and biconical bowls. In terms of quantity, the beakers represent the second group of vessels, amphorae the third, and pots the fourth. Channeling and barbotine ornamentation are the most common decoration techniques. Other represented decoration techniques are incising, impressing, red color painting, grooving, graphite painting,

notching, and ornamentation comprised of burnished lines, modeled bands and ribs, and a bicolored outer surface of the vessel.

Middle Eneolithic (ca. 3600/3500-3300/3200 cal BCE)

During the earlier excavations, remains of the settlement from the middle or early phase of the Late Eneolithic period, which was connected with the Cernavodă III-Boleraz cultural complex (the Bubanj Ib group), were confirmed in Garašanin's level III on the eastern plateau [36, p. 54; 46; 47]. The discovered structure, which was probably burnt, was built in the wattle and daub technique. Finds from this period were also recorded in Oršićs trenches, and his level C could be related to Garašanin's level III. Finds from the trenches on the central plateau from 1957 and 1958 confirm the activities from the same period.

In the course of research between 2008 and 2014 cultural layer III with 2 horizons, which was attributed to the Middle Eneolithic period, with pottery whose stylistic and typological elements correspond to both Cernavoda III-Boleraz and Baden groups was registered. In line with that, the authors suggested a new term for the Middle Eneolithic of the Central Balkans – Cernavoda III-Boleraz-Baden cultural phenomenon (hereafter: CVIII-B-B) [37]. The remnants of a floor made of burnt soil, one storage pit, and several waste pits were recorded in the earlier horizon of this layer. Interestingly, a completely preserved amphora with a small number of various plant residues was recovered *in situ* in the storage pit. The remains of a floor substructure indicate the existence of a kiln in this period, yet, based on finds from both of the horizons, this part of the settlement was not utilized for habitation, but rather for waste disposal and storage, which indicates that the settlement was located in the immediate vicinity, probably somewhat to the south. This is further confirmed by numerous finds of house daub in structures and the layer from this period, as well as a structure made of wattle and daub which was

1 – Structure 37;

2, 3, 6, 11–14 – Structure 25/27;

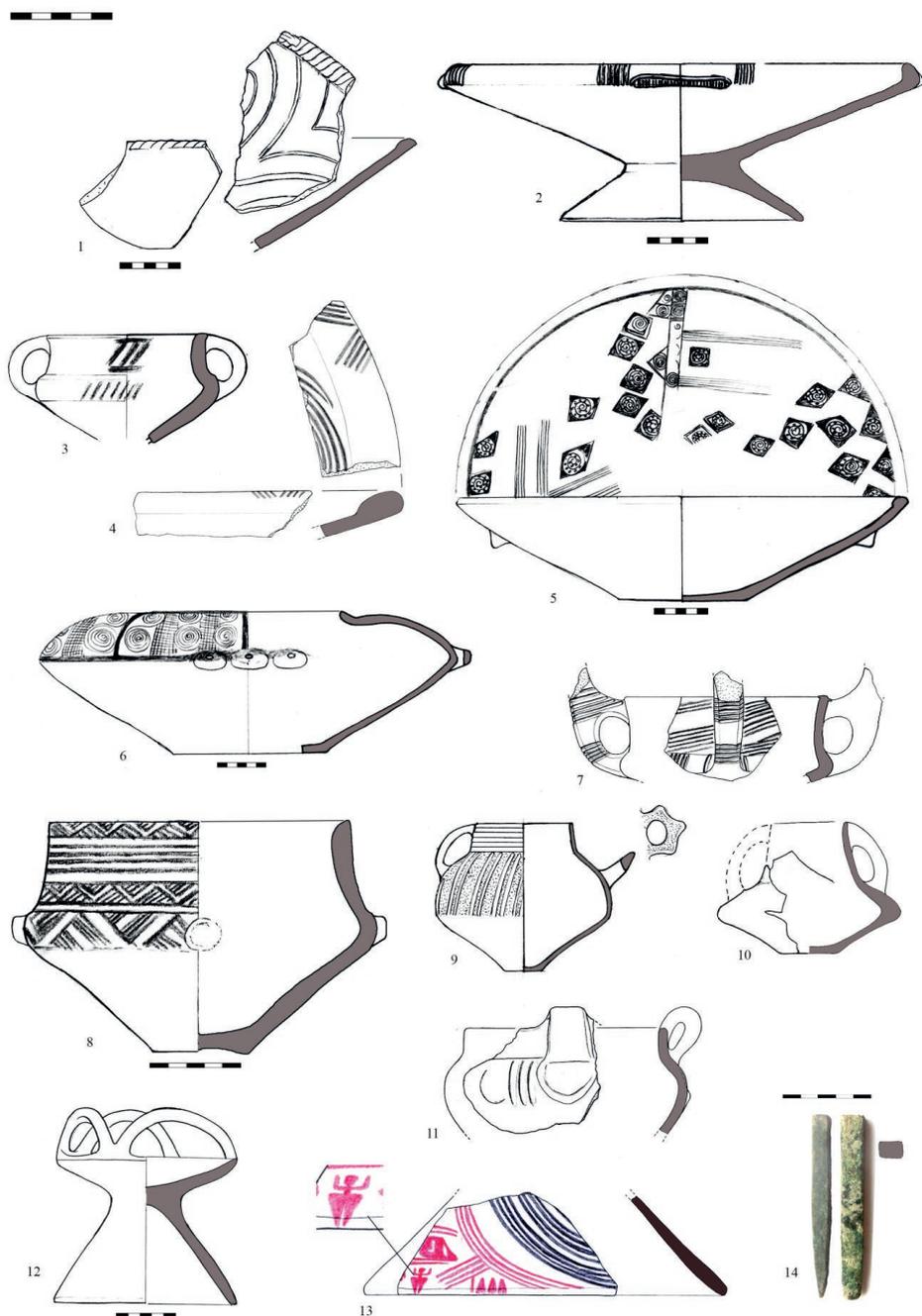
4, 5, 7, 9, 10 – Structure 69; 8 – Structure 26.

Pl. 1 / Рис. 1. EE Bubanĵ / EE Бубань

Источник: данные авторов

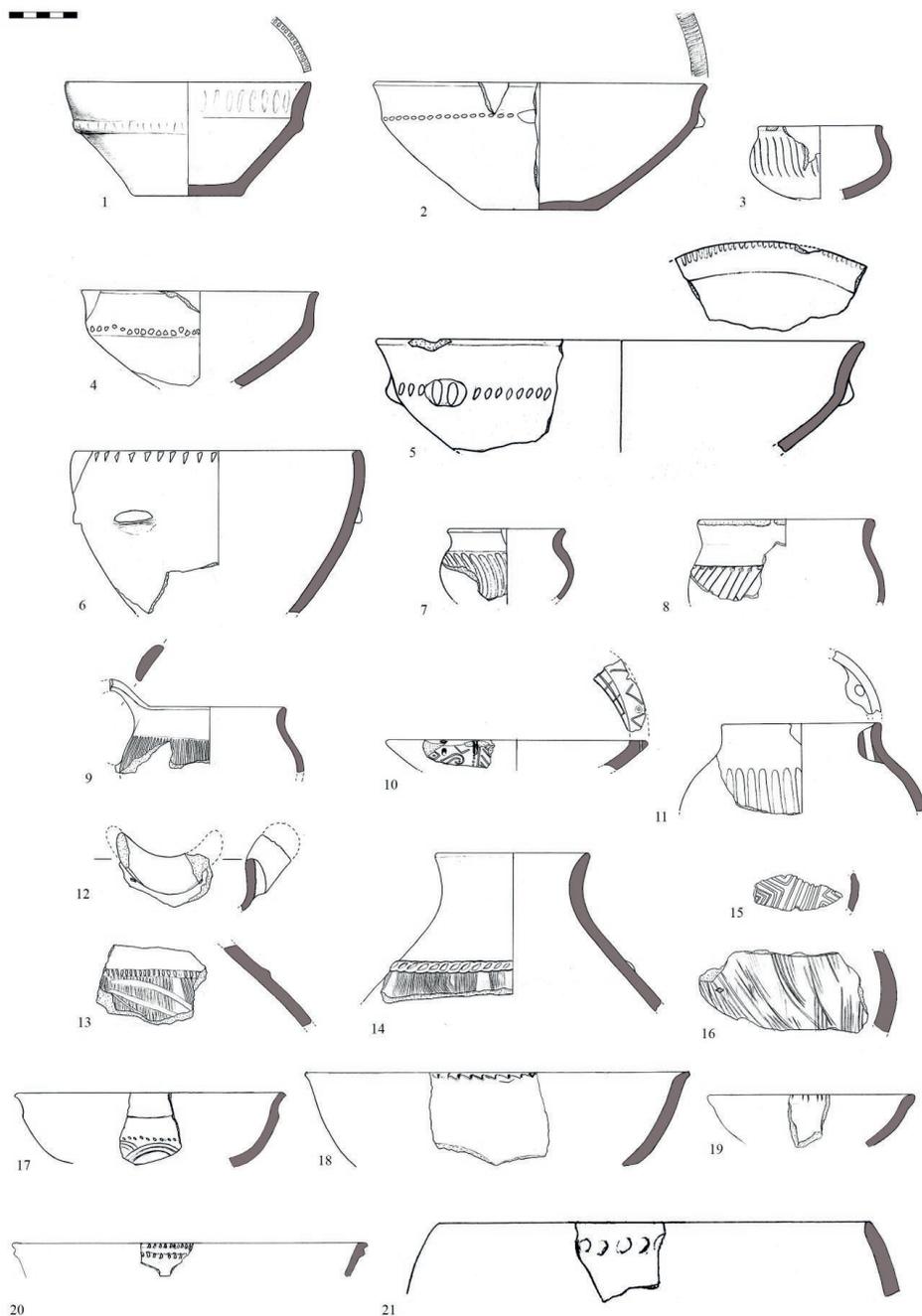
detected in Garašanin's trench I [47], some 10 m to the southeast of trench III from the 2013–2014 campaigns. The most common types of vessels and characteristic elements of Cernavoda III-Boleraz-Baden phenomenon are a conical or a semi-globular bowl with a funneled neck, sometimes decorated

with channels and circular or oval impressions on the rim, globular vessels with short cylindrical or funneled necks (cups), with or without ribbon-like handles, lids or plates of the Bratislava type, semi-globular bowls with a slightly emphasized neck, handles with a segmented body and so on (pl. 3).

Pl. 2 / Рис. 2. EE Velika Humska Ćuka
 Источник: данные авторов

- 1 and 2 – House 3, the earliest House floor
 3, 7, 8 and 14 – House 2
 4 and 10 – House 1
 5 and 6 – House 3, the latest horizon
 9 and 11 – trench 1/18, EE cultural layer
 12 – House 4
 13 – Structure 18

РІ. 3 / Рис. 3. ME – Vubanĵ / ME – Бубанĵ
 Источник: данные авторов

1-16 – The earlier horizon of the ČVIII-B-B phenomenon
 17-21 – The later horizon of the ČVIII-B-B phenomenon

Table 1 / Таблица 1

Table of Eneolithic absolute dates and cultural horizons at the sites of Bubanj and Velika Humska Čuka / Таблица абсолютных дат энеолита и культурных горизонтов на стоянках Бубань и Велика Хумска Чука

No	Site	Context	Lab Code	BP	Cal BC	Published
1	Velika Humska Čuka	House 3 (the oldest house floor)	DeA 21482	5571±39	4490-4340 sigma 2, 4447-4373 (68% CalPal)	Bulatović et al. 2020
2	Velika Humska Čuka	Substruction of the kiln floor between Houses 1 and 3	DeA 26775	5539±32	4450-4340 (95.4%) 4370-4345 (47%) 4442-4421 (37%)	This study
3	Velika Humska Čuka	House 4	DeA 21483	5481.40	4450-4250 sigma 2, 4360-4282 (68% CalPal)	Bulatović et al. 2020
4	Velika Humska Čuka	House 2	AA 109498	5473±31	4365-4259 (95.4%) 4352-4326 (51.0%)	Bulatović, Vander Linden, Gori 2018
5	Velika Humska Čuka	Structure 18	DeA 26776	5469±32	4370-4250 (95.4%) 4349-4326 (58,5%)	This study
6	Bubanj	structure 69 (pit)	SUERC 50666	5452±28	4351-4257 (95.4%) 4343-4266 (68,2%)	Bulatović, Vander Linden 2017
7	Bubanj	structure 3 (remains of the LE house)	MAMS 31460	5445±24	4344-4260 (95.4%) 4291-4266 (40.8%)	Bulatović, Vander Linden, Gori 2018
8	Bubanj	structure 37 (pit)	Lyon 13690	5440±30	4346-4246 (95.4%)	Bulatović, Vander Linden, Gori 2018
9	Bubanj	27 (pit)	Lyon 13689	5435±30	4343-4245 (95.4%)	Bulatović, Vander Linden, Gori 2018
10	Bubanj	structure 69 (pit)	SUERC 50670	5433±30	4342-4245 (95.4%) 4336-4262 (68.2%)	Bulatović, Vander Linden 2017
11	Velika Humska Čuka	House 1	DeA 26774	5416±38	4350-4070 (95.4%) 4348-4228 (90.4%) 4304-4250 (72.6%)	This study
12	Bubanj	structure 20 (pit)	MAMS 31463	5087±25	3960-3800 (95.4%) 3881-3800 (61.8%)	Bulatović, Vander Linden, Gori 2018
13	Velika Humska Čuka	House 3 (the youngest house floor)	DeA-19350	5064±36	3960-3780 (sigma 2) 3848-3801 (42%)	This study
14	Bubanj	structure 23 (pit)	Lyon 13228	4615±35	3517-3339 (94.3%) 3517-3396 (63.6%)	Bulatović, Vander Linden 2017

No	Site	Context	Lab Code	BP	Cal BC	Published
15	Bubanj	structure 108 (pit)	SUERC 69295	4587±37	3502-3109 (95.4%) 3495-3138 (68.2%)	Bulatović, Vander Linden 2017
16	Bubanj	structure 82A (under the floor)	MAMS 31462	4586±22	3493-3138 (95.4%) 3481-3348 (68.2%)	Bulatović, Gori, Vander Linden 2020
17	Bubanj	structure 54	SUERC 50673	4529±32	3361-3102 (95.4%) 3355-3117 (68.2%)	Bulatović, Vander Linden 2017
18	Bubanj	Trench 2/spit 17	SUERC 50672	4516±32	3356-3098 (95.4%) 3347-3115 (68.2%)	Bulatović, Vander Linden 2017
19	Bubanj	structure 49/93 (remains of a house)	MAMS 31466	4494±24	3339-3098 (95.4%) 3331-3105 (68.2%)	Bulatović, Gori, Vander Linden 2020
20	Bubanj	structure 42	MAMS 31465	4481±23	3338-3037 (95.4%) 3327-3099 (68.2%)	Bulatović, Gori, Vander Linden 2020
21	Bubanj	structure 15 (remains of the house)	SUERC 69296	4470±37	3341-3024 (95.4%) 3330-3037 (68.2%)	Bulatović, Vander Linden 2017
22	Bubanj	structure 83 (remains of a house)	MAMS 31458	4400±25	3092-2925 (95.4%) 3086-2933 (68.2%)	Bulatović, Gori, Vander Linden 2020
23	Bubanj	structure 15/2 (remains of a house)	MAMS 31459	4398±23	3090-2925 (95.4%) 3084-2932 (68.2%)	Bulatović, Gori, Vander Linden 2020
24	Bubanj	structure 3 (remains of a house)	SUERC 69297	4393±35	3101-2910 (95.4%) 3083-2928 (68.2%)	Bulatović, Vander Linden 2017
25	Bubanj	structure 40	MAMS 31464	4289±23	2919-2885 (95.4%) 2909-2893 (68.2%)	Bulatović, Gori, Vander Linden 2020
26	Velika Humska Čuka	structure 6A (remains of a house)	MAMS 31475	4103±16	2851-2579 (95.4%) 2835-2587 (68.2%)	Bulatović, Gori, Vander Linden 2020

Источник: составлено авторами

Besides the mentioned finds, a figurine of the *Kopfloze* type, a zoomorphic figurine, as well as numerous loom weights, weights, spoons, chipped and ground stone tools, and other finds that testify the life of those communities at the site of Bubanj during the Middle Eneolithic were recorded.

Several absolute dates originating from enclosed features and one from the cultural layer indicated that the settlements within the cultural layer III with two horizons (Middle Eneolithic) existed in a period between 3517 and 3098 cal BCE (probability of 95.4%) or be-

tween 3517 and 3115 cal BCE (probability of 68.2%) (*tab. 1/14-18*) [38].

Late Eneolithic **(ca. 3200/3100-2800/2700 cal BCE)**

According to the stratigraphy and the enclosed features registered during the excavations at the site of Bubanj, within the cultural layer comprised of ashy grey soil, which is attributed to the Late Eneolithic (cultural layer IV), a total of three habitation horizons have been separated (marked I to III, from the earliest to the youngest), with finds attributed to the Coțofeni-Kostolac group (cf. [3; 49; 50; 51; 52]). A slightly different layer of light-brown soil (layer V) with finds attributed to the final phase of the Late Eneolithic or the Bubanj-Hum II group, was registered above it [37].

The enclosed features of layer IV are represented by house remains, oven floors, various pits, walking surfaces, etc. The layer could be correlated with horizons II and IIa defined by M. Garašanin during the excavations in the 50s of the last century [35; 36].

The most prominent features from this layer are the remains of two houses with rectangular layout, oriented approximately north-south, with the width of 3-3.5 m and unknown length. Both houses originate from the earliest horizon. The western house most likely had an apsidal northern wall, which is an architectural feature already noted in contemporary houses in the territory of Pannonia [52]. The houses are parallel and the gap between them measures 1.5–2 m, while a walking surfaces was recorded surrounding the houses. Judging by numerous post holes, finds of daub, and the vast amount of ash within the layer, the houses were most likely built in the wattle and daub technique, with an abundance of timber. Two hearths were located around 1–2 m west of the eastern house, and an oven was recorded approximately 2 m east of the houses.

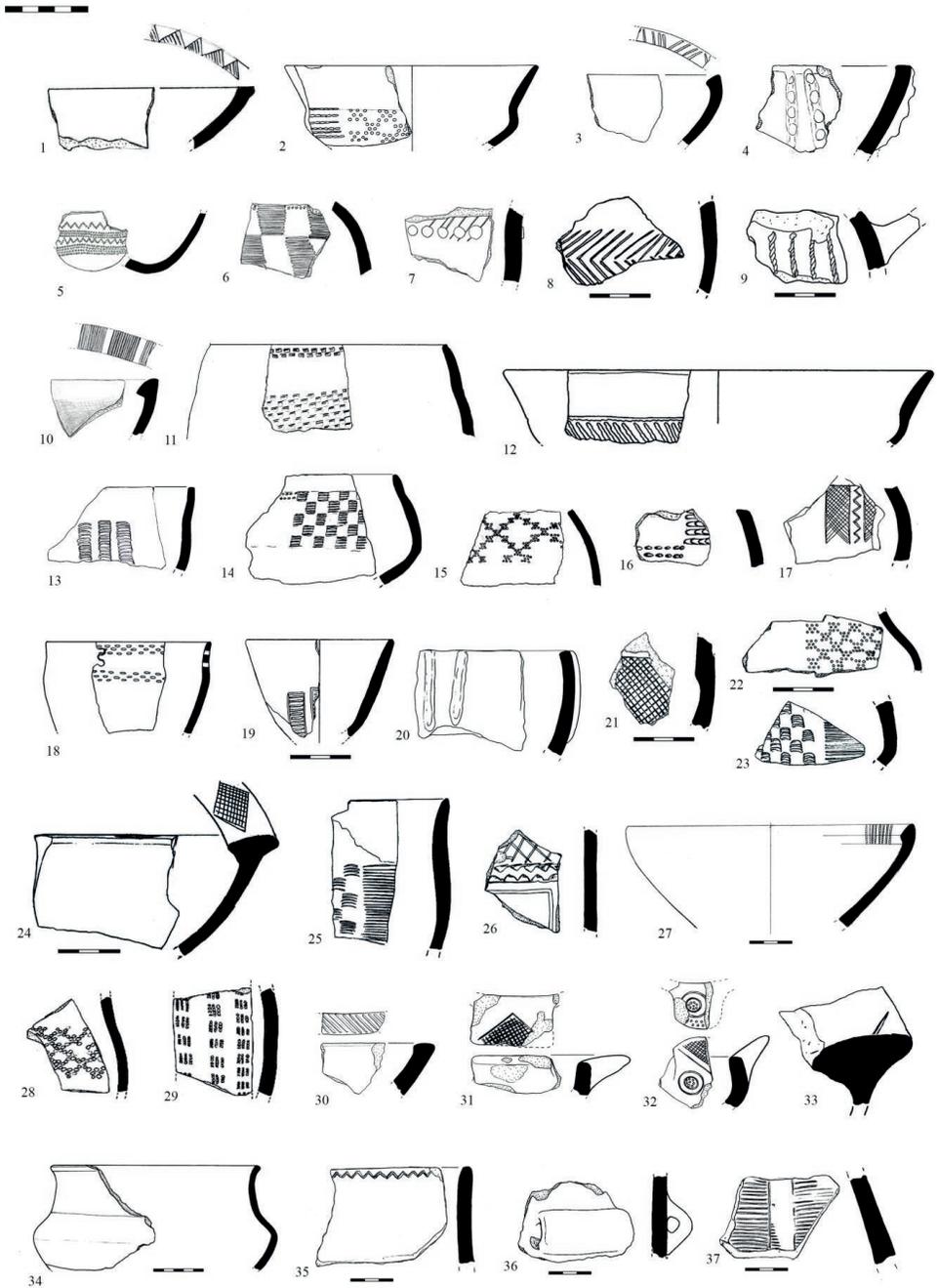
The western, apsidal house, was renewed within the second horizon and judging by the remains of floors to the east, it is possible that the eastern house was likewise renewed

in this horizon. The remains of floors made of stamped and burnt soil have also been recorded western of the apsidal house, which opens the possibility that the settlement was more densely inhabited during this horizon compared to the previous.

Remains of floors of at least two rectangular houses, with the width of 2.5–3.5 m and unknown length, with the remains of oven floors and numerous surrounding pits, have also been recorded within the third horizon.

Unfortunately, this remaining part of the site that was excavated in a period between 2008 and 2014 was quite narrow and intersected with various recent digs and graves, which significantly complicated the excavations, stratigraphy, and settlement structure distribution analysis. Despite that, one can note that this part of the eastern plateau was most densely settled during the Late Eneolithic period, which is confirmed by the results of Garašanin's excavations in Trench I on the eastern plateau.

According to the stylistic and typological characteristics of the pottery, this cultural layer (layer IV) undoubtedly belonged to the bearers of the Coțofeni-Kostolac culture, which was widespread in the territory of eastern, central, and southeastern Serbia. The elements characteristic for the Coțofeni culture are semi-globular bowls with a slanted rim decorated with incised ornaments, deep semi-globular vessels decorated with vertical modeled ribs, amphorae with an emphasized and thickened rim, barrel-shaped pots with tongue-shaped handles, decorated with bands with finger impressions, the combed ornament, cross-cutting incised lines that form lozenges, the herringbone motif, lens-shaped applications, corded ornament and so on (pl. 4/4, 7–9, 18, 20). In addition, the elements of pottery characteristic for the Kostolac culture such as the slightly S-profiled bowls with a funneled neck, amphorae with a narrow opening and widened belly (the so-called *Fischbutte*), and semi-globular cups, as well as decoration such as the *Furchenstich* ornament and rows of dotted notches forming various ornaments (parallel lines, zigzag

Рл. 4 / Рис. 4. LE – Bubanĵ and Velika Humska Čuka /
LE – Бубанĵ и Велика Хумска Чука

Источник: данные авторов

1–9 – Bubanĵ, the first horizon of the LE

10–17 – Bubanĵ, the second horizon of the LE

18–23 – Bubanĵ, the third horizon of the LE

24–26 – Bubanĵ, layer V

27–29 – Velika Humska Čuka, LE cultural layer

30–37 – Velika Humska Čuka, structure 6A (house
remains from the final phase of the LE)

lines, etc.) were also recorded in this layer (pl. 4/1-3, 5, 10–12, 15, 16, 22) (cf. [50; 51]). It has to be noted that certain elements such as vertical rows of densely incised horizontal or slightly arched parallel lines, or the ornament composed of geometrical shapes filled with a dense net comprised of cross-hatched incised lines, were recorded in both the second and especially the third horizon (pl. 4/6, 13, 14, 17, 19, 21, 23). Such elements are uncommon for this culture in the north, and could, therefore, be characterized as local elements. It has also been noted that starting from the second horizon, the elements of the Kostolac culture are represented to a higher degree than the elements of the Coțofeni culture. On the other hand, both in the second and especially in the third horizon, elements resembling the Vučedol culture sporadically occur. The ceramic inventory includes almost none of the forms characteristic for the previous period, while inherited decoration does prevail to a slightly higher degree.

Several absolute dates originating both from the enclosed features and cultural layer IV, revised based on the well-defined stratigraphy, chronologically determine the layer as belonging to the period between the second half of the 34th century and the beginning of the 29th century cal BCE. According to more precise absolute dates, the beginning of the earliest horizon falls within 3339 cal BCE (95.4%), or 3331 (68.2%), and the end of the youngest horizon III is dated to 2885 (95.4%), or 2893 cal BCE (68.4%) (tab. 1/19-25) (cf. [40, p. 1173–1174]).

In the layer of light-brown soil above cultural layer IV (layer V), remains of a rectangular house oriented northwest-southeast, of undefined dimensions, have been recorded, as well as one pit and two zones comprised of pebbles and potsherds. The ceramic finds from this layer correspond to the Bubanj-Hum II cultural group, defined by M. Garašanin more than half a century ago, yet only recently scientifically affirmed. The basic ceramic forms of the aforementioned group at the site of Bubanj are semi-globular bowls with T-shaped rims, bowls with in-

verted rims, bowls with rectangular modeled extensions on the rim, and the favored ornamental motifs are incised hatched lines, rows of parallel incised short lines (pl. 4/24-25), while deep incising characteristic for the Vučedol group is sporadic (pl. 4/26). No absolute dates are acquired for this layer at the site of Bubanj. The group is more precisely culturally and chronologically defined by finds from the site of Velika Humska Čuka, which will be further elaborated.

The chronology and the settlement character during the Eneolithic at the site of Velika Humska Čuka

Early Eneolithic (ca. 4500/4400-3800/3700 cal BCE)

The earliest layer with the remains of the Early Eneolithic above-ground structures with a depth of up to 0.7 m is the best-preserved layer at the site. The excavations in 2009 yielded ceramic vessels bearing stylistic and typological characteristics that indicated the existence of an older (graphite painted pottery) and younger phase of the Early Eneolithic (the so-called *Scheibhenkel* horizon or Galatin-Sălcuța IV-Teliș IV-Herculane II-II horizon) [43]. The younger phase was not separated by M. Garašanin during his excavations, yet variously graphite decorated pottery was recorded in the central portion of the site during the 1954–1956 campaigns [42]. No residential structures were recorded on that occasion.

The latest research between 2014 and 2021 yielded features comprised of remains of above-ground houses and accompanying working surfaces with a large number of ceramic weights, oven floors, hearths, and pits within the Early Eneolithic layer. Of particular importance is the discovery of a portion of a settlement with four excavated rectangular above-ground structures with a considerable amount of finds, especially completely preserved and fragmented vessels decorated with graphite, which contrast a relatively scarce representation of such vessels at the site of Bubanj. Likewise, the latest

research has pointed out that the residential structures from this period are concentrated in the eastern portion of the site, that those are smaller in dimensions (approximately 5×3.5 m) and rectangular, oriented north-south with a slight deviation, built in wattle and daub technique and burnt. Three of the houses (1–3) were used for a longer period, renewed several times, which is indicated by numerous floors layered one above the other, with the thickness of up to 0.4 m in total, portable finds, as well as absolute dates. The houses contained a significant number of ceramic vessels and other finds, and in one of the houses (House 3), besides several vessels laid into pits dug into the house floor, fragments of two ceramic drums, the so-called *tarabouki* were recorded, which indicate that music and dancing were significant activities at the site. This is further supported with a find of a beaker foot with a painted representation of a woman in motion with raised hands (dance or adoration stance) (pl. 2/13), which was recorded next to the oven in the proximity of House 3. A rectangular altar painted in various colors was recorded within the same house, which indicates that certain rituals took place within the settlement. A find of a copper chisel (pl. 2/14), typologically similar to the examples from the Pločnik hoards, and the radiometric analysis of an animal bone found in the vicinity of the chisel, indicate that this portion of the site is either synchronous or in close chronological relations with the youngest horizon at the site of Pločnik which is characterized by metallurgical activities. Numerous finds of chipped stone objects in all phases of production at the site indicate that the Kremenac deposits represented a significant economic resource of the community that exploited it. The layer is primarily represented by medium and coarse ware vessels tempered with sand and small stones, with slightly burnished or rough surfaces, baked in brown, reddish, or grey. The fine ware vessels tempered with sand, with burnished surfaces, baked in black and brown are dominated by forms such as beakers with

arched handles oval in cross-section (pl. 2/3, 7, 9, 10), bowls with inverted rims, often with large hollow foot (pl. 2/2), conical bowls and plates with thickened rims (pl. 2/1, 4, 5) and deep biconical bowls with a conical and rarely funneled neck (pl. 2/8). Save for the mentioned forms, lavishly decorated vessels with a narrow neck and a wide belly are recorded to a lesser degree (pl. 2/6). In general, the ornamental techniques are represented by incising (pl. 2/1), pricking (pl. 2/9), channeling (pl. 2/1, 2, 9, 11), graphite and pasty color painting (red, white, yellow, purple) (pl. 2/3-8, 13). A golden coating is recorded on two potsherds from House 3, which indicates either the mastering of this technique in the settlement (at least within the latest horizon to which the potsherds are dated) or contacts with communities that were already acquainted with the technique.¹ Particularly interesting are vessels (beakers) on high hollow foot, with arched handles which surpass the mouth of the vessel (pl. 2/2), and often intersect, sometimes with an anthropomorphic figure at the top. Such vessels are extremely rare and appear almost exclusively at the sites of Bujanj and Velika Humska Čuka, especially the latter, and could be interpreted as a local autochthonous ceramic form.

According to the stratigraphy and absolute dates, at least three settlements (horizons) can be observed at the site during the Early Eneolithic. The first horizon is represented by house 3 (earliest habitation horizon) (pl. 2/1, 2) and the remains of the oven between houses 1 and 3, while the second horizon is represented by Houses 1 (pl. 2/4, 10), 2 (pl. 2/3, 7, 8, 14) and 4 (pl. 2/12), as well as the group of potsherds and bones with the aforementioned vessel painted with a woman in motion (pl. 2/13). The youngest, third horizon, is represented by the youngest floor in House 3, probably with pits and lavishly decorated pottery (pl. 2/5-6), *tarabouki*, and a massive altar. The horizon is also characterized by vessels with handles with wid-

¹ The analyses were conducted by the Laboratory of the Institute for the Protection of Cultural Monuments of Serbia – Belgrade.

ened plate-shaped roots (the *Scheinbenhenkel* type) and globular beakers decorated with narrow intertwined channels and small punctures (pl. 2/9). The absolute dates position the first horizon in the 45th–44th century BCE (tab. 1/1, 2), the second horizon into the 44th–43rd century BCE (tab. 1/3-5, 11), and the third horizon into the 40th–39th century BCE (tab. 1/13), (tab. 1/1-5, 11, 13).

Late Eneolithic

(ca. 3200/3100–2800/2700 cal BCE)

No finds or cultural layers attributed to the Middle Eneolithic, meaning Cernavodă III-Boleraz or Baden cultural groups have been recorded at the site of Velika Humska Čuka, save for one enclosed feature, most likely a house, as well as finds which are attributed to the final phase of the Late Eneolithic.

Layers from the Early and Late Eneolithic, all phases of the Bronze Age up to the Late Iron Age have been recorded at the site of Velika Humska Čuka. Unfortunately, such vertical stratigraphy on a relatively small depth of cultural layer, between 0.7 and 2 m, caused poor preservation of all of the layers, including the Late Eneolithic layer. Fortunately, during the 2016 campaign, remains of a structure represented by a zone of stamped and partially burnt soil of approximately rectangular shape were recorded. The structure was laid directly on the rock and penetrated two cross-sections of the trench, which disabled the precise determination of its dimensions. This zone contained exclusively pottery attributed to the final phase of the Eneolithic, the Bubanj-Hum II group. The pottery is represented by bowls with inverted rims and modeled rectangular extensions, mostly decorated with stamps, net motif and incised lines (pl. 4/31, 32), bowls with T-shaped rims (pl. 4/33), and biconical bowls with an emphasized profile which resemble the Vučedol «terina» (pl. 4/34). Some of the elements on pottery are known from the preceding period of the Coțofeni-Kostolac group, such as bowls with widened rim and decorated upper surface (pl. 4/30), large ves-

sels with a long cylindrical neck decorated with a zigzag line below the rim (pl. 4/35), tunneled handles (pl. 4/36) and ornamental motifs comprised of vertical rows of parallel horizontally incised lines (pl. 4/37), which have also been registered at the site of Bubanj in layers IV and V (pl. 4/6, 13, 14, etc.). The absolute dates from the structure position it into the period between 2851 and 2579 cal BCE (probability 95.4%), that is 2835 and 2587 cal BCE (68.2% probability), meaning the period between the end of the 29th and the beginning of the 26th century [40].

Other finds with elements of the Late Eneolithic have also been registered at the site of Velika Humska Čuka (pl. 4/27-29), although mostly without a proper context or absolute dates. Therefore, it remains unclear if those finds are to be attributed to the Coțofeni-Kostolac group or if that horizon is present at the site, or those finds represent the survival within the Bubanj-Hum II group, whose existence at the site is argued by an enclosed context and absolute date.

Discussion

The site of Bubanj is positioned on a plateau of an elevation within a lowland environment on fluvial sediments (altitude of 198 m, elevation of 15 m), within the contact zone of alluvial plain and river terrace, in the vicinity of the confluence zone of Nišava and South Morava rivers. The site in Hum is distanced from fluvial formations and located deep within the hinterland at a dominant elevation (altitude of 455 m, elevation 120 m) within the contact zone of Neogenic sediments and hilly-mountainous hinterland. It lies 8.5 km northeast of Bubanj, while flint deposits at the Kremenac location, which are considered as an important mine exploited during prehistory, lie approximately 2.1 km to the west. Copper deposits have been recorded around 8.3 km to the northeast. The visual communication with the site of Bubanj and the Kremenac deposits indicates their importance and mutual connections.

Significant surfaces covered with alluvial soils, suitable for agriculture and animal hus-

bandry have been recorded in the vicinity of the site of Bubanj, as well as three toponyms that indicate saline soils and saltwater springs. The surroundings of the site of Velika Humska Čuka are dominated by meadow vegetation (vertisol) and forest soil types, as well as one toponym which indicates a surface with saline soils. In terms of geology and pedology, the site is located within an ecosystem quite suitable for the development of meadow biocenosis with pastures and forests, meaning a landscape rather suitable for animal husbandry than agriculture. A small area covered with eutric cambisol, a soil type which could according to its physical and chemical properties be utilized for agriculture, is located on the southern side of the site. However, most of the soil types represented in the surroundings of the site, formed on calcareous sediments, are unsuitable for cereal cultivation even in modern conditions, and therefore the region of Hum is even nowadays favorable for viticulture and animal husbandry, primary sheep and goats, rather than for agriculture.

Considering the character of the portion of the settlement excavated between 2008 and 2014 and the position of the site of Bubanj, within the central part of the lowland landscape, which is equally well connected with communications leading to the south and north through the South Morava Valley, to the east through the Nišava Valley and to the west through the Toplica Valley, it can be considered that the site had a function of a regional communication hub with an important role of agriculture and animal husbandry and an important place for the production of textiles and utilitarian object made of leather and fur, exchange and trade. The site in Hum was formed in the hinterland, distanced from river valleys rich in fertile alluvial soil types and in the vicinity of mineral resources, which indicates higher importance of animal husbandry, hunting, and organized supplying with copper and flint. The spatial proximity between the site of Bubanj and the site of Velika Humska Čuka, which had a visual control over a vast

area of the course of South Morava, as well as their favorable mutual visual communication (fig. 4), confirms that both sites represented important spots for inhabitation, places for the control of the surrounding resources, main communication and the flow of resources and information. The complementarity in terms of soil resources, surrounding flora and fauna and topographic and geomorphological characteristics, the wealth in flint and to a lesser degree copper tools, recorded within the Eneolithic layers on both sites, as well as visual control of the site in Hum over the neighboring quality flint and copper deposits, firmly indicate that those settlements were economically cooperative and tightly connected, at least at one point, the period of 44th/43rd century BCE, as confirmed by absolute dates. Additionally, finds of *tarabouki* at the site of Velika Humska Čuka point out that the sites could have also mutually communicated with sound. Similarly, finds of carbonized pinewood within the Early Eneolithic contexts at the site of Bubanj [53], suggest that the wood was acquired from locations at higher altitudes, such as the surroundings of the site of Velika Humska Čuka.

Significant changes in settlement patterns occur during the Early Eneolithic of the Central Balkans. The site of Bubanj was uninhabited during the Late Neolithic, and the first habitation following the Starčevo settlement is connected with the second half of the 5th millennium BCE. The site of Velika Humska Čuka was inhabited for the first time during the Early Eneolithic, and similarly to the site of Bubanj, remains an often inhabited location during the younger phases of prehistory. Small excavated surfaces, compared to the overall sizes of those sites, suggest that certain horizons have been less represented and noted, which has been partially confirmed by the latest archaeological excavations and radiometric measurements. The assumption that the sites of Bubanj and Velika Humska Čuka were simultaneously inhabited during the Early Eneolithic [43], between 4350 and 4250 BC, is now con-

Fig. 4 / Рис. 4. View on Velika Humska Čuka from the site of Bubanj / Вид на Велика Хумска Чука с городища Бубань

Источник: фото авторов

firmed. Therefore, it is possible that during the summer, glades surrounding Hum were utilized for livestock grazing and hunting, prospection, collection and possible mining of flint, and even copper, while during the winter, the herds were taken to lowland settlement (Bubanj), where the agriculture represented a dominant economic activity. Continuous similarities in stylistic and typological characteristics of pottery between Bubanj and Velika Humska Čuka (Early, Middle, and Late Eneolithic and Bronze Age) speak in favor of it.

Similarly, it is possible that the site in Hum was utilized as an alternative and temporary settlement in certain periods, when climate oscillations, migrations, conflicts, and/or other factors could have significantly affected the life of prehistoric populations within this micro-region. The higher social mobility is indicated by archaeozoological analysis on these two sites, which pointed out the appearance of a new type of stock-breeding during the Early Eneolithic, which

is likewise recorded during the Middle and Late Eneolithic¹. Such a trend is represented by higher dependence on ovicaprines compared to the Late Neolithic [54], a higher degree of diversification and specialization regarding the animal management strategies, meaning that certain settlements were highly focused on ovicaprines, and others on the cattle breeding, pig breeding or hunting [55]. The pedological analysis of the Late Neolithic and Early Eneolithic sites in the Central Balkans suggested the increased spectrum of available soil types surrounding the Early Eneolithic settlements and an overall higher orientation of settlements towards those soils unsuitable for agriculture, as well as the complete lack of groups of settlements focused solely towards fertile forest soils, which are characteristic for the Vinča culture [13]. However, it is important to high-

¹ Bulatović J. Arheozoološki aspekti društvenih i kulturnih promena na centralnom Balkanu u petom milenijumu pre nove ere. Unpublished PhD thesis. Belgrade, 2018, p. 238.

light that the decline in the importance of agriculture in certain settlements is followed by relatively numerous groups of settlements characterized by highly suitable conditions for various agricultural strategies [13]. The research of topographic characteristics of sites suggests a more frequent settling of topographically limited and naturally fortified elevated plateaus and hidden caves in the hinterland, which were often concurrent with adjacent settlements in lowlands¹ [12]. Additionally, the research indicated diversification, specialisation, and integration of local settlements and most likely groups of settlements in the neighboring micro-regions² [13]. Further, the regional spatial distribution of settlements points out the process of abandonment of large and long-lasting Vinča settlements and the formation of small dispersed settlement on completely new locations, abandonment or scarce inhabitation of previously densely settled micro-regions, and the tendency to group settlements in the ore-bearing micro-regions of eastern Serbia [13].

According to the latest radiometric measurement of the youngest habitation horizons of large Vinča settlements, the abandonment process occurred in a period between 4700/4650 and 4400/4350 cal BCE³. The process is followed by an increase in the number of settlements on plateaus of dominant elevations, which are naturally fortified, continuity in the construction of ditches and palisades, and frequent burnt settling horizons within the Late Vinča and BSK cultural complex settlements. The process was gradual and of uneven duration in different

micro-regions of the Central Balkans, and the abundance of sites on naturally fortified elevations and additional enclosing indicate that the process was accompanied by smaller or greater conflicts. The earliest BSK settlements, which were significantly smaller than the Late Vinča settlements and have already embraced innovations in various economic and social aspects, appear during that period. Such settlements were often founded on dominant and naturally fortified elevations, such as Velika Humska Čuka, which reaffirms previous assumptions on their partially concurrent existence and the violent end of life in numerous Vinča settlements.

Therefore, the absolute dates indicate that the settlement at the site of Velika Humska Čuka was formed a century before the settlement at the site of Bubanj, already in the 45th/44th century BCE, which supports the idea that the earliest BSK settlements in the Central Balkans were formed on naturally fortified elevations and additionally fortified. During the 44th/43rd century BCE, settlements existed on both sites and probably formed some sort of coexistence. Yet, according to the existing data, the settlement at the site of Bubanj ceases to exist at the end of the 5th millennium BCE, or at least the settling becomes less intensive, contrary to Velika Humska Čuka, where life continues undisturbed. There is an absolute date from that period from the site of Bubanj, although the sample (shell valve) is insecure since it originates from a younger feature that damaged the Early Eneolithic layer, and therefore it remains unclear whether the location of the sample is the result of human or animal activity. The portable finds whose stylistic and typological characteristics would be securely attributed to this period are lacking, save for several potsherds whose stylistic elements could indicate the latest phase of the Early Eneolithic.

On the other hand, the site of Velika Humska Čuka yielded numerous finds of vessels with the so-called *Scheibenhenkel* handles, characteristic for the Sălcuța IV or Galatin groups (ornament formed of hatched

¹ Milanović D. The interplay between lowland and highland zones: Engaging the landscape of eastern Serbia and western Bulgaria in the second half of the 5th millennium BCE. In: Gori M., Hellmuth-Kramberger A., Krapf T., Recchia G., eds. *Archaeology of Mountainous Landscapes in Balkan Prehistory*. Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie, Rudolf Habelt, Bonn (готовится к печати в 2022 г.).

² Там же.

³ Milanović D. The Copper Age in the Central Balkans. In: Parkinson W. A., Gyucha A., Galaty M., eds. *Oxford Handbook of Balkan Prehistory*. Oxford, Oxford University Press (готовится к печати в 2022 г.).

summary incised lines, rows of crescent nail impressions, beakers decorated with narrow and densely positioned channels combined with punctuation, vessels on high foot with small tunneled handles on the junction of foot and the recipient, etc.) [56; 57; 58], which points to an active inhabitation of the site during this period. Likewise, the youngest horizon of house 3 is dated to this period, with pits filled with lavishly decorated and multicolored painted vessels, including the golden coating, *tarabouki*, altar, 14 chipped stone tools, which all confirm that the life was intensive at the site during the first quarter of the 4th millennium BCE. Otherwise, lavishly decorated Early Eneolithic pottery at the site has a higher representation compared to the site of Bubanj during their contemporary existence, which could indicate that the population at the site of Velika Humska Čuka had access to certain mineral deposits or other resources for the production of natural paint, or on the other hand possessed staple natural resources (flint, copper) suitable for exchange for lavishly decorated vessels.

The youngest phase of house 3 dated to the first quarter of the 4th millennium BCE was destroyed in a fire with all of the vessels stored in two pits. It is not clear whether the house was intentionally burned due to a sacrifice ritual, mentioned by certain authors [59; 60], or perished in an accidental fire. The theory that the house was burnt amid a sudden conflict seems at the moment as the least possible, since access to the site is hard and the undetected intrusion is impossible. In case that the intrusion was detected, the inhabitants of the settlement would have time to carry some of the vessels that were, however, burnt with the house.

Following this period, both of the sites were inhabited for several centuries and during the third quarter of the 4th millennium BCE, solely the site of Bubanj remains inhabited by the bearers of the Cernavodă III-Boleraz-Baden cultural phenomenon, whose material culture completely differs from the preceding Bubanj-Hum I group (Cental Balkans variant of the BSK complex), which

indicates that the inhabitants are newcomers from the northeast, the mother territory of the group [61]. For some reason, these newcomers did not settle at Velika Humska Čuka, possibly since they had no need to fortify it and defend it. The settling of the aforementioned group lasted for approximately 80 years (63.7% probability) [38], as during the final quarter of the 4th-millennium BCE bearers of the Coțofeni-Kostolac group settle at the site, with the material culture differing from both the preceding and the Bubanj-Hum I group. Bearers of this group are likewise of foreign origin [61], and their settling at the site of Bubanj is longer than their predecessors, judging by the absolute dates, stratigraphy, and the architecture of the settlement. According to Bayesian modeling, the bearers of the Coțofeni-Kostolac group inhabited Bubanj for between 265 and 461 years [40, p. 1175], yet the modeling of all of the dates from the previous and following periods indicate that the first date is more probable [37, p. 241–243]. The stylistic and typological characteristics of their pottery are analogous within the entire territory of this group from Pannonia to the Southern Morava Region, although certain local elements have been noted at the site of Bubanj, especially within the latest phase of the group. Those local elements will provide a basis for the emergence of the following Bubanj-Hum II group, which both culturally and chronologically evolves from the Coțofeni-Kostolac group.

Identical local elements, together with the pottery typical for the Coțofeni-Kostolac group also occur at the site of Velika Humska Čuka, which points out that even after several centuries of hiatus, the site is once again inhabited by the bearers of the Coțofeni-Kostolac group. Unfortunately, the site yielded no period-related architecture or enclosed features suitable for radiometric sampling, which disables any comparisons of the sites during that period. Identical forms and ornamentation on both sites have been recorded in the following period, the Bubanj-Hum II group, which is by means of the house

remains from Velika Humska Čuka dated to the second quarter of the 3rd millennium. Humble remains of a residential structure from Velika Humska Čuka indicate that the residential architecture in this period was similar on both of the sites, while the comparisons of other spheres of life are impossible at the moment due to the lack of data.

Starting from this period, both of the sites remain continuously inhabited for several centuries, throughout the Bronze Age, with almost identical stylistic and typological characteristics of pottery, indicating prevailing close ties and contact between the inhabitants of these two sites during the Bronze Age.

In literature, the sites of Velika Humska Čuka and Bubanj are considered as one of the most important prehistoric sites in the Central Balkans. Owing to the results of the archeological excavation of the eponymous sites, M. Garašanin defined cultural groups Bubanj-Hum I-III more than half a century ago, and for the first time scientifically interpreted the cultural and chronological setting of the Central Balkans during the Eneolithic and the Early Bronze Age [30; 35]. After more than half a century, with all of the modern analyses and large-scale excavations of these sites and period-related sites in the Central Balkans in the last few decades, the definition set by M. Garašanin remains scientifically completely justified.

Conclusion

With their distinct stratigraphy, geostrategic position, continuity in settling, and the scale of research, the sites of Velika Humska Čuka and Bubanj represent one of the most important sites for the research of the Eneolithic and Bronze Age in the Central Balkans. Unfortunately, the site of Bubanj is completely devastated by human activities.

On the other hand, the site of Velika Humska Čuka, which is still being excavated, is only partially researched and could offer an abundance of important data on the emergence and the development of the Eneolithic in the region.

The opposed topographic characteristics of sites of Bubanj and Velika Humska Čuka and the complementarity of soil types and other resources suggest a high degree of integration and cooperation between adjacent settlements, emphasized territoriality, and high control of surrounding landscape, communications, and resources. The stated pattern of two adjacent concurrent and cooperative small settlements with complementary roles and functions¹ [13], was a constitutive element of the eneolithisation process (4700/4650–4400/4350 cal BCE), which coincides with the first steppe migration [6, p. 291–292; 62, p. 48; 63, p. 277–338], Varna I necropolis phenomenon [64; 65], formation of new social groups (e. g. BSK in Serbia, Bulgaria, and Romania, Tiszapolgar and Bodrogkeresztur in Hungary, Karanovo VI in Bulgaria and Rachmani in Greece), the adoption of a series of social and economic innovations and the parallel lasting of strong Late Neolithic traditions², that took place on a vast territory between the Middle Danube Region and the banks of the Black Sea.

Дата поступления в редакцию 24.08.2021

¹ Milanović D. The interplay between lowland and highland zones: Engaging the landscape of eastern Serbia and western Bulgaria in the second half of the 5th millennium BCE. In: Gori M., Hellmuth-Kramberger A., Krapf T., Recchia G., eds. *Archaeology of Mountainous Landscapes in Balkan Prehistory*. Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie, Rudolf Habelt, Bonn (готовится к печати в 2022 г.).

² Milanović D. The Copper Age in the Central Balkans. In: Parkinson W. A., Gyucha A., Galaty M., eds. *Oxford Handbook of Balkan Prehistory*. Oxford, Oxford University Press (готовится к печати в 2022 г.).

REFERENCES

1. Garašanin M. Centralnobalkanska zona. In: Benac A., ed. *Praistorija jugoslavenskih zemalja II, Neolitsko doba*. Sarajevo, 1979, pp. 79–212.
2. Jovanović B. Gradac Phase in the Relative Chronology of the Late Vinča Culture. In: *Смапунар*, 1994, vol. 18, pp. 1–10.

3. Tasić N. Eneolithic cultures of Central and West Balkans. Belgrade, 1995. 205 p.
4. Borić D. The End of the Vinča World: Modelling the Neolithic to Copper Age Transition and the Notion of Archaeological Culture. In: Hansen S., Raczky P., Anders A., Reingruber A., eds. *Neolithic and Copper Age between the Carpathians and the Aegean Sea. Chronologies and technologies from the 6th to the 4th millennium BCE, Archäologie in Eurasien 31*. Bonn, 2015, pp. 157–217.
5. Nikolova L., Manzura I., Schuster C. The Balkans in Later Prehistory, Periodization, Chronology and Cultural Development in the Final Copper and Early Bronze Age (Fourth and Third Millennia BC). Oxford, 1999. 442 p.
6. Todorova H. Prehistory of Bulgaria. In: Gramenos D. V., ed. *Recent Research in the Prehistory of the Balkans*. Thessaloniki, Athens, 2003, pp. 257–317.
7. Georgieva P. Periodization of the Krivodol – Sâlcuta – Bubanj culture. In: Срејовић Д., Тасић Н., eds. *Винча и њен свет, Међународни скуп, Подунавље између 6000 и 3000 г. пре нове ере*. Београд, 1990, pp. 167–173.
8. Borić D. Absolute Dating of Metallurgical Innovations in the Vinča Culture of the Balkans. In: Kienlin L., Roberts B. W., eds. *Metals and Societies, Studies in honour of Barbara S. Ottaway*. Vol. 169. Bonn, 2009, pp. 191–245.
9. Radivojević M., Grujić J. Community structure of copper supply networks in the prehistoric Balkans: An independent evaluation of the archaeological record from the 7th to the 4th millennium BCE. In: *Journal of Complex Networks*, 2018, no. 6, pp. 106–124.
10. Bulatović A., Bankoff A., Powell W., Filipović V. Some remarks on the genesis of the Early Eneolithic in the Central Balkans. In: *Старинар*, 2020, vol. 70, pp. 9–40.
11. Ристић-Опачић Ј. Топографско-хронолошке карактеристике насеља винчанске културе на територији Србије. In: *Гласник Српског археолошког друштва*, 2005, vol. 21, pp. 71–112.
12. Kapuran A., Bulatović A., Milanović D. Settlement pattern changes during the Central Balkans Copper Age. In: Deitz S., Mavridis F., Tankosić Ž., Takaoglu T., eds. *Communities in Transition: The Circum-Aegean later Neolithic stages (5000/4800–3200/3000 BCE)*. Vol. 20. Oxford, Philadelphia, Oxbow books, 2018, pp. 77–88.
13. Milanović D. Insight into the regional distribution and geographic setting of the Vinča and Bubanj-Sâlcuta-Krivodol settlements in the Central Balkans and its implication. In: *Старинар*, 2019, vol. 69, pp. 61–84.
14. Трипковић Б. Домаћинство и заједница. Куће и насеобинске историје у касном неолиту Централног Балкана. Београд, 2013. 319 p.
15. Borić D., Hanks B., Šljivar D., Kocić M., Bulatović J., Griffiths S., Doonan R., Jacanović D. Enclosing the Neolithic World. A Vinča Culture Enclosed and Fortified Settlement in the Balkans. In: *Current Anthropology*, 2018, no. 59 (3), pp. 336–346.
16. Chapman J., Gaydarska B., Hardy K. Does enclosure make a difference? A view from the Balkan. In: Harding A., Sievers S., Venclová N., eds. *Enclosing the Past: Inside and Outside in Prehistory. Sheffield Archaeological Monographs 15*. Sheffield, 2006, pp. 20–43.
17. Ivanova M. Tells, Invasion Theories and Warfare in fifth millennium B.C. North-Eastern Bulgaria. In: Pollard T., Banks I., eds. *War and Sacrifice, Studies in the Archaeology of Conflict*. Leiden & Boston, Brill, 2007, pp. 33–48.
18. Zäuner S. P. The Dark Side of the Chalcolithic. Evidence for Warfare at Tell Yunatsite? An anthropological approach. In: Boyadzhiev J., Terzijska-Ignatova S., eds. *The Golden Fifth Millennium. Thrace and its Neighbour Areas in the Chalcolithic*. Sofia, NIAM-BAS, 2011, pp. 49–56.
19. Sherratt A. G. Plough and pastoralism: aspects of the Secondary Products Revolution. In: Hodder I., Isaac G., Hammond N., eds. *Pattern of the Past*. Cambridge, Cambridge University Press, 1981, pp. 261–306.
20. Demoule J.-P., Perlès C. The Greek Neolithic: a new review. In: *Journal of World Prehistory*, 1993, no. 7, pp. 355–416.
21. Jovanović B. Metalurgija eneolitskog perioda Jugoslavije. Београд, Археолошки институт, 1971. 119 p.
22. Parkinson W. A., Yerkes R. W., Gyucha A. The Transition from the Neolithic to the Copper Age: Excavations at Vésztő-Bikeri, Hungary, 2000–2002. In: *Journal of Field Archaeology*, 2004, no. 29 (1/2), pp. 101–121.
23. Hansen S. Innovative Metals: Copper, Gold and Silver in the Black Sea Region and the Carpathian Basin During the 5th and 4th Millennium BC. In: Burnmeister S., Hansen S., Kunst M., Müller Schees-

- sel N., eds. *Metal Matters: Innovative Technologies and Social Change in Prehistory and Antiquity*. Rahden, Verlag Marie Leidorf, 2013, pp. 137–167.
24. Kienlin T. L., Aspects of metalworking and society from the Black Sea to the Baltic Sea from the fifth to the second millennium BC. In: Roberts B. W., Thornton C. P., eds. *Archaeometallurgy in Global Perspective: Methods and Syntheses*. New York, Springer-Verlag, 2014, pp. 447–472.
 25. Antonović G., Mrvić V. Zemljišta sliva Nišave. Beograd, Institut za zemljište, 2008. 33 p.
 26. Калуђеровић З. Кременац код Ниша: Палеолитско налазиште, хроника ископавања. In: *Старинар*, 1996, no. 47, pp. 289–290.
 27. Богосављевић-Петровић В. Праисторијски рудници на централном Балкану. In: *Зборник Народног музеја*, 2005, no. 18/1, pp. 79–113.
 28. Šarić J. Lower Paleolithic Site Kremenac near Village Rujnik. In: *Старинар*, 2011, vol. 61, pp. 7–31.
 29. Гарашанин М., Ђурић Н. Бубањ и Велика Хумска Чука. Ниш: Народни музеј, 1983. 39 p.
 30. Garašanin M. Ausgrabungen in Bubanj bei Niš (Serbisches Moravagebiet). In: *Germania*, 1957, vol. 35, Heft 3-4, pp. 198–207.
 31. Garašanin M. Kontrollgrabung in Bubanj bei Niš. In: *Praehistorische Zeitschrift*, 1958, no. 36, pp. 223–244.
 32. Гарашанин М. Ископавања на Бубњу код Ниша, претходни извештај за 1954–1956. годину. In: *Старинар*, 1958, vol. 7–8, pp. 269–274.
 33. Garašanin M. Neolithikum und Bronzezeit in Serbien und Makedonien. In: *Bericht der Römisch-Germanischen Kommission*, 1958, vol. 39, p. 1–130.
 34. Garašanin M., Bubanj kod Niša-Naselje ranog bronzanog doba. In: *Arheološki pregled*, 1959, vol. 1, pp. 26–30.
 35. Garašanin M. Zur Chronologischen und Kulturellen Wertung der Bubanj-Funde. In: *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz*, 1982, vol. 26, pp. 154–166.
 36. Милановић Д., Трајковић-Филиповић Т. Стара ископавања на локалитету Бубањ: праисторијско вишеслојно налазиште код Ниша. Ниш, Народни музеј, 2015. 144 p.
 37. Bulatović A., Milanović D. Bubanj, the Copper and the Early Bronze Age Tell in Southeastern Serbia. *Mitteilungen der Prähistorischen Kommission*, Band 90. Austrian Academy of Sciences Press, Wien 2020, 418 p.
 38. Bulatović A., Vander Linden M. Absolute Dating of Copper and Early Bronze Age Levels at the Eponymous Archaeological Site Bubanj (Southeastern Serbia). In: *Radiocarbon*, 2017, vol. 59 (4), pp. 1047–1065.
 39. Bulatović A., Gori M., Vander Linden M. New AMS dates as a contribution to the absolute chronology of the Early Eneolithic in the central Balkans. In: *Старинар*, 2018, vol. 68, pp. 19–32.
 40. Bulatović A., Gori M., Vander Linden M. Radiocarbon Dating the 3rd Millennium BC in the Central Balkans: a re-examination of the Early Bronze Age sequence. In: *Radiocarbon*, 2020, vol. 62, no. 5, pp. 1163–1191.
 41. Fewkes V. J. Neolithic sites in the MoravoDanubian area (Eastern Yugoslavia). In: *Bulletin of the American School of Prehistoric Research*, 1936, no. 12, pp. 5–81.
 42. Гарашанин М., Гарашанин Д. Нова ископавања на Великој Хумској Чуки код Ниша. In: *Старинар*, 1959, vol. 9–10, pp. 243–254.
 43. Булатовић А., Милановић Д. Велика Хумска Чука, истраживања 2009. године: прилог проучавању стратиграфије енеолита и бронзаног доба у југоисточној Србији. In: *Гласник Српског археолошког друштва 30/2014*, 2015, pp. 163–188.
 44. Orsich De Slavetich A. Bubanj: eine prähistorische Ansiedlung bei Niš. *Mitteilungen der Prähistorischen Kommission*, Band 4/1–2. Wien, 1940. 65 p.
 45. Bulatović A. Corded Ware in the Central and Southern Balkans: A Consequence of Cultural Interaction or an Indication of Ethnic Change? In: *Journal of Indo-European Studies*, 2014, vol. 42, pp. 101–143.
 46. Милановић Д. Насеље Чернавода III културе на локалитету Бубањ. In: *Старинар*, 2011, vol. 61, pp. 101–119.
 47. Milanović D. Cultural and chronological position of the Chalcolithic horizons III and IV at Bubanj site: excavations from 1954. In: *Archaeologia Bulgarica* 2013, no. 17/2, pp. 1–16.
 48. Jovanović B. Obredi sahranjivanja u kostolačkoj grupi. In: *Godišnjak Centra za balkanološka ispitivanja ANUBIH*, 1976, vol. 13, pp. 131–142.

49. Николић Д. Енеолитска насеља у околини Мајданпека. In: Лазић М., ed. *Археологија источне Србије, научни скуп одржан у Београду и Доњем Милановицу 1995 год.* Београд, 1997, pp. 197–210.
50. Nikolić D. Kostolačka kultura na teritoriji Srbije. Beograd, 2000. 108 p.
51. Капуран А., Булатовић А. Културна група Коцофени-Костолац на територији источне Србије. In: *Старинар*, 2012, vol. 62, pp. 63–94.
52. Petrović J., Jovanović B. Gomolava, naselja kasnog eneolita. Beograd, Novi Sad, 2002, 387 p.
53. Булатовић А. Феномен праисторијских ритуалних јама, неколико примера са централног Балкана. In: *Старинар*, 2015, vol. 65, pp. 7–35.
54. Bulatović J. Preliminary Report on Animal Bones from Bubanj. In: Bulatović A., Milanović D. *Bubanj, the Copper and the Early Bronze Age Tellin Southeastern Serbia. Mitteilungen der Prähistorischen Kommission, Band 90.* Wien, Austrian Academy of Sciences Press, 2020, pp. 329–337.
55. Sørensen Østergaard J. Animal bones. In: Merkyte I. *Līga Copper Age strategies in Bulgaria.* Acta archaeologica, 2005, vol. 76 (1), pp. 132–139.
56. Berciu D. *Contribuții la problemele neoliticului în România în lumina noilor cercetări.* București, Editura Academiei Republicii Populare Romine, 1961. 593 p.
57. Roman P. Strukturänderungen des Endaneolithikums im Donau-Karpaten-Raum. In: *Dacia*, 1971, vol. 15, pp. 31–169.
58. Георгиева П. Материали от претходния период между каменномедната и бронзовата епоха от Северна България. In: *Археология*, 1987, vol. 1. pp. 1–15.
59. Stevanović M. The Age of Clay: The Social Dynamics of House Destruction. In: *Journal of Anthropological Archaeology*, 1997, vol. 16, pp. 334–395.
60. Chapman J. Deliberate house-burning in the prehistory of central and eastern Europe. In: *Glyfer och arkeologiska rum: En vänbok till Jarl Nordbladh.* Göteborg, University of Göteborg Press, 1999, pp. 113–126.
61. Bulatović A., Kapuran A. Cultural contacts between communities of southwestern Romania and the central Balkans in the fourth millennium BC. In: Cristian I. P., ed. *The Carpathian Basin and the Northern Balkans between 3500 and 2500 BC: Common Aspects and Regional Differences, Annales Universitatis Apulensis: Series Historica*, 2017, vol. 20/II, pp. 183–201.
62. Anthony D. W. The Rise and fall of Old Europe. In: Anthony D. W., Chi J. Y., eds. *The Lost World of Old Europe: The Danube Valley, 5000–3500 BC.* Princeton University Press, 2010, pp. 29–57.
63. Gimbutas M. The first Wave of Euroasian Steppe Pastoralists into Copper Age Europe. In: *Journal of Indoeuropean Studies*, 1977, vol. 5. pp. 277–338.
64. Chapman J., Higham T., Slavchev V., Gaydarska B., Honch N. The Social Context of the Emergence, Development and Abandonment of the Varna Cemetery, Bulgaria. In: *European Journal of Archaeology*, 2006, no. 9 (2-3), pp. 159–183.
65. Krauß R., Schmid C., Kirschenheuter D., Abele J., Slavchev V., Weninger B. Chronology and development of the Chalcolithic necropolis of Varna I. In: *Documenta Praehistorica*, 2017, vol. 44, pp. 282–305.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Aleksandar P. Bulatović – scientific advisor, Institute of Archaeology;
e-mail: abulatovic3@gmail.com

Dragan P. Milanović – scientific advisor, Institute of Archaeology;
e-mail: draganarh@gmail.com

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Александр Булатович Петар – научный советник Института археологии;
e-mail: abulatovic3@gmail.com

Драган Миланович Ратомир – научный сотрудник Института археологии;
e-mail: draganarh@gmail.com

FOR CITATION

Bulatović A., Milanović D. The cultural and chronological context of sites of Bubanj and Velika Humska Čuka near Niš (Southeastern Serbia) and their significance for understanding the emergence and development of the Central Balkans Eneolithic. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2021, no. 5, Circumpontica, iss. III, pp. 36–64.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-5-36-64

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Булатович А., Миланович Д. Культурно-хронологический контекст памятников Бубань и Велика Хумска-Чука недалеко от Ниша (Юго-восточная Сербия) и его значение для понимания возникновения энеолита центральных балкан // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 5. Циркумпонтика. Вып. III. С. 36–64.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-5-36-64

УДК 94(497) “–3500/–2000”

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-5-65-73

BALKAN PERSPECTIVES OF DEVELOPMENT OF THE CIRCUMPONTIC RESEARCH DESIGN DURING THE EARLY BRONZE AGE (LATER 4TH – 3RD MILLENNIUM CAL BCE)

L. Nikolova

Karlovo Academy

Krivolak ul. 30, Karlovo 4300, Republic of Bulgaria

Open Global Research Academy

1450 S West Temple G104, Salt Lake City, UT 84115, United States of America

Abstract

Aim. To show the decisive importance of the Early Bronze Age in the development of Eurasian civilization as a system of interconnected, interdependent and intensely interacting societies that arose during the Early Bronze Age I (late 4th millennium BCE) and flourished during the Early Bronze Age II–III (3,000 BCE). The Balkans became one of the centers of the Circumpontic cultural system, integrated during the Early Bronze Age to varying degrees with the northwest of Anatolia and the northwest of the Black Sea, as well as with Central Europe and the Aegean cultures.

Methodology. The cultural and social characteristics of the communities / chiefdoms of the Balkans of the Early Bronze Age are given from diachronic perspectives.

Results. In the early Bronze Age, a system of equal partners emerged in the Balkans, based on a common economic platform, including the chiefdoms of Ezero, Yunatsite, Sitagroi in the south, as well as the conglomeration of dispersed sedentary and semi-mobile communities of Co ofeni without a clear centralized political power on the Lower Danube, the chiefdom Vucedol, etc. The presence of an exchange of prestigious items (jewelry from Dubene-Balinov Gorum) controlled by the elite, together with the absence of archaeological traces of conflicts indicate the Early Bronze Age was a peaceful period in the Balkans.

Research implications. It was found that the standards of the chiefdoms of the Western Circumpontic region corresponded to the benchmarks of the Trojan chiefdoms, although the material markers of these standards were different.

Keywords: Early Bronze Age, Circumpontic cultural system, Balkan, Anatolia chiefdoms, Ezero, Yunatsite, Sitagroi, Co ofeni, Troy

БАЛКАНСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЦИРКУМПОНТИЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ЭПОХУ РАННЕЙ БРОНЗЫ (ПОЗДНЕЕ 4–3 ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ ДО Н. Э.)

Николова Л.

Карлово Академия

4300, г. Карлово, ул. Криволак, д. 30, Республика Болгария

Открытая международная исследовательская академия

84115, шт. Юта, г. Солт-Лейк-Сити, 1450 S Вест Темпл Г104, Соединённые Штаты Америки

Аннотация

Цель. Показать решающее значение раннего бронзового века в развитии евразийской цивилизации как системы взаимосвязанных, взаимозависимых и интенсивно взаимодействующих обществ, возникшей в период Ранней Бронзы I (позднее 4 тыс. до н. э.) и процветавшей в период Ранней Бронзы II–III (3 тыс. до н. э.). Балканы стали одним из центров циркумпонтической культурной системы, интегрированные во время раннего бронзового века в разной степени с северо-западом Анатолии и северо-западом Причерноморья, а также с Центральной Европой и культурами Эгейды.

Процедура и методы. Дана культурно-хронологическая характеристика раннебронзовых культурных вождей Балкан в диахронии.

Результаты. В раннем бронзовом веке на Балканах возникла система равноправных партнёров, основанная на общей экономической платформе, включающей вождей Эзера, Юнацита, Ситагроя на юге, а также конгломерацию рассредоточенных оседлых и полумобильных общин Коцофени без чёткой централизованной политической власти на Нижнем Дунае, вождей Вучедол и др. Наличие подконтрольного элите обмена престижными предметами (драгоценностями из Дубене-Балинова Горума) вместе с отсутствием археологических следов конфликтов свидетельствуют о том, что ранний бронзовый век был мирным периодом на Балканах.

Теоретическая и/или практическая значимость. Установлен факт, что стандарты вождей западного региона Циркумпонтики соответствовали стандартам вождей Трои, хотя материальные маркеры этих стандартов отличались.

Ключевые слова: Балканы, раннебронзовый век, Циркумпонтика, археология балканских и анатолийских вожеств, Эзеро, Юнаците, Ситагри, Коцофени, Троя

Introduction

Early Bronze Age is crucial for the development of the Eurasian civilization as a system of interrelated, interdependent and intensively interacting societies. Theoretically, one of the directions of modeling is the economic concept of the World Bronze Age system, criticized by the anthropologists of Antiquity [16]. From archaeological perspectives this mega-concept in many cases cannot embrace the diversity of the cultures, leadership and the historical processes during later 4th–3rd millennium cal BCE. The other traditional direction is the matrix of the Indo-European model of formation of Early Bronze Age ethnical map of Eurasia that has two alternatives – migration from one homeland and the interactive model of evolution. The last includes a complex of cultural and historical processes comprising the opportunity of evolution of the language as a result of interactions, a development of distinct ethno-cultural areas of formation of steady language as an ethnical and cultural marker [11].

The limitations both of the economic mega-theory and of the Indo-European research are due to their design. It is often beyond the complexity of the archaeological data and its method of selecting limited records to prove one or another theory and to construct one or another model does not reveal the past as a complex complete picture. The critical analysis of the research of both directions points to gaps and increase the need of different approaches. Last but not least, there are practically no experts both of historical linguistic and archaeology, while the collaboration of researchers of different fields makes the results a hybrid synthesis without the needed clutch of bi-experts for trustful conclusions.

Circumpontic design was founded as a study of the Circumpontic Early Bronze metallurgy and developed toward a research of the Circumpontic cultures and their interrelations [10]. The last has been analyzing these cultures as an interaction system of different societies based on open methodology that evolves with the increasing of the

archaeological data and the development of the theory of Antiquity and allows creating of frameworks of many fruitful cultural models and interpretations. Circumpontic methodology focuses neither only on the population movements nor on material culture. It attempts revealing living societies in a specific historical and cultural context and deconstructing their components in order to construct an evolution model of civilization.

In this work, an attempt is made to create a foundation of an actual Circumpontic framework on the example of the Balkans, in particular, offering a cultural anthropological framework of Yunatsite and Ezero cultures in upper Thrace (South Bulgaria).

The Balkans in the Circumpontic Early Bronze Cultural System

The Balkans became one of the centers of the Circumpontic cultural system during the Early Bronze Age integrated at different degrees with northwest Anatolia and the northwest Black Sea, but also with central Europe and the Aegean cultures. This system was founded during the Early Bronze Age I (later 4th millennium cal BCE) and flourished during Early Bronze II–III (3rd millennium cal BCE).

The recent research especially to the south of the Danube River reveals more and more data about a complex transformation of the Late Copper cultures (later 5th millennium cal BCE) to Final Copper cultures (earlier 4th millennium cal BCE) to Early Bronze I cultures (later 4th millennium cal BCE). One of the pitfalls of the past research and recent genetic research – focusing on migrations as a marker of emergence of new cultures – has been replaced by a transformation model that includes evolution of the Balkan cultures and interactions with the neighbor cultures [9; 11]. In the interaction model the migrations of different degrees are a component that does not determine the changes for granted, but requires most detailed regional analysis at different levels. Most important fact that the migrationists ignore is the demographic diversity of the Balkans and the

limitation of the territories which the Balkan stockbreeders with origin in the northwestern Black Sea occupied – Dobrudzha, certain microregions in the lower Danube and microregions in eastern upper Thrace, as well as Banat [3; 6; 9; 10; 13].

From the perspectives of Anatolia, the increased number of discovered Early Bronze Age sites near the southern shore of the Black Sea [1] allows to presume a steady communication system of the southern Circumpontic with East and West. These data and possible future discoveries may point to a considerable role of the Black Sea for the development of inner Anatolia during the Early Bronze Age based on the contacts with the southern Black Sea, similarly to the western Black Sea.

In particular, the Black Sea could be a primary factor of the distribution of the gold in Circumpontica during Bronze Age with extension – the communication route the Danube River toward central and western Europe. It is believed that the oldest gold mine was documented in the north of the Caucasus in Georgia dated from the second half of the 4th millennium cal BCE [7]. The data from Early Bronze Bulgaria are mainly from placer, although recent project concluded there was mining gold in Antiquity in upper Thrace [17], the genesis of which could be in Early Bronze Age. The increased number of gold artefacts from Bulgaria and Romania [2; 9; 15] allow defend a hypothesis that the mining technology of obtaining gold and this technology advanced developed exactly during the Early Bronze Age, through interactions and adoption of innovations and discovering of new sources. Since the Balkans, the north Anatolia and the Caucasus were at a comparable stage of economic development although the political systems stimulated diverse hierarchy of expression of wealth, the gold technology – as mining and craft economy and distribution of goods – was an integrative factor with multidirectional lines of interactions. The trade of gold could be the leading factor of the prosperity of the east, south and west Circumpontic

societies, which competed and was complimented by silver mining and trade with possible very strong center in the northern Black Sea.

The exchange of gold and silver during the Early Bronze Age can be better understood if we apply the concept of difference between commodity and wealth in Antiquity [16]. Ratnager defined the commodity as alienable, that has exchange value (an extrinsic property) accruing from the demand for it. In contrast, wealth has intrinsic value that creates a social bond or underscores a hierarchical person-to-person relationship through the exchange. The author believed that the restricted exchangeability was a critically important principle.

To determine the role of the Balkans in formation and development of the Early Bronze Circumpontic cultural-economic system, the study of the western Black Sea coast is crucial. 18 submerged settlements along the Bulgarian Black Sea coast are documented [5] focusing in Ezerovo area near Varna in the north and Sozopol – Kiten in the south. They date from 4th–3rd millennium cal BCE and show the transformation processes during the Final Copper Age and Early Bronze Age included restructuring of the economic-demographic map of the Balkans. The submerged settlements may indicate a development of the Circumpontic sea communication route along the Black Sea. Such hypothesis explains the shaping of the Bulgarian Black Sea coast as a relatively independent region with two centers – north (Ezerovo) and south (Sozopol-Kiten). However, Ezero was a powerful chiefdom in the eastern Upper Thrace, so the other equally valuable hypothesis is to believe that Sozopol-Kiten were the sea ports of Ezero culture for its trade both with North reaching even northwestern Black Sea and south – Bosphorus and the south Black Sea. Such demographic-political framework explains the similarity of the ceramics between Ezero and the pottery from the Black Sea coast (especially the popularity of the corded ware) and the generally strong interconnection

between Ezero and the northwestern Black Sea stockbreeders that occupied vast spaces of Dobrudzha. Exchange of the livestock was the primary activities of the small mobile communities descendent of the Pit Grave Culture in the northwestern Black Sea. The stockbreeders' burials show interests in jewelry from gold and silver, which became a standard in the Early Bronze Balkans, not an evidence of elite (in cases of single items). Exchange was also the main constructor of the Ezero and Yunatsite elite political, economic and cultural identity. For these reasons, incorporation of the Black Sea into the Circumpontic exchange system required settlements on the western Black Sea coast.

The opportunity of development of exchange based on complimented goods explains the facts that Early Bronze Age was a peaceful period in the Balkans. Being economically strong, the Balkans evolved as a system of equal partners including Ezero chiefdom, Yunatsite chiefdom, the Sitagroi chiefdom in the south, Coțofeni conglomeration of dispersed sedentary and semi-mobile communities without clear centralized political power in the western Lower Danube, Vičedol chiefdom, Pernik chiefdom etc. [9]. Since the exchange was controlled by the political elite, finds like the jewelry from Dubene-Balinov Gorum [12] clearly show that the standards of the western Pontic region responded to the evolution of Troy chiefdom, although the material markers of these standards were of diverse character.

Types of Societies and Their Role in Development of Early Bronze Age Cultures in the Balkans

The sedentary and semi-sedentary societies versus the mobile pastoral groups contrasted in the Balkan Early Bronze archaeological picture. The origin of the mobile stockbreeders is seen typically in the northwest Black Sea, although inside the Balkans it is difficult to reconstruct the inner dynamics of the movements of the stockbreeders and all mechanisms of interactions with the sedentary and semi-sedentary societies. Between

the Danube and the Aegean territories the areas occupied mainly by stockbreeders were limited to Dobrudzha, central north Bulgaria and microregions in northwest Bulgaria and upper Thrace [9]. However, the cultural, economic and political profile of the Balkans is determined mainly by the sedentary and the semi-sedentary societies, which were the wheel of evolution and the development of the economic and political complexity, defined as a social-political level of chiefdom.

The recent evidence confirms the chiefdom model [9] for the Balkans, especially the gold jewelry from Dubene-Balinov Gorun with analogies in Troy. Such expression of wealth paints a picture of development even of competition between the Balkans and northwest Anatolia during 3rd millennium cal BCE. In this context, it is important to remind the fact that the corded ware was not distributed in Northwest Anatolia, although it existed in on the territory of European Turkey (interrelated with Ezero culture) [1; 8] and there is a system of similarity between the northwest Anatolian and Thracian pottery. At the same time, we cannot exclude that the population factor that influenced the interactions included migration of families, strangers or small segments of communities in both directions. This factor was probably stronger in the process of formations of the Early Bronze cultures. For example, Balkan elements in the Ikiztepe cemetery including ochre where at least 9 individuals (mainly males) are considered strangers [18]. At the same time, the urn burials at Yunatsite tell have analogies in northwest Anatolia (cp. 8 who connects the Anatolian cremation with the Balkans). Such data may indicate that especially about the mid of the 4th millennium cal BCE western Circumpontica was involved in a multidirectional movement of people not only coming from the northwest Black Sea to the Balkans (Pit Grave Culture), but also from Anatolia to the Balkans and from Central Europe to the Balkans and vice versa. This demographic reshaping started during the Final Copper Age as an integrative and transformation process that also involved the

Balkan population, which was descendants of the flourishing Late Copper Age cultures. The Balkans region became a stabilized demographic and economic system toward the end of Early Bronze I when the social evolution towards chiefdoms began that flourished during Early Bronze II–III.

Corded technique of incrustation was transformed in the basin of Stryama valley (Yunatsite culture) into false-corded technique, used together with other techniques of white incrustation. From perspectives of Anatolia, either the corded and false-corded techniques looked primitive to the northwest Anatolian pottery makers who applied the white incrustation using different technology, or it was a marker of cultural identity. In such case, it can be presumed that Anatolian ideological power looked at the Balkans as a periphery and allowed only impact from Anatolia to the Balkans. This peculiarity opens a gap in the theory of A. Bauer of a formation of Circumpontic coastal ceramic style [4], having in mind also that the illustrated sherds are typical of the Anatolian Early Bronze Age pottery. The research question is: What kind of similarity in the pottery reflect the interactions between distant communities and how does the pottery reflect the social and political structures in Antiquity?

An example are the pointed bottom cups from Yunatsite culture, which were not distributed in Ezero culture as a standard although both cultures are neighbors, without natural barriers. Such diagnostic differences can be applied to the political model of the chiefdoms with the increased role of formation and reproduction of a strong cultural identity. Although without geographical barriers, Yunatsite and Ezero cultures developed as distinct political societies with peculiarities of cultural evolution and changes. Common Balkan-Anatolian standards were followed in the ceramic production, although there were specific components of demonstrating strong regional cultural identities.

However, while Ezero was closer to Troy, the Yunatsite chiefdom had very strong relations with the south cultures using Sitagro

as an economic and eventually political partner, with opportunity of development of the Sea contacts in the northeast Aegean. Such political and economic structure in upper Thrace was attractive for the stockbreeders from northwest Bulgaria. As the archaeological map of the microregion Radnevo (Ezero culture) shows, moving seasonally (in winter) or migrating and integrating with Ezero population was one of the successful strategies of the stockbreeders to respond to the high economic and cultural standards of the Early Bronze Balkans and to contribute to these standards. It is very well demonstrated in the Goran-Slatina society of stockbreeders in central northern Bulgaria with numerous graves in which were adornments. The jewelry became a standard of stable economic status and as a general marker of the prosperities of the cultures of the Circumpontic system during the 3rd millennium cal BCE.

Other important characteristic is the role of rivers in the expansion and stability of the Circumpontic region. Such river in the Balkans was the Danube that allows the interactions to develop as far as Central Europe. Nevertheless, other communication river routes also existed. Yunatsite society in western upper Thrace again provides a good example to construct hypothetical models. The population of the Yunatsite chiefdom developed at least into three strong subregions – Plovdiv, Karlovo and Pazardzhik (after the main contemporary cities). Maritsa River was the water communication route that passed through Ezero culture down to the Aegean. It can be presumed that beyond the river communication, there were also dirt roads or well-known tracks that connected the villages and allowed constant narrow interactions between the villagers. Beyond economic reasons, the population inter-village communication was stimulated by feasting and inter-village marriages that in turn developed a strong cultural identity of the opposition «we–they» and increased the competitions between the chiefdoms.

The competition between the Yunatsite and Ezero chiefdoms and the willing of Ezero

to keep strong connections both with northwest Anatolia and eastern Danube basin created a problem for the ambitious Yunatsite chiefdom, so it seems the trade via Maritsa was at the expenses of paying a sort of taxes to Ezero. Both chiefdoms competed not only regarding the partners but also regarding the goods they exported – presumably wine and metal resources in particular. This situation may also explain the strong contacts between Yunatsite and Coțofeni culture despite the Stara Planina barrier. The central site of Yunatsite culture – the fortress of Plovdiv-Nebet Tepe, overlooked the Maritsa River that allows believe the existence of close to Nebet Tepe a river port. From Plovdiv the boats or primitive ships sailed up to Pazardzhik to serve the needs of the Yunatsite society living on the Yunatsite tell and the other Early Bronze villages from this microregion. The other river communication route was the Stryama River connecting the Maritsa basin with the Karlovo microregion where the central place was Dubene-Sarovka. The flange axe of lead bronze from Dubene-Sarovka connects two technologies – the central European (the shape) and the Aegean (the metal). Having in mind the axe was probably of local production, lead seems to be a traded good coming from the northern Aegean. However, there are missing specialized studies of the metallurgical *chaone opūratoire* (i. e. extraction, refinement, object manufacture) practices in the different micro-regions of the Balkans and the interpretations are based mainly on the found artefacts and molds.

Conclusion

The original concept of E. Chernych of the Circumpontic metallurgical system has evolved toward researching the region as a cultural system of interrelated and interacted societies. For the time being, there are not very strong arguments to believe that the Black Sea was a crucial factor in this cultural system as a sea for an intensive transport of resources / goods and people. A. Bauer's case study of the habits of coastal fishers [4], however, is of a serious research interest since

the described dynamics of fishing may have made fishers mediators of exchange of goods other than fish, especially of metals. The scale of this sea exchange did not require big ships since the boats could provide the needed means of transportation. The indecisive concept about sea navigation during Early Bronze Age [14] is partially due to the fact that there are missing comparative studies that use indirect evidence which may help to build constructive hypotheses.

On its side, the research design of this work attempts to paint a picture of Balkan Early Bronze Age as an incorporated powerful subsystem of Circumpontica. The Balkans stimulated the progress of the western Europe during later 3rd millennium cal BCE. The reproduced migration matrix with old or new data for this period in the Balkans in fact fades the real historical process in order to be able not to reveal but to impose flatten model of replacement of population and to build the language I.-E. map, which neither reflects the real archaeological data nor has own linguistic arguments that look strong enough for serious considerations.

The Early Bronze Age societies in the Balkans were interrelated and at similar degree of development. Their subsistence was grounded in the excellent geographic conditions for agriculture, stockbreeding, fishing and mining of metal ores, while the prosperity depended on the exchange economy, which requires close and long distant contacts. To the south of the Danube, the stockbreeders offered livestock to Ezero and Yunatsite, while the chiefdoms presumably exchanged metal recourses, wine and luxury

products. Their special interest was close relationships with Troy and the northern Aegean. An argument of the development of the Circumpontic communication routes along the Black Sea are eventually the submerged settlements along the western Black sea coast. The peculiarities of the river maps in Upper Thrace explain why for Yunatsite chiefdom was difficult the direct trade with northwest Anatolia and the Aegean. It also allows focus on the existed powerful resources for exchange that explained its prosperity during the Early Bronze Age. The sites like Dubene show that they could have been central places in fact of the elite and semi-mobile families stockbreeders who explored the Stara Planina pastures. Then, they did not depend on import of meat, milk and wool, in particular. This fact in turn explains the absence of strong traces of mobile stockbreeders, descendant of the Pit Grave Culture in the northwest Black Sea.

The offered research design is a framework that interconnects archaeology with the cultural geography, cultural anthropology and economic-political evolutionary science. Since this direction of development of the anthropology of the Circumpontic region is unequally presented for the different regions of Circumpontica, further case studies and thematic approaches may enrich and update the design to be tested against the migrations and I.-E. linguistic inquiries. It may also stimulate directions of research to find more evidence about the Black Sea as a trade route during the Early Bronze Age.

Дата поступления в редакцию 12.09.2021

REFERENCES

1. Akgül H. Ç. The traces of the Chalkolithic culture in Alaca Höyük in the coastal settlements of the central Black Sea region of Turkey. In: Tsetschladze G. R., Съмер A., eds. *Select papers from the Third international conference «The Black Sea in Antiquity and Tekkeköy: An ancient settlement on the southern Black Sea coast»*, 27–29 October 2017, Tekkeköy, Samsun. Oxford, Archaeopress, 2017, pp. 157–166.
2. Alexandrov S. The Early and Middle Bronze Age in Bulgaria: Chronology, periodization, cultural contacts and precious metal finds. In: Alexandrov S. et al. *Gold & Bronze*. Sofia, NAIM, 2018, pp. 85–96.
3. Alexandrov S., Kaiser E. The Early Barrow Graves in West Pontic Area. Cultures? Migrations? Interactions? In: Nikolov V., Schier W., eds. *Der Schwarzmeerraum vom Neolithikum bis in die Früheisenzeit (6000–600 v. Chr.). Kulturelle Interferenzen in der zirkumpontischen Zone und Kontakte mit ihren Nachbargebieten*. Rahden/Westf., Leidorf, 2016, pp. 359–370.

4. Bauer A. A. Objects and Their Glassy Essence: Semiotics of Self in the Early Bronze Age Black Sea. In: *Signs and Society*, 2013, vol. 1, no. 1, pp. 1–31.
5. Flaux C. et al. An Early Bronze Age pile-dwelling settlement of discovered in Alepu lagoon (municipality of Sozopol, department of Burgas), Bulgaria. In: *Géomorphologie et géoarchéologie des littoraux de mer Noire*, 2016, no. 126, pp. 57–70.
6. Frînculeasa A., Mirea P., Trohani G. Local cultural settings and transregional phenomena: on the impact of a funerary ritual in the Lower Danube in the 4th millennium BC. In: *Buletinul Muzeului Județean Teleorman, Seria Arheologie*, 2013, no. 9, pp. 75–116.
7. Jesus, P. de, Dardeniz, G. Archaeological and geological concepts on the topic of ancient mining. In: *Bulletin of the Mineral Research and Exploration*, 2015, no. 151, pp. 231–246.
8. Massa M. *Networks before Empires: cultural transfers in west and central Anatolia during the Early Bronze Age: PhD thesis*. London, Institute of Archaeology, University College London, 2009. 520 p.
9. Nikolova L. *The Balkans in Later Prehistory*. London, Oxford, 1999. 442 p.
10. Nikolova L., Merlini M., Comşa A., K. Michalak, Polczyński L., Murphy R., eds. *Western-Pontic culture ambience and pattern: In memory of Eugen Comşa*. Berlin, Boston, Walter de Gruyter, 2016. 356 p.
11. Nikolova L. *Cultural genomics and the changing dynamics of cultural identity*. New York, Nova Science, 2018. 262 p.
12. Nikolova L. Dubene and Troy: Gold and Prosperity in the Third Millennium Cal. BCE in Eurasia. In: *Stratum Plus*, 2018, no. 2, p. 61–68.
13. Nikolova L. Pit Grave Culture in the Danube basin: Immigrants or invaders (Cultural evolution and language diversity). In: Sîrbu V., Comşa A., Hortopan D., eds. *Digging in the past of Old Europe. Studies in honor of Cristian Schuster at his 60th Anniversary*. Brăila, Istros, 2019, pp. 277–282.
14. Peev P. Prehistoric trade routes in the Black Sea. In: Menozzi O., Marzio M. L. Di, Fossataro D., eds. *SOMA 2005. Proceedings of the IX Symposium on Mediterranean Archaeology, Chieti (Italy), 24–26 February 2005*. Oxford, Archaeopress, 2008, pp. 217–222.
15. Popescu A. D., Oanță-Marghitu R. Gold Finds from Southern Romania during the 3rd and 2nd Millennium BC. In: Alexandrov S. et al. *Gold & Bronze*. Sofia, NAIM, 2018, pp. 105–121.
16. Ratnager S. The Bronze Age. Unique instance of a pre-industrial world system? In: *Current Anthropologist*, 2001, vol. 42, no. 3, pp. 351–379.
17. Tsintsov Z., Petrova N., Mehofer M. Ancient gold mining at Ada Tepe, east Rhodopes, Bulgaria. Mineralogical features of Au-containing Fe-Oxides / Hydroxides from the Ada Tepe gold deposit. Their significance in clarifying the ancient gold mining. In: *Archaeologia Austriaca*, 2016, no. 100, p. 109–117.
18. Welton M. L. *Mobility and social organization on the ancient Anatolian Black Sea coast: An archaeological, spatial and isotopic investigation of the cemetery at İkiztepe, Turkey: PhD thesis*. Toronto, University of Toronto, 2010. 597 p.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lolita Nikolova – PhD (Philosophy), professor at Karlovo Academy, Karlovo, Bulgaria & Open Global Research Academy, Salt Lake City, Utah, USA;
e-mail: lnikolova59@gmail.com

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лолита Николова – доктор философии, профессор Академии в Карлово, Болгария, и Открытой Глобальной исследовательской академии, Солт Лейк Сити, Юта, США;
e-mail: lnikolova59@gmail.com

FOR CITATION

Nikolova L. Balkan perspectives of development of the circumpontic research design during the early Bronze Age (later 4th–3rd millennium cal BCE). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2021, no. 5, Circumpontica, iss. III, pp. 65–73.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-5-65-73

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Николова Л. Балканские перспективы развития циркумпонтийских исследований в эпоху Ранней Бронзы (позднее 4–3 тысячелетие до н. э.) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 5. Циркумпонтика. Вып. III. С. 65–73. DOI: 10.18384/2310-676X-2021-5-65-73

УДК 902

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-5-74-95

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ПАМЯТНИКА ЯМНОЙ КУЛЬТУРЫ ГЕНЕРАЛКА 2 НА ОСТРОВЕ ХОРТИЦА НА ДНЕПРЕ

Тубольцев О. В.¹, Павлюкова П. С.², Радченко С. Б.³, Кайзер Э.⁴

¹ Национальный заповедник «Хортица»

69017, Запорожье, о. Хортица, ул. Старого Редуту, д. 4, Украина

² Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

61022, г. Харьков, пл. Свободы, д. 4, Украина

³ Туринский университет

Пьемонт, провинция Турин, Центр, Италия

⁴ Свободный университет Берлина

14195, г. Берлин, ул. Фабекштрассе, д. 23-25, Германия

Аннотация

Цель. Краткое изложение результатов исследования памятника ямной культуры на Нижнем Днестре.

Процедуры и методы. Элементы орнамента керамики были проанализированы средствами сравнительного и типологического методов с применением микрофотограмметрических технологий.

Результаты. В статье изложены основные результаты исследования памятника ямной культуры Генералка 2. Основная её часть посвящена описанию архитектурных компонентов, керамики и хронологии комплексного памятника Генералка 2. Выделенные группы керамики позволяют дополнить характеристику основных типов посуды поселений ямной культуры. Сравнение памятника Генералка 2 с Михайловским поселением позволило сформировать хронологическую и культурно-хронологическую атрибуцию памятника.

Теоретическая и/или практическая значимость. Работа является итогом как практической, так и теоретической подготовки авторов. Выводы исследования могут использоваться для курса лекций по археологии Украины и в дальнейших исследованиях Генералки 2.

Ключевые слова: Поднепровье, ямная культура, Генералка 2, Михайловское поселение, типы посуды

RESULTS OF RESEARCH OF THE PIT CULTURE MONUMENT GENERALKA 2 ON THE HORTICA ISLAND ON THE DNIEPER

O. Tuboltsev¹, P. Pavlyukova², S. Radchenko³, E. Kaiser⁴

¹ Hortitsa National Reserve

Starogo Redutu ul. 4, Khortitsa, Zaporozhye 69017, Ukraine

² Harkiv National University named after V. N. Karazin

Svobodi pl. 4, Kharkov 61022, Ukraine

³ University of Turin

Piedmont, Province of Turin, Centro, Italy

⁴ Freie Universität Berlin

Fabeckstraße 23–25, Berlin 14195, Germany

Abstract

Aim. A brief exposition of the results of Yamnaya culture site excavation and research in the Lower Dnieper region

Methodology. Elements of ceramic ornament were analyzed by means of comparative and typological methods using microphotogrammetric technologies.

Results. The article presents the main results of the study of the monument of pit culture Generalka 2. The main part is devoted to the description of architectural components, ceramics and the chronology of the complex monument of Generalka 2. Selected groups of ceramics make it possible to supplement the characteristic of the main types of dishes of pit culture settlements. Comparing the monument of Generalka 2 with the Mikhailovsky settlement made it possible to form a chronological and cultural-chronological attribution of the monument.

Research implications. The theoretical and practical results of the study can be used in lectures on the Ukraine history and in further research of Generalka 2 site.

Keywords: Lower Dnieper region; Yamnaya culture; Generalka 2; Mykhailivske settlement; pottery types

Введение

При выделении ямной культуры главными признаками стали погребальный обряд и типичная керамика [10]. Позднее данные археозоологических анализов по всему степному региону от Балкан до Урала подтвердили животноводческий характер общества, связанного с этими керамикой и обрядом [18, с. 245–250]. В 1952–1955 и 1960 гг. в Нижнем Поднепровье было открыто и раскопано первое и пока единственное большое укрепленное поселение со сложной фортификацией (каменными стенами и рвами) и центральным жилищным комплексом. Теперь, впервые, находки погребений ямной культуры оказались связанными с поселениями [25]. Со временем археологи идентифицировали в Поднепровье ещё несколько небольших стоянок или отдельных незначительных слоёв ямной культуры на многослойных памятниках [39, с. 282–593]. По мнению Н. Я. Мерперта, это сообщество представляло собой первую крупную культурно-историческую общность со своими естественно-географическими границами [11, с. 7; 12; с. 12–13]. Сегодня характер этих областей и миграций учёные оценивают по-разному. Но основные проблемы изучения стационарных памятников заключаются в невысоком уровне исследований прошлого века и слабой источ-

никоведческой базе. Поэтому открытие и исследование новых памятников остаются актуальными для более глубокого понимания происходящего на территориях бытования ямной культуры.

В течение нескольких сезонов (2000–2005, 2007, 2012–2021 гг.) археологическая экспедиция Общественной организации «Новая археологическая школа» совместно с Национальным заповедником «Хортица» при поддержке Департамента культуры и туризма Запорожского областного центра охраны культурного наследия проводит раскопки памятника эпохи бронзы в районе балки Генералка на о. Хортица. Полевые работы сопровождаются публикацией материалов [14; 15; 16]. Отдельно описаны и основные черты керамического материала [4; 30; 31; 32], и объекты архитектуры памятника [17, с. 127–128; 35]. Были также выполнены археозоологическое исследование, радиоуглеродное датирование и определение стабильных изотопов и липидов [38].

Работы на памятнике ещё не закончены, поэтому данная статья несёт предварительный характер и посвящена кратко изложению выводов о некоторых архитектурных элементах памятника и включает обзор новых исследований керамического материала, раскопанного в период с 2000 по 2007 г. (рвы № 1–6, жилище № 1, а также результаты археозоо-

логических определений костного материала, радиоуглеродный анализ кости и образцов керамики.

Общее описание памятника ямной культуры Генералка 2

Балка Генералка расположена на западном побережье острова. Она принадлежит к числу крупных урочищ правого берега. Её высокие, обрывистые берега образованы отвесными гранитными скалами. В верхней части плато покрыто толщей четвертичных отложений. В послевоенное время на этой территории

была высажена искусственная посадка (дуб, акация, ясень). По склонам балки Генералка и русла Днепра сохранились большие участки естественной степной растительности, где преобладает ковыль.

Археологический памятник Генералка 2 расположен выше пойменных террас на склоне скалистого плато правого высокого берега балки. Высота площадки – от 40 до 50 м над уровнем моря (рис. 1).

Первые находки здесь сделаны выпускником археологического кружка Областной станции юных туристов Максимом Литвиным. Разведочные шурфовки

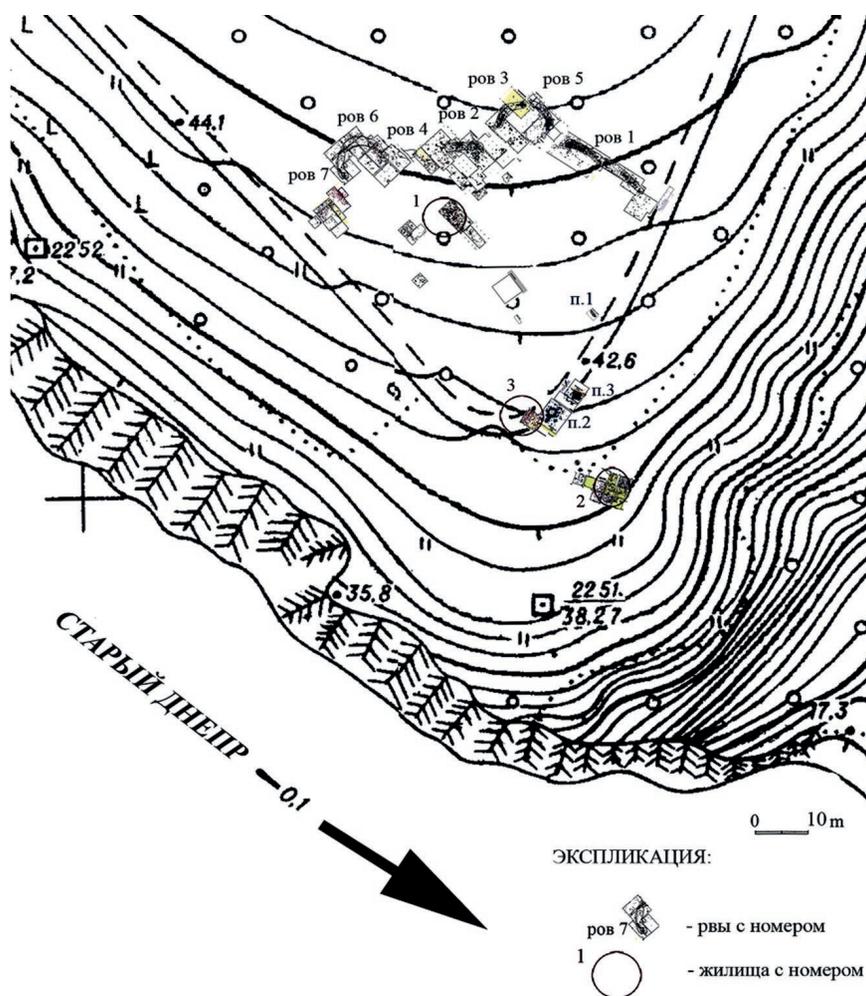

Рис. 1 / Fig. 1. Ситуационный план памятника Генералка 2 / Situational plan of the monument Generalka 2

Источник: рисунок Тубольцева О. В. [17, с. 122]

в 1999 г. позволили обнаружить мощное скопление керамики и костей. В связи с отсутствием необходимого финансирования дальнейшие работы были остановлены.

В 2000–2005 и 2007 гг. под руководством О. В. Тубольцева и Д. Р. Кобалии археологической экспедицией ГО «Новая археологическая школа» были выполнены планомерные, ежегодные раскопки территории памятника. Методика раскопок Генералки 2 основана на постепенном открытии и фиксации культурного слоя для последующей оцифровки объектов. Результатом этих работ стало открытие системы из дуговидных прерывчатых рвов и одного выступа-ронделлы в сторону севера [27, с. 7–10].

В 2012–2020 гг. работы на памятнике продолжены О. В. Тубольцевым. Раскопки сконцентрированы на дальнейшем изучении архитектуры рвов, жилищ и большого костяка. В этот период работ открыто несколько новых рвов, включая северо-западную ронделу, 1 жилище, большое костяк и 4 одновременных погребения (рис. 1).

По предварительным подсчётам общая площадь территории с учётом данных из шурфов составила 7 176 м². На 2020 г. исследованная часть составляет 835 м². Всего здесь найдено 2 бронзовых изделия (нож, шило), 3 орудия из кости (ручка, подвеска, шило), более 10 000 фрагментов керамики; более 13 500 костей животных, 177 кремнёвых изделий, 415 орудий из камня (фрагменты топоров, тесла, жертвенники, многочисленные гальки, камни со следами использования).

Стратиграфия памятника позволяет выделить 1 основной археологический горизонт мощностью 10–20 см. В пачке почвенных отложений он тяготеет к нижней части погребённого лугового чернозёма (H(e)) на глубине от 0,4 до 0,1 м [26, с. 31–35]. Характерной чертой всего культурного горизонта является неравномерность его распространения по территории. На памятнике обнаружены участки

с высокой насыщенностью и места, где находок нет или они минимальны. Участки с высокой насыщенностью артефактов представлены, в первую очередь, комплексами рвов. Над некоторыми из них сконцентрирована большая часть находок керамики и костей памятника.

По всем публикациям материалов памятника прослеживаются 2 основные группы находок: ранние с редкими, яркими элементами раннеямной культуры и поздние с чертами верхнего слоя Михайловского поселения и катакомбной культуры. Такая характеристика опирается на представление о памятнике Генералка 2 как о сложном объекте, который включает сочетания более архаичных и классических черт ямной культуры.

Рвы и особенности их устройства

Исследованная часть системы рвов образует один единый архитектурный комплекс из 4 пунктирных (рвы № 1, 2, 4) и 4 Г-образных рвов (рвы № 3, 5, 6, 7). Эти конструкции образуют плавную дугу со стороны естественного подъёма рельефа (рис. 1). Комплексы из симметричных Г-образных рвов расположены на севере (рвы № 3, 5) и северо-западе памятника (рвы № 6, 7). Эти конструкции образуют тут 2 дуги в виде сегментов (рондел) с основанием 9–10 м. Все рвы имеют трапециевидный разрез со следующими параметрами: шириной нижней части – 0,4–0,8 м, верхней части – 1,07–1,64 м и глубиной впуска – 0,10–0,7 м от уровня культурного слоя. Заполнение рвов разное: некоторые рвы насыщены материалом (ров № 1), другие же – практически пусты (ров № 4); иногда на уровне дна или древнего горизонта прослежены отдельные небольшие гранитные камни (блоки, реже плиты – ров № 2). Только северная рондела (ров № 3, 5) частично заложена камнями [17, с. 127–128; 38;]. Общим для всех заполнений является отсутствие аккумуляции аллювиальных отложений, что обычно указывает на быстрое закрытие траншей (рис. 2).

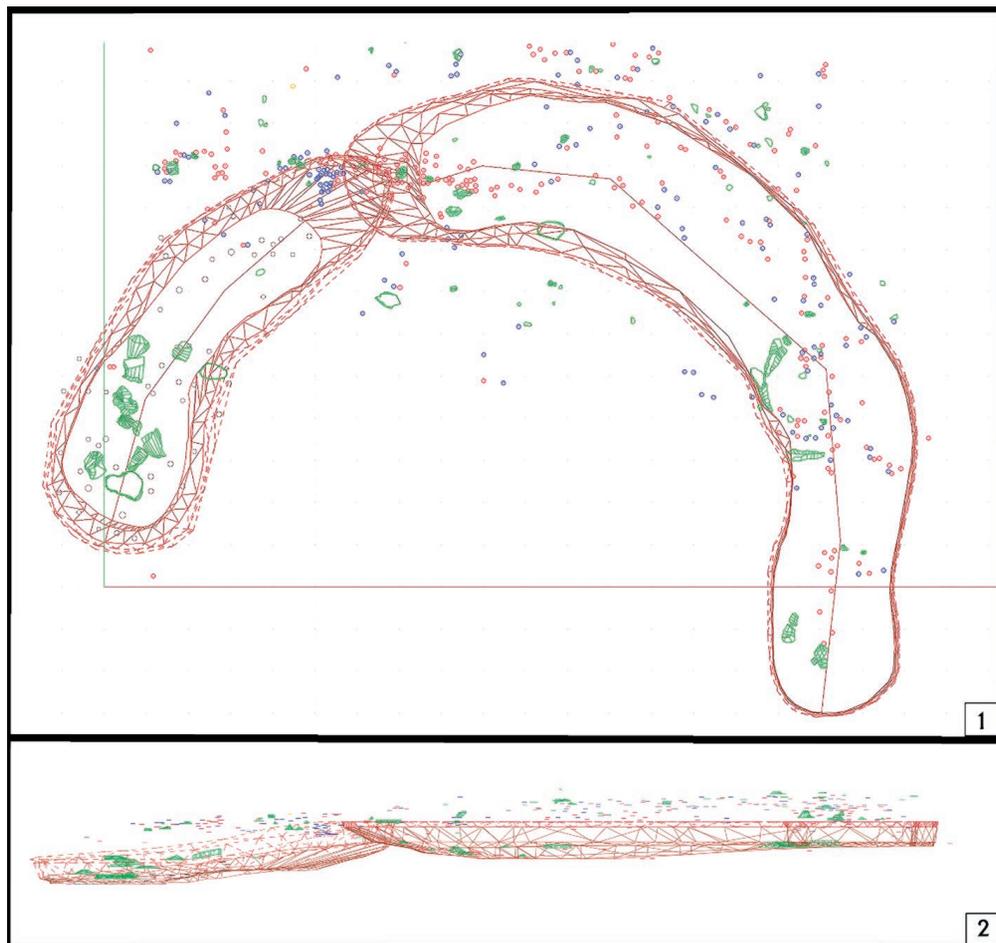

Рис. 2 / Fig. 2. Генералка 2, Северо-западный комплекс рвов. 1 – план; 2 – профиль /
Generalka 2. North-east set of pits. 1 – Plan; 2 – profile scheme

Источник: [35, fig. 2]

Оцифровка и виртуальное моделирование северо-западного комплекса рондел позволяет лучше показать сложную структуру сооружений (рис. 2). Дугообразные комплексы полурондел (рвы № 6, 7) состоят из двух неравномерных частей: углублённых траншей с ровным, прямым дном и плавно поднимающихся выгнутых пандусов. Возможно, что углублённые участки использовали при строительстве, для закапывания столбов, укрепляя их отдельными камнями (ров № 7). В то же время пандусы выполняли дополнительную роль. На Генералке 2 эти части содержат не только следы разного

накопления материала. Например, северный комплекс рвов в точке соединения двух пандусов имел круглую каменную площадку с жертвенником над уровнем древнего горизонта, рядом с которым была найдена нижняя челюсть человека. Здесь же обнаружена яма с остатками черепной коробки [17, с. 125–128].

В отличие от Михайловского поселения архитектурные объекты Генералки 2 практически не имеют следов долговременных каменных конструкций (стены, камерные жилища) и глубокой фортификаций [16, с. 90–101]. Единственное исключение – заполнение камнями

углублённых частей северной ронделы. Но даже здесь каменная конструкция небольшая. В то же время в Михайловском поселении авторы указывают на существование в центре холма культового сооружения, которое состояло из овальной закладки камней с параметрами $2,8 \times 2,5$ м и большого плоского камня $2,3 \times 1,7$ м [25, с. 61]. В центре закладки найдено 2 погребения ребенка и взрослого.

Архитектурная основа памятника Генералка 2 – земляная конструкция из пунктирных рвов, сооружённая для ограждения внутренней площадки (рис. 1). На момент максимального функционирования памятника большая часть рвов была закрыта, на что указывает отсутствие затёков и расположение материала на уровне древнего горизонта. Единственным исключением остаётся ров № 1, где расчищено полное заполнение рва материалом. Исходя из такого характера заполнения и общей конфигурации системы рвов, можно предположить, что они могли остаться от небольших столбовых конструкций или лёгких каркасных стен, которые были частью единой ограды или имели самостоятельное значение.

Подчёркнём, что такая система рвов не имеет прямых аналогий среди известных памятников. Ориентация по сторонам света, жертвенник, а также ямы с черепными костями в оконечностях рвов северной ронделы указывают на ритуальный характер действий в первый период строительства памятника. Комплекс рвов Генералки 2 находит широкий круг не прямых аналогий среди более древних «пандусов» энеолитических европейских памятников (Виндмилл Хилл, Эттон), представляющих так называемые огороженные святилища или «*causewayed enclosures*» [33]. Такие памятники распространены на огромной территории Великобритании, Центральной Европы, Урала, Северного Кавказа. Вопрос их функционального использования пока открыт, а классификация и анализ этих

памятников формируют внушительное количество публикаций [1; 13; 33; 40]. Кроме этого, известно, что при сооружении курганов зафиксированы рвы с проходами, которые по параметрам близки к сооружениям Генералки 2 [7, с. 12].

Похожие прерывистые рвы известны на поселениях неолита северной Италии (Villaggi trincerati долины Тавольеро) неолита и энеолита Украины (Деревивка, Молюхов Бугор, Козаровичи), эпохи бронзы центральной и восточной Европы [28; 36; 37; 41]. Палисады – это общее название для небольших, различных по форме и глубине траншей со столбами внутри, выполняющих самые разнообразные функции.

Более точные данные по архитектуре памятника Генералка 2 могут быть получены только после дальнейших исследований.

Керамическая коллекция памятника

Типология венчиков

Большая часть материала памятника раскопана надо рвами и в непосредственной близости к ним. При характеристике этого горизонта стоит указать, что находки керамики и костей образуют яркие комплексы скоплений [16; 17; 35; 38]. Среди них: развалы сосудов (рвы № 1, 2), скопление из костей и керамики надо рвом № 2 (комплекс А3–А4) и «жертвенник» изо рва № 3.

Керамическая коллекция Генералки 2 за 2000–2005 и 2007 гг. содержит 3 286 фрагментов керамики, более 136 венчиков лепной посуды [31], из них 134 принадлежат к горшкам нескольких типов, а 2 – к мискам. Базовый информативный массив коллекции составляют 83 крупных фрагмента, которые дают информацию о форме, особенностях профилирования, общих параметрах и композиции орнамента. Орнаментированные фрагменты венчиков представлены 67 экземплярами, что составляет 50% от всех сосудов.

Фактура большинства сосудов Генералки 2 характеризуется высокой плотностью и большим весом при средней толщине 0,6–1,5 см. Обжиг равномерный, цвет черепка от светло-серого до тёмно-серого. В качестве примесей в тесте использовались песок, шамот, дресва, известь, реже – органические материалы и раковина. Внешняя и внутренняя поверхности горшков могли быть выровнены или покрыты расчёсами гребенчатого штампа. В нередких случаях стенки посуды несут следы хорошего лощения.

Известная в основном по курганным памятникам, керамика ямной культуры имеет достаточно широко разработанную типологию целых форм посуды. Она представлена в работах О. Г. Шапошниковой, И. Ф. Ковалёвой, А. Н. Николовой [6; 29; 20]. Однако высокая фрагментированность керамических коллекций с поселений создаёт определённые проблемы для сравнительной типологии.

Типология посуды для поселения Михайловка, разработанная О. Г. Шапошниковой, базируется на описании реставрированных сосудов и фрагментов венчиков. В книге «Михайлівське поселення» уникальная архитектура, керамика и хозяйственные комплексы показаны по хронологическим горизонтам. Но, к сожалению, описание ямной керамики сложно воспринимать из-за противоречий. Преобладающая часть посуды с яйцевидным корпусом имеет близкий или одинаковый диаметр венчика. Нет чётких параметров по всем сосудам. Текст иллюстрирован 10 фотолистами немасштабированных фрагментов посуды и 7 таблицами рисунков [25]. Последующие дополненные и расширенные русскоязычные публикации намного улучшают восприятие материала, но не отвечают на все поставленные вопросы [8; 9].

Описывая керамику, О. Г. Шапошникова выделяет для остродонной посуды верхнего горизонта 2 основных типа:

– *тип А* – преимущественно большие, высокогорлые (высота венчика 2,5–

4,5 см), полированные сосуды с богатым шнуровым и гребенчатым орнаментом (рис. 3) [25, с. 99]. В русскоязычном варианте это высота не венчика, а шейки [8, с. 53; 9, с. 67]. Определяющий признак для этого типа – профилировка тулова на уровне верхней трети сосуда. Кроме этого, есть более десятка других параметров (ручки, высота сосуда 20–30 см, диаметр венчика 18–25 см), а сами сосуды имеют копии с уменьшенными параметрами (высота – 8 см, диаметр корпуса – 9 см). Посуда типа А почти не встречается в погребениях [9, с. 53–57; 8, с. 66–68; 25, с. 99];

– *тип Б* (Михайловского поселения) – это большие, с коротким и высоким венчиком, сильно выпуклые сосуды, орнаментированные отрисками шнура и пальцевыми защипами, в основном имеют профилировку на уровне 1/4–1/5 верхней части тулова, количественные данные (диаметр венчика – 20–30 см, высота сосуда – 18–35 см) пересекаются с данными типа А. В русскоязычном варианте это «наибольший диаметр тулова» [25, с. 58; 8, с. 69]. Другие признаки также сложны и противоречивы. Например, горшки типа Б (с коротким и широким венчиком) не встречаются в погребениях, в отличие от меньших горшков такого типа [9, с. 58–59; 8, с. 69–70; 25, с. 102–108].

Итак, описание широко распространённой и типичной для Михайловского поселения посуды опирается на 1 категоричный признак и десяток общих. Посуда имеет схожие параметры, ручки, орнамент, тесто и (иногда) роль в погребениях. Хотя классификация, предпринятая авторами раскопок Михайловского поселения, стремится к описанию керамики на поселении, подход остаётся сложным для системного применения.

Фрагментированность сосудов основной группы керамической коллекции Генералки 2 обязывает нас продолжить традицию и начать с описания их

характерных элементов – венчиков. Для выборки из 131 венчика по высоте выделено 2 основные статистические группы: 7–14 мм (35 экземпляров) и 15–39 мм (96 экземпляров). Наибольшее количество венчиков при этом имеют высоту 18–30 мм. Такие показатели находят аналогии среди посуды верхнего слоя Михайловского поселения. Для раннего

периода ямной культуры высота венчика составляет 4–6 и 8 см [25, с. 84].

Кроме этого, среди выделенных венчиков крупные фрагменты с плечиком позволяют характеризовать профиль горловины. Профили сосудов на Генералке 2 можно разделить на 2 основные группы: резкий L-образный и плавный S-образный профиль (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Типология венчиков Генералки 2 / Generalka 2 corolla typology

	Группа А S-видная горловина 77 (58,7)	Группа Б L-видная горловина 54 (41,2 %)
Крупные фрагменты	43	40
Высокогорлые (15–39 мм)	26	36
Короткогорлые (7–14 мм)	17	4
Мелкие фрагменты	34	14

Источник: составлено О. В. Тубольцевым

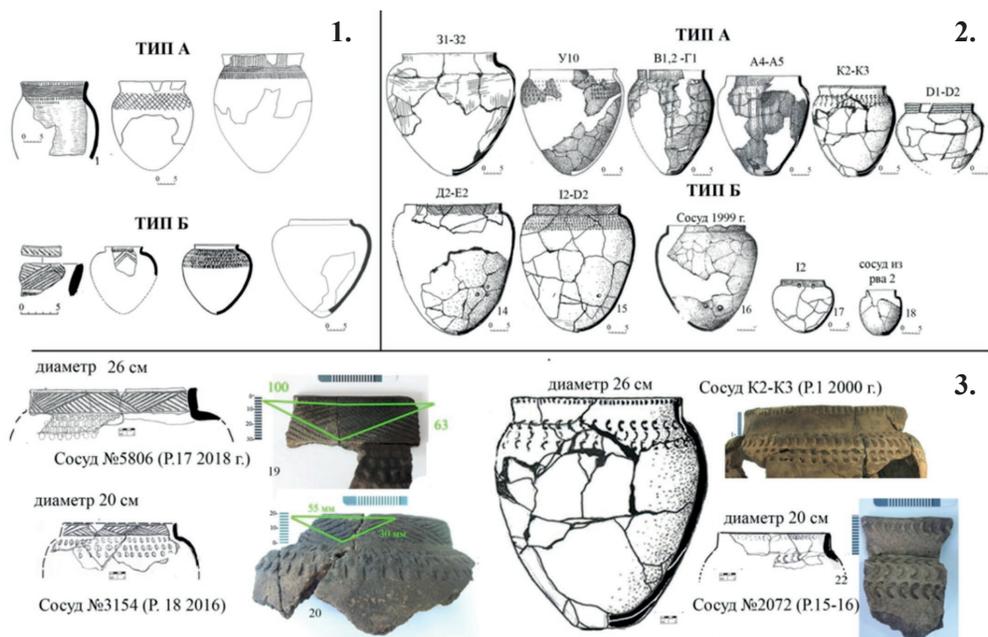
В издании книги «Михайловское поселение» 2005 г. типы А и Б сводятся к сосуществованию двух основных форм профилировки (рис. 3) [8, с. 53, 58–60; 9, с. 67–66, 69–70]. Тип А – это венчики с плавнопрофилированными S-видными горловинами; тип Б – это венчики с резкопрофилированными L-видными горловинами. Действительно, такие профилировки формируют 2 основные формы сосуда. На Генералке 2 преобладают сосуды с венчиками высотой в 1,8–3 см. Толщина стенок такой посуды составляет 9–12 мм. В разрезе венчик симметричный, может быть прямоугольным или прямоугольным с закруглёнными углами, реже вытянутым или острым. Горловина часто слегка отогнута наружу или вертикальная. Профиль горловины имеет 2 основных варианта, которые варьируются между собой по параметрам. По нашим наблюдениям, такая высота венчика характерна для обоих типов профилировок горловины (рис. 3)

Типология сосудов

Более выразительную основу коллекции Генералки 2 составляет серия из 12 полностью склеенных или графически реставрированных горшков с дном, которые позволяют более чётко определить особенности форм и основные параметры керамической посуды (рис. 3.18).

Всю коллекцию сосудов Генералки 2 можно охарактеризовать как достаточно единообразную или с высокой степенью общности, что подтверждается относительно невысоким разнообразием в типах, орнаменте, керамической массе, толщине стенок.

Часть керамической коллекции представлена горшками типа А (рис. 3). Это сосуды с яйцевидным туловом и плавным S-образным переходом к вертикальной или слабо отведённой наружу горловине. Сосуды разные по параметрам (объёму). Они практически не имеют выраженного, массивного валиковидного утолщения с внутренней стороны. На горшках с S-образным переходом эти части

1. типы посуды Михайловского поселения;

2. типы посуды Генералки 2;

3. примеры орнамента посуды Генералка 2

Рис. 3 / Fig. 3. Типология посуды Михайловского поселения и Генералки 2 / Typology of utensils of the Mikhailovsky settlement and Generalka 2

Источник: рисунки и фото О. В. Тубольцева

плавные. Максимальная ширина сосудов типа А расположена на уровне верхней трети высоты горшка. Дно сосудов может быть как острое, так и слегка уплощённое. Венчики данного типа керамики делятся на вертикальные, слегка отогнутые наружу, реже во внутрь. Диаметр венчика и высота сосуда сильно варьируются от объёма горшка. Данная керамика – классическая посуда ямного времени. Прямые аналогии ей известны по находкам в курганах, а также поселениях: Михайловка (верхний слой), Дурна Скеля, Капуловка. Ливенцовка 1 (второй слой), Перун, Скеля Каменоломня [22; 23, с. 210–231; 24; 25; 39, табл. 5, 7–9, 11, 13, 16].

Для горшков типа Б более характерны относительно высокие размеры венчика (25–30 мм) и резкие пропорции с L-образным переходом к горловине. В качестве модификаций венчика типа Б

используются различный наклон горловины (прямой, отогнутый наружу, отогнутый во внутрь). Шапошникова О. Г. писала, что для сосудов данной формы характерно подокруглое или плоское дно. На Генералке 2 сосуды I2-D2 и I2 имеют слабое подокруглое дно (рис. 3.2.15, 3.2.17).

На наш взгляд, такая посуда также встречается в курганах, поселениях: Михайловка (второй слой), Дурна Скеля, Капуловка. Ливенцовка 1 (второй слой), Перун, Скеля Каменоломня [22; 23, с. 210–231; 24; 39, табл. 1, 4, 6].

Ссылки на находки обоих типов по другим поселениям подтверждают их существование. Хотя на Генералке 2 горшки обоих типов неравномерно распределены в комплексах рвов, в ряде случаев они найдены в одних и тех же скоплениях.

Орнамент

Однотипность орнамента керамики Генералки 2 характеризуется стандартностью основных композиций. Однако приёмы и инструменты для нанесения декора представляют значительное многообразие элементов орнамента [17, с. 74–101].

К самым популярным способам орнаментации, которые формируют основную часть композиций выборки, относятся такие типичные элементы:

1. *косоперевитый шнур, или шнуровой* (22% от общего количества орнаментированных сосудов): отпечатки шнура – широко применяемый приём нанесения орнамента; степень глубины, наклон и чёткость отпечатков значительно варьируют в зависимости от степени пластичности глины и силы нажима; среди всех зафиксированных отпечатков преобладает косоперевитый шнур, который по ширине можно разделить на три группы: узкий (около 1 мм), средний (около 2 мм) и широкий (примерно 3 мм), также шнур бывает разным по направлению плетения – по часовой стрелке и против неё, с преобладанием первого направления;

2. *вертикальный отпечаток круглого орнамента* (18%) предположительно выполнен полый костью, полым стеблем растения или тому подобным;

3. *проглаживание орнамента штампом* (17%): расчёсы внутренней и внешней поверхности посуды являются наиболее распространённым способом отделки стенок; на 16 венчиках памятника проглаживания имеют явно выраженный декоративный смысл; расчёсы наносили вертикальными рядами, образуя вдоль краёв орнаментальный пояс, в верхней и нижней частях ограничивался рядами отпечатков штампа или шнура; в нижней части горшков расчёсы нередко составляют сложные композиции типа «косая сетка» или линии;

4. *косые пальцевые отпечатки* (10,6%): характерной чертой декора являются горизонтальные ряды вертикаль-

ных отпечатков пальцев или похожего орнамента; преобладают глубокие отпечатки, нанесённые слева направо, иногда такие вдавливания имеют незначительные негативы с внутренней поверхности горшков;

5. *насечки* (7,4%): нанесённые узким предметом ритмичные отпечатки украшают плечико и верхний срез краев венчика, реже они объединены в композиционные группы.

Также в коллекции присутствуют менее типичные элементы орнамента, которые встречаются сравнительно редко (не чаще 5% от общего количества сосудов):

6. *косые равноудалённые отпечатки лопатки* (4,2%);

7. *пальцевые защепы* (3,1%), преимущественно равноудалённые, выполненные перпендикулярно поверхности сосуда 2 пальцами, иногда имеют незначительные негативы на внутренней поверхности;

8. *вертикальные пальцевые отпечатки* (3,1%) – ряды перпендикулярных симметричных отпечатков пальца или пальцевидного орнамента;

9. *отпечатки С-образного орнамента* (3,1%) образуют ряды косо- или вертикально поставленных отпечатков, иногда разнонаправленных;

10. *вертикальные отпечатки плоской лопатки* (3,1%) в виде тонкого орнамента шириной до 1 см;

11. *канелюр* (2,1%) – глубокая проглаженная линия шириной 2 мм;

12. *«гусеничка»* (1%) – короткие удлиненные отпечатки прямоперевитого шнура длиной около 1 см (по состоянию на 2007 г. на территории памятника найден 1 фрагмент венчика с так называемым «гусеничным орнаментом»);

13. *прямоперевитый шнур* (1%) – отпечатки шнура, похожего на «гусеничку», но большей длины;

14. *короткий гребенчатый штамп* (1%) из 5 зубчиков;

15. *длинный гребенчатый штамп* (1%) из 8 зубчиков;

16. *жемчужный* (1%) – орнамент из ряда перпендикулярных отпечатков круглой палочки с внутренней стороны горловины, диаметр «жемчужины» около 6–8 мм;

17. *валик* (1%): на Генералка 2 найден 1 развал стенки горшка, орнаментированной небольшим валиком в сочетании с овальными наколами. Технология украшения валиком предполагает вытягивание его с поверхности стен горшка.

Орнаментальные композиции

Орнамент керамики Генералки 2 имеет хорошо заметную горизонтальную зональность, типичную для ямной культурно-исторической общности. Во время украшения горшков углублённый орнамент наносился только в верхней части – на венчик и плечико. В противовес этому нижняя часть остаётся неорнаментированной и хорошо заглаженной. Только на 6 горшках придонная часть покрыта глубокими расчёсами, которые типологически можно объединить в 3 группы по направлению расчёсывания: вертикальные, косые и горизонтальные.

Орнаментальная композиция керамической посуды Генералки 2 имеет 2 основных компонента: верхний, расположенный на венчике, и нижний, занимающий плечико не ниже условной линии максимальной ширины горшка. Оба компонента связаны с хорошо профилированными частями посуды. В отдельных случаях венчик и плечико разделяет горизонтальная линия шнурового орнамента или наколов штампа.

Характерные композиции горловины:

1. *орнаментальный пояс из горизонтальных вдавлений* (30%) состоит из рядов наколов, выполненных пальцевыми защипами, отпечатками различных орнаментов, количество рядов – от 1 до 5;

2. *орнаментальный пояс из горизонтальных и вертикальных линий* (22%) состоит из рядов шнурового орнамента, реже – из проглаженных параллельных линий;

3. *паркетная композиция* (20%) выполнена отпечатками перевитого шнура. На венчиках керамики Генералки 2 представлены 2 основных варианта, отличающиеся особенностью штриховки треугольников. В характерных местах венчиков заметны маленькие круглые точки – маркеры вдавливания, которые служили метками для последующего создания композиции – формирование контура треугольника и дальнейшего его заполнения оттисками шнура;

4. *наколы и насечки на верхнем и внешнем крае венчика* (10%) – ряды наколов и насечек на венчиках;

К нехарактерным композициям на горловинах сосудов (<10%) в керамическом комплексе памятника Генералка 2 относятся:

1. *шеврон* (6%) состоит из выделенных зон, образованных отпечатками шнура, штампа, прочерченными линиями;

2. *вертикальный зигзаг* (4%) – отпечатки прямоперевитого шнура, которые образуют вертикальные ряды ломаных линий;

3. *зоны параллельных вертикальных линий* (3%) – различные по размеру зоны, образованные параллельными отпечатками шнура.

Орнаментальные группы

Орнаментальные композиции керамики памятника формируют основные группы похожих друг на друга сосудов. По мнению Бобринского А. А., такая керамика существовала через использование древним населением способов копирования изделий из глины через приём, в котором гончар использует «сосуды-подражания», «модели для подражания», «формы подражания» [2, с. 60–62].

В 2020 г. после реставрации части сосудов выделены 3 первые технико-типологические группы горшков с орнаментом.

На данный момент I группа представлена 6 лепными горшками с паркетным шнуровым орнаментом на венчике и го-

ризоньальными параллельными рядами пальцевых отпечатков на плечике (рис. 4.1–4.5). Количество рядов варьируется от 5 до 2. Реставрированные и частично отреставрированные формы указывают на

использование яйцевидного сосуда с высоким венчиком (высота 30 мм) и резкой L-видной горловиной в качестве одной из основных моделей для подражания (рис. 4.2).

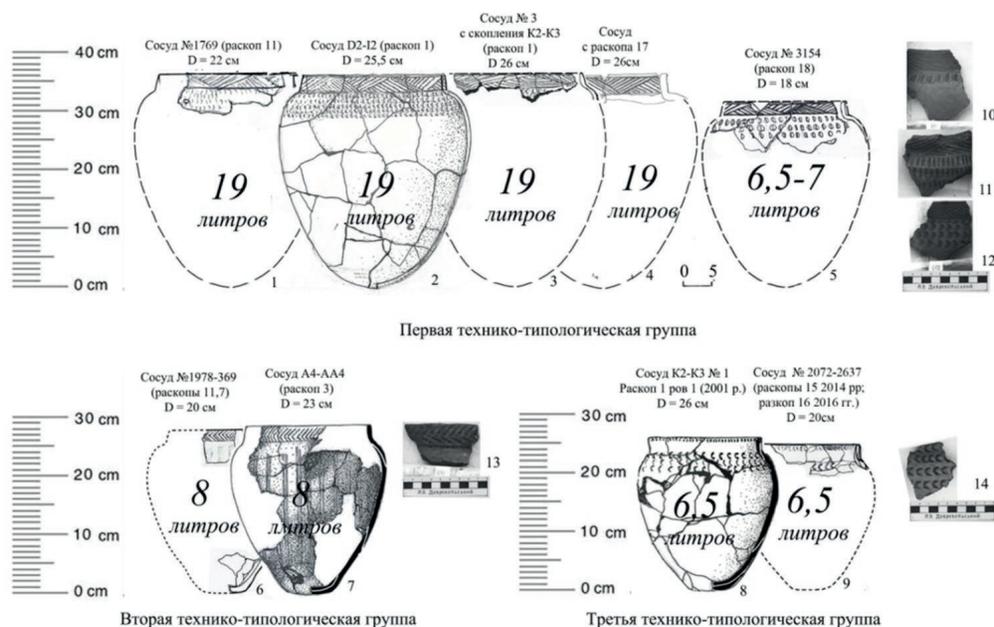

Рис. 4 / Fig. 4. Техничко-типологические группы керамики Генералки 2 (1–9) и керамика с памятника Дурна Скеля (10–14) / Technical and typological groups of ceramics Generalka 2 (1–9) and ceramics from the monument of Durn Skel (10–14)

Источник: рисунки и фото О. В. Тубольцева, П. С. Павлюковой

На сосуде № 3154 высота горловины 26 мм и 3 ряда пальцевых отпечатков. Орнамент на горловине крупных сосудов имеет треугольники со сторонами 100:60:60 мм; на меньших – 50:30:30 мм (рис. 3.19, 3.20). Среди примесей к тесту преобладает крупный песок, известняк и шамот. Внешние и внутренние стенки посуды хорошо залощены.

II группа сформирована из 3 изделий, которые украшены орнаментом по венчику и вертикальными расчёсами 3–4-зубым штампом по туловищу. Здесь отпечатки шнура образуют вертикальный зигзаг (рис. 4). Керамическая масса имеет примеси песка, органики, дресвы. Горшки имеют яйцевидную форму со слегка уплощённым доньшком. Профилирова-

ние горловин плавное, S-образное. Высота венчиков 2,5–2,7 см.

III группа была сформирована также из 3 сосудов, характеризующихся рядами горизонтальных параллельных рядов отпечатков S-видного орнамента. На плечиках изделий расположено по 3 ряда S-образных вдавлений, которые развернуты в разные стороны. На верхней части венчика орнамент состоит из 1 ряда наколов (рис. 4.8, 4.9). Высота венчиков – 2,3–2,6 см.

Керамика: объём

Реставрированная серия сосудов из Генералки 2 позволяет выделить среди горшков несколько подгрупп с относительно стандартными параметрами.

Полученные линейные размеры коррелируются с объёмами [31; 32]. Для их уточнения в лабораторных условиях были проведены экспериментальные замеры объёмов сосудов. Внутренняя часть горшков выкладывалась пищевой фольгой, после чего в сосуд насыпали крупу.

В результате проведённого анализа можно выделить 3 основные группы сосудов:

1. **крупные** горшки высотой от 35 до 40 см, диаметр венчика – 27 см, реконструированный объём – около 18–19 л (3 сосуда);

2. **средние** горшки высотой от 26 до 32 см, диаметр венчика 20–23 см, реконструированный объём – от 10 до 5,5 л (7 сосудов);

3. **мелкие** горшки высотой от 8 до 14 см, диаметр венчика – от 6 до 12,4 см,

реконструированный объём – 1,5–1,6 л (2 сосуда).

По нашим предположениям, сосуда средних размеров – преобладающая группа среди всех ёмкостей памятника. Вторая по степени распространения группа – это сосуды крупных пропорций. Сосуды с объёмом около 2 л встречаются намного реже. По публикации Юрия Цетлина, всё это – тарно-кухонная посуда класса II с максимальным объёмом до 50 л [19, с. 398].

Археозоология

Археозоологический материал представлен находками фрагментов костей животных. Определения стали возможны только благодаря поддержке со стороны коллег из Немецкого археологического института (табл. 2). Кроме этого, проведён анализ на изотопные определения.

Таблица 2 / Table 2

Виды животных памятника Генералка 2 / Species of animals of the monument Generalka 2 (определения М. Хохмут)

Виды животных	Типы и виды	2000–2014	
		Общие данные, ед.	Общие данные, %
Домашние животные	КРС	2516	78,4
	Овца/Коза	438	15,3
	Собака	6	0,2
Неопределённые домашние/дикие	Бык/КРС	57	1,8
	Кулан/Лошадь	23	0,7
	Кабан/Свинья	71	2,2
Дикие животные	Благородный олень (<i>Cervus elaphus</i>)	42	1,3
	Зубр (тур) (<i>Bos primigenius</i>)	38	1,2
	Сайга (<i>Saiga tatarica</i>)	8	0,2
	Свинья (<i>Sus scrofa</i>)	5	0,2
	Кулан (<i>Equus hemionus</i>)	3	0,1
	Бобр (<i>Castor fiber</i>)	2	0,1
	Кролик / Заяц (<i>Lepus europaeus</i>)	1	0,1
Рыбы	Сом (<i>Silurus glanis</i>)	12	
	Итого	3 222	100
Неопознанных		7 655	
ВСЕГО		10 877	

Источник: [38, Tabl. 2]

Общие выводы к археозоологическим определениям можно представить как описание стратегии узко специализированного скотоводства, основанного на выращивании крупного, реже мелкого рогатого скота при незначительном использовании ресурсов дикой фауны. Эта картина полностью согласуется с фауной Михайловского поселения.

Хронология памятника Генералка 2

За последние годы по кости и керамике сделано несколько радиоуглеродных дат. В основном это из культурного слоя, который связан с заполнением рвов (табл. 3).

Все даты образуют концентрацию в период 3080–2850 calBC, это период синхронного появления всей конструкции из рвов и большей части костного материала. Второй период существования памятника не такой чёткий. Он занимает больший период, около 2850–2500 calBC. Эта ситуация показывает, что после начала освоения площадки, она становится частью каких-то контактов внутри и снаружи. Поэтому для уточнения общей

хронологии необходимо продолжать датировку памятника по комплексам. Это видно и на примере удревшённой датировки образца кости из рва 1. Не исключено, что в заполнение этого рва попала кость животного из другого времени. Пока что эта датировка является исключением, которое нельзя объяснить более подробно.

Заключение

Остров Хортица расположен на границе 2 природных зон – Надпорожья и Великого Луга. Надпорожье – компактное, узкое место прорыва Днепра через гранитный кристаллический щит. На участке около 100 км русло сужалось до считанных сотен метров, оголяя несколько десятков крупных островов.

С древнейших времен возможность переправы через Днепр привлекает население в этот регион. Поэтому крупные острова, конусы выноса балок содержат следы небольших многослойных поселений эпохи неолита – ранней бронзы (о. Байда, о. Средний Стог, о. Дурна Скеля, о. Стрильча Скеля, о. Перун и др.).

Таблица 3 / Table 3

Радиоуглеродные даты Генералки 2 / Radiocarbon dates; Generalka 2

Место находки	Материал	Index	BP		calBC
Ров 2	кость	OxA-23080	4366±28		3086–2907
Ров 6	кость	Poz-67457	4190±35		2892–2666
Ров 1	кость	Poz-92135	4180±40	1	2891–2831
				2	2821–2631
Жилище 2	кость	Poz-92132	4180±40	1	2891–2831
				2	2821–2631
Ров 6	кость	Poz-67458	4340±35	1	3082–2892
Ров 6	кость	Poz-67459	3925±35	2	2558–2295
Ров 1	кость	Poz-92134	5860±35		
Ров 1 верх	керамика	Ki-14867	4070±80	1	2700–2490
				2	2880–2450
Ров 1 дно	керамика	Ki-14866	4160±80	1	2820–2660
				2	2910–2550
Раскоп 3	керамика	Ki-14865	3990±80	1	2630–2390
				2	2900–2200

Источник: [38, Tabl. 3]

Вся территория Великого Луга – это широкая долина, образованная между Днестром и его притоками первого уровня (р. Конка, р. Базавлук). До затопления низкая пойма включала многочисленные озёра, старицы. Даже в периоды сильной аридизации территория остаётся затопленной. Поэтому здесь, в центре степи, сконцентрированы природные луга, удобные для пастбищ.

Михайловское поселение расположено на 103 км ниже о. Хортица по течению Днестра, с противоположной стороны Великого Луга. За период раскопок, 1952–1955 гг., на площади около 2 га открыто 3 сменяющих друг друга горизонта. Местом для поселения стала удобная, высокая, естественная площадка, окружённая балками, которые на позднем этапе были укреплены дополнительными стенами и рвами.

Памятник раскопан полностью. Площадь, где найдены фрагменты костей животных, составляет 0,7 га. Вся коллекция ямной культуры Михайловского поселения состоит из: 40 тыс. фрагментов керамики, 2 686 орудий из камня и более 30 тыс. костей [25].

Несмотря на огромный интерес к уникальному памятнику, он остаётся изученным на методическом уровне полувековой давности – русскоязычное изложение и новые иллюстрации материала Михайловского поселения появились только спустя 43 года после раскопок. Необходимо продолжать исследование уникального памятника, подробно изучив чертежи каменных конструкций.

Также важно изучение других поселенческих памятников этого времени с учётом современных требований и возможностей археологической науки. Методика раскопок памятника Генералка 2 изначально была разработана для длительных и тщательных раскопок в размеренном темпе. В основу полевых исследований положена медленная, постепенная расчистка культурного слоя с созданием возможностей для последую-

щей оцифровки горизонта [27, с. 8–10; 35].

В Восточной Европе такие работы типичны на раскопках памятников палеолита-неолита. Но этот подход имеет большой недостаток – значительное замедление темпа. Исследование одного крупного наземного комплекса диаметром 5 м (жилище № 2) заняло 2 полных сезона, в то время как О. Г. Шапошникова раскопала поселение площадью 2 га за 5 лет. Это может вызывать значительные различия между любыми статистическими данными Генералки 2 и Михайловского поселения. Однако приведённые данные археозоологических определений таких расхождений не содержат. Поэтому с высокой уверенностью можно говорить о специализации стада на разведении коров. Это также подтверждается полученными анализами липидов молока со стенок горшков [38, с. 31–34]. Стабильные изотопы из зубов крупного рогатого скота указывают и на сезон забоя животных – начало осени [38, с. 23–30]. Таким образом, Генералка 2 является либо большим зимовьем, либо памятником, расположенным рядом с ним.

Сравнение Михайловского поселения и Генералки 2 с точки зрения архитектурных элементов (жилища, фортификация) показывает, что памятник на Хортице пока не имеет следов долговременного укрепления и жилищ с каменным цоколем [8, с. 42]. Возможно, что только северная рондела строилась как монументальное сооружение, а остальные рвы использовались для лёгких деревянных столбовых конструкций палисада. Как и на оградах поселений Деревка и Молюхов Бугор, рвы были засыпаны не камнями, а обычной землей или землей и бытовыми отходами [28; 36, с. 5–16]. На Генералке 2 столбы за рвами и внутри рвов точно составляют единый комплекс.

Можно предположить, что основной стационарный памятник типа Михайловского поселения вырос и существовал в другой части острова или на другом острове по соседству (например, о. Бай-

да или о. Дурна Скеля). Однако Генералка 2 могла быть и большим зимовьем. Но все найденные до сих пор жилые объекты – неуглублённые. К тому же за время исследований не было обнаружено ни одного кострища, только жаровни, выполненные из стенок больших сосудов. Поскольку при исследовании верхнего слоя Михайловского поселения также не было найдено ни печей, ни костров, можно предположить, что на обоих поселениях помещения обогревали жаровнями. В таком случае характерной чертой этих памятников можно будет считать отсутствие чётких мест для обогрева и приготовления пищи [25, с. 76].

Остродонная посуда имела широкое распространение на огромной территории степи с древнейших времен. Для верхнего горизонта Михайловского поселения О. Г. Шапошникова отмечает существование 2 основных типов сосудов, имеющих разную профилировку. На Генералке 2 и других памятниках ямнокатакомбного периода эти 2 типа также хорошо представлены.

Кроме того, исходя из исследования объёмов посуды Генералки 2, примерно треть сосудов приходится на горшки малого и большого объёма, которые соответствуют объёмам 1,6–2 и 18–19 л. Наибольшая группа имеет объём 5,5–10 л. По материалам Юрия Цетлина, для перемещения посуды большого и среднего объёма требуются усилия 1 или 2 взрослых людей [19, с. 401–406]. Такие ёмкости использовали для длительного хранения жидких и сыпучих продуктов и изредка – для приготовления большого количества пищи, предназначенной к коллективному потреблению.

На Михайловке и Генералке 2 малочисленны сосуды малого объёма (до 2 л). Но такие горшки типичны скорее для захоронений. Замеры объёмов сосудов из нескольких ямных захоронений на о. Хортица показали, что в погребениях преобладает именно посуда такого объёма. Исследователи Михайловского по-

селения при попытке типологической классификации керамики указывают, что для погребений редко использовали посуду типа А и Б. [25, с. 102]. В то же время в своей монографии о погребальных памятниках Побужья О.Г. Шапошникова подчёркивает, что в погребениях обнаруживается обычная посуда со следами бытового использования [20]. Эта посуда небольших объёмов, и на поселениях она встречается реже. Однако форма сосудов малого объёма по форме схожа с крупными экземплярами.

Похоже, что оба типа сосудов характерны для всех поселений эпохи энеолита и ранней бронзы. В то же время подробный анализ этих форм может указать на обособленность общин. Например, высота горловин и степень профилировки сосудов Михайловского поселения больше, чем на горшках с Генералки 2. Возможно, что топография поселений и тяга к изолированным ландшафтам влияют и на кластеризацию форм сосудов на разных поселениях.

При анализе фатьяновской керамики А. В. Волкова указывает на устойчивую традицию в использовании орнаментированных сосудов [3, с. 24–34]. До появления гончарного круга изготовление посуды было сезонным маломощным производством, которое существовало только для обеспечения семейных нужд. Этнографические данные позволяют утверждать, что керамику изготавливали женщины внутри большой семьи. В. А. Шнирельман приводит примеры роли гендерного фактора при формировании керамического ареала культур неолита-бронзы и указывает, что основой керамического производства в таких группах становится женский труд в патрилокальных племенах. Сложный характер социальных отношений не исключает также появления статусной керамики, формирования «профессиональных» групп и обмена между ними или сопротивления по системе отношений «свои-чужие» [21].

Именно такая раздельность ареалов и перечисленные особенности отношений приводят к тому, что орнамент позволяет отслеживать социальные связи между разными поселениями. Полученные данные дают возможность предположить, что 3 наиболее многочисленных группы – это керамика, которая использовалась на памятнике чаще.

В 1928 г. А. В. Добровольский раскопал многослойное поселение Дурная Скеля неподалеку от о. Хортица. Горизонт ямной культуры насчитывает значительную коллекцию, сравнительный анализ которой позволяет определить основные элементы [22, с. 113–117]. Расстояние между Генералкой 2 и Дурной Скелей всего 3,5 км. Коллекция Дурной Скели содержит 5 венчиков, которые были бы подобны технико-типологическим группам с Генералки 2: 3 венчика из I технико-типологической группы и по 1 в двух других (рис. 4.10–4.12). Здесь близки не только композиция, но и орнаменты, которыми эти композиции созданы. Этот пример указывает на относительно сильную связь между двумя памятниками по соседству. Однако сложно дать более точную характеристику: орнаменты на керамике с Дурной Скели сложно обработать статистически в связи с особенностями методики исследова-

ований и состоянием отчёта о раскопках.

По опубликованным материалам Михайловского поселения, в верхнем слое преобладают находки горшков с композициями из горизонтальных рядов косо-перевитого шнура, а также ряды пальцевых зацепов по плечикам. На Генералке 2 встречаются похожие композиции и орнаменты (рис. 3.1.12). В то же время в верхнем слое Михайловки композиции, свойственные I технико-типологической группе Генералки 2, практически не встречаются. Есть рисунок одного сильно фрагментированного осколка венчика с паркетным орнаментом без плечика (рис. 3.4). В среднем слое Михайловского поселения паркетная композиция имеет другое дополнение по плечу – фриз из горизонтального пояса и разрозненных оттисков жемчужин. Орнамент нанесён прямоперевитым шнуром [8, рис. 28.6]. На Генералке 2 среди посуды с архаичным орнаментом встречаются близкий орнамент [17, рис. 9.2.4].

Очевидно, что Генералку 2 необходимо рассматривать как новый опорный комплекс, который даёт более чёткое представление о памятниках ранней бронзы Нижнего Поднепровья и Приазовья.

Дата поступления в редакцию 20.09.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Белинский А. В., Фасбиндер Й., Райнхольд С. Загадочные древние кольцевые сооружения северного Кавказа и европейские параллели // The latest archaeological discoveries in the north Caucasus: research & interpretations. The XXVIIth Krupniv's readings. Махачкала: Мавраевъ, 2012. С. 29–31.
2. Бобринский А. А. Механизмы встраивания и адаптации новых форм сосудов // Формы глиняных сосудов как объект изучения. Историко-культурный подход. М.: Институт археологии Российской академии наук, 2018. С. 60–63.
3. Волкова Е. В. Что может рассказать керамика о социальной структуре и социальной стратификации древнего общества // Современные подходы к изучению древней керамики в археологии: сборник статей / отв. ред. Ю. Б. Цетлин. М.: Институт археологии Российской академии наук, 2015. С. 24–34.
4. Гриценко Н. Реконструкция способа лепки посуды на памятнике Генералка 2 // Людина та її слід. Природа і комунікація. До 50-річчя Олега Валентиновича Тубольцева / сост. Д. В. Киосак. Київ: Академперіодика, 2017. С. 31–53.
5. Кислый А. Е. Каменская культура Восточного Крыма: древность и современность. Симферополь, 2016. 130 с.
6. Ковалёва И. Ф. Север степного Поднепровья в энеолите – бронзовом веке. Днепропетровск: Днепропетровский гуманитарный университет, 1984. 116 с.

7. Ковалёва И. Ф. Курган у с. Вербки и другие энеолитические памятники Присамарья // Проблемы археологии Поднепровья. 1985. Вып. 2. С. 40–54.
8. Коробкова Г. Ф., Шапошникова О. Г. Поселение Михайловка – эталонный памятник древнеямной культуры (экология, жилища, орудия труда, система жизнеобеспечения, производственная структура). Спб.: Европейский дом, 2005. 316 с.
9. Коробкова Г. Ф., Рысин М. Б., Шапошникова О. Г. Проблемы изучения древнеямной культурной общности в свете исследования Михайловского поселения // *Stratum plus*. 2009. № 2. С. 10–267.
10. Мерперт Н. Я. Из древнейшей истории Среднего Поволжья // МИА. 1958. № 61. С. 45–156.
11. Мерперт Н. Я. Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы. М.: АН СССР, 1968. 85 с.
12. Мерперт Н. Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М.: Наука, 1974. 168 с.
13. Потёмкина Т. М. Археoaстрономический аспект исследования кургана 3 у села Редова // Иванова С. В., Петренко В. Г., Ветчинникова Н. Е. Курганы древних скотоводов междуречья Южного Буга и Днестра. Одесса: Институт Археологии НАН Украины, 2005. С. 188–199.
14. Тубольцев О. В., Кобаля Д. Р., Пешков С. С. Исследования экспедиции «Новая археологическая школа» на острове Хортица // Національна перлина Запоріжжя: впровадження інноваційно-інвестиційних технологій гармонізації біоекосистеми о. Велика Хортиця. Перший міжнародний конгрес: збірник тез доповідей. Запоріжжя, 2004. С. 119–123.
15. Тубольцев О. В., Пешков С. С. Предварительные итоги раскопок экспедиции «Новая археологическая школа» памятника Генералка // Збірка наукових праць Першої відкритої конференції молодих вчених з археології, етнографії та мистецтвознавства. Київ: Наш час, 2006. С. 2–7.
16. Тубольцев О. В. Предварительные результаты раскопок экспедиции «Новая археологическая школа» памятника Генералка 2 // Археологічні пам'ятки Хортиці та їх музеефікація. 2006. № 1. С. 90–102.
17. Тубольцев О. В., Радченко С. Б. Генералка 2 и causewayed enclosures: примеры отражения полярного мировоззрения древнего населения Европы // *Stratum plus*. 2018. № 2. С. 119–148.
18. Цалкин В. И. Древнейшие животные Восточной Европы. М.: Наука, 1970. 280 с.
19. Цетлин Ю. Б. Понятие «качества» для анализа объёма сосудов // Краткие сообщения Института археологии. 2015. № 239. С. 394–409.
20. Шапошникова О. Г., Фоменко В. Н., Довженк Н. Д. Ямная культурно-историческая область (южнобугский вариант). Киев: Наукова думка, 1986. 170 с.
21. Шнирельман В. А. Роль фактора пола в формировании керамических ареалов // Керамика как исторический источник (подходы и методы изучения) : тезисы докладов всесоюзной конференции. Куйбышев, 1991. С. 11–14.
22. Якубенко Е. А. Материалы поселения эпохи меди-бронзы Дурна Скеля в собрании ГИМ УССР // Древности степного Поднепровья (III–I тыс. до н. э.). Днепропетровск: Днепропетровский гуманитарный университет, 1982. С. 19–28.
23. Братченко С. Н. Богатшарове поселення Лівенцівка I на Дону // Археологія. 1969. № 22. С. 231–235.
24. Дровосокова О. В. Археологічні пам'ятки доби бронзи з околиць с. Федорівка у Надпоріжжі (за матеріалами колекції О.Ф.Бодяньського) // Музейний вісник. 2006. № 6. С.131–153.
25. Лагодовська О. Ф., Шапошникова О. Г., Макаревич М. Д. Михайлівське поселення. Кіппв: Видавництво Академії наук Української РСР, 1962. 247 с.
26. Матвіїшина Ж. М., Пархоменко О. Г. Результати педоморфологічного і гранулометричного аналізів ґрунтів з археологічних пам'яток о-ва Хортиця // Археологічні пам'ятки Хортиці та їх музеефікація. Запоріжжя. 2006. С. 31–35.
27. Мелков Є. Д. Досвід комп'юторної обробки археологічних джерел // Збірка наукових праць Першої відкритої конференції молодих вчених з археології, етнографії та мистецтвознавства. Київ: Наш час, 2006. С. 7–10.
28. Нераденко Т. Н. Молдохів Бугор. Черкаси, 2017. 506 с.
29. Ніколова А. В., Мачит Т. І. До методики класифікації посуду ямної культури // Археологія. 1997. № 3. С. 101–114.

30. Петрашина П. Техніка давнього ремонту ліпленого посуду за матеріалами досліджень гончарного комплексу пам'яток доби бронзи з музейної колекції Національного заповідника «Хортиця» // Археологічна керамологія. 2019. № 1 (1). С. 121–141.
31. Тубольцев О. В., Павлюкова П. С., Радченко С. Б. Параметризація об'ємних кластерів кераміки Генералки 2 // Археологічна керамологія. 2020. № 3 (1). С. 75–99.
32. Чивкунов В. Реконструкція особливостей харчування мешканців пам'ятки Генералка 2 на підставі аналізів побутової кераміки // Людина та її слід. Природа і комунікація. До 50-річчя Олега Валентиновича Тубольцева / сост. Д. В. Киосак. Київ: Академперіодика, 2017. С. 53–70.
33. Bradley R. The Birth of Architecture. Proceedings of the British Academy // The Origin of Human Social Institutions / W. G. Runciman, ed. Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 69–92.
34. Hedges J., Buckley D., Bonsall C., Kinnes I., Barrett J., Drury P., Wadhams M., et al. Excavations at a Neolithic Causewayed Enclosure, Orsett, Essex, 1975 // Proceedings of the Prehistoric Society. 1978. № 44. P. 219–308.
35. Radchenko S., Tuboltsev O. Causewayed enclosures in Ukraine? A new look at an Early Bronze Age site on the Ukrainian Steppe // Antiquity. 2019. № 93 (369). P. 1–7.
36. Telegin D. Y. Dereivka: a Settlement and Cemetery of Copper Age Horse Keepers on the Middle Dnieper. Oxford: British Archaeological Reports, 1986. 186 p.
37. Whitehouse R. The chronology of the Neolithic ditched settlements of the Tavoliere and the Ofanto valley // Accordia Research Papers. 2014. № 13. P. 57–77.
38. Der Fundplatz Generalka 2 der Jamnaja-Kultur in der Südukraine. Archäologische und naturwissenschaftliche Untersuchungen / E. Kaiser, O. V. Tuboltsev, N. Benecke, R. P. Evershed, M. Hochmuth, S. Mileto, M. Riesenberger // Praehistorische Zeitschrift. 2020. № 95 (2). DOI: 10.1515/pz-2020-0021
39. Kaiser E. Das dritte Jahrtausend im osteuropäischen Steppenraum. Kulturhistorische Studien zu prähistorischer Subsistenzwirtschaft und Interaktion mit benachbarten Räumen // Berlin Studies of the Ancient World. 2019. Vol. 37. DOI: 10.17171/3-37
40. Meyer M. Die Nordperipherie: mittelnolithische Kreisgrabenanlagen aus Brandenburg // Neolithische Kreisgrabenanlagen in Europa. Internationale Arbeitstagung in Goseck (Sachsen-Anhalt) 7–9 Mai 2004 / F. Bertemes, H. Meller, eds. Halle: Landesmuseum für Vorgeschichte, 2012. С. 145–161.
41. Raetzl-Fabian D. Neolithische Grabenwerke in Mitteleuropa. Ein Überblick // Journal of Neolithic Archaeology. 2006. № 8. P. 1–54. DOI: 10.12766/jna.2006.20

REFERENCES

1. Belinsky A. V., Fassbinder I., Rainkhold S. [Mysterious ancient ring structures of the North Caucasus and European parallels.]. In: *The latest archaeological discoveries in the north Caucasus: research & interpretations. The XXVIIth Krupniv's readings*. Makhachkala, Mavraev Publ., 2012, pp. 29–31.
2. Bobrinsky A. A. [Mechanisms of embedding and adaptation of new forms of blood vessels]. In: *Formy glinyanykh sosudov kak obekt izucheniya. Istoriko-kulturnyi podkhod* [Forms of earthen vessels as an object of study. Historical and cultural approach]. Moscow, The Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences Publ., 2018, pp. 60–63.
3. Volkova E. V. [What ceramics can tell about the social structure and social stratification of ancient society]. In: Tsetlin Yu. B., ed. *Sovremennye podkhody k izucheniyu drevnei keramiki v arkheologii: sbornik statei* [Modern approaches to the study of ancient ceramics in archeology: collection of articles]. Moscow, The Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences Publ., 2015, pp. 24–34.
4. Gritsenko N. [Reconstruction of the method of sculpting dishes at the Generalka 2 monument]. In: Kiosak D. V., ed. *Lyudina ta її slid. Priroda i komunikatsiya. Do 50-richchya Olega Valentinovicha Tuboltseva* [Man and his footprint. Nature and communication. To the 50th anniversary of Oleg Valentinovich Tuboltsev]. Kyiv, Akademperiodika Publ., 2017, pp. 31–53.
5. Kislyi A. E. *Kamenskaya kultura Vostochnogo Kryma: drevnost i sovremennost* [Kamensk culture of Eastern Crimea: antiquity and modernity]. Simferopol, 2016. 130 p.
6. Kovaleva I. F. *Sever stepnogo Podneprovya v eneolite – bronzovom veke*. [North of the steppe Dnieper in the Eneolithic – Bronze Age]. Dnipropetrovsk, Dnipropetrovsk Humanitarian University Publ., 1984. 116 p.
7. Kovaleva I. F. [Kurgan near the village. Verbka and other Chalcolithic monuments of Prisamarya]. In: *Problemy arkheologii Podneprovya* [Problems of archeology of the Dnieper region], 1985, no. 2, pp. 40–54.

8. Korobkova G. F., Shaposhnikova O. G. *Poseleniye Mikhaylovka – etalonnyy pamyatnik drevneyamnoy kultury (ekologiya, zhilishcha, orudiya truda, sistema zhizneobespecheniya, proizvodstvennaya struktura)* [The settlement of Mikhailovka is a reference monument of ancient pit culture (ecology, dwellings, tools, life support system, production structure)]. St. Petersburg, Evropeiskii dom Publ., 2005. 316 p.
9. Korobkova G. F., Rysin M. B., Shaposhnikova O. G. [Problems of Studying the Ancient Pit Cultural Community in the Light of the Study of the Mikhailovsky Settlement]. In: *Stratum plus*, 2009, no. 2, pp. 10–267.
10. Merpert N. Ya. [From the ancient history of the Middle Volga region]. In: *MIA* [MIA], 1958, no. 61, pp. 45–156.
11. Merpert N. Ya. *Drevneishaya istoriya naseleniya stepnoi polosy Vostochnoi Evropy* [The oldest history of the population of the steppe zone of Eastern Europe]. Moscow, AN SSSR Publ., 1968. 85 p.
12. Merpert N. Ya. *Drevneishie skotovody Volzhsko-Ural'skogo mezhdurechya* [The oldest cattle breeders of the Volga-Ural interfluvium]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 168 p.
13. Potemkina T. M. [Archaeoastronomic aspect of the study of mound 3 near the village of Revova]. In: Ivanova S. V., Petrenko V. G., Vetchinnikova N. E. *Kurgany drevnikh skotovodov mezhdurechya Yuzhnogo Buga i Dnestra* [Mounds of ancient pastoralists between the Southern Bug and Dniester rivers]. Odessa, The Institute of Archaeology of the National Academy of Science of Ukraine Publ., 2005, pp. 188–199.
14. Tuboltsev O. V., Kobaliya D. R., Peshkov S. S. [Research of the expedition «New archaeological school» on the island of Khortitsa]. In: *Natsionalna perlyna Zaporizhzhya: vprovadzhennya innovatsiyno-investytsiynykh tekhnolohiy harmonizatsiyi bioekosystemy o. Velyka Khortytsya. Pershyi mizhnarodnyy konhres : zbirnyk tez dopovidey*. [National pearl of Zaporozhye: introduction of innovation and investment technologies for harmonization of bioecosystems Fr. Velyka Khortytsia. The first international congress: a collection of abstracts.]. Zaporizhzhya, 2004, pp. 119–123.
15. Tuboltsev O. V., Peshkov S. S. [Preliminary results of the excavations of the expedition «New Archaeological School» of the Generalka monument]. In: *Zbirka naukovykh prats Pershoyi vidkrytoyi konferentsiyi molodykh vchenykh z arkhelohiyi, etnohrafiyi ta mystetstvoznavstva* [Collection of Science Works of the First Open Conference of Young Scientists from Archeology, Ethnography and Art]. Kyiv, Nash chas Publ., 2006, pp. 2–7.
16. Tuboltsev O. V. [Preliminary results of excavations of the expedition «New Archaeological School» of the monument Generalka 2]. In: *Arkheologichni pamyatki Khortitsi ta ikh muzeifikatsiya* [Archaeological sites of Khortytsia and their museification], 2006, no. 1, pp. 90–102.
17. Tuboltsev O. V., Radchenko S. B. [Generalka 2 and causewayed enclosures: examples of the reflection of the polar worldview of the ancient population of Europe]. In: *Stratum plus*, 2018, no. 2, pp. 119–148.
18. Tsalkin V. I. *Drevneishie zhyvotnye Vostochnoi Evropy* [The oldest animals in Eastern Europe]. Moscow, Nauka Publ., 1970, 280 p.
19. Tsetlin Yu. B. [The concept of «quality» for the analysis of vascular volume]. In: *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologi* [Summary reports of the Institute of Archaeologists], 2015, no. 239, pp. 394–409.
20. Shaposhnikova O. G., Fomenko V. N., Dovzhenko N. D. *Yamnaya kulturno-istoricheskaya oblast (yuzhnobugskii variant)* [Pit cultural-historical region (yuzhnobugsky version)]. Kyiv, Naukova dumka Publ., 1986. 170 p.
21. Shnirelman V. A. [The role of gender factor in the formation of ceramic areas]. In: *Keramika kak istoricheskii istochnik (podkhody i metody izucheniya) : tezisy dokladov vsesoyuznoi konferentsii* [Ceramics as a Historical Source (Approaches and Methods of Study): abstracts of the All-Union Conference]. Kuibyshev, 1991, pp. 11–14.
22. Yakubenko E. A. [Materials of the Copper-Bronze Age settlement of Durna Skel in the collection of the State Historical Museum of the Ukrainian SSR]. In: *Drevnosti stepnogo Podneprovya (III–I tys. do n. e.)* [Antiquities of the steppe Dnieper region (III–I millennium BC)]. Dnipropetrovsk, Dnipropetrovsk Humanitarian University Publ., 1982, pp. 19–28.
23. Bratchenko S. N. [Bogatosharovo settlement of Liventsivka I on the Don]. In: *Arkheologiya* [Archeology], 1969, no. 22, pp. 231–235.
24. Drovosehkova O. V. [Archaeological monuments of bronze age from the outskirts of the village. Fedorivka at Nadporizhzhzi (materials from O. F. Bodyansky)]. In: *Muzeinii visnik* [Museum Bulletin], 2006, no. 6, pp. 131–153.

25. Lagodovska O. F., Shaposhnikova O. G., Makarevich M. D. *Mikhailivske poselennya* [Mikhailivske settlement]. Kyiv, Vidavnitstvo Akademii nauk Ukrainiskoy RSR Publ., 1962. 247 p.
26. Matviishina J. M., Parkhomenko O. G. [Results of pedomorphological and granulometric analysis of soils from archaeological sites of Khortytysa Island]. In: *Arkheologichni pam'yatki Khortitsi ta ikh muzeefikatsiya* [Archaeological monuments of Khortytysa as a part of museum collection]. Zaporizhzhya, 2006, pp. 31–35.
27. Melkov E. D. [An attempt of computer processing of archaeological data]. In: *Zbirka naukovikh prats' Pershoi vidkritoï konferentsii molodikh vchenikh z arkheologii, etnografii ta mistetstvoznavstva* [Proceedings of the First Open Conference of Young Scientists from Archeology, Ethnography and Art]. Kyiv, Nash chas Publ., 2006, pp. 7–10.
28. Neradenko T. N. *Molyukhiv Bugor* [Molukhiv Bugor]. Cherkasy, 2017. 506 p.
29. Nikolova A. V., Machit T. I. [On the method of classification of Yamnoi culture dishes]. In: *Arkheologiya* [Archeology], 1997, no. 3, pp. 101–114.
30. Petrashina P. [Old technique of glazed dishes repair found in pottery of bronze age from the museum collection of the National Reserve Khortytysa]. In: *Arkheologichna keramologiya* [Archaeological ceramics], 2019, no. 1 (1), pp. 121–141.
31. Tuboltsev O. V., Pavlyukova P. S., Radchenko S. B. [Parametrization of bulk clusters of ceramics from Generalka 2]. In: *Arkheologichna keramologiya* [Archaeological Keramology], 2020, no. 3 (1), pp. 75–99.
32. Chivkunov V. [Reconstruction of the food habits of people who lived in Generalka 2 area on the basis of the analysis of the pottery]. In: Kiosak D. V., ed. *Lyudina ta ii slid. Priroda i komunikatsiya. Do 50-richchya Olega Valentinovicha Tuboltseva* [Man and his heritage. Nature and communication. To the 50th anniversary of Oleg Valentinovich Tuboltsev]. Kyiv, Akademperiodika Publ., 2017, pp. 53–70.
33. Bradley R. The Birth of Architecture. Proceedings of the British Academy. In: Runciman W. G., ed. *The Origin of Human Social Institutions*. Oxford, Oxford University Press, 2001, pp. 69–92.
34. Hedges J., Buckley D., Bonsall C., Kinnes I., Barrett J., Drury P., Wadhams M., et al. Excavations at a Neolithic Causewayed Enclosure, Orsett, Essex, 1975. In: *Proceedings of the Prehistoric Society*, 1978, no. 44, pp. 219–308.
35. Radchenko S., Tuboltsev O. Causewayed enclosures in Ukraine? A new look at an Early Bronze Age site on the Ukrainian Steppe. In: *Antiquity*, 2019, no. 93 (369), pp. 1–7.
36. Telegin D. Y. *Dereivka: a Settlement and Cemetery of Copper Age Horse Keepers on the Middle Dnieper*. Oxford, British Archaeological Reports, 1986. 186 p.
37. Whitehouse R. The chronology of the Neolithic ditched settlements of the Tavoliere and the Ofanto valley. In: *Accordia Research Papers*, 2014, no. 13, pp. 57–77.
38. Kaiser E., Tuboltsev O. V., Benecke N., Evershed R. P., Hochmuth M., Mileto S., Riesenberg M. Der Fundplatz Generalka 2 der Jamnaja-Kultur in der Südukraine. Archäologische und naturwissenschaftliche Untersuchungen. In: *Praehistorische Zeitschrift*, 2020, no. 95 (2). DOI: 10.1515/pz-2020-0021
39. Kaiser E. Das dritte Jahrtausend im osteuropäischen Steppenraum. Kulturhistorische Studien zu prähistorischer Subsistenzwirtschaft und Interaktion mit benachbarten Räumen. In: *Berlin Studies of the Ancient World*, 2019, vol. 37. DOI: 10.17171/3-37
40. Meyer M. Die Nordperipherie: mittelnolithische Kreisgrabenanlagen aus Brandenburg. In: Bertemes F., Meller H., eds. *Neolithische Kreisgrabenanlagen in Europa. Internationale Arbeitstagung in Gosseck (Sachsen-Anhalt) 7–9 Mai 2004*. Halle: Landesmuseum für Vorgeschichte, 2012, pp. 145–161.
41. Raetzl-Fabian D. Neolithische Grabenwerke in Mitteleuropa. Ein Überblick. In: *Journal of Neolithic Archaeology*, 2006, no 8, pp. 1–54. DOI: 10.12766/jna.2006.20

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Тубольцев Олег Валентинович – старший научный сотрудник Национального заповедника «Хортица», председатель ОО «Новая археологическая школа»;
e-mail: olegtuboltzev@gmail.com

Павлюкова Полина Сергеевна – студентка Харьковского национального университета имени Василия Каразина, член ОО «Новая археологическая школа»;
e-mail: dusty.crasher@gmail.com

Симон Богданович Радченко – аспирант Туринского университета, член ОО «Новая археологическая школа»;

e-mail: simon.radchenko@unito.it

Эльке Кайзер – профессор кафедры доисторической археологии Свободного университета Берлина;

e-mail: ekaiser@zedat.fu-berlin.de

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Oleg V. Tuboltsev – senior researcher, Khortitsa National Reserve, Head of the New Archaeological School; e-mail: olegtuboltzev@gmail.com

Polina S. Pavlyukova – student, Kharkov National University named after Vasily Karazin, member of the New Archaeological School;

e-mail: dusty.crasher@gmail.com

Simon B. Radchenko – graduate student, University of Turin, member of the New Archaeological School;

e-mail: simon.radchenko@unito.it

Elke Kaiser – Prof., Institut für Prähistorische Archäologie, Freie Universität Berlin;

e-mail: ekaiser@zedat.fu-berlin.de

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Тубольцев О. В., Павлюкова П. С., Радченко С. Б., Кайзер Э. Результаты исследований памятника ямной культуры Генералка 2 на о. Хортица на Днестре // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 5. Циркумпонтика. Вып. III. С. 74–95.

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-5-74-95

FOR CITATION

Tuboltsev O. V., Pavlyukova P. S., Radchenko S. B., Kaiser E. Results of research of the monument of pit culture of Generalka 2 on the island of Hortica on the Dnieper. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2021, no. 5, Circumpontica, iss. III, pp. 74–95.

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-5-74-95

УДК 902

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-5-96-112

Посвящается Нине Леонидовне Моргуновой

К ВОПРОСУ О ЛОКАЛЬНЫХ ЦЕНТРАХ ЯМНОЙ КУЛЬТУРЫ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Яровой Е. В.¹, Пыслару И.²¹ *Московский государственный областной университет**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*² *Музей археологии «Каллатис»**905500, г. Мангалия, шоссе Констанцы, д. 23, Румыния*

Аннотация

Цель. Рассмотрение, анализ и проверка вывода о существовании в Северо-Западном Причерноморье локальных территориальных центров ямной культуры.

Процедура и методы. В статье приведён культурно-хронологический анализ буджакской (ямной) культуры в Северо-Западном Причерноморье. Используются сравнительно-типологический и хронологический-стратиграфический методы, даны количественные и качественные характеристики погребального обряда и инвентаря захоронений эпохи ранней бронзы.

Результаты. На основании сравнения количественных и качественных характеристик доказано, что при выделении локальных вариантов ямной культуры в регионе предпочтение отдавалось качественным методам, что привело к ошибочным выводам. Проверка проведённых доказательств и их анализ показали монолитность комплексов ямной культуры Днестро-Прутского междуречья и объективное отсутствие более мелких территориальных центров.

Теоретическая и/или практическая значимость. В работе показано, что попытки выделения «локальных» центров внутри различных вариантов ямной культурно-исторической области ведут в итоге к появлению новых виртуальных культур. По предложенной схеме их можно создавать десятками и окончательно запутать исторический процесс в эпоху палеометалла.

Ключевые слова: ямная культура, буджакская культура, территориальный центр, социальный статус, инсигнии власти, погребальный инвентарь, количественные и качественные методы

Dedicated to Nina Leonidovna Morgunova

ON THE LOCAL CENTERS OF YAMNAYA CULTURE IN THE NORTH-WESTERN BLACK SEA REGION

E. Yarovoy¹, I. Pyslaru²¹ *Moscow Region State University**Veri Voloshinoy ul. 24, Mytishchi 141014, Russian Federation*² *Museum of Archeology Callatis**Konstantsy shosse 23, Mangalia 905500, Romania*

Abstract

Aim. Consideration, analysis and verification of the conclusion about the existence of local territorial centers of Yamnaya culture in the North-Western Black Sea region.

© СС ВУ Яровой Е. В., Пыслару И., 2021.

Methodology. The article presents a cultural and chronological analysis of the Budzhak (Yamnaya) culture in the Northwestern Black Sea region. Comparative typological and chronological-stratigraphic methods were used, quantitative and qualitative characteristics of the funeral rite and the inventory of burials of the Early Bronze Age were given.

Results. Based on a comparison of quantitative and qualitative characteristics, it is proved that when identifying local variants of pit culture in the region, preference was given to qualitative methods, which led to erroneous conclusions. Verification of the evidence and their analysis showed the monolithic nature of the complexes of the pit culture of the Dniester-Prut interfluvium and the objective absence of smaller territorial centers.

Research implications. The paper shows that attempts to identify "local" centers within various variants of the Yamnaya cultural and historical region eventually lead to the emergence of new virtual cultures. According to the proposed scheme, they can be created by dozens and finally confuse the historical process in the era of paleometallic.

Keywords: yamnaya culture, Budjak culture, territorial center, social status, insignia of power, burial inventory, quantitative and qualitative methods

Введение

За 60 лет, прошедших после выделения локальных вариантов ямной культуры (ЯК) Восточной Европы, одним из наиболее изученных оказалось Днестро-Пруто-Дунайское междуречье или её юго-западный вариант по Н. Я. Мерперту [7]. Местные памятники рассматривались исследователями неоднократно [1; 4; 10; 12; 14; 16]. Однако это, казалось бы, положительное явление имеет и свою обратную сторону. Пристальное внимание специалистов к этому региону привело к множеству различных, зачастую противоречивых заключений. Результатом этого стала и терминологическая путаница при характеристике подкурганых памятников эпохи ранней бронзы. За последние полвека применительно к данным комплексам были предложены следующие определения:

– юго-западный вариант ямной культурно-исторической области (Н. Я. Мерперт), в которой выделяются собственно ямный и поздняя ямная этапы (Е. В. Яровой) или днестровский и буджакский варианты ямной культуры (В. А. Дергачёв). Позднее материалы данного варианта были разделены на 4 хронологических этапа (Е. В. Яровой);

– местная буджакская культура (И. Т. Черняков, С. В. Иванова);

– местная нерушайская культура, включающая, возможно, более ранний баштановский этап (Л. С. Клейн);

– днестро-дунайская культура (И. Л. Алексеева);

– курганная культура (М. Гимбутас и др.);

– культура погребений с охрой (В. Зирра, А. Хойслер и др.) [16];

– буджакская группа памятников ямной КИО [10].

После работ В. А. Дергачёва и Е. В. Яровой, выделивших соответственно 2 и 4 хронологических этапа в общем массиве памятников [4, с. 74–87; 23], казалось бы, был подведён очередной этап их изучения. Однако активная деятельность С. В. Ивановой в последние годы вновь возвращает их интерпретацию в рамки единого культурного образования. В своих многочисленных работах она последовательно пытается обосновать существование монолитной буджакской культуры в Северо-Западном Причерноморье (СЗП). В значительной степени это связано с оригинальной интерпретацией ряда источников, которая позволяет автору не только расширить характеристики ЯК региона, но и развить выводы своих предшественников¹.

¹ Иванова С. В. Об особенностях расселения племён ямной культуры в Днестро-Дунайском междуречье

Анализ предпосылок для выделения локальных центров ЯК

Вопрос существования и характеристики буджакской культуры уже давно заслуживает отдельного рассмотрения, что в перспективе, безусловно, будет сделано. Но в качестве первого шага рассмотрим выделение 3 центров ямной культуры на относительно незначительной территории Днестро-Пруто-Дунайского междуречья в работах С. В. Ивановой «Об особенностях расселения племён ямной культуры в Днестро-Дунайском междуречье» и «Социальная структура населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья»¹.

Признавая существование в Северо-Западном Причерноморье выделяемых регионов ямной культуры – Бельскую и Буджакскую степи [14, с. 114], – С. В. Иванова считает, что «*внутри юго-западной группы ямных племён можно выделить несколько территориальных центров*», которым присущи «*особенности распределения в захоронениях некоторых кате-*

горий артефактов, преимущественно, относимых к социально-престижным»².

При этом возникает закономерный вопрос: на каком основании те или иные категории находок объявляются «социально престижными»? Каков критерий для отнесения их в эту группу? А никаких! Действительно, какие объективные факты подтверждают выводы о том, что погребение может считаться богатым или социально престижным, если в нём найдено единственное серебряное колечко или медное шильце, не говоря уже о ямках от колов?

С. В. Иванова к инсигниям власти априори относит находки деревянных повозок и их деталей в погребениях, а также каменные шлифованные топоры и их обломки, булавы и молоты, кремнёвые топоры, костяные и кремнёвые стрелы, металлические ножи и украшения и т. д. Другими словами, если не считать керамику, то к социально значимым артефактам относится основная часть инвентаря ЯК, вплоть до кремнёвых отщепов и костяных бус³.

Выделяются также ритуальные особенности, к которым С. В. Иванова относит не только рвы, кромлехи, каменные обкладки и антропоморфные стелы, но и такие конструктивные особенности, как ямки от колов на дне захоронения и каменные ящики⁴. Другими словами, происходит механическое смешение признаков, характеризующих конструктивные особенности кургана и отдельные конкретные погребения. При этом концентрация ямок от колов на дне ямы почему-то рассматривается наравне с такими находками, как антропоморфные стелы, повозки,

чьё // Етнічна історія та культура населення Степу та Лісостепу Євразії (від кам'яного віку по ранне середньовіччя: Матеріали міжнародної археологічної конференції. Дніпропетровськ, 1999. С. 63–64; Иванова С. В. Социальная структура населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса: Друк, 2001. 244 с.; Иванова С. В. Серебряный век Северо-Западного Причерноморья [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bwbooks.net/books/arheologiya/ivanova-sv/2001/files/serebryanivekseverozapadnogo2001.pdf> (дата обращения: 03.12.2021); Иванова С. В. Ямная (буджакская) культура // Древние культуры Северо-Западного Причерноморья / Одесса: СМИЛ, 2013. С. 211–254; Иванова С. В. «Протобуджакский горизонт» Северо-Западного Причерноморья // Стратум плюс. 2015. № 2. С. 275–294.;

Иванова С. В. Костяные артефакты из погребений буджакской культуры // Емінак. 2016. Т. 1. № 1 (13). С. 16–19.

¹ Иванова С. В. Об особенностях расселения племён ямной культуры в Днестро-Дунайском междуречье // Етнічна історія та культура населення Степу та Лісостепу Євразії (від кам'яного віку по ранне середньовіччя: Матеріали міжнародної археологічної конференції. Дніпропетровськ, 1999. С. 63–64; Иванова С. В. Социальная структура населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса: Друк, 2001. 244 с.

² Иванова С. В. Об особенностях расселения племён ямной культуры в Днестро-Дунайском междуречье // Етнічна історія та культура населення Степу та Лісостепу Євразії (від кам'яного віку по ранне середньовіччя: Матеріали міжнародної археологічної конференції. Дніпропетровськ, 1999. С. 63.

³ Иванова С. В. Социальная структура населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса: Друк, 2001. С. 61–115.

⁴ Там же.

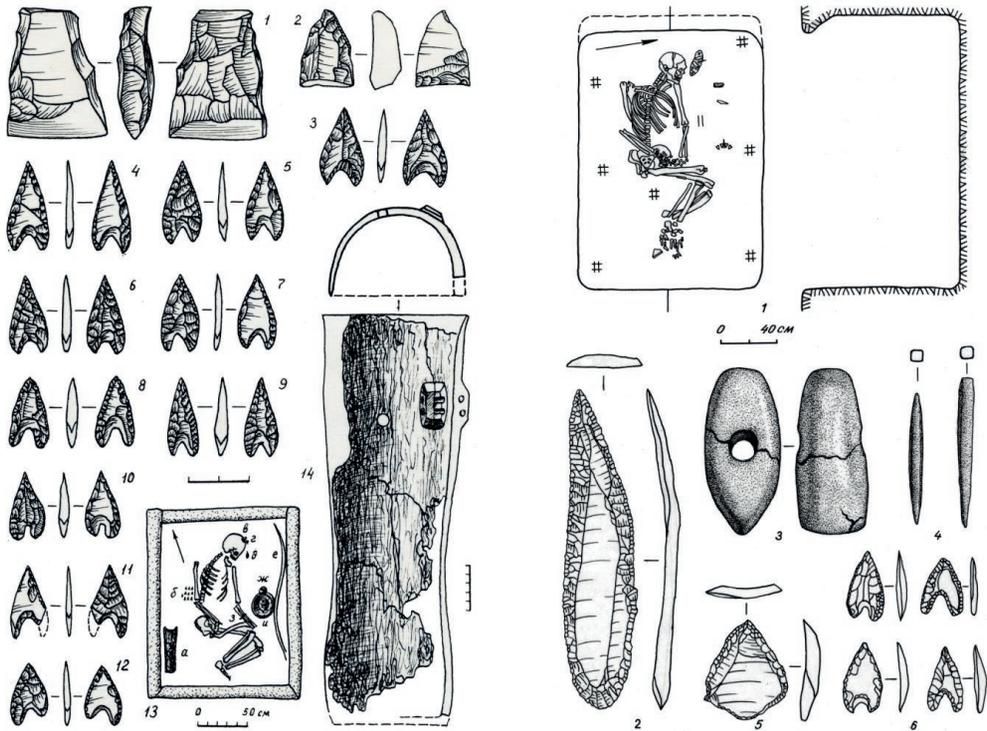

Рис. 1 / Fig. 1. Погребения 33/3 у с. Алкалия (1) в каменном ящике (по С. В. Субботину) и 1/38 у с. Пуркары (2) в катакомбе (по Е. В. Яровому) / Burials 33/3 at s. Alkalia (1) in a stone box (according to S.V. Subbotin) and 1/38 at s. Purkars (2) in a catacomb (according to E. V. Yarovoy)

Источник: [11, с. 192; 15, рис. 27, с. 85]

серебряные и медные украшения и т. д. По мнению автора, «подобная концентрация находок может служить косвенным подтверждением факта наследования социального статуса» и доказывает реальное существование 3 выделенных в регионе территориальных центров¹.

Уже одна привлечённая к анализу источниковедческая база вызывает множество вопросов, которые выходят за рамки указанной проблематики. В данном случае нет никаких оснований относить к ямной культуре такие категории находок, как каменные булавы, все целые каменные

топоры и молоты, а также каменные ящики и все вторично использованные антропоморфные стелы. Кроме этого, в массивных памятниках включено немало инокультурных комплексов, в частности, такие яркие захоронения катакомбной культуры, как, например, погребения Алкалия 33/3 и Пуркары 1/38) [11, с. 192; 15, с. 82, 84–85] (рис. 1). Показательно, что последнее захоронение не отмечено в списке привлечённых к анализу ямных погребений, но каменный топор из него фигурирует в работе². Приведённые факты поднимают таким образом и вопрос о критериях культурной принадлежности, которыми оперировала автор при создании базы буджакской культуры.

² Иванова С. В. Социальная структура населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса: Друк, 2001. С. 72, 205, рис. 15.8.

¹ Иванова С. В. Об особенностях расселения племён ямной культуры в Днестро-Дунайском междуречье // Етнічна історія та культура населення Степу та Лісостепу Європи (від кам'яного віку по ранню середньовіччя: Матеріали міжнародної археологічної конференції. Дніпропетровськ, 1999. С. 63.

Следует отметить, что степень изученности Пруто-Днестро-Дунайского междуречья неравномерна. Так, например, левобережье Среднего Прута, Нижнее и Среднее Поднестровье, Нижнее Подунавье и Буджакская степь изучены значительно лучше, чем Бельцкая степь,

левобережье Нижнего Прута и северные районы Пруто-Днестровского междуречья (рис. 2). Уже поэтому чёткое выделение на этой территории локальных территориальных групп вызывает вполне обоснованные сомнения.

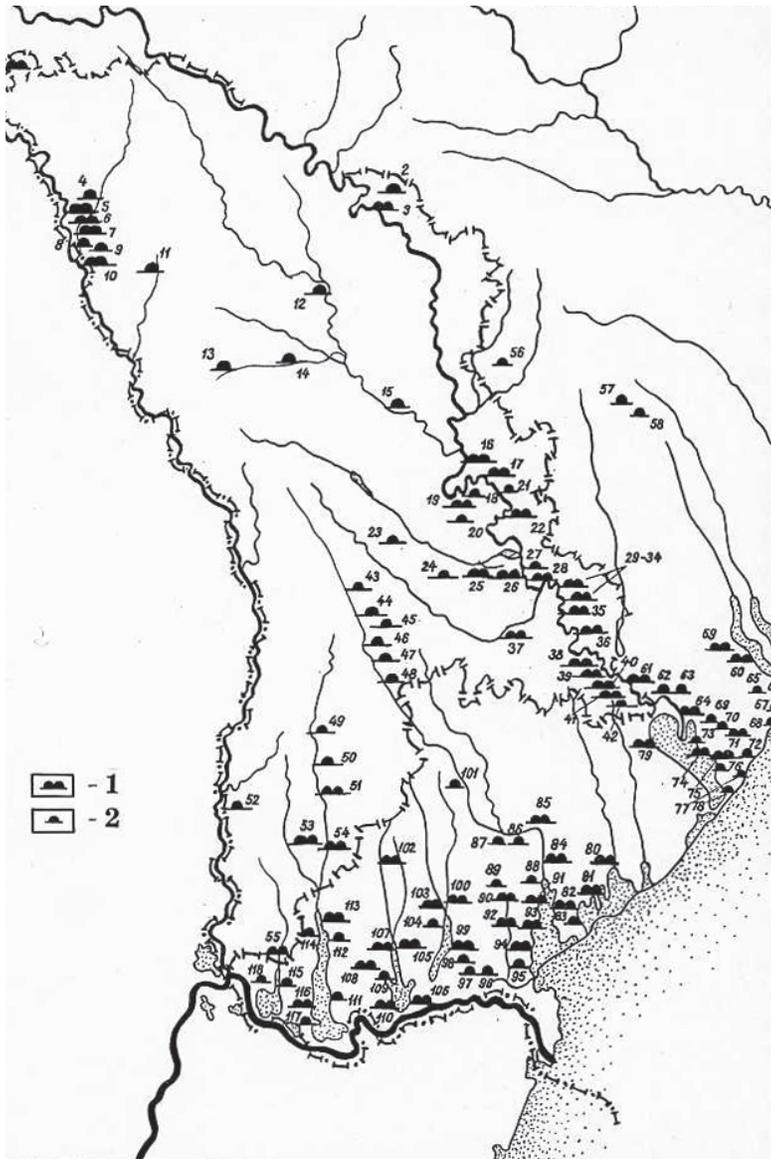

Рис. 2 / Fig. 2. Курганы ямной культуры, исследованные в СЗП на конец XX в. / Mounds of pit culture studied in the NWP at the end of the 20th century

Источник: [14, рис. 1, с. 37]

К вопросу о существовании локальных центров ЯК в Северо-Западном Причерноморье

Итак, С. В. Иванова утверждает, что картографирование курганов с концентрацией «богатых» погребений с «социально-престижными находками» демонстрирует «деление на 3 территориальные группы», что, по её мнению, возможно, отражает наличие определённых территориальных центров в ареале Днестро-Дунайского междуречья (северный, восточный, южный)¹.

Для **северного центра**, локализуемого С. В. Ивановой по правому и левому берегам р. Днестр, между слиянием с реками Реут и Турунчук, отмечены находки одной (!) повозки, костяных дротиков и наконечников стрел, металлических ножей, а также медных и серебряных височных спиралей. Количество последних в северном центре «в два раза меньше, чем в южном центре», однако медные встречены чаще, чем в двух других. Кроме того, известны находки подвесок из зубов животных и из раковин, а также две из трёх известных во всем регионе молоточковидных булавок и астрагалов. В Северном центре, по словам автора «концентрируются более, чем в других центрах, захоронения с ритуальным инвентарём».

Восточный центр автор локализует в низовьях Днестра, по р. Турунчук и берегам Днестровского лимана. Здесь найдено 3 погребения с повозками. Только в этом центре найдены медные шилья и «чаще, чем в других (центрах), встречены бронзовые ножи, кремневые топоры». Здесь концентрируются находки костяных трубочек. Из металлических украшений отмечаются «находки серебряных спиралей и отсутствие бронзовых». А

¹ Иванова С. В. Об особенностях расселения племён ямной культуры в Днестро-Дунайском междуречье // Етнічна історія та культура населення Степу та Лісостепу Європи (від кам'яного віку по ранню середньовіччя: Матеріали міжнародної археологічної конференції. Дніпропетровськ, 1999. С. 63–65.

вот браслеты из пронизей и обоймочек *встречаются чаще*», чем в южном центре. В свою очередь, **южный центр**, по автору, размещается в приморской части Буджакской степи, между р. Алкалия на востоке и оз. Китай на западе. В нём найдено «более, чем в других центрах», погребений с повозками².

Но если в северном центре найдено 1 погребение с повозкой, а в восточном – 3, то что же означают слова автора «более чем в других центрах»? Возникает вполне закономерный вопрос: сколько? В XX в. в СЗП было известно всего лишь 13 местонахождений, содержащих 16 комплексов с повозками [16]. У С. В. Ивановой отмечено 17 погребений с повозками³. Отметим, что к началу 90-х гг. XX в. в Северном Причерноморье и Предкавказье было учтено 248 погребений с целыми и разобранными повозками [5, с. 6], и абсолютное большинство из них (120 из 165) было обнаружено в Прикубанье [3, с. 80–81]. На этом фоне число открытых в регионе аналогичных комплексов является незначительным и явно недостаточным для серьёзной статистической выборки. Поэтому приводить в качестве доказательств столь небольшое число комплексов с повозками представляется, мягко говоря, необубедительным. Этот вывод касается и других категорий редких находок, число которых не превышает 10 (или чуть более) местонахождений.

По мнению автора, среди предметов оружия преобладают кремнёвые наконечники стрел и дротиков. Подвески из зубов животных и раковин редки. В южном центре найдена половина известных

² Иванова С. В. Об особенностях расселения племён ямной культуры в Днестро-Дунайском междуречье // Етнічна історія та культура населення Степу та Лісостепу Європи (від кам'яного віку по ранню середньовіччя: Матеріали міжнародної археологічної конференції. Дніпропетровськ, 1999. С. 63–64; Иванова С. В. Социальная структура населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса: Друк, 2001. С. 116–120.

³ Иванова С. В. Социальная структура населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса: Друк, 2001. С. 65 (рис. 10–11).

«захоронений с костяными бусами, заколками с резными головками, а также астрагалами, фрагментами топоров». Набор ритуального инвентаря здесь несколько иной, чем в северном центре. Чаще, чем в других центрах, здесь зафиксированы серебряные височные спирали, обе известные золотые подвески фиксируются именно здесь. Большая часть погребений с ямками на дне, курганы, окружённые рвами, концентрируются преимущественно в этом же регионе.

Но С. В. Иванова считает, что ей удалось в каждом центре выявить своеобразие в инвентаре и чертах ритуала, хотя и замечает, что предполагать концентрацию всех находок исключительно в центрах «*было бы неправомерным*». По её мнению, памятники ямной культуры, как и инвентарные погребения, размещены по всей территории Днестро-Дунайского междуречья¹. И это совершенно справедливо. Но данное заключение противоречит ранее выдвинутым аргументам в пользу объективного существования локальных центров.

Почему же так произошло? При анализе приведённых доказательств можно наглядно видеть предпочтение автора качественным характеристикам разнообразных источников. Обратим внимание на замысловатый способ выражать количественные характеристики археологических объектов и артефактов с помощью качественных.

Читателю так доподлинно и неизвестно, каково же, например, количество серебряных височных спиралей в северном центре, если их «в два раза меньше, чем в южном центре», а медные встречены «чаще, чем в двух других»? А сколько же было найдено браслетов из пронизей и обоймочек, если они «встречаются в вос-

точном центре чаще, чем в южном»? Не приводя никаких количественных данных, автор утверждает, что в северном центре концентрируются более, чем в других центрах, захоронения с ритуальным инвентарем. Остаётся также непонятным, что означает в цифровом выражении «большая часть погребений с ямками на дне», концентрирующихся в южном центре? От внимательного читателя не ускользнёт факт пренебрежения количественными данными, которые заменены качественными характеристиками типа: «больше чем», «чаще», «чаще чем», «меньше чем», «половина», «концентрация» и т. п.².

После столь своеобразной аргументации, автор делает заключение, что выявленное распределение «неординарного» инвентаря и черт погребального обряда якобы позволило ей осветить некоторые аспекты, связанные с этногенетическими и социальными процессами в ямном обществе СЗП. Все эти данные позволили ей перейти к следующему этапу – реконструкции некоторых социальных структур ямного общества региона. Что вскоре и было сделано³.

Всем явлениям, событиям, объектам, артефактам как единицам статистической совокупности присущи как качественные, так и количественные характеристики. При этом различают, прежде всего, *качественную* характеристику, которая отражает *содержание*, и *количественную* характеристику или *объём*.

Количественный признак не толь-

¹ Иванова С. В. Об особенностях расселения племён ямной культуры в Днестро-Дунайском междуречье // *Етнічна історія та культура населення Степу та Лісостепу Європи (від кам'яного віку по ранне середньовіччя: Матеріали міжнародної археологічної конференції. Дніпропетровськ, 1999. С. 64.*

² Иванова С. В. Об особенностях расселения племён ямной культуры в Днестро-Дунайском междуречье // *Етнічна історія та культура населення Степу та Лісостепу Європи (від кам'яного віку по ранне середньовіччя: Матеріали міжнародної археологічної конференції. Дніпропетровськ, 1999. С. 63–64.*

³ Иванова С. В. Социальная структура населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса: Друк, 2001. 244 с.; Иванова С. В. Социальная структура населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья // *Academia.edu* : [сайт]. URL: <https://www.academia.edu/37247329> (дата обращения: 02.12.2021).

ко фиксирует определённое свойство у объекта, но и указывает его количество. Количественная характеристика (показатель) представляет собой вид научных сведений об объекте, который может быть выражен числом или множеством. Это самая сильная шкала, поскольку она показывает, насколько велика разность сравниваемых значений. При её использовании мы от чисто логической информации переходим к информации количественной [6, с. 105; 20, с. 36]. Количественные методы широко используются в археологии для анализа явлений и процессов на основе статистических показателей. Последние связаны со сбором, измерением и анализом массовых данных, в результате которых исследователь может не только изучить количественные характеристики, но и выявить (если они имеются) общие закономерности. При этом важнейшим отличием количественных методов является тот факт, что они анализируются с помощью статистики, чего нельзя сказать о качественных характеристиках.

Качественные же методы исследований выражают некоторые сущности (объекты, явления, эталоны), которые не могут быть измерены. Они направлены, в первую очередь, на получение таких данных, которые позволяют раскрыть значение тех или иных социальных явлений. Качественные признаки только фиксируют наличие (или отсутствие) у объекта данного свойства. Качественные признаки разных предметов могут совпадать или не совпадать. Сравнивая предметы по качественным признакам, можно их группировать или подразделять [6, с. 105].

Количественные и качественные методы – это инструменты, взаимно дополняющие друг друга. Качественные методы дают возможность понять суть проблемы и сформулировать задачи для последующих количественных исследований. Признак (качественная характеристика) и показатель (количественная характеристика) – это пара диалектически взаи-

мосвязанных категорий. Они неразрывно связаны друг с другом, резкой грани между ними нет, и они довольно легко преобразуются одни в другие. Выводы, основанные на исследовании количественных признаков, как правило, точнее и доказательнее, хотя и здесь не исключены ошибки и заблуждения [6, с. 105; 13, с. 36]. Поэтому игнорирование количественных признаков и предпочтение только качественной информации может привести к ошибкам в заключениях и выводах исследователей. В данном случае показательными являются некоторые работы С. В. Ивановой, посвящённые изучению памятников ямной культуры в СЗП.

Чтобы найти ответы на поставленные выше вопросы, обратимся к статистической информации, приведённой в других работах автора. Так, в статье, посвящённой роли серебра в ямной среде, С. В. Иванова развивает интересное наблюдение В. Г. Петренко [8, с. 31–32] и сообщает, что в СЗП захоронения с металлическим инвентарём составляют 7,3% от общего количества. При этом украшения составляют 84% всех находок металлических изделий¹.

С. В. Иванова в своей монографии отмечает, что в СЗП известно 131 захоронение с металлическим инвентарём. Из текста мы узнаем, что часть украшений была из серебра. И вот среди таких погребений с украшениями из серебра 74,4% представляли погребённые, уложенные скорченно на спине². Но далее в таблице «Сопоставление артефактов, выявленных в различных обрядовых группах»³ она ука-

¹ Иванова С. В. Серебряный век Северо-Западного Причерноморья [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bwbooks.net/books/arheologiya/ivanova-sv/2001/files/serebryanivekseverozapadnogo2001.pdf> (дата обращения: 03.12.2021).

² Иванова С. В. Социальная структура населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса: Друк, 2001. С. 95.

³ Таблица 8. «Сопоставление артефактов, выявленных в различных обрядовых группах» // Иванова С. В. Социальная структура населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса: Друк, 2001. С. 216–218.

зывает количество медных изделий: ножи – 15, шилья – 13 (всего – 28), металлических украшений (из меди и серебра) – 127, что даёт в итоге 155 погребений с металлическими изделиями. Так 155 или 131 погребение были с металлическим инвентарём? В электронной же версии монографии¹ автор сообщает о 53 захоронениях с серебряными подвесками и о 73 погребениях с медными украшениями, что в сумме даёт не 127, а 126 погребений!

Там же автор оперирует данными о 161 погребении мужчин, 74 – женщин, 62 – детей и подростков (с определением возраста). Итого – 297 погребений. Из них 131 антропологически определимых погребений составляют 40% от всех захоронений². Вычисляем этот процент, и оказывается, что всего антропологически определимых погребений было или 327 или 328. Выходит, что автор оперирует не 297, а 327/328 антропологически определимыми погребениями? А вот в таблице «Распределение мужских, женских и детских погребений по обрядовым группам»³ указываются 138 погребений мужчин, женщин – 66 и 40 детских погребений, что в сумме даёт 244 погребения.

Следует также отметить, что автор говорит о 127 погребениях с металлическими украшениями (серебряными – 54 и медными – 73), составлявших по её подсчётам 84%. Из этого следует, что количество «захоронений с металлическим инвентарём» представлено 151 погребением. А 74,4% погребений с серебряными украшениями, в которых костяки лежали скорченно на спине, по её подсчётам составляют 53 погребения⁴. А по нашим

подсчётам, это – 94 погребения! Однако читателю ещё предстоит выяснить общее количество исследованных захоронений ямной культуры в Северо-Западном Причерноморье.

Показательно, что в своей обобщающей работе автор приводит список комплексов, привлечённых к анализу, но не называет их число⁵. Об этой цифре можно узнать только в электронной версии книги⁶, где отмечено 2 156 погребений ямной КИО, найденных в 481 кургане. А по нашим подсчётам, основанным на цифрах автора, было исследовано 2 068 погребений. Налицо расхождение даже в этом вопросе.

Необходимо корректировать количественные характеристики погребениям с украшениями и т. д. Если, по автору, погребения с металлическим инвентарём составляют 7,3% от 2 156 погребений, то в этом случае они должны быть представлены 157 или 158 погребениями, а не 151. Но если считать от выборки 2 068, то 7,3% составляют 151 погребение. Из всего этого следует, что в таком случае должны подвергнуться корректировке и погребения с металлическими украшениями, которые «составляют 84% от всех металлических находок» из общего количества «захоронений с металлическим инвентарём». Это означает, что данное количество должно быть представлено 131 или 132 погребениями. Автор называет цифру 131, но в таблице «Определение тенденции совокупности по группе признаков, характеризующих трудовые затраты»⁷ указывается 73 медных укра-

URL: <http://www.bwbooks.net/books/arheologiya/ivanova-sv/2001/files/serebryanivekseverozapadnogo2001.pdf> (дата обращения: 03.12.2021).

¹ Иванова С. В. Социальная структура населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья // Academia.edu : [сайт]. URL: <https://www.academia.edu/37247329> (дата обращения: 02.12.2021).

² Там же.

³ Таблица 7. Распределение мужских, женских и детских погребений по обрядовым группам // Иванова С. В. Социальная структура населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса: Друк, 2001. С. 214.

⁴ Иванова С. В. Серебряный век Северо-Западного Причерноморья [Электронный ресурс].

⁵ Иванова С. В. Социальная структура населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса: Друк, 2001. 244 с.

⁶ Иванова С. В. Социальная структура населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья // Academia.edu : [сайт]. URL: <https://www.academia.edu/37247329> (дата обращения: 02.12.2021).

⁷ Таблица 5. Определение тенденции совокупности по группе признаков, характеризующих трудовые затраты // Иванова С. В. Социальная структура на-

шений и 56 украшений из серебра и золота или всего 129 украшений из металла.

В разделе «Погребальный инвентарь»¹ С. В. Иванова указывает, что среди металлических украшений «из меди изготовлены: 4 цельных металлических браслета; 32 составных браслета из пронизей, обоймочек, пронизи-бусины (11 находок), бляшки (2), подвески височные из обоймочек (4), подвески из пронизей (2), подвески спиралевидные (13), кольца-подвески – серьги (3), перстни (3). Из серебра изготовлены: 44 височные спиралевидные подвески, кольца-подвески (серьги) округлые, серповидные (9). Известны 2 захоронения со спиралевидными подвесками из золота». Таким образом, украшений из меди не 73, а 74, из серебра – 54, а не 53, и из золота – 2, а в итоге у неё выходит 129 украшений. И такая лёгкость в обращении с цифрами видна почти во всех работах автора.

Такое пренебрежительное отношение к подаче количественных данных вряд ли помогает читателю в понимании реальной картины о погребениях ямной культуры. Да и применение процентов для небольших выборок представляется не совсем корректным, поскольку подсчитанные автором проценты являются эмпирическими процентами (P), которые имеют вероятную ошибку (Δ или \pm). Как было показано в одной из работ, выборки в 40 единиц имеют вероятную ошибку (Δ или \pm) в пределах от min.3,083% до max.15,495% [9, с. 200].

В своих работах С. В. Иванова широко использует статистические методы, приводя количественные характеристики и проценты. Возьмём для примера одну из таблиц, чтобы понять авторский подход к применяемым методам.

Так, например, она рассматривает удельный вес находок и черт ритуала в селения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса: Друк, 2001. С. 215–216

¹ Раздел 2.3. Погребальный инвентарь // Иванова С. В. Социальная структура населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса: Друк, 2001. С. 43–44.

мужских и женских погребениях². На основе приводимых данных автор утверждает, что оружие и хозяйственно-производственный инвентарь находились преимущественно в захоронениях мужчин. Удельный вес находок в захоронениях мужчин и женщин не одинаков: у мужчин не только шире «ассортимент», но и почти все категории находок чаще найдены в мужских, чем в женских захоронениях. Исключения составляют лишь украшения: 10,9% – у мужчин и 15,3% – у женщин (табл. 1).

Для начала последуем за автором и попробуем проследить отмеченные им особенности для мужских и женских погребений по каждой позиции, посмотрим доверительные интервалы. С. В. Иванова считает проценты не от общей выборки (n=231), а от каждой выборки по мужчинам (n=159) и женщинам (n=72).

Из анализа данных, приводимых С. В. Ивановой, следует:

- 1-й признак – *отщипы* – преобладают в женских погребениях (6,230–13,213%);
- 2-й – *орудия труда* – преобладают в мужских погребениях (5,452–9,642%);
- 3-й – *ритуально-производственный инвентарь* – одинаково представлен в обеих группах (M=2,775–6,029% и Ж=0,841–4,714%);
- 5-й – *украшения* – преобладают в женских погребениях (11,037–19,517% против 5,452–9,642% у мужчин), но не настолько, как это выглядит у автора – 15,3% против 10,9%;
- 9-й – *повозки* – не преобладают в группе мужчин (1,760–4,528%) по отношению к группе женщин (0,009–2,768%). Они неразличимы. Но, по автору, разница между группами мужчин и женщин ощутимая – 3,1% и 1,4%;
- 10-й – *разница по стелам* также совсем небольшая. Если автор говорит, что

² Таблица 16. Удельный вес находок и черт ритуала в мужских и женских погребениях // Иванова С. В. Социальная структура населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса: Друк, 2001. С. 229.

Таблица 1 / Table 1

Удельный вес находок и черт ритуала в мужских и женских погребениях / Proportion of finds and features of ritual in male and female burials

	Артефакты	Мужчины n1=159	n	%	Женщины n2=72	n	%
1	Отщепы	2,775–6,029	7	4,4	6,230–13,213	7	7,9
2	Орудия труда	5,452–9,642	12	7,5	0,8410–4,714	2	2,8
3	Ритуально-производственный инвентарь	2,775–6,029	7	4,4	0,841–4,714	2	2,8
4	Ритуальный инвентарь	2,775–6,029	7	4,4	0	-	-
5	Украшения	5,452–9,642	12	10,9	11,037–19,517	11	15,3
6	Заготовки Топоров	3,297–6,765	2	1,3	0	-	-
7	Оружие: Инвентарь	3,2978–6,765	8	5,1	0	-	-
8	Оружие: причина смерти	2,262–5,284	6	3,8	0	-	-
9	Повозки	1,760–4,528	5	3,1	0,009–2,768	1	1,4
10	Стелы	4,905–8,930	11	6,9	0,841–4,714	2	2,8
11	«Дома мёртвых»	10,522–15,892	21	13,2	6,230–13,213	7	9,7

Источник: Таблица 16. Удельный вес находок и черт ритуала в мужских и женских погребениях // Иванова С. В. Социальная структура населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса: Друк, 2001. С. 229.

соотношение – 6,9% в группе мужчин и 2,8% в группе женщин, то по доверительным интервалам выходит 4,905–8,930% в группе мужчин и 0,841–4,714% в группе женщин;

– 11-й – «дома мёртвых». По этому признаку автор говорит, что преобладают мужские погребения – 13,2% против 9,7% в женских погребениях. Однако по доверительным интервалам эти группы неразличимы (10,522–15,892% и 6,230–13,213%);

Мы считаем, что было бы правильно считать проценты от всей выборки мужских (n=159) и женских (n=72) погребений. Проанализируем (табл. 2) теперь эту новую выборку (n=231) по признакам, предложенным автором.

В итоге анализ признаков таблицы С. В. Ивановой «Удельный вес находок и черт ритуала в мужских и женских погребениях» с учётом новой выборки выглядит следующим образом:

– 1-й признак – *отщепы* – не преобладают в какой-либо из групп (1,902–6,029%),

– 2-й – *орудия труда* – преобладают в мужских погребениях (3,734–6,654%) по отношению (0,256–1,475%) к женским погребениям.

– 3-й – *ритуально-производственный инвентарь* – преобладает в мужских погребениях (1,902–6,029%) по отношению к женским погребениям (0,256–1,475%).

– 5-й – *украшения* – обе группы неразличимы: 3,734–6,654% для мужских и 3,360–6,163% для женских погребений.

– 9-й – *повозки* – преобладает в группе мужчин (1,207–3,121%) по отношению к группе женщин (0,0009–0,864%), хотя, по автору, разница между группами мужчин и женщин ощутима – 3,1% и 1,4%.

– 10-й – *стелы* – разница между группами статистически ощутима: 3,734–6,654% в группе мужчин и 0,256–1,475% в группе женщин.

Таблица 2 / Table 2

Удельный вес находок и черт ритуала в мужских и женских погребениях (по С. В. Ивановой) с новой выборкой / The proportion of finds and features of the ritual in male and female burials (according to S. V. Ivanova) with a new sample

n=231		65,783–71,878 мужчины	n	28,121–34,216 женщины	n
1	Отщепы	1,902–6,029	7	1,902–6,029	7
2	Орудия труда	3,734–6,654	12	0,256–1,475	2
3	Ритуально-производственный инвентарь	1,9023–6,029	7	0,256–1,475	2
4	Ритуальный инвентарь	3,734–6,654	7	0,0	-
5	Украшения	3,734–6,654	12	3,360–6,163	11
6	Заготовки топоров	0,256–1,475	2	0,0	-
7	Оружие: инвентарь	2,260–4,666	8	0,0	-
8	Оружие: причина смерти	1,550–3,643	6	0,0	-
9	Повозки	1,207–3,121	5	0,0009–0,864	1
10	Стелы	3,734–6,654	11	0,256–1,475	2
11	«Дома мёртвых»	7,199–10,982	21	1,902–6,0294	7

Источник: составлено авторами

– 11-й – «дома мёртвых» – преобладание в мужских погребениях 7,199–10,982% не очень велико по отношению к 1,902–6,029% в женских погребениях.

С. В. Иванова также приводит данные

по соотношению различных артефактов по территориальным группам (центрам), где есть информация и по украшениям, о количестве которых мы рассуждали выше (табл. 3).

Таблица 3 / Table 3

Соотнесение металлических украшений с территориальными центрами / Correlation of metal jewelry with territorial centers

Наименование	Общее кол-во	Северный центр		Восточный центр		Южный центр	
		Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Металлические украшения:							
Золотые спирали	2	-	-	-	-	2	100,0
Серебряные спирали	53	7	13,2	8	15,1	13	24,5
Медные спирали	13	6	42,9	-	-	4	28,6
Цельные браслеты	4	-	-	1	25,0	1	25,0
Составные браслеты	32	-	-	9	28,1	9	28,1
Височные пронызы, обоймы	7	-	-	1	14,3	4	57,1
	111	13		19		33	

Источник: Таблица № 23. Соотнесение различных артефактов с территориальными центрами // Иванова С. В. Социальная структура населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса: Друк, 2001. С. 233.

Рассмотрение находок различных артефактов, особенностей в обряде на фоне этих центров позволило выявить характерные черты и своеобразие, присущие каждому из них. С этой целью автор, чтобы придать больший вес немногочисленным объектам, вычислил эмпирические проценты и попытался с их помощью показать «преобладание» определённых черт каждому из выделенных центров. Вот как выглядят описания центров по автору¹.

В северном центре найдена лишь одна повозка; кремнёвые наконечники стрел и дротиков отсутствуют, но преобладают костяные (n=3). Реже, чем в других центрах, встречены металлические ножи (n=2), отсутствуют шилья, но имеются нож и шило в наборе (n=1). Серебряных спиралей здесь (n=7) в 2 раза меньше, чем в южном центре (n=13), однако медные встречены чаще (n=8), чем в двух других (n=0 и n=4). Чаще (n=4), чем в других центрах, находятся подвески из зубов животных и из раковин (n=1 и n=1), здесь же зафиксированы 2 из 3 известных молоточковидных булавок.

В восточном центре количество захоронений с инсигниями власти почти одинаково с южным центром (табл. 3). В оружии преобладают кремневые топоры (n=4). Только в этом центре найдены медные шилья (n=4) и чаще всего встречены бронзовые ножи (n=4). Здесь отсутствуют погребения с астрагалами, подвесками из раковин, костяными бусами, но концентрируются находки костяных трубочек (n=3). Из металлических украшений отметим находки серебряных спиралей (n=8) и отсутствие бронзовых. Браслеты встречаются чаще (n=1), чем в южном центре (n=1).

В южном центре найдено более (n=4), чем в других центрах, захоронений с повозками (n=1 и n=3), в оружии преобладают кремнёвые наконечники стрел и

дротиков (n=4). Имеются металлические ножи (n=3), но отсутствуют шилья. Редки подвески из зубов животных и раковин (n=1); при этом найдена половина известных захоронений с костяными бусами и заколками с резными головками (n=2), а также с астрагалами (n=6) и фрагментами топоров (n=5). Чаще, чем в других центрах, здесь зафиксированы серебряные височные подвески (n=13), медные браслеты (n=1), медные височные подвески из пронизей и обоймочек (n=4). Медных височных спиралей здесь найдено меньше (n=4), нежели в северном центре (n=6), но 2 известные золотые спиралевидные подвески фиксируются именно здесь. Большая часть курганов со рвами – также в этом регионе (табл. 3).

Категории инвентаря, перечисленные С. В. Ивановой в таблице², очень немногочисленны (12 из 23-х категорий представлены количеством 3–10 ед., 7 категорий – 11–17 ед. и только 3 категории представлены относительно большим количеством n=24, n=53 и n=32). Но оперирование эмпирическими процентами без доверительных интервалов (ΔP или \pm) может создавать у читателей неверное представление. Поэтому исключим категории с количеством менее 10 ед. и рассмотрим доверительный интервал для подсчитанных процентов по повозкам (n=17) (табл. 4).

Из этих подсчётов видно, что по количеству повозок можно говорить о различии между северным и южным центрами, но восточный центр перекрывает доверительные интервалы обоих вышеуказанных центров и не может быть различим от них. Что же касается наборов производственного инвентаря, то по ним выделенные центры неразличимы.

По наборам производственного инвентаря (n=24) из категории оружие имеем следующую ситуацию (табл. 5):

¹ Прим.: для удобства читателя мы включим в авторское (С. В. Ивановой) описание центров количественные признаки по артефактам (например: n=2 и т. п.).

² Таблица № 23. Соотнесение различных артефактов с территориальными центрами // Иванова С. В. Социальная структура населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса: Друк, 2001. С. 233.

Таблица 4 / Table 4

Распределение повозок по центрам / Distribution of carts by centers

Повозки Центры	N	P (%)	$\Delta P(\pm)$	Min	Max
Северный	1	5,9	5,882	0,175	11,589
Восточный	3	17,6	17,647	8,401	26,893
Южный	4	23,5	23,529	13,241	33,817
Всего	8				

Источник: Таблица № 23. Соотнесение различных артефактов с территориальными центрами // Иванова С. В. Социальная структура населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса: Друк, 2001. С. 233.

Таблица 5 / Table 5

Распределение наборов производственного инвентаря по центрам / Distribution of Production Inventory Sets to Centers

Оружие Центры	N	P (%)	$\Delta P(\pm)$	Min	Max
Северный	3	12,5	6,750	5,749	19,250
Восточный	4	16,666	7,607	9,059	24,273
Южный	4	16,666	7,607	9,059	24,273
Всего	11				

Источник: Таблица № 23. Соотнесение различных артефактов с территориальными центрами // Иванова С. В. Социальная структура населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса: Друк, 2001. С. 233.

Когда речь идёт о составных браслетах ($n=32$), то даже по количеству их в центрах видно, что в северном центре их вообще нет, а восточный и южный центры имеют равное число этих изделий ($n=9$ и $n=9$).

По серебряным спиральям ($n=53$) из категории украшений картина выглядит несколько иначе (табл. 6):

Здесь по доверительным интервалам различаются между собой северный и южный центры, но восточный центр

Таблица 6 / Table 6

Распределение серебряных спиралей по центрам / Distribution of silver spirals by centers

Спирали Центры	N	P (%)	$\Delta P(\pm)$	Min	Max
Северный	7	13,207	4,650	8,556	17,858
Восточный	8	15,094	4,917	10,176	20,011
Южный	13	24,528	5,910	18,618	30,438
Всего	28				

Источник: Таблица № 23. Соотнесение различных артефактов с территориальными центрами // С. В. Иванова. Социальная структура населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса: Друк, 2001. С. 233.

неотличим ни от северного, ни от южного центров, занимая промежуточное место между ними. Другими словами, он может быть равным с одной стороны северному центру, с другой стороны – южному. Таким образом, указанная таблица никак не подтверждает различия представленных центров по данным категориям.

Заключение

Данное, казалось бы, локальное исследование положило основу для дальнейших разработок С. В. Ивановой, которая за последние два десятилетия значительно увеличила историографию по изучению ЯК в СЗП. Но на наш взгляд, эта небольшая по объёму статья и глава в обобщающей монографии ярко отразили одно из направлений в изучении ямной КИО. В частности, автор не исключила возможности выделения на этой территории ещё одной группы – вокруг могильника Тараклия в Буджакской степи. Здесь были найдены 4 повозки, 2 каменных топора, нож и шило, кремнёвая стрела и другие единичные находки. Небольшое количество инвентаря объясняется автором «начальной стадией» формирования очередного «центра». При этом указывается на ещё один перспективный «центр на востоке СЗП», связанный с погребениями в каменных ящиках, и территориально отстоящий от восточного центра¹. Но в работе, опубликованной спустя десятилетие, С. В. Иванова, характеризуя ямную буджакскую культуру, ни словом не обмолвилась о

предложенных ею центрах в Северо-Западном Причерноморье².

Отметим, что подобные комплексы с каменными ящиками, во-первых, не относятся к ЯК региона, а во-вторых, любые новые раскопки в любой точке междуречья приведут к открытию очередной серии погребального инвентаря, на основании которого можно будет рассуждать о самобытности этих памятников. Считаем, что подобный метод исследований ведёт в тупик, т. к. в итоге закончится появлением новых культур, существующих лишь в умах конкретных специалистов. Что же касается «локальных» центров, то по предложенной схеме их можно создавать десятками и окончательно запутать реконструкцию исторического процесса в эпоху палеометалла.

Альтернатива подобным разработкам хорошо известна и связана с выделением географических вариантов ямной КИО, предложенной ещё Н. Я. Мерпертом. Не вдаваясь в детализацию, отметим лишь, что прозвучавшие в 2019 г. на конференции в Оренбурге доклады в очередной раз показали общие черты в погребальном обряде на огромной территории восточноевропейских степей от Дуная до Приуралья [2].

Анализ же рассмотренных статистических методов, с помощью которых С. В. Иванова пыталась доказать существование выделенных ею центров, показал, что они использованы некорректно и не подтверждают тех выводов, которые были задекларированы автором.

Дата поступления в редакцию 30.09.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева И. Л. Курганы эпохи палеометалла в Северо-Западном Причерноморье. Киев: Наукова думка, 1992. 132 с.
2. Археологические памятники Оренбуржья : сборник статей / ред. Ю. С. Зобов, М. В. Халяпин. Оренбург: Оренбургская губерния, 2000. 171 с.

¹ Иванова С. В. Об особенностях расселения племён ямной культуры в Днестро-Дунайском междуречье // Етнічна історія та культура населення Степу та Лісостепу Єврозії (від кам'яного віку по ранні середньовіччя: Матеріали міжнародної археологічної конференції. Дніпропетровськ, 1999. С. 64.

² Иванова С. В. Ямная (буджакская) культура // Древние культуры Северо-Западного Причерноморья / отв. ред. Т. Л. Самойлова. Одесса, 2013. С. 211–254.

3. Гей А. Н. О некоторых символических моментах погребальной обрядности степных скотоводов Предкавказья в эпоху бронзы // Погребальный обряд. Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений : сборник статей. М.: Наука, 1999. С. 78–113.
4. Дергачёв В. А. Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы. Кишинев: Штиинца, 1986. 223 с.
5. Избицер Е. В. Погребения с повозками степной полосы Восточной Европы и Северного Кавказа III–II тыс. до н. э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Спб., 1993. 26 с.
6. Мартынов А. И., Шер Я. А. Методы археологического исследования : учебное пособие. М.: Высшая школа, 1989. 223 с.
7. Мерперт Н. Я. Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы: автореф. дис. ... док. ист. наук. М., 1984. 84 с.
8. Петренко В. Г. Золото и серебро в энеолите Северо-Западного Причерноморья // Новые страницы древней истории Южной Украины / ред. О. Г. Шапошникова. Николаев, 1997. С. 31–32.
9. Пыслару И. Роль выборки для статистической обработки археологических материалов // Фундаментальные и прикладные исследования: от теории к практике : материалы конференции. Воронеж, 2018. С. 194–201.
10. Субботин Л. В. Северо-Западное Причерноморье в эпоху ранней и средней бронзы // *Stratum plus*. 2000. № 2. С. 350–387.
11. Субботин Л. В. Орудия труда, оружие и украшения племен ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса: Полис, 2003. 234 с.
12. Тошев Г. Н. Средний период бронзового века Северо-Западного Причерноморья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1982. 17 с.
13. Холушкин Ю. П., Витяев Е. Е., Костин В. С. Задачи археологии и методы их решения // Информационные технологии в гуманитарных исследованиях. 2013. № 18. С. 3–97.
14. Яровой Е. В. Древнейшие скотоводческие племена Юго-Запада СССР (классификация погребального обряда). Кишинев: Штиинца, 1985. 122 с.
15. Яровой Е. В. Курганы энеолита – эпохи бронзы Нижнего Поднестровья. Кишинев: Штиинца, 1990. 270 с.
16. Яровой Е. В. Скотоводческое население Северо-Западного Причерноморья эпохи раннего металла: автореф. дис. ... док. истр. Наук. М., 2000. 47 с.

REFERENCES

1. Alekseeva I. L. *Kurgany epokhi paleometalla v Severo-Zapadnom Prichernomore* [Mounds of the Paleometal Age in the North-Western Black Sea Region]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1992. 132 p.
2. Zobov Yu. S., Khalyapin M. V., eds. *Arkheologicheskie pamyatniki Orenburgzhyia : sbornik statei* [Archaeological sites of the Orenburg region: collection of articles]. Orenburg, Orenburgskaya guberniya Publ., 2000. 171 p.
3. Gay A. [On some symbolic moments of the funeral rituals of the steppe cattle breeders of the Caucasasia in the Bronze Age]. In: *Pogrebalnyi obryad. Rekonstruktsiya i interpretatsiya drevnikh ideologicheskikh predstavlenii: sbornik statei* [Funeral rite. Reconstruction and Interpretation of Ancient Ideological Concepts: Collection of Articles]. Moscow, Nauka Publ., 1999, pp. 78–113
4. Dergachev V. A. *Moldaviya i sosednie territorii v epokhu bronzy* [Moldova and neighboring territories during the Bronze Age]. Chisinau, Shtiintsa Publ., 1986. 223 p.
5. Izbitser E. V. *Pogrebeniya s povozkami stepnoi polosy Vostochnoi Evropy i Severnogo Kavkaza III–II tys. do n. e.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Burials with carts of the steppe zone of Eastern Europe and the North Caucasus, 3–2 millennium BC: abstract of PhD thesis in Historical sciences]. St. Petersburg, 1993. 26 p.
6. Martynov A. I., Sher Ya. A. *Metody arkheologicheskogo issledovaniya : uchebnoe posobie* [Archaeological research methods : textbook]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1989. 223 p.
7. Merpert N. Ya. *Drevneishaya istoriya naseleniya stepnoi polosy Vostochnoi Evropy: avtoref. dis. ... dok. ist. nauk* [The most ancient history of the population of the steppe zone of Eastern Europe: abstract of PhD thesis in Historical sciences]. Moscow, 1984. 84 p.
8. Petrenko V. G. [Gold and Silver in the Chalcolithic of the North-Western Black Sea Region]. In: Shaposhnikova O. G., ed. *Novye stranitsy drevnei istorii Yuzhnoi Ukrainy* [New pages of the ancient history of Southern Ukraine]. Nikolaev, 1997. pp. 31–32

9. Pyslaru I. [The role of sampling for statistical processing of archaeological materials]. In: *Fundamentalnye i prikladnye issledovaniya: ot teorii k praktike : materialy konferentsii* [Fundamental and applied research: from theory to practice : conference proceedings]. Voronezh, 2018, pp. 194–201.
10. Subbotin L. V. [Northwestern Black Sea Region in the Early and Middle Bronze Age]. In: *Stratum plus*, 2000, no. 2, pp. 350–387.
11. Subbotin L. V. *Orudiya truda, oruzhie i ukrasheniya plemen yamnoi kultury Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya* [Tools of Labor, Weapons and Ornaments of the Yamnaya Tribes of the North-Western Black Sea Region]. Odessa, Polis Publ., 2003. 234 p.
12. Toshchev G. N. *Srednii period bronzovogo veka Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The middle period of the Bronze Age of the North-Western Black Sea region: abstract of PhD thesis in Historical sciences]. Kiev, 1982. 17 p.
13. Kholyushkin Yu. P., Vityaev E. E., Kostin V. S. [The tasks of archeology and methods for their solution]. In: *Informatsionnye tekhnologii v gumanitarnykh issledovaniyakh* [Information technology in humanitarian research], 2013, no. 18, pp. 3–97.
14. Yarovoy E. V. *Drevneishie skotovodcheskie plemena Yugo-Zapada SSSR (klassifikatsiya pogrebnogo obryada)* [The oldest cattle-breeding tribes of the South-West of the USSR (classification of the funeral rite)]. Chisinau, Shtiintsa Publ., 1985. 122 p.
15. Yarovoy E. V. *Kurgany eneolita – epokhi bronzy Nizhnego Podnestrovyia* [Mounds of the Chalcolithic – the Bronze Age of the Lower Dniester region.]. Kishinev, Shtiintsa Publ., 1990. 270 p.
16. Yarovoy E. V. *Skotovodcheskoe naselenie Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya epokhi rannego metalla: avtoref. dis. ... dok. istr. nauk* [Cattle-breeding population of the North-Western Black Sea region of the Early Metal Age: Abstract of D. thesis in Historical Sciences]. Moscow, 2000. 47 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Яровой Евгений Васильевич – доктор исторических наук, профессор Московского государственного областного университета;
e-mail: jar.evgenijj@rambler.ru

Пыслару Ион – доктор исторических наук, археолог-эксперт музея археологии «Каллатис»;
e-mail: pslr2007@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Evgeny V. Yarovoy – Dr. Sci. (History), Prof., Moscow Region State University;
e-mail: jar.evgenijj@rambler.ru

Ion Pyslaru – Dr. Sci. (History), archaeologist-expert, Museum of Archaeology Kallatis;
e-mail: pslr2007@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Яровой Е. В., Пыслару И. К вопросу о локальных центрах ямной культуры в Северо-Западном Причерноморье // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 5. Циркумпонтика. Вып. III. С. 96–112.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-5-96-112

FOR CITATION

Yarovoy E. V., Pyslaru I. On the local centers of Yamnaya culture in the North-Western Black Sea region. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2021, no. 5, Circumpontica, iss. III, pp. 96–112.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-5-96-112

УДК 903.5

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-5-113-128

ОДИНОЧНЫЙ КУРГАН ЭПОХИ БРОНЗЫ У С. ГОНЧАРОВКА В СРЕДНЕМ ПОДОНЦОВЬЕ (РАСКОПКИ 1988 Г.)

Коваленко П. П., Красильников К. И.

*Луганский государственный педагогический университет
91011, г. Луганск, ул. Оборонная, д. 2*

Аннотация

Цель. Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиночного сильно разрушенного кургана у с. Гончаровка на правом берегу р. Красной в Среднем Подонцовье.

Процедура и методы. В работе использованы сравнительно-типологический, хронологический и стратиграфический методы.

Результаты. По итогам исследования установлено, что большинство погребений принадлежит к среднему и позднему периодам бронзового века. Один комплекс, вероятно, датируется эпохой ранней бронзы. Анализ стратиграфии позволяет предположить изначальное существование двух самостоятельных разновременных насыпей.

Теоретическая и практическая значимость. В научный оборот вводятся новые материалы бронзового века Доно-Донецкого региона. Расширяются представления о сложной погребальной обрядности населения эпохи бронзы в регионе.

Ключевые слова: Среднее Подонцовье, эпоха ранних металлов, бронзовый век, катакомбная культура, срубная культура, погребальный обряд, курган

SINGLE FUNERAL MOUND OF THE BRONZE AGE NEAR GONCHAROVKA VILLAGE ON THE SEVERSKY DONETS BASIN (EXCAVATION MATERIALS 1988)

P. Kovalenko, K. Krasilnikov

*Lugansk State Pedagogical University
Oboronnaya ul. 2, Lugansk 91011*

Abstract

Aim. Cultural and chronological analysis of the burial complexes of a single badly destroyed mound near Goncharovka village on the right bank of the Krasnaya river in the Middle Podontsovyo.

Methodology. The article provides a cultural and chronological analysis of the corpus of the identified burial complexes. Using the comparative typological method and analogies, the funeral rite, material complexes kurgan stratigraphy and relative chronology are analyzed.

Results. As the result of the research, it was established that most of the burial belong to the middle and late periods of the Bronze Age. Probably one complex dates from the Early Bronze Age. The performed analysis of the stratigraphy allows us to assume the initial existence of two independent burial mound belonging to burials of different periods.

Research implications. The article introduces new Bronze Age materials of the Don-Donets region into scientific circulation. Extraordinary situations encountered in the funeral mound make it possible to introduce new ideas about the complex burial rituals of the ancient population.

Keywords: Severskiy Donets Middle Valley, Bronze Age, Catacomb culture, Srubnaya culture, funeral rite, mound

Введение

Проблематика курганной археологии бронзового века Северско-Донецкого региона выглядит едва ли не наиболее разработанной в сравнении с прочими направлениями исследований. Регион уникален и в том отношении, что именно здесь с раскопок В. А. Городцова в начале XX в. началось изучение бронзового века степей Восточной Европы и Предкавказья и долгое время господствовало представление о хронологическо-стратиграфической последовательности ямной, катакомбной и срубной культур. В настоящее время, после грандиозных раскопок в 1960–1980 гг., представления о процессах, протекавших в степях Южной России, усложнились. Кроме ямной культуры, здесь была выделена синхронная ей и генетически родственная кубано-днепровская культура с повозками (со старосельским и новотитаровским вариантами) [7], а также предшествующий обеим культурам доямный горизонт бескурганых погребений со скипетрами, имеющий параллели в домайкопском горизонте Северного Кавказа [6]. В классической для региона донецкой катакомбной культуре в курганах Луганщины выделен более ранний преддонецкий горизонт [1; 5; 10], а посткатакомбный горизонт представлен бабинской культурой (культурой многоваликовой керамики), аналогом которой является лолинская культура Калмыкии [4; 11]. Археологическая история Подонцовья имеет много общих и сходных черт с археологической историей Предкавказья [5].

Историография показывает, что все существующие масштабные аналитические работы построены преимущественно на архивных материалах, постоянно пополняемых данными раскопок, недоступных широкому кругу исследователей. Именно поэтому в очередной раз приходится акцентировать внимание специалистов на необходимости публикации огромного массива источников, накопившихся за более чем вековую историю полевых исследований региона. По имею-

щимся данным, источниковый фонд бассейна среднего течения Северского Донца включает: около 200 погребальных комплексов раннего этапа бронзового века¹, свыше 1 500 захоронений катакомбной атрибуции [2, с. 111], 400–500 бабинских (многоваликовых) комплексов и до 1 500 захоронений позднего бронзового века [11, с. 2]. Однако из общего числа имеющихся погребальных комплексов едва ли треть доступна для широкого использования. Таким образом, необходимость введения в научный оборот новых данных о скотоводческих культурах эпохи бронзы по-прежнему остаётся основополагающей целью для качественно новых аналитических трудов.

Данная работа продолжает публикацию результатов исследований курганных памятников, проводимых археологической экспедицией Луганского педагогического университета прошлых лет.

В полевой сезон 1988 г. совместная экспедиция Ворошиловградского государственного педагогического института и Ворошиловградской областной организации общества охраны памятников истории и культуры провела исследования одиночного кургана у с. Гончаровка Сватовского района. Раскопки носили аварийно-спасательный характер в связи со значительной степенью разрушения памятника и угрожающим ему полным исчезновением. Исследования проводились вручную с сохранением бровок для стратиграфических наблюдений².

Описание погребального памятника

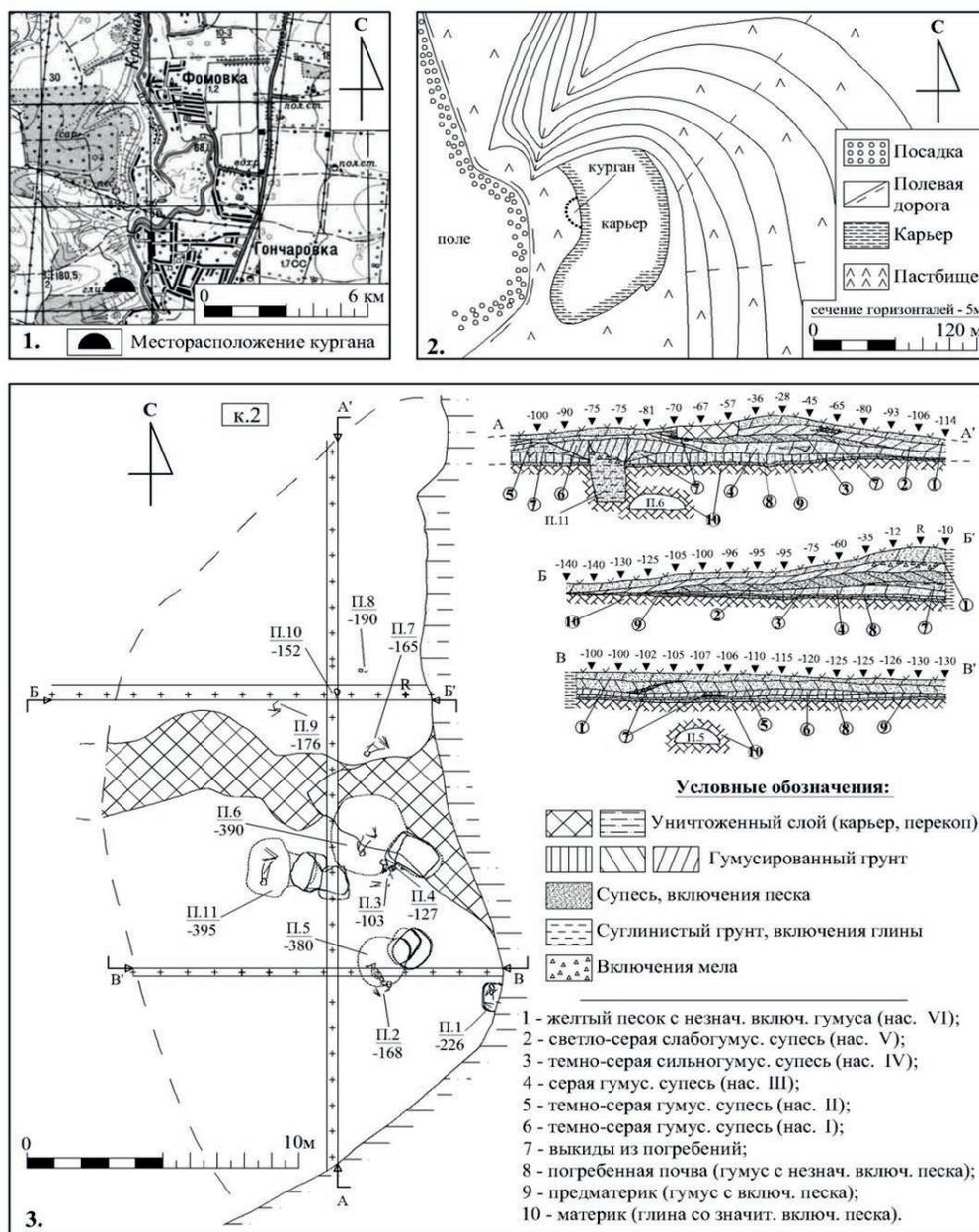
Одиночный курган располагался на краю правого высокого коренного берега

¹ Здесь и далее: даны предварительные подсчёты авторов с учётом раскопок последних 20 лет, ссылки на работы с известной количественной статистикой, актуальной на 1990-е гг.

² См.: Красильников К. И., Козмирчук И. А. Отчёт о проведении археологических работ по спасению курганов 2 и 3 на землях совхоза «Учебный» с. Гончаровка Сватовского р-на Ворошиловградской области в 1989 г. // Архив Института археологии НАН Украины. 1989/47.

р. Красной в 500 м к В от западной окраины с. Гончаровка и в 3,4 км к ЮЮЗ от южной окраины с. Фомовка (рис. 1.1-2).

К моменту исследований насыпь более чем наполовину уничтожена карьером. Кроме того, на поверхности прослежи-

1 – ситуационный план расположения кургана;

2 – топографический план местности;

3 – план и профили бровок кургана.

Рис. 1 / Fig 1. 1-3. Гончаровка, Сватовский р-н, исследования 1988 г., одиночный курган «Гончаровка-II» / Goncharovka, Svatovsky district, research in 1988, single mound «Goncharovka-II»

Источник: данные авторов

вались отчётливые следы окопа времён ВОВ и современный перекоп. Сохранившаяся западная часть кургана задернована. Размеры насыпи – 27×13 м, высота от уровня древнего горизонта – не более 1,5 м (рис. 1.3).

Всего в кургане обнаружено 12 захоронений различных периодов бронзового века. Одно, вероятно, относится к эпохе ранней бронзы, 6 погребений датированы катакомбным периодом, остальные – к срубной культуре позднего бронзового века.

Погребение 1 – основное (?), эпохи ранней бронзы (?) (рис. 2,1), выявлено в обрушившейся стенке карьера на расстоянии 11,5 м к ЮЮВ от репера. Верх конструкции зафиксирован с уровня погребённой почвы на глубине 1,7 м, здесь же обнаружен незначительный – до 7 см – линзообразный горизонт светлой почвы, возможно, выкид.

Погребальная конструкция – яма прямоугольной формы с закруглёнными углами, восточная часть могилы обрушена. Размеры сохранившейся части – 1,1×0,65 м, ориентация оси ямы по линии С-Ю, дно устроено в верхних горизонтах материка на уровне – 2,26 м от репера. Стенки ямы с небольшим наклоном, сужаются ко дну. Заполнение в виде супеси со значительной примесью гумусированного суглинка.

Костяк взрослого человека лежал скорченно на спине, ноги согнуты коленями вверх, распались в стороны. Череп ориентирован на С, с небольшим разворотом лицевой частью к ЮВ. Руки согнуты, кисти у правого плечевого отдела, лучевые кости скрещены. Ограниченная ширина ямы создала ситуацию, при которой коленный сустав правой ноги упирался в западную стенку ямы, левая нога частично уничтожена карьером. Между ног, ниже таза погребённого, находились фрагменты костей и черепа младенца.

Погребение практически безинвентарное, лишь возле таза найден обломок белемнита.

Погребение 2 – впускное, срубное (?) (рис. 2.2), зафиксировано в горизонте погребённой почвы на расстоянии 11,1 м к ЮЮЗ от репера. Погребальная конструкция не прослежена, само же захоронение находилось на глубине 1,68 м ниже репера.

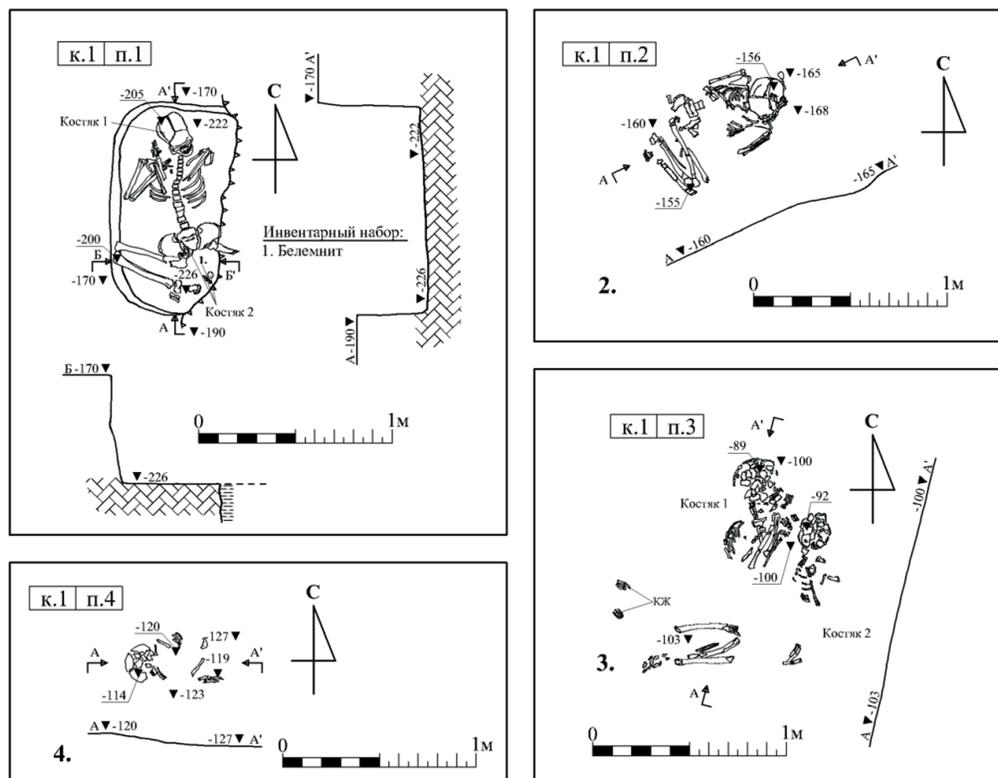
Скелет взрослого человека лежал скорченно на спине, головой ориентирован на ВСВ, лицевой частью – на Ю. Руки согнуты, кисти прижаты к левому плечу. Ноги согнуты, повернуты влево, но не исключено, что в древности они стояли коленями вверх (угол между позвоночником и бедренными костями прямой, в коленях острый).

Погребение 3 – впускное, срубное (рис. 2.3), выявлено в верхних горизонтах курганной насыпи на расстоянии 6,4 м к ЮЮЗ от репера. Погребальная конструкция не прослежена. Захоронение парное, совершено на глубине 1,03 м от репера.

Костяк в западной части захоронения принадлежит взрослому человеку, уложенному скорченно на левом боку, головой ориентирован на С, лицевой частью на В. Руки согнуты, кисти положены у черепа. Ноги подогнуты (угол между позвоночником и бедренными костями острый, в коленных суставах – острый). Костяк с восточной стороны также уложен скорченно на левом боку и ориентирован головой на ССВ, его кости – плохой сохранности. Захоронение безинвентарное, у ног погребённых выявлено несколько фрагментированных костей мелких животных.

Погребение 4 – впускное, эпохи средней бронзы (?) (рис. 2.4), зафиксировано в пределах насыпи кургана на расстоянии 6,6 м к ЮЮЗ от репера. Погребальная конструкция не прослежена, но непосредственно захоронение в состоянии фрагментарности зафиксировано на глубине 1,23 м от репера.

Костяк подростка погребён в сильно скорченном положении на правом боку головой к З, лицевая часть повернута к Ю. Руки согнуты в локтевых суставах, кисти уложены у черепа. Ноги сильно подо-

- 1 – план и разрез погребения 1;
2 – план и разрез погребения 2;
3 – план и разрез погребения 3;
4 – план и разрез погребения 4.

Рис. 2 / Fig. 2. 1–4. Гончаровка, Сватовский р-н, исследования 1988 г., одиночный курган «Гончаровка-II», погребения 1–4 / 1–4. Gonchrovka, Svatovsky district, research 1988, single mound «Gonchrovka-II», burials 1–4

гнуты и подтянуты к груди (угол между позвоночником и бедренными костями острый, в коленных суставах – острый).

Погребение 5 – впускное, катакомбное (рис. 3), выявлено на расстоянии 9 м к ЮЮЗ от репера. Пятно расчищалось с уровня предматерика на глубине 1,97 м от репера, однако признаки заполнения фиксировались в пределах насыпи, что свидетельствует о впускном характере комплекса.

Входной колодец овальной формы размерами 1,28×1,5 м имел 3 уровня ступеней на отметках -2,5–2,65 м, -3,1 м, -3,5 м от репера. Дно верхней ступени покатое, с небольшим – до 0,15 м – понижением от

стенки к центру. Нижние ступеньки смещены внутрь СЗ стенки входной шахты. Вход в камеру перекрыт 5 брёвнами-плахами высотой 0,4–0,9 м и диаметром до 0,18 м. Нижней частью плахи установлены на площадку нижней ступеньки, верх опирается в стенку над входом. На стенке, устроенной в материковом грунте и заполненной рыхлым гумусированным суглинком входной шахты, отчётливо сохранились вертикальные следы желобчатых орудий длиной до 20 см и шириной 3 см. В плане своей западной частью колодец накладывался поверх камеры, тем самым располагался асимметрично относительно её длинной оси.

Камера катакомбы устроена в материке к ЗЮЗ от входной шахты. Конструкция округлой формы размерами 1,9×1,6 м с удлинением по линии С-Ю. Дно имело небольшое понижение к западной стенке на глубине 3,8 м от репера, высота свода – 0,8 м.

Скелет взрослого человека лежал на правом боку, скорченно у задней стенки камеры на органической подстилке в виде тёмно-коричневого тлена. Ориентирован головой к ЮВ, лицевая часть обращена к СВ, т. е. в сторону входа в камеру. Ноги слегка подогнуты (угол между позвоночником и бедренными костями тупой, в коленных суставах – прямой). Руки вытянуты вдоль туловища, левая кисть уложена на таз, правая в направлении большой берцовой кости. Участки стоп, берцовых костей и таза покрыты порошковой охрой, местами прослежена меловая подсыпка.

Инвентарь представлен серией находок, рассредоточенных по всей камере. Непосредственно у входа перед туловищем скелета лежал сосуд на боку (1). В северной части камеры находилась жаровня с углями, сделанная из днища сосуда (2), здесь же жертвенник – череп лошади и мелкие фрагменты костей животного. У стенки противоположной, ЮЗ стороны камеры, зафиксированы остатки истлевшей деревянной миски диаметром около 20 см. Непосредственно у черепа обнаружены металлические украшения в виде подвесок (3, 4) и бусины (5). Перед лицевой частью черепа уложен переломанный на 2 части кусок охры (6).

1) Сосуд стройных пропорций с высокой, слегка расширяющейся горловиной и высокоподнятыми плечиками (рис. 3.2). Верх венчика уплощённый, по срезу нанесены косые насечки-вдавления. По шейке украшена 3 горизонтальными поясами отрисков мелкой тесьмы, внутреннее пространство между которыми заполнено косыми прочерчиваниями в виде ёлочной композиции. По плечикам свисают 6 фестонов, состоящих из

3–4 полуокружностей, вписанных друг в друга. Внутри каждый фестон дополнен мотивом в виде вертикального ряда из 2–3 неглубоких округлых отрисков. Поверхность сосуда подлощена, местами просматриваются следы разнонаправленных расчёсов. Обжиг неравномерный, от тёмно-серого в верхней части до светло-коричневого в нижней. Размеры сосуда: Дт – 21,1 см, Дв – 19,2 см, Дд – 11,3 см, В – 15 см, Вг – 1,5 см, Тс – 1 см, Тд – 1,3 см¹;

2) Височная серебряная подвеска округлой формы с заходящими друг за друга концами (рис. 3.5). Изготовлена из прутка круглой в сечении проволоки. Диаметр кольца – 1,7 см, толщина проволоки – 0,3 см;

3) Серьговидная серебряная подвеска в виде кольца с несомкнутыми заостренными концами (рис. 3.6). Изготовлена из прутка округлой в сечении проволоки. Размеры: 1,4×1,3×0,4 см;

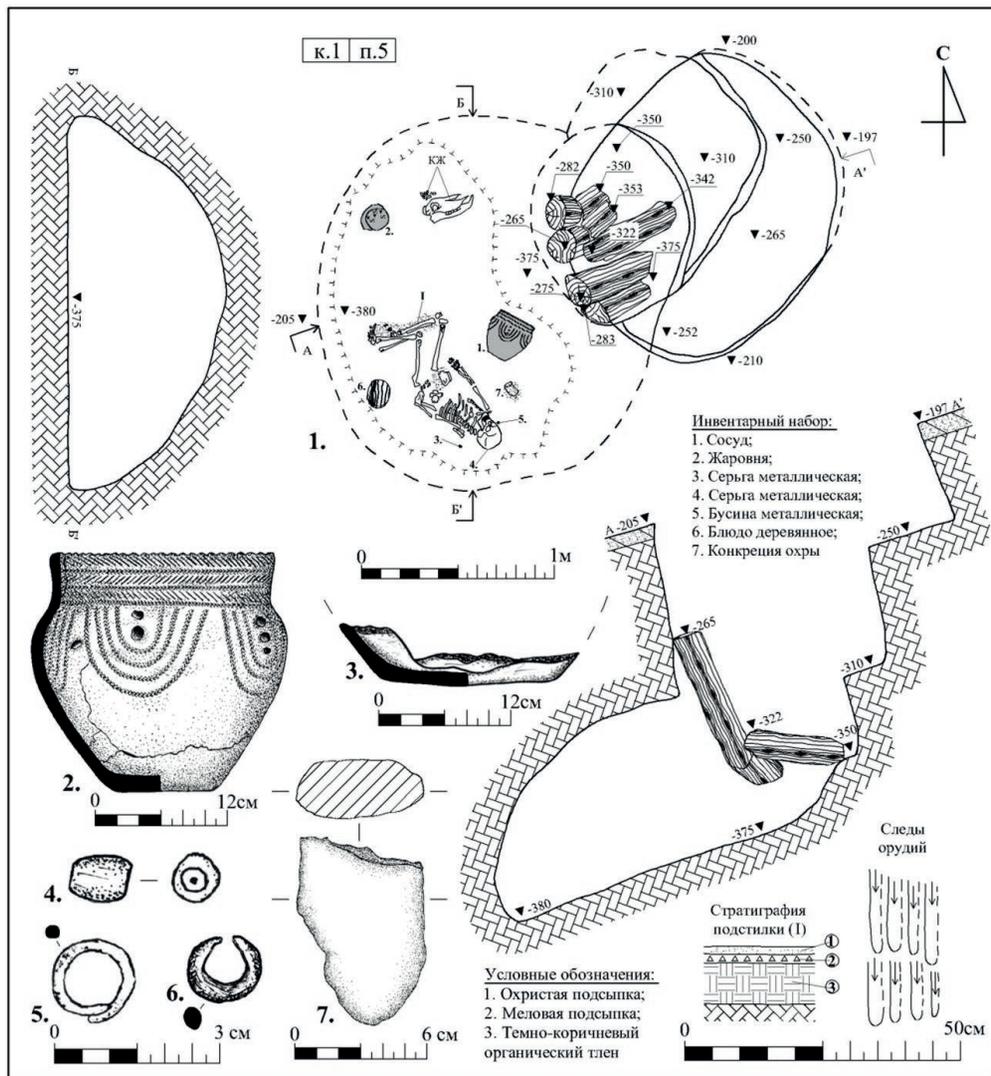
4) Бронзовая бусина бочонковидной формы со сквозным отверстием (рис. 3.4). Размеры: 1,1×0,75 см;

5) Фрагмент изделия из охры подовальной формы тёмно-красного цвета (рис. 3.7). Размеры: 8,3×5,8×3,2 см.

Погребение 6 – впускное, катакомбное (рис. 4.1-4) выявлено на расстоянии 4,1 м к ЮЮЗ от репера. Расчищалось с фиксируемого на глубине 1,35 м горизонта выкида материкового суглинки, располагавшегося на поверхности первичного кургана в северном и восточном направлениях от шахты.

Входной колодец в плане прямоугольной формы с закрутлёнными углами, размерами 1,9×1,35 м, длинной стороной ориентирован по линии ЮВ-СЗ. Дно с незначительным понижением в сторону входа на отметке – 3,7 м. Стенки с наклоном в направлении их расширения ко дну. Вход в камеру – овальной формы, 0,9×1,25 м перекрыт 6 вертикально уста-

¹ Здесь и далее: при описании размеров сосудов использованы следующие обозначения: Дт – диаметр тулова, Дв – венчика, Дд – дна, В – общая высота, Вг – горловины, Тс – толщина стенок, Тд – дна.

1– план и разрезы погребения 5;
 2–7 – инвентарный комплекс погребения 5 (2 – сосуд; 3 – жаровня; 4 – бусина металлическая; 5–6 – подвески металлические; 7 – конкреция охры).

Рис. 3 / Fig. 3. 1–7. Гончаровка, Сватовский р-н, исследования 1988 г., одиночный курган «Гончаровка-II», погребение 5 / 1–7. Goncharovka, Svatovsky district, research 1988, single mound «Gonchrovka -II», burial 5

новленными плахами-брёвнами диаметром до 0,2 м, длиной 0,6–1 м.

Погребальная камера устроена в плотном материковом грунте к СЗ от входного колодца. Переход внутрь осуществлён посредством плавного до 0,2 м понижения. Конструкция подовальной формы размерами 3,15×2,7 м, ориентация в на-

правлении ЮЮЗ-ССВ, дно на уровне 3,9 м от репера. Свод в центральной части просел, его высота около 1,2 м определяется по сохранившимся стенкам.

Костяк взрослого человека находился в центральной части камеры на органическом тлене тёмно-коричневого цвета. Лежал скорченно на правом боку, головой

на ЮЮВ, лицевой частью на В – в направлении входа. Левая рука слегка согнута и вытянута вдоль туловища, правая вытянута по направлению к коленям. Ноги подогнуты и уложены друг на друга (угол между позвоночником и бедренными костями прямой, в коленях – острый). У черепа и коленных суставов зафиксированы подсыпки порошковой охры тёмно-красного цвета, причём на участке в районе черепа охру и органический тлен подстилает горизонт истлевшей древесной коры.

Инвентарный комплекс включает сосуд (1), а также нижнюю челюсть и конечности животного, лежавшие на отдельной органической подстилке перед черепом погребённого. У тазовой части скелета зафиксированы остатки истлевшего футляра-сумки из кожи (2), внутри которого находилось металлическое остриё (3). Ещё один фрагмент несохранившегося изделия из кожи прослежен непосредственно на тазовых костях. В СВ части камеры на дне выявлено скопление древесных углей.

1) Сосуд стройных пропорций с высокой прямой горловиной, округло выпуклыми боками и небольшим поддоном (рис. 4.2). Венчик украшен 4 горизонтальными рядами оттисков, исполненных мелкой трёхрядной тесьмой и косонаправленными отпечатками гусеничного штампа между ними. По тулову аналогичной трёхрядной тесьмой нанесены несколько соединённых гиляндообразных фестонов. Поддон опоясывает угловато-зигзагообразное прочерчивание. Поверхность заглажена, местами просматриваются следы горизонтальных расчёсов. Размеры сосуда: Дт – 21,1 см, Дв – 19,2 см, Дд – 11,3 см, В – 15 см, Вг – 1,5 см, Тс – 1 см, Тд – 1,3 см;

2) Футляр кожаный подквадратной формы (рис. 4.3). Изготовлен из 2 частей, наложенных друг на друга и прошитых нитью. Изделие сохранить не удалось. Размеры: 12×11 см;

3) Остриё металлическое четырёхгранное в сечении со слабовыраженным

утолщением для насада. Рабочий край скруглён, что свидетельствует о его длительном использовании. Длина изделия – 5,2 см, длина рабочей части – 3,6 см, толщина – 0,3 см.

Погребение 7 – впускное, катакомбное (?) (рис. 4.5), зафиксировано в пределах нижних горизонтов насыпи на расстоянии 2,1 м к ЮЮЗ от репера. Погребальное сооружение не выявлено, скелет располагался на глубине 1,65 м.

Взрослый человек лежал скорченно на правом боку, головой ориентирован на ЮЮЗ, лицевой частью на В. Правая рука вытянута по направлению к коленям, левая согнута под прямым углом и уложена перед туловищем, её кисть также согнута под прямым углом по отношению к лучевым костям. Ноги подогнуты (угол между позвоночником и бедренными костями прямой, в коленных суставах – острый).

Погребение 8 – впускное, срубное (рис. 4.6-7), зафиксировано в пределах насыпи кургана на расстоянии 1,8 м к СЗ от репера. Признаков погребальной конструкции не выявлено, непосредственно захоронение неудовлетворительной сохранности обнаружено на глубине 1,9 м от репера.

По отдельным костям и фрагментам черепа можно констатировать, что костяк принадлежит ребёнку, который лежал в скорченном положении на левом боку головой на З. Рядом с погребённым находился раздавленный сосуд (1).

1) Приземистый сосуд острорёберной формы со слабовыраженным ребром-перегибом (рис. 4.7). Венчик украшен опоясывающим рядом округлых вдавлений, по ребру нанесена зигзагообразная композиция в виде ряда косонаправленных штамповых оттисков. Размеры сосуда: Дт – 21,1 см, Дв – 19,2 см, Дд – 11,3 см, В – 15 см, Вг – 1,5 см, Тс – 1 см, Тд – 1,3 см.

Погребение 9 – впускное, срубное (рис. 5.1), выявлено в 4,6 м к ЗЮЗ на глубине – 1,76 м от репера. Погребальная конструкция не прослежена.

Костяк взрослого человека лежал в скорченном положении на левом боку, головой на СВ. Правая рука согнута, кистью уложена в районе больших берцовых костей. Левая рука не сохранилась. Ноги сильно подогнуты к груди (угол между позвоночником и бедренными костями острый, в коленных суставах – острый).

Погребение 10 – впускное, срубное (рис. 5.2-4) зафиксировано в насыпи кургана на уровне 1,52 м и на расстоянии 2,4 м к С от репера. Погребальная яма не выявлена.

Костяк подростка лежал скорченно на левом боку, головой на ССВ, лицевой частью на ВЮВ. Положение рук и ног не установлено. Захоронение сопровождали сосуд (1) и 4 астрагалы (2).

1) Сосуд баночной формы с небольшим поддоном (рис. 5.4). Формовка грубая, поверхность серого цвета без орнамента. Размеры сосуда: Дв – 19,2 см, Дд – 11,3 см, В – 15 см, Тс – 1 см, Тд – 1,3 см.

2) Астрагалы (4 ед.), сохранилось 3 (рис. 5.3). Средние размеры 2,9×1,8×1,6 см.

Погребение 11-11А – основное, катакомбное (рис. 5.5-6) находилось в центральной части кургана на расстоянии 6,9 м к ЮЮЗ от репера. Зафиксировано с уровня погребённой почвы, на поверхности которой прослежен материковый выкид мощностью до 0,4 м.

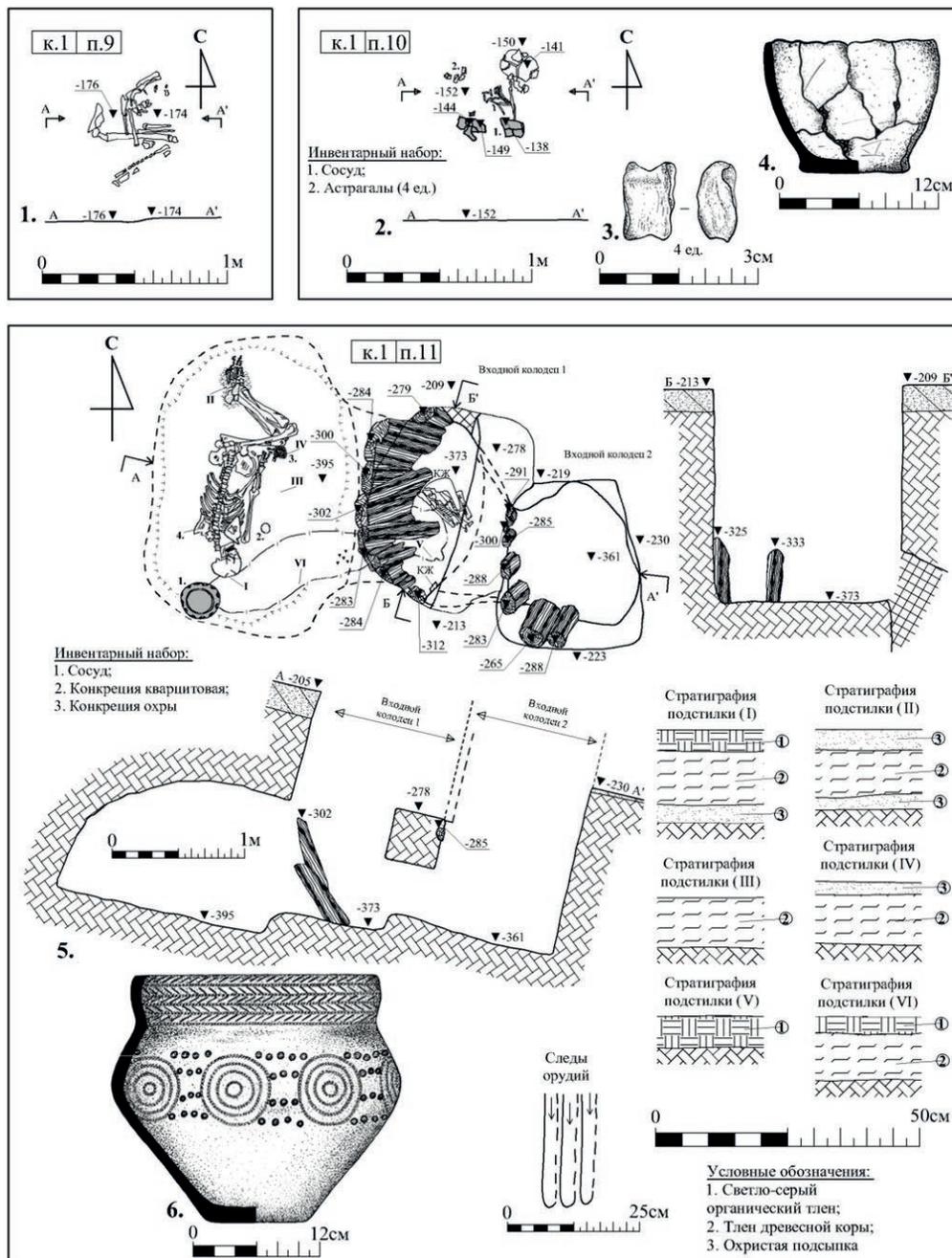
Зачистка всей площади погребального комплекса по горизонту предматерика (-2–2,2 м от репера) позволила зафиксировать 2 накладывающихся друг на друга пятна. Общая протяжённость пятен – 2,25 м, ширина 1,55 м, удлинение в направлении СЗ-ЮВ. Грунт заполнения выбирался одновременно из всего выявленного пространства, но уже с глубины 2,7 м от репера стало очевидным присутствие 2 самостоятельных входных шахт-колодцев.

Непосредственно входной колодец 1 является конструктивной частью ката-

комбы погребения 11. Он прямоугольной формы с закруглёнными углами, размерами 1,2×1,55 м, ориентирован в направлении ССВ-ЮЮЗ, стены вертикальные. На отметке 2,78 м от репера вдоль восточной части шахты оставлена ступенька шириной до 0,45 м. В западной стороне до глубины 3,73 м от репера продолжается понижение конструкции. На дне зафиксированы фрагменты подстилки в виде остатков органического тлена светло-серого цвета, здесь же находились череп и конечности лошади. Проход в катакомбу перекрыт плотно поставленными 12 брёвнами-плахами диаметром 0,15–0,35 м и высотой от 0,7 до 1 м. Низ заслона располагается на горизонте дна колодца, верх упирался в стенку над входом. Входное отверстие овальной формы высотой 0,9 м и шириной 1,2 м.

Погребальная камера овальной формы находилась к ЗСЗ от шахты. Размеры конструкции 1,55×2,25 м, удлинение по линии ЮЮЗ-ССВ, дно на горизонте 3,95 м от репера, высота свода около 1 м. Переход внутрь камеры осуществлён посредством ступеньки высотой 0,22 м. Почти на всей поверхности дна камеры зафиксированы остатки органической подстилки растительного происхождения (возможно, древесная кора), которая в южной части сочетается с тленом светло-серого цвета.

Костяк взрослого человека занял всю центральную часть камеры. Погребённый лежал в скорченном положении на спине, ориентирован головой на Ю, лицевой частью на В – в направлении входа. Правая рука прямая, уложена вдоль туловища, левая находилась под скелетом и была направлена к лучевой кости правой. Кисти обеих рук уложены в пространстве между тазом и коленными суставами. Ноги зафиксированы в согнутом виде с завалом на правую сторону, однако горизонтальное положение ступней, обильно посыпанных охрой, позволяет утверждать их иное положение. Наиболее вероятно, что в момент погребения ноги стоя-

1 – План и разрезы погребения 9; 2 – план и разрез погребения 10;
 3–4 – инвентарный комплекс погребения 10 (2 – асрагалы; 3 – сосуд);
 5 – план и разрезы погребения 11; 6 – сосуд из погребения 11.

Рис. 5 / Fig. 5. 1–6. Гончаровка, Сватовский р-н, исследования 1988 г., одиночный курган «Гончаровка-П», погребения 9–11 / 1–6. Goncharovka, Svatovsky district, research in 1988, single mound «Goncharovka-П», burials 9–11.

Источник: данные авторов

ли коленями вверх и лишь позднее упали вправо.

Инвентарь представлен сосудом, оставленным у юго-западной стенки камеры за черепом погребённого (1). Здесь же, перед грудью, выявлена кварцитовая конкреция (2), а у колен – кусок охры. На подстилке у входа обнаружено скопление древесного угля.

1) Сосуд приземистых пропорций с высокой несколько вогнутой внутрь горловиной и туловом с резко выступающими плечиками (рис. 5.6). Уплотнённый венчик украшен 5 горизонтальными рядами мелкой трёхрядной тесьмы, пространство между которыми заполнено косонаправленными неглубокими прорезываниями, образующими ёлочный мотив. Ниже по тулову такой же тесьмой размещено 8 композиций в виде окружностей из 4 разноразмерных кругов, помещённых друг в друга. Пространство между окружностями занимают композиции в виде 3–4 рядов оттисков полой трубочки. Количество вдавлений между окружностями и в каждом ряду неравномерно. Поверхность слегка подлощена, обжиг неравномерный, пятнистый. Размеры сосуда: Дт – 21,1 см, Дв – 19,2 см, Дд – 11,3 см, В – 15 см, Вг – 1,5 см, Тс – 1 см, Тд – 1,3 см.

2) Кварцитовая конкреция округлой формы с хорошо заглаженной поверхностью. Диаметр около 7 см¹.

Входной колодец 2, обустроенный в юго-восточном направлении от колодца 1, своей западной стенкой нарушил восточную часть более ранней входной шахты. В плане конструкция трапециевидной формы: короткие стороны размерами 0,8–1,1 м, длинные 1,2–1,25 м, удлинение в направлении С–Ю. Стены с наклоном внутрь, поэтому книзу размеры колодца уменьшаются до 1,05×0,95 м, дно ровное, находилось на отметке 3,61 м от репера. В западной стенке колодца предусматривался вход в погребальную

камеру, однако после обнаружения раннего комплекса строительство катакомбы было прекращено. Место разрушения стенки входного колодца 1 было закрыто 7 брёвнами-плахами высотой 0,5–0,75 м и диаметром 0,05–0,2 м. Нижняя часть заслона находится на дне колодца 2, верх опирается на его же стены. Таким образом, выявленную часть конструкции катакомбы следует считать самостоятельным несостоявшимся погребальным комплексом 11А.

Анализ стратиграфии кургана. Относительная хронология комплексов

В результате анализа стратиграфических разрезов удалось установить наличие нескольких строительных горизонтов. Древнейшая прослеженная насыпь была возведена над основным катакомбным погребением 11, совершённым с уровня древнего горизонта. Материковый выкид из катакомбы прослежен на поверхности погребённой почвы в центральной бровке с южной и северной сторон от входной шахты. Над погребением была возведена первичная насыпь мощностью около 0,8 м.

Вторым основным, но более ранним комплексом являлось захоронение 1, выявленное к СЗ от основного погребения. Однако, принимая во внимание ситуацию полного уничтожения восточной части кургана, установить, сопровождало ли захоронение 1 возведение собственной насыпи и её вероятное отношение к катакомбе 11, затруднительно. Поскольку следов наложения древнейшей катакомбной насыпи на более ранние горизонты не зафиксировано, можно предположить, что комплексы были обустроены в самостоятельных курганах, либо же погребение 1 являлось бескурганной грунтовой могилой, на месте которой позднее возникла насыпь, связанная с более поздней хронологической группой.

Впоследствии с уровня первичного кургана впущен колодец несостоявше-

¹ Находка отсутствует в фондах, размеры и описание даны в соответствии с полевой документацией.

гося захоронения 11А, что убедительно зафиксировано в профиле центральной бровки. С этого же горизонта, вероятно, обустроены катакомбные погребальные конструкции 5 и 6. С ними связан, по крайней мере, ещё один строительный горизонт – насыпь II.

Дальнейший рост кургана происходил в северном направлении, где компактно выявлены несколько погребений срубной культуры. Именно их возникновением мы объясняем возведение нескольких локальных насыпей III–V в северной части кургана. Установить отношение могил и соответствующих им досыпок не представляется возможным в связи со значительными разрушениями.

Позднейшим строительным горизонтом является насыпь VI, прослеженная во всех профилях стратиграфических разрезов. Всей своей площадью она перекрывает существовавший на момент сооружения курган и презентует собой современный вид памятника. Вероятнее всего, её обустройство связано с одним из разрушенных комплексов в центральной части кургана или же с парным срубным захоронением 3. В пользу последнего свидетельствует его центральное планиграфическое положение и относительно неглубокий уровень залегания останков.

Заключение

В заключение следует остановиться на культурно-хронологической атрибуции выявленных комплексов. К древнейшему стратиграфическому горизонту с большой долей вероятности относится безинвентарное погребение 1. Комплекс, однако, не поддаётся надёжному определению ввиду отсутствия датирующего сопроводительного инвентаря, а также окончательно неустановленной позиции в кургане по отношению к прочим захоронениям. В нашем представлении, предположительно, погребение может быть учтено в составе редкой малочисленной группы памятников доямного периода. Отличительные черты положения костя-

ка в виде распавшихся в разные стороны ног характерны захоронениям энеолит–ранней бронзы как Северскодонецкого региона (например, Пионерское 8/1, 8/7) [3, с. 100, 103], так и сопредельных территорий Доно-Донецкого массива (погребения IV, отчасти V обрядово-стратиграфической группы памятников Нижнего Подонья по А. В. Файферту) [9, с. 481–483]. Прочие обрядовые признаки, такие, как положение рук с кистями у лицевой части черепа, северная ориентировка, узкая подпрямоугольная с закруглёнными углами форма ямы, не находят аналогий в вышеперечисленных комплексах, поэтому дальнейший анализ возможен только в контексте рассмотрения всех докурганных и ранних курганных погребений Северскодонецкого региона.

Следующий хронологический пласт погребальных комплексов кургана «Гончаровка-II» связан с погребениями катакомбной культурно-исторической общности среднего периода бронзового века. Внутрикурганное соотношение между ними позволяет говорить о более ранней позиции захоронения 11 в сравнении с погребениями 5, 6 и 11А, совершёнными уже после обустройства основной катакомбы.

Важным атрибутирующим признаком комплексов является керамическая посуда. В соответствии с существующими типологическими разработками и актуальной региональной периодизацией керамический комплекс соответствует среднему (по С. Н. Братченко) и раннему (по А. М. Смирнову) периодам развития донецкой катакомбной культуры [1, с. 29–53; 8, с. 31–59]. Особенно важным признаком отнесения выявленной посуды к раннему этапу культуры выступает орнаментация на шейках сосудов.

Проведённое исследование по корреляции ранне- и позднекатакомбных ножей с донецкой керамикой позволили А. М. Смирнову выявить некоторые закономерности. Так, на сосудах из погребений с ножами ранних типов промежулки

между горизонтальными поясами тесьмы на шейках заполнялись косыми оттисками гладкого штампа или перевитого шнура в виде ёлочной композиции, тогда как на сосудах из позднедонецких комплексов орнаментация свободных промежутков между тесьмой была иной. Преимущественно эту часть декора составляли горизонтальные или вертикальные оттиски штампов, отпечатки спирали или полой трубочки, часто пустые промежутки вообще не заполнялись [8, с. 36].

Металлический инвентарь катакомбных погребений демонстрирует широкий хронологический диапазон употребления и не может быть диагностирующим признаком культурной атрибуции. К примеру, височное кольцо в один оборот и серьга-подвеска с разомкнутыми концами различных вариаций встречается во многих степных культурах ранней-средней бронзы, в т. ч. известны они и в катакомбных древностях Подонцовья [4, с. 172–173; 10, с. 44].

К катакомбному времени, по нашему мнению, также следует относить захоронения 4 и 7 с непрослеженными погребальными конструкциями. Правобочное скорченное положение умерших, катакомбная традиция положения рук скелета из захоронения 7, западная и юго-западная ориентировка погребённых из этих комплексов резко контрастируют с группой захоронений позднего бронзового века и позволяют рассматривать их в качестве катакомбных.

Наконец, завершающий культурно-хронологический горизонт кургана связываем со срубными погребениями 2, 3, 8, 9, 10. Все они устроены в насыпи, поэтому погребальные конструкции не выявлены. Скелеты – в скорченной позиции на левом боку с классической северо-восточной ориентировкой, лишь в одном случае погребённый ориентирован к западу. Комплексы представляют классический вариант развития срубных древностей региона.

Дата поступления в редакцию 24.08.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Братченко С. Н. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. К.: Наукова думка, 1976. 252 с.
2. Коваленко П. П. К вопросу о состоянии источниковой базы по погребальным комплексам катакомбной культурно-исторической общности в Среднем Подонцовье // Верхнедонской археологический сборник. 2018. Вып. 10. С. 111–113.
3. Коваленко П. П., Красильников К. И. Результаты исследования курганного могильника у с. Пионерское на Северском Донце (по материалам раскопок 1987–1988 гг.) // Археология восточноевропейской лесостепи. Т. 1. Белгород, 2018. С. 88–122.
4. Мимоход Р. А. Лолинская культура. Северо-западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века // Материалы охранных археологических исследований. Т. 16. М.: ИА РАН, 2013. 568 с.
5. Николаева Н. А. Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в конце III – первой половине II тыс. до н. э. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2008. № 3. С. 119–130.
6. Николаева Н. А. Проблемы исторической реконструкции в археологии, калиброванные даты и новые решения майкопской проблемы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2009. № 1. С. 162–173.
7. Николаева Н. А. О культе Великой богини в религии индоиранцев по данным археологии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2010. № 1. С. 98–106.
8. Смирнов А. М. Курганы и катакомбы эпохи бронзы на Северском Донце. М., 1996. 182 с.
9. Файферт А. В. Курганные погребения раннего бронзового века Нижнего Подонья. Ростов-на-Дону, 2014. 500 с.
10. Братченко С. Н. Донецька катакомбна культура раннього етапу. Луганськ: Шлях, 2001. 196 с.
11. Литвиненко Р. А. Зрубна культура басейну Сіверського Дінця: автореф. ... дис. канд. ист. наук. Киев, 1994. 21 с.

REFERENCES

1. Bratchenko S. N. *Nizhnee Podone v epokhu srednei bronzy* [The Lower Don region in the middle bronze age]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1976. 252 p.
2. Kovalenko P. P. [On the state of the source base for the burial complexes of the catacomb cultural and historical community in the Middle Podontsovye]. In: *Verkhnedonskoi arkheologicheskii sbornik* [Upper Don archaeological collection], 2018, no. 10, pp. 111–113.
3. Kovalenko P. P., Krasilnikov K. I. [The results of the study of the burial mound near the village. Pionerskoe on the Seversky Donets (based on materials from excavations in 1987–1988)]. In: *Arkheologiya vostochnoevropeiskoi lesostepi. T. 1* [Archeology of the Eastern European forest-steppe. Vol. 1]. Belgorod, 2018, pp. 88–122.
4. Mimokhod R. A. [Lola culture. Northwestern Caspian region at the turn of the middle and late periods of the Bronze Age]. In: *Materialy okhrannykh arkheologicheskikh issledovaniy. T. 16* [Materials of protective archaeological research. Vol. 16]. Moscow, Institute of Archaeology RAS Publ., 2013. 568 p.
5. Nikolaeva N. A. [Ethnocultural processes in the North Caucasus at the end of the 3rd – the first half of the 2nd millennium BC NS]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblasnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences], 2008, no. 3, pp. 119–130.
6. Nikolaeva N. A. [Problems of historical reconstruction in archeology, calibrated dates and new solutions to the Maikop problem]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblasnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences], 2009, no. 1, pp. 162–173.
7. Nikolaeva N. A. [On the cult of the great goddess in the religion of the Indo-Iranians according to archeology]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblasnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences], 2010, no. 1, pp. 98–106.
8. Smirnov A. M. *Kurgany i katakomby epokhi bronzy na Severskom Dontse* [Mounds and catacombs of the Bronze Age on the Seversky Donets]. Moscow, 1996. 182 p.
9. Faifert A. V. *Kurgannye pogrebeniya rannego bronzovogo veka Nizhnego Podonya* [Early Bronze Age burial mounds in the Lower Don region]. Rostov-on-Don, 2014. 500 p.
10. Bratchenko S. N. *Donetska katakombna kultura rannogo etapu* [Donetsk catacomb early stage culture]. Luhansk, Shlyakh Publ., 2001. 196 p.
11. Litvinenko R. A. *Zrubna kultura baseinu Sivers'kogo Dintsya: avtoref. ... dis. kand. ist. nauk* [Timber-grave culture in Siversky Dintse basin of the: abstract of PhD thesis Historical sciences]. Kiev, 1994. 21 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Коваленко Петр Петрович – младший научный сотрудник центра археологии и этнографии Луганского государственного педагогического университета;
e-mail: p_kov@mail.ru

Красильников Константин Иванович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории и международных отношений Луганского государственного педагогического университета;
e-mail: lena_ap11@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Petr P. Kovalenko – Research Assistant, Archaeology and Ethnography Center, Lugansk State Pedagogical University;
e-mail: p_kov@mail.ru

Konstantin I. Krasilnikov – Cand. Sci. (History), Ass. Prof., Department of World History and International Relations, Lugansk State Pedagogical University;
e-mail: lena_ap11@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Коваленко П. П., Красильников К. И. Одиночный курган эпохи бронзы у с. Гончаровка в Среднем Подонцовье (раскопки 1988 г.) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 5. Циркумпонтика. Вып. III. С. 113–128.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-5-113-128

FOR CITATION

Kovalenko P. P., Krasilnikov K. I. Single funeral mound of the Bronze Age near Goncharovka village on the Seversky Donets Basin (excavation materials 1988). In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2021, no. 5, Circumpontica, iss. III, pp. 113–128.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-5-113-128

УДК 902.3

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-5-129-149

ПЕРИОДИЗАЦИЯ КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ КУРГАНОВ У С. ЧИКОЛА СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ)

Николаева Н. А.¹, Сафронов А. В.¹, Карлова К. Ф.^{1,2}

¹Московский государственный областной университет
141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

²Институт востоковедения Российской академии наук
107031, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Реконструкция этнокультурных процессов в регионе Северная Осетия в эпоху средней бронзы.

Процедура и методы. Проведён обзор стратиграфии погребальных комплексов в курганах у с. Чикола и сделан сравнительно-типологический анализ керамики кубано-терской и катакомбной культур Северной Осетии как основание для периодизации катакомбной культуры.

Результаты. Установлено 3 этапа в развитии катакомбной культуры в Северной Осетии. Определены переходы от кубано-терской культуры к катакомбной как изменение формы погребального сооружения при сохранении погребального инвентаря предыдущей культуры.

Теоретическая или практическая значимость. Получены доказательства локального сосуществования кубано-терской и катакомбной культур вплоть до 13 в. до н. э.

Ключевые слова: Северная Осетия, среднебронзовый век, кубано-терская культура, катакомбные культуры, погребальный обряд, курган

PERIODIZATION OF THE CATACOMB CULTURE (BASED ON THE MATERIALS OF THE MOUNDS NEAR THE VILLAGE OF CHIKOLA, NORTH OSSETIA)

N. Nikolaeva¹, A. Safronov¹, K. Karlova^{1,2}

¹Moscow Region State University
Very Voloshinoy ul. 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

²Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences
Rozhdestvenka ul., 12, Moscow 107031, Russian Federation

Abstract

Aim. Reconstruction of the process of changes in the Kuban-Terek culture (North Caucasian cultural and historical area with catacomb monuments) and periodization of the catacomb culture in North Ossetia.

Methodology. Stratigraphy and description of the grave goods in Bronze Age catacombs in the kurgans near Chicola village. Comparative analysis of ceramics of the Kuban-Terek and Catacomb cultures of North Ossetia as the basis for the Catacomb culture periodization.

Results. Establishment of three stages of Catacomb culture in North Ossetia and the transition model from the Kuban-Terek culture to the Catacomb culture, as changing the shape of burial structure, while preserving the grave goods of the previous culture.

Research implications. Confirmation of the conclusions about the genetic relationship of the Kuban-Terek and early Catacomb cultures in the territory of North Ossetia.

Keywords: North Ossetia, Middle Bronze Age, Kuban-Terek culture, Catacomb cultures, burial rite, grave goods of amphorae and mugs

Введение

До начала масштабных раскопок на Северном Кавказе бронзовый век региона был известен по случайным находкам из разрушенных курганов в музейных собраниях и отдельным «закрытым» комплексам из раскопок дореволюционного времени [5; 17]. Раскопки курганов в Северной Осетии практически не велись до 1976 г.

В 1960 г. материалы были обобщены и появилась первая периодизация средне-бронзового века Северного Кавказа, согласно которой все пост-майкопские и докобанские древности были объединены термином с неопределённым значением «северокавказская культура» (далее – СКК)¹ и разделены на 3 этапа по неясному критерию [5].

Несмотря на то, что катакомбы в Северной Осетии и Кабарде не были ещё известны, *a priori* считалось, что северокавказская культура существует на каком-то отрезке одновременно с предкавказской катакомбной культурой [2; 5; 7], для которой почти в то же время также была разработана периодизация на основании

типологии и стратификации самого характерного признака культуры – курильниц [11; 14; 17], что послужило ориентиром для понимания единства культурных процессов этой эпохи на территории Предкавказья и Северного Кавказа.

Вопрос о хронологическом соотношении СКК и катакомбной культуры; форме контактов двух культур в предгорных районах оставался открытым.

В отсутствие «закрытых комплексов» и стратиграфии памятников Северного Кавказа (Северной Осетии, в частности) [5] был найден нестандартный подход к проблеме хронологии и стратификации бронзового века Северного Кавказа, была представлена периодизация бронзового века Северного Кавказа [12], стержнем которой стала последовательность северокавказского импорта в стратифицированных курганах бронзового века Предкавказья [12]. Это стало возможным благодаря масштабным раскопкам в Калмыкии в 1960-х гг. [2; 10; 12]. Но таких импортов было немного; они не охватывали всего многообразия памятников СКК. Для доказательства объективности этой периодизации и выделения археологических культур требовались стратифицированные материалы непосредственно из памятников Северного Кавказа.

Проведённые в 1976–1980 гг. раскопки в Северной Осетии² позволили нам

¹ Хотя заглавие книги В. И. Марковина «Культура племён Северного Кавказа в эпоху бронзы II тыс. до н. э.» [5] больше соответствовало реальности, в археологической литературе удержалось более короткое «удобное» название «северокавказская культура», что противоречит данным археологии и лингвистики [4; 5; 6; 7]. В результате дискуссии, которая имела принципиальный характер, В. И. Марковин заменил название СКК на термин «северокавказская культурно-историческая общность» [2], но такая поправка не меняла существа проблемы и не закрепила в исследовательской среде. Проведя работу по выделению из СКК гомогенной культуры, которую мы назвали по региону распространения кубано-терской (далее – КТК) [6; 7], мы допускаем использование названия СК КИО, под которым понимаем не общность, а «северокавказскую культурно-историческую область» (СК КИО). В этом значении упоминается этот термин в данной статье.

² Это 12 курганов у с. Дзуарикау [8, с. 439–488] в 25 км на юго-запад от Владикавказа, где в кургане у с. Ногир обнаружены катакомбы в стратиграфическом соотношении с КТК (см.: Николаева Н. А., Сафронов А. В. Курган у с. Ногир и проблемы среднебронзового века Северной Осетии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 5. Циркумпонтика. Вып. II. С. 164–179) на предгорной наклонной равнине Северной Осетии на высокой террасе р. Фиадон около входа в Куртатинское ущелье. На востоке региона КТК фиксируется в курганах Чиколы и Хазнидона. (см.:

выделить кубано-терскую культуру из массива СКК и обосновать относительную хронологию её памятников на стратиграфии курганов собственно Северной Осетии [6; 7]. А позднее дополнить домайкопский этап самым полноценным комплексом с конеголовыми скипетром из Джангара 1/3, поскольку эти скипетры были найдены и в Северной Осетии, и в куэстах Северо-Западного Кавказа [8; 13].

Однако вопросы, связанные с присутствием катакомбных памятников по всей предгорной полосе Кабарды и Северной Осетии от востока до запада, а также меняющаяся граница между двумя культурами в интервале от 22 до 13 в. до н. э., требовали большей ясности. Оставались нерешёнными задачи периодизации катакомбной культуры Северной Осетии и генезиса раннекатакомбных памятников¹ [3; 5; 17].

Основная задача данного исследования – провести анализ механизма перехода от кубано-терской к катакомбной культуре и всех дальнейших изменений в катакомбной культуре в регионе Северная Осетия.

В статье показана последовательность катакомбных памятников Северной Осетии на основе данных их стратиграфии и типологии инвентаря; декларируется факт сосуществования КТК с катакомбными памятниками, а также устанавливается хронологическое соотношение северокавказских катакомбных памятников с восточноманычской культурой [2] или с катакомбным горизонтом Предкавказья D1 (группа V) и D2 (группа VI) по В. А. Сафронову [12];

Николаева Н. А. Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в III–II тыс. до н. э. в контексте древней истории Европы и Ближнего Востока. (выделение древнеевропейской линии развития). М.: МГОУ, 2011. С. 439–488.).

¹ Хронология катакомбной культуры зависит от признания одной из двух гипотез происхождения катакомбы: либо от дольменов Кавказа (М. И. Артамонов; В. Я. Кияшко, А. В. Кияшко), либо от мегалитов СЗ Франции (Н. А. Николаева, В. А. Сафронов).

Публикация материалов стратифицированных курганов у с. Чикола и с. Хазнидон и материалов из кургана у с. Ногир² позволяют оценить степень синхронности КТК и катакомбной культуры Северной Осетии и детализировать модель смены погребальных традиций в регионе.

Исследованные курганы входили в группу из 60 курганов в 2 км к ЮЮЗ от западной окраины с. Чикола Ирафского района Северной Осетии и представляли 3 эпохи: бронзового, железного века, а также средневековья. К эпохе бронзы относились 2 наиболее крупных кургана № 19 и № 25.

Памятники I этапа катакомбной культуры Северной Осетии.

Курган 19 погребение № 3 (рис. 1, К. 19 П. 3) – **основное, катакомбное**. Входная яма: 2,16×1,75×2,6 м (глубина могилы от пятна – 2,6 м). Дромос: длина – 0,4 м; высота – 0,9 м. Дно камеры было ниже dna входной ямы на 0,4 м. Длина камеры – 2,5 м, ширина – 2,0 м, реконструируемая высота свода – 1,8 м.

Скелет человека на левом боку в умеренно согнутом положении, ориентирован головой на СВ, лицом к входу. Руки протянуты к коленям. На кисти левой руки браслет из пронизок с шарообразными подвесками. У затылочных костей следы бесформенных корродированных бронзовых украшений, очевидно, от головного убора. За спиной – бронзовое шило. Перед погребённым были поставлены в ряд 4 сосуда, между которыми у стенки находились кости барана:

² Селение Чикола с катакомбными курганами находится в 70 км к северо-западу от Владикавказа. Селение Хазнидон (курганы без катакомб, но с погребениями КТК) находится в 7 км к западу от с. Чикола и в 82 км к северо-западу от Владикавказа. Курганы Чикола I и Хазнидона были обнаружены и раскопаны В. А. Сафроновым в 1976 г. Шесть курганов из Чикола II с катакомбами раскопаны Н. А. Николаевой в 1977 г. (см.: Николаева Н. А. Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в III–II тыс. до н. э. в контексте древней истории Европы и Ближнего Востока. (выделение древнеевропейской линии развития). М.: МГОУ, 2011. 500 с.).

1) *амфора* коричневого цвета с 4 фигурными налечами на концах диаметров; высота – 34 см, диаметр тулова – 34 см, длина выступа-ручки – 6,3 см. По линии наибольшего диаметра в верхней трети сосуда – ряд маленьких отгиснутых треугольников вершинами вверх, отделяющий плечевую часть от придонной (рис. 1.4);

2) *амфора* с ангобом жёлто-коричневого цвета (цвет изнутри и в изломе – чёрный), с 2 канелированными ручками из-под венчика; орнамент на плечевой части в виде линии рельефных полудуг вершинами вверх; высота – 27 см (рис. 1.2);

3) *сосуд кубковидный* с конической горловиной и скруглённым венчиком; цвет – жёлтый снаружи, изнутри, в изломе; орнаментирован ниже горловины линией скрученных спиралей; переход уступом от горловины к тулову подчёркнут 3 линиями и рядом косых насечек; высота – 13 см, диаметр тулова – 21 см (рис. 1.3);

4) *сосуд* аналогичен по форме и орнаменту сосуду 3, но меньше в размерах: высота – 12 см, наибольший диаметр – 19 см (рис. 1.1).

Оценка стратиграфического положения 19/3 в кургане¹

Стратиграфически и по типологии керамики основное погребение № 3 кургана № 19 с орнаментированными сосудами предшествует катакомбному впускному погребению 19/4 с неорнаментированными сосудами, как и впускному погребению в яме с заплечиками 19/2, синхронному катакомбе 19/4 по стратиграфии и одинаковым сосудам².

¹ Курган № 19 могильника «Чикола I» представлял собой насыпь, укреплённую кромлехом. Высота кургана – 1,6 м, диаметр – 18 м. В кургане было 2 насыпи и 4 могилы. В насыпь над центральным погребением № 3 (слой II) диаметром 12,8 м было впущено катакомбное погребение № 4, выкид от которого был законсервирован также насыпью, увеличившей диаметр до 18 м (слой I). Впускным в восточной поле кургана было также и погребение № 2 в яме.

² Описание 19/2 и 19/4 дано ниже в разделе «Памятники II этапа катакомбной культуры».

Материалы катакомбного погребения Чикола 19/3 могут быть дополнены инвентарём аналогичного катакомбного погребения Чикола 25/11 в соседнем кургане.

Курган 25 погребение № 11 (рис. 2, К. 25 П. 11) – *катакомбное, впускное, в материке*. Входная яма (по дну) – 3,0×1,5 м, дромос – 0,5×0,6 м, камера (по дну) – 4,8×3,0 м, дно камеры ниже входной ямы на 0,4 м. Скелет человека лежал на левом боку, согнуто, лицом к входу, головой на ЗСЗ. Руки протянуты к коленям. В западной части камеры – развал 3 сосудов и кости барана. На погребённом было ожерелье, височные подвески, наборные браслеты. У колен находились 3 зооморфных фигурки и 1 подвеска в виде колоска из бронзы:

1) *амфора* светло-серого цвета с 4 выступами на линии наибольшего диаметра; орнамент – в виде 4 окаймлённых полос с вертикальным тройным зигзагом от венчика до каждого выступа; делит верхнюю половину сосуда на 4 зоны; высота – 25 см (рис. 2.7);

2) *сосуд амфоровидный*, тёмно-серого цвета, с 2 ленточными ручками от венчика и валиком с пальцевыми вдавлениями (орнамент, характерный для реповидных сосудов более позднего времени); высота – 28 см (рис. 2.9);

3) *кружка* биконической формы высотой 15 см с псевдополушарной ручкой; орнамент в верхней части – резной, паркетный из заштрихованных треугольников, разделённый 3 полосами, заполненными «уголками»; уступ подчёркнут линией «уголков» и 3 рельефными сегментовидными выступами с насечками (рис. 2.8);

4) *ожерелье* из бронзовых и гагатовых бус в 3 нити, скреплённых сдвоенными бронзовыми бусами-разделителями (рис. 2.1);

5) *височные подвески* овальной формы с расширенными окончаниями (рис. 2.3);

6) *браслеты* из В-образных пронизок (рис. 2.5);

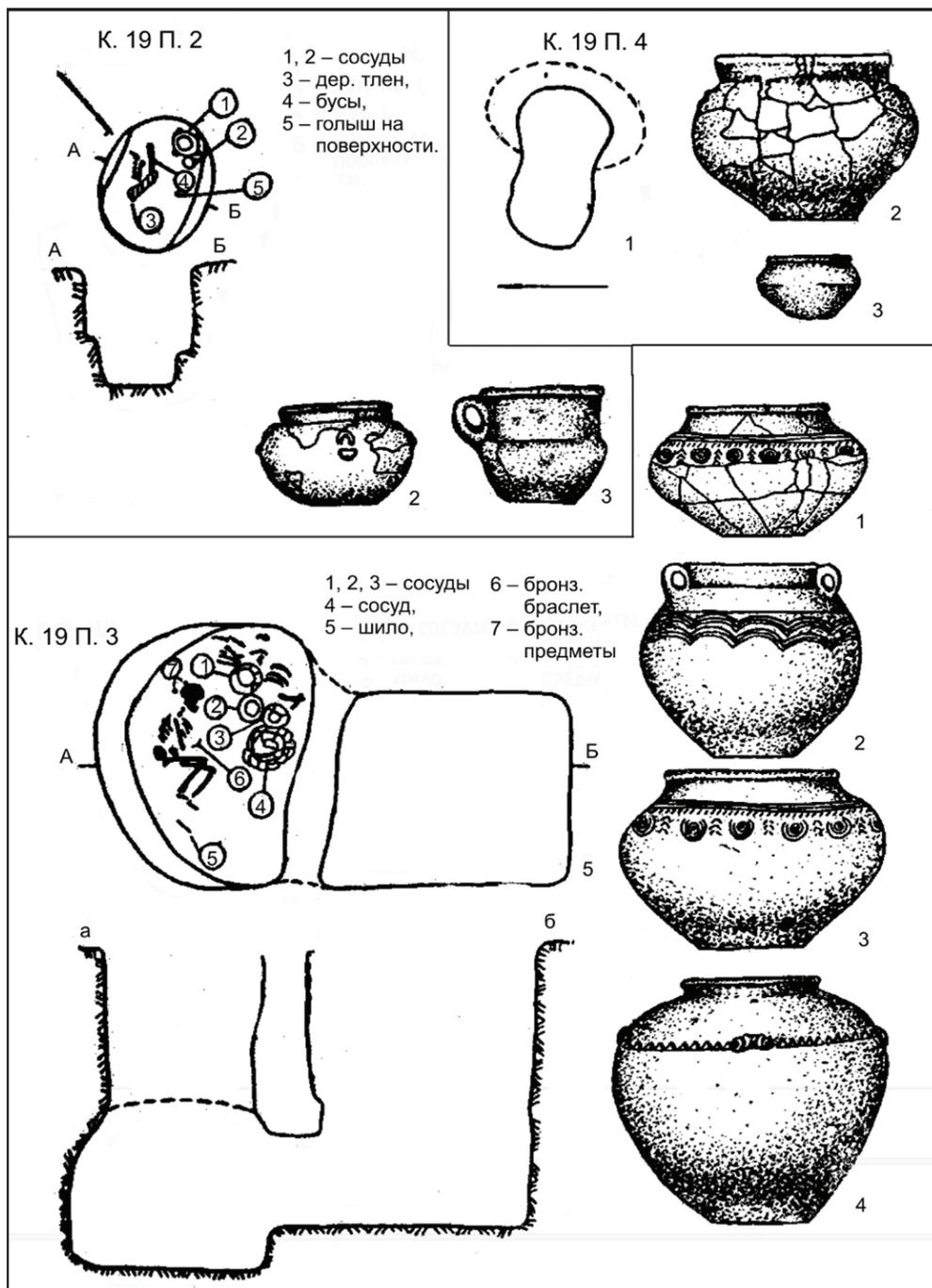

Рис. 1 / Fig. 1. Чикола I курган 19: I этап катакомбной культуры Северной Осетии – 19/3; II этап – 19/2, 19/3 / Chicola I mound 19: I stage of the catacomb culture of North Ossetia – 19/3; Phase II – 19/2, 19/3

Источник: Николаева Н. А.

Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в III–II тыс. до н. э. в контексте древней истории Европы и Ближнего Востока (выделение древнеевропейской линии развития). М.: МГОУ, 2011. 536 с.

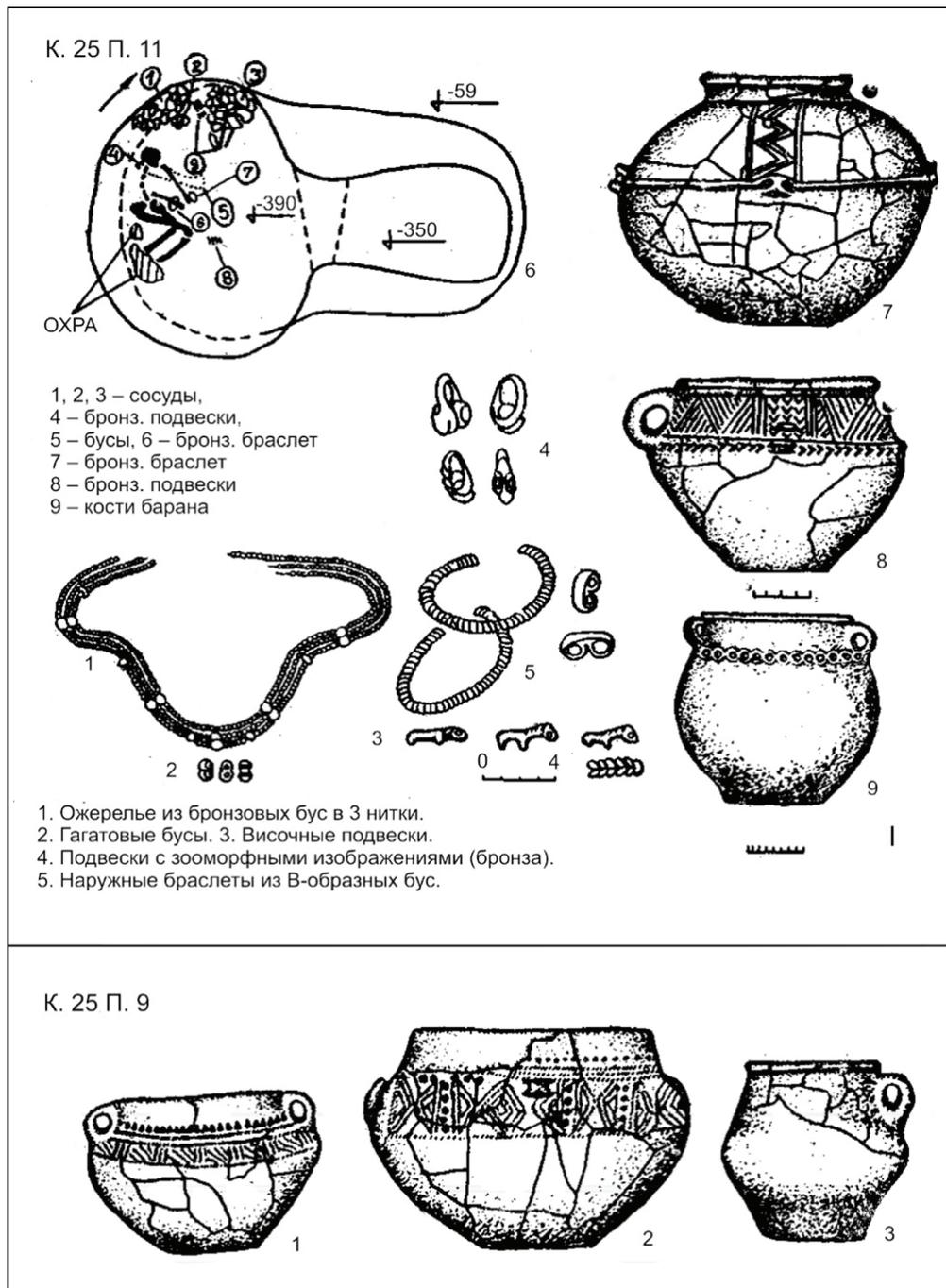

Рис. 2 / Fig. 2. Чикола I курган 25: I этап катакомбной культуры Северной Осетии – 25/11; IV/V этап кубано-терской культуры – 25/9 / Chicola I mound 25: I stage of the catacomb culture of North Ossetia – 25/11; IV/V stage of Kuban-Terek culture – 25/9

Источник: Николаева Н. А. Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в III–II тыс. до н. э. в контексте древней истории Европы и Ближнего Востока (выделение древнеевропейской линии развития). М.: МГОУ, 2011. 536 с.

7) *зооморфные бронзовые фигурки* длиной 3 см (возможно, изображение лошадей с гривой) и 1 подвеска в виде колоска (рис. 2.4).

Курган 25 погребение № 9 (рис. 2, К. 25 П. 9) обнаружен в бровке, в насыпи над камерой катакомбы, состоял из 4 предметов:

1) *сосуд* орнаментированный с конической горловиной, широким устьем (высота меньше ширины) с ручками-выступами, аналогичными выступам на амфоре из катакомбы Чикола 25/11;

2) *сосуд* с орнаментом, с ручками от венчика (условно «кратер»), входящего в ядро КТК), высотой 10 см (рис. 2.1);

3) *кружка* без орнамента, высотой 11 см (рис. 2.3);

4) *гранёный топор* кабардино-пятигорского типа из белого змеевика, длиной – 10,2 см. (на рис. не показан).

Памятники II этапа катакомбной культуры Северной Осетии и их стратиграфическая позиция

Курган 5 (рис. 3) – насыпь высотой 1,23 м и диаметром 24 м. Под дёрном находился каменный курган высотой 1,3 м до погребённой дневной поверхности.

Курган 5 погребение № 1 (рис. 3) – *центральное, катакомбное, в материке*. Впущено в древней дневной поверхности. Размеры пятна входной ямы: 2,1×1,4 м. Входная яма: 2,2×1,5×3,2 м и была очень глубокой. Камера по дну: 2,30×1,56 м. Глубина камеры от пятна – 3,2 м. В заполнении сохранились только кисти рук, ног и позвонки, лежавшие в анатомическом порядке. Скелет ориентирован линией позвоночника на ЮЗ. Череп был смещён, лежал на левой стороне. Под костями чёрное пятно подстилки. За левым плечом погребённого 2 сосуда:

1) *сосуд амфоровидный* с короткой горловиной, у основания горловины – 2 рельефных налепа; на дне отпечатки тканей (рис. 3.3);

2) *сосуд-кружка* с ленточной ручкой и уступом; уступ орнаментирован мелким

спиральным штампом; высота – 13 см (рис. 3.2).

Курган 5 погребение № 2 – впускное, катакомбное, в материке; по стратиграфии, типологии и технологии керамики, а также орнаменту отнесено к позднему предкобанскому этапу катакомбной культуры (см. описание ниже).

Курган 6 (рис. 4–6) – невысокая однослойная насыпь, укреплённая каменным кольцом-кромlexом диаметром 12 м из валунов размером 0,4×0,4 м. Высота кургана – 0,83 м, диаметр – 22 м. В центре разреза на древней дневной поверхности лежал выкид из жёлтой глины, связанный с катакомбной могилой № 3. Катакомбы № 1, 2, 5, 6, 7 были впускными в курган. Катакомба № 5, впущенная с вершины насыпи, прорезала входную яму основной катакомбы № 3. Входная яма катакомбы № 7 врезалась в камеру катакомбы № 6. Все погребения в кургане относятся к одному времени.

Курган 6 погребение № 1 (рис. 4) – *катакомбное, впускное* в северную полу насыпи. Размеры входной ямы: 0,7×0,6×2,6 м. Разность уровней дна камеры и входной ямы – 0,45 м. Камера ориентирована по линии В-3. Размеры камеры: 2,55×2,08×1,62 м. Свод камеры (высота около 0,8 м) был обрушен. На дне камеры лежал скелет мужчины на спине вытянуто, головой на ВЮВ. Справа от головы – кости барана. Между ними – нож бронзовый, черешковый, с костяной ручкой; длина – 7,5 см (рис. 4.5). На пальце правой руки – костяное кольцо с разомкнутыми концами (рис. 4.6). У восточной стенки находилось 2 сосуда:

1) *сосуд амфоровидный*, светло-коричневый снаружи, изнутри в изломе; высота – 32 см (рис. 4.4);

2) *сосуд биконический*, светло-коричневый изнутри, снаружи, в изломе; по ребру – орнамент в виде линии заштрихованных треугольников; высота – 25 см (рис. 4.3);

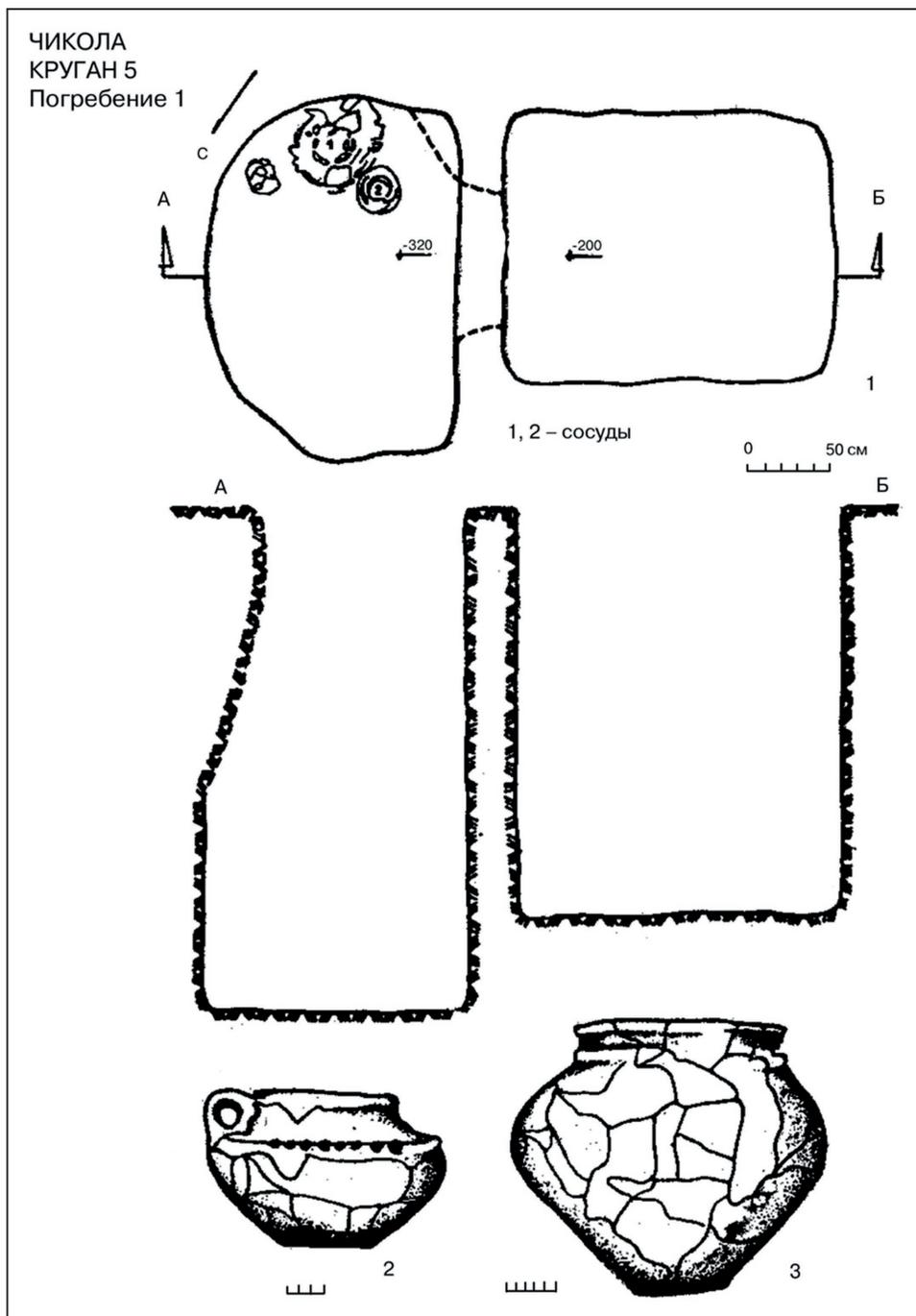

Рис. 3 / Fig. 3. Чикола II курган 5: II этап катакомбной культуры – 5/1 / Chicola II mound 5: II stage of catacomb culture – 5/1.

Источник: Николаева Н. А.
Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в III–II тыс. до н. э.
в контексте древней истории Европы и Ближнего Востока
(выделение древнеевропейской линии развития). М.: МГОУ, 2011. 536 с.

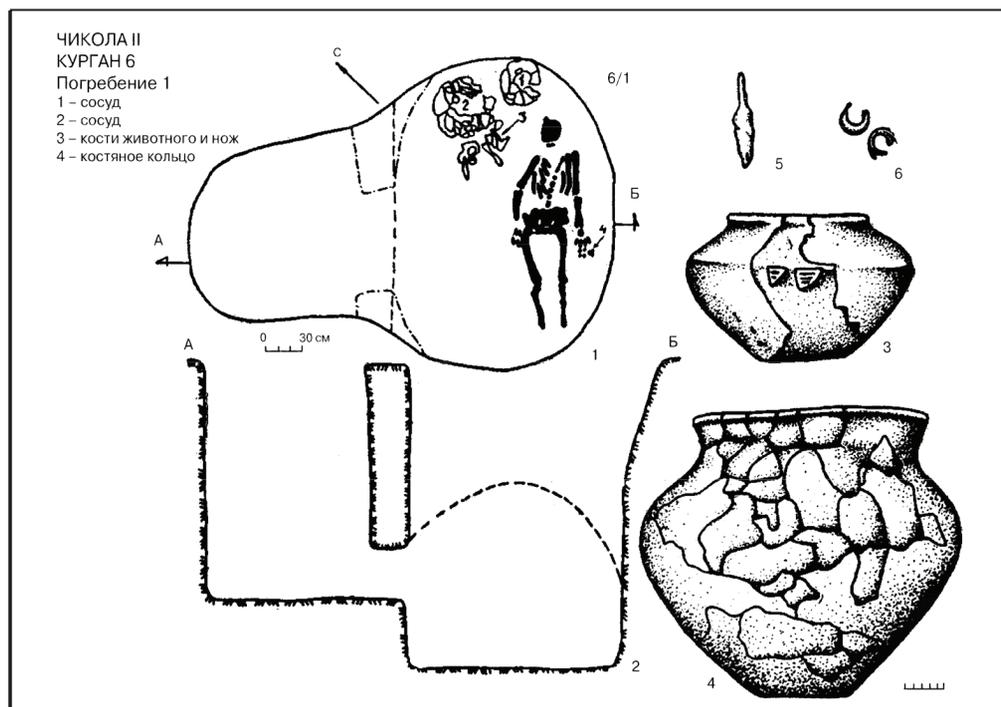

Рис. 4 / Fig. 4. Чикола II курган 6: II этап катакомбной культуры – 6/1 / Chicola II mound 6: II stage of catacomb culture – 6/1

Источник: Николаева Н. А.

Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в III–II тыс. до н. э. в контексте древней истории Европы и Ближнего Востока (выделение древнеевропейской линии развития). М.: МГОУ, 2011. 536 с.

Курган 6 погребение № 3 (рис. 5) – **основное, катакомбное**, впущено с древней дневной поверхности. Выкид перекрыт насыпью. Связь насыпи с кромлехом не устанавливается. Размеры входной ямы: 1,25×1,1×1,39 м. Размеры камеры: 2,0×1,6×2,2 м. Дно входной ямы было выше дна камеры на 0,3 м, образуя ступеньку. Ширина входа в камеру – 1,2 м, длина дромоса – 0,65 м. Вход в камеру был закрыт камнем. На дне камеры лежал скелет мужчины, головой на ЮВ, в вытянутом на спине положении. Руки согнуты и лежали на груди и ключице. У ног – следы охры. Справа от скелета у стенки камеры стоял большой сосуд и небольшая кружка с ленточной ручкой. В большом сосуде находилась аналогичная маленькая кружка:

1) **сосуд** амфоровидный красно-коричневого цвета без ручек с небольшой

цилиндрической горловиной; высота – 35 см, диаметр тулова – 35 см (рис. 5.4);

2) **кружка** с уступом с ленточной ручкой, без орнамента; ангоб светло-коричневого цвета изнутри и снаружи; высота сосуда – 13 см (рис. 5.2);

3) **кружка** с уступом с ленточной ручкой, без орнамента; ангоб светло-коричневого цвета изнутри и снаружи; высота – 8,5 см (рис. 5.3).

Курган 6 погребение № 5 (рис. 5) – **катакомбное, впускное**. Входная яма имела размеры: 1,25–1,1×0,75×1,35 м и трапециевидные очертания. Входная яма катакомбы № 5 частично прорезала входную яму катакомбы № 3, но не дошла до дна входной ямы № 3. На дне камеры лежал скелет плохой сохранности в скорченном положении лицом к входу на левом боку (кисти рук перед лицом), головой на юг.

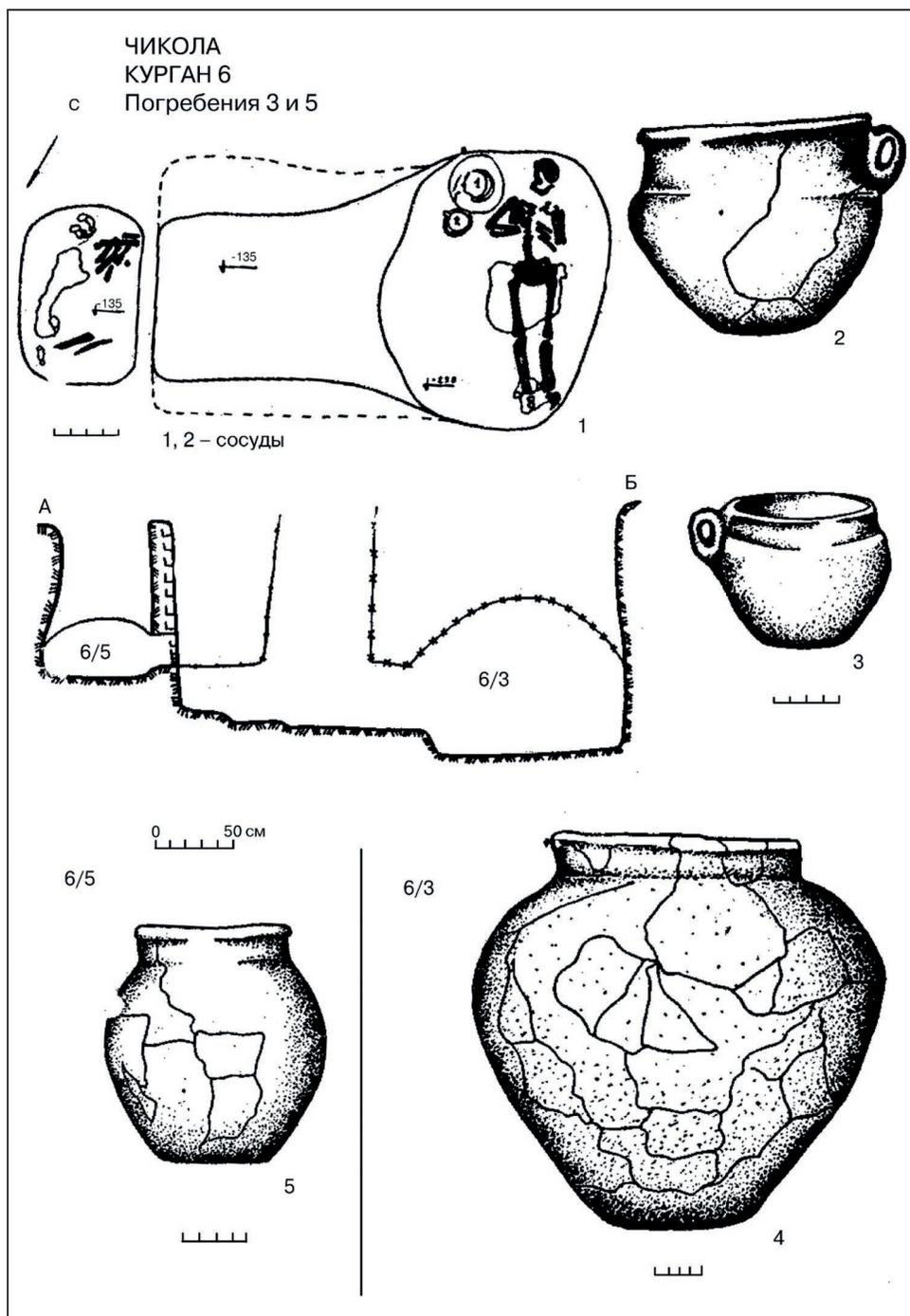

Рис. 5 / Fig. 5. Чиколо II курган 6: II этап – 6/3 и 6/5 / Chicola II mound 6: II stages – 6/3 and 6/5.

Источник: Николаева Н. А.
Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в III–II тыс. до н. э.
в контексте древней истории Европы и Ближнего Востока
(выделение древнеевропейской линии развития). М.: МГОУ, 2011. 536 с.

Перед ним находились кости барана. У затылочных костей – сосуд:

1) *сосуд* амфоровидный красно-коричневого цвета без ручек с небольшой цилиндрической горловиной; цвет изнутри, снаружи, в изломе – светло-коричневый с пятнами нагара или неравномерно обжигая; высота – 14,3 см (рис. 5.5).

Курган 6 погребение № 6 (рис. 6, К. 6 П. 6) – *катакомбное, впускное в материке*. Пятно, которое было обнаружено на глубине 2,5 м, имело Г-образную форму размером 3,4×2,1 м. На пятне были признаки провала свода катакомбы. Пятно раскапывалось по всей площади ввиду неясности конструкции. При снятии заполнения на глубину 1 м в восточной части пятна было обнаружено дно входной ямы № 6 (размеры 1,8–1,5×1,6–1,3×1,0 м). Большая входная яма переходила в малую (размеры 1×0,48×0,25 м). Малая входная яма переходила в дно камеры № 6 плавно, без обычной ступеньки. Указанием на границу входа в камеру катакомбы № 6 был камень в северном углу малой входной ямы, у входной стенки. Размеры камеры № 6: 2,45×1,7×1,0 м.

В камере № 6, расположенной перпендикулярно длинной оси камеры № 7, лежал скелет женщины, вытянуто на спине, головой на ЮВ. На пальце левой руки – костяное кольцо диаметром 2 см. У головы – большой сосуд и кружка:

1. *сосуд* коричневого цвета изнутри, снаружи и в изломе, с небольшой цилиндрической горловиной с 2 овальными налечами с округлыми вдавлениями в них; высота – 26 см (рис. 6.7);

2. *сосуд-кружка с уступом* жёлто-коричневого цвета на дне отпечатки сетчатой ткани; высота – 15,8 см (рис. 6.6).

Курган 6 погребение № 7 (рис. 6, К. 6 П. 7) – *катакомбное, впускное в материке*. Связано с катакомбой 6/6 прямой стратиграфией. Поскольку содержит однотипную керамику, то соружены они почти одновременно и синхронны друг другу. Размеры входной ямы: 1,75–1,40×1,60×1,5 м. Размеры ка-

меры: 3,55×1,8 м. Камень у входной стенки определяет высоту ступеньки между входной ямой и камерой как 0,57 м. На дне камеры лежал скелет, вытянуто на спине, ориентированный головой на СВ. У западной стенки – развал 3 сосудов. В 2 из них – небольшие кружки. Двуручный сосуд – «кратер» высотой 11 см реконструирован по фрагментам (рис. 6.2).

1) *сосуд* тёмно-коричневого цвета без ручек с небольшой цилиндрической горловиной и скруглённым венчиком. Под венчиком 2 овальных налеча с 2 круглыми вдавлениями (рис. 6.5);

2) *кружка* жёлтого цвета в сосуде 1; высота – 7,6 см (без рисунка);

3) *кружка* жёлто-коричневого цвета, с уступом и ленточной ручкой от венчика; аналогична по форме сосуду 2; высота – 12 см (рис. 6.3);

4) *сосуд биконический* без ручек; высота – 6 см (рис. 6.4).

К этому же горизонту /этапу катакомбной культуры относятся яма и катакомба из кургана 19.

Курган 19 погребение № 4¹ (рис. 1, К. 19 П. 4) – *катакомбное, впускное, в материке*. Находилось в западной поле кургана. Разрушило кромлех. Размеры пятна: по длинной оси – 2,7 м; по ширине – 1,5 м. Ширина входной ямы – 1,5 м. Глубина от материка – 1,1 м. Между камерой и входной ямой не было ступеньки. У северо-восточной стены найдены фрагменты зубов. У стенки камеры стояли 2 сосуда:

1) *сосуд кубковидный*, красного цвета изнутри, снаружи и в изломе; на плечевой части сегментовидные выступы; высота – 15 см;

2) *сосуд биконической формы*, красно-коричневый; высота – 4,5 см.

Курган 19 погребение 2 (рис. 1, К. 19 П. 2) – *впускное*, в яме, зафиксировано на материке в виде овального пятна чёрного

¹ Описание кургана см. выше. Погребения 19/2 и 19/4 типологически и стратиграфически относятся ко II этапу катакомбной культуры, поэтому обозначены в этой части статьи.

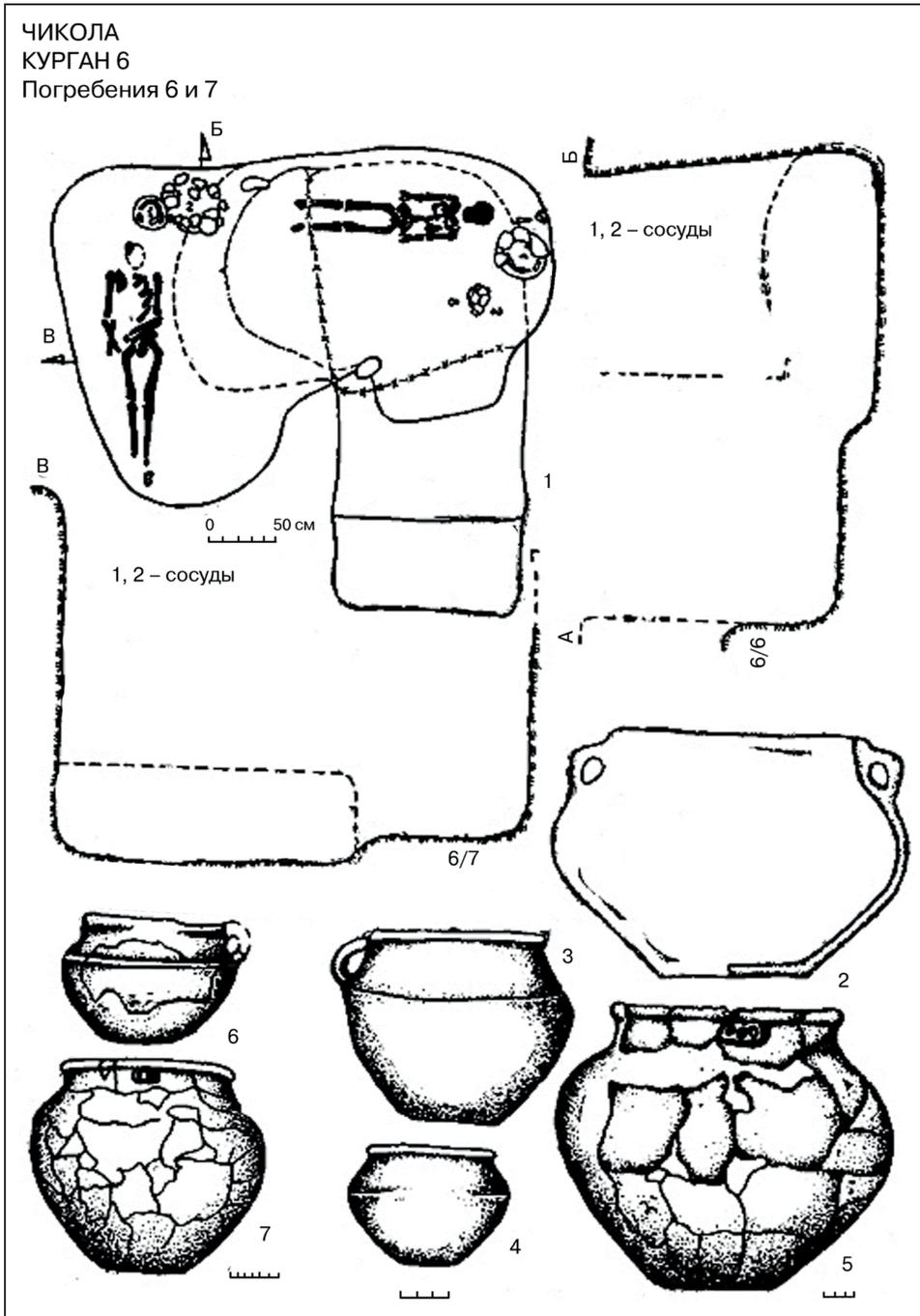

Рис. 6 / Fig. 6. Чикола II курган 6: II этап катакомбной культуры – 6/6 и 6/7 / Chicola II mound 6: II stage of catacomb culture – 6/6 and 6/7

Источник: Николаева Н. А.

Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в III–II тыс. до н. э.
в контексте древней истории Европы и Ближнего Востока
(выделение древнеевропейской линии развития). М.: МГОУ, 2011. 536 с.

цвета. Размеры пятна по длинной оси – 1,5 м; по короткой оси – 1,2 м. Глубина пятна от поверхности кургана – 1,65 м. Судя по положению костей, погребённый лежал на левом боку скорченно, руки были согнуты в локтях. На высоте 0,4 м от дна могилы были устроены заплечики шириной 10 см. У основания черепа найдены окислившиеся бронзовые бусы; у стенки – глиняные сосуды:

1) *сосуд* красно-коричневого цвета с короткой цилиндрической шейкой высотой 21 см; над каждым из 4 выступов находился серповидный валик (рис. 1.А, 2);

2) *кружка* кубковидной формы коричневого цвета высотой 11 см (рис. 1.В, 3).

Погребения кургана 19/2 (К. 19 П. 2) и 19/4 (К. 19 П. 4) являются связующим стратиграфическим звеном между 2 этапами катакомбной культуры Северной Осетии, поскольку перекрывают катакомбу I этапа и содержат керамику, аналогичную сосудам II этапа.

Памятники III этапа катакомбной культуры Северной Осетии и их стратиграфическая позиция

Курган 4 (рис. 7) – земляная насыпь, укрепленная кромлехом, относится к курганному могильнику Чикола II.

Стратиграфия погребений. Центральным погребением была катакомба № 1. Выкид от неё лежал на древней дневной поверхности. Первой впускной была катакомба № 2, выкид от которой наслоиился с севера на насыпь. Последней впускной была катакомба № 3. Выкид от неё не был законсервирован подсыпкой.

Курган 4 погребение № 1 – основное, катакомба-кенотаф в материке. Находилось под центром насыпи. Было обнаружено после снятия бровки и представляло собой двухчастное пятно с жёлтым прямоугольником заполнения входной ямы и чёрным сегментом заполнения камеры. Входная яма была ориентирована по линии С-Ю. Размеры: 1,2×1,0 м. Дно входной ямы находилось на одном уровне с дном камеры. Ступеньки не было. Каме-

ра ориентирована по линии В-З. Признаков погребения не обнаружено. Из инвентаря был найден *сосуд* чёрного цвета без орнамента с 4 круглыми налепами, вмятиной посередине, аналогичный найденным в погребениях № 2 и № 3 (рис. 7.2).

Курган 4 погребение № 2 (рис. 7, К. 4 П. 2) – *катакомбное, впускное, в материке.* Погребённый лежал на левом боку скорченно, головой на восток. Руки согнуты в локтях и находились перед грудью. Входная яма: 1,44×1,32×1,80 м. Длина камеры – 1,8 м. Перепад уровней входной ямы и камеры – 0,13 м (рис. 7.1).

1) *сосуд* светло-коричневого цвета; изнутри и в изломе – чёрный; высота – 30 см (без рисунка);

2) *сосуд* чёрного цвета с грубыми примесями с 2 плоскими круглыми налепами; высота – 24 см (рис. 7.2);

3) *нож листовидный с черенком*; размеры сохранившейся части – 5,5 см (без рисунка);

4) *бусы сердоликовые* уплощённые; диаметр – 0,7 см.

Курган 4 погребение № 3 (рис. 7, К. 4 П. 3) – *катакомбное, впускное, в материке.* Дно камеры ниже дна входной ямы на 31 см. Входная яма: 1,02×0,9 м. На дне камеры на чёрной подстилке лежал погребённый на левом боку, головой на восток. Руки согнуты и положены перед грудью. На шее погребённого – ожерелье, на руках – браслеты. У головы находился маленький сосуд, в западном углу камеры стояли 3 сосуда:

1) *кувшин* чёрный изнутри, снаружи, в изломе; высота – 23 см; орнамент – острые вписанные углы, направленные вершиной вверх к венчику, с основанием на линии наибольшего диаметра, прочерченной оттисками треугольного штампа, тот же штамп между линиями углов (рис. 7.10);

2) *сосуд* коричневого цвета, украшен 4 сосцевидными налепами, высота – 23 см (рис. 7.2);

3) *сосуд-мисочка*, фрагментирован (рис. 7.4);

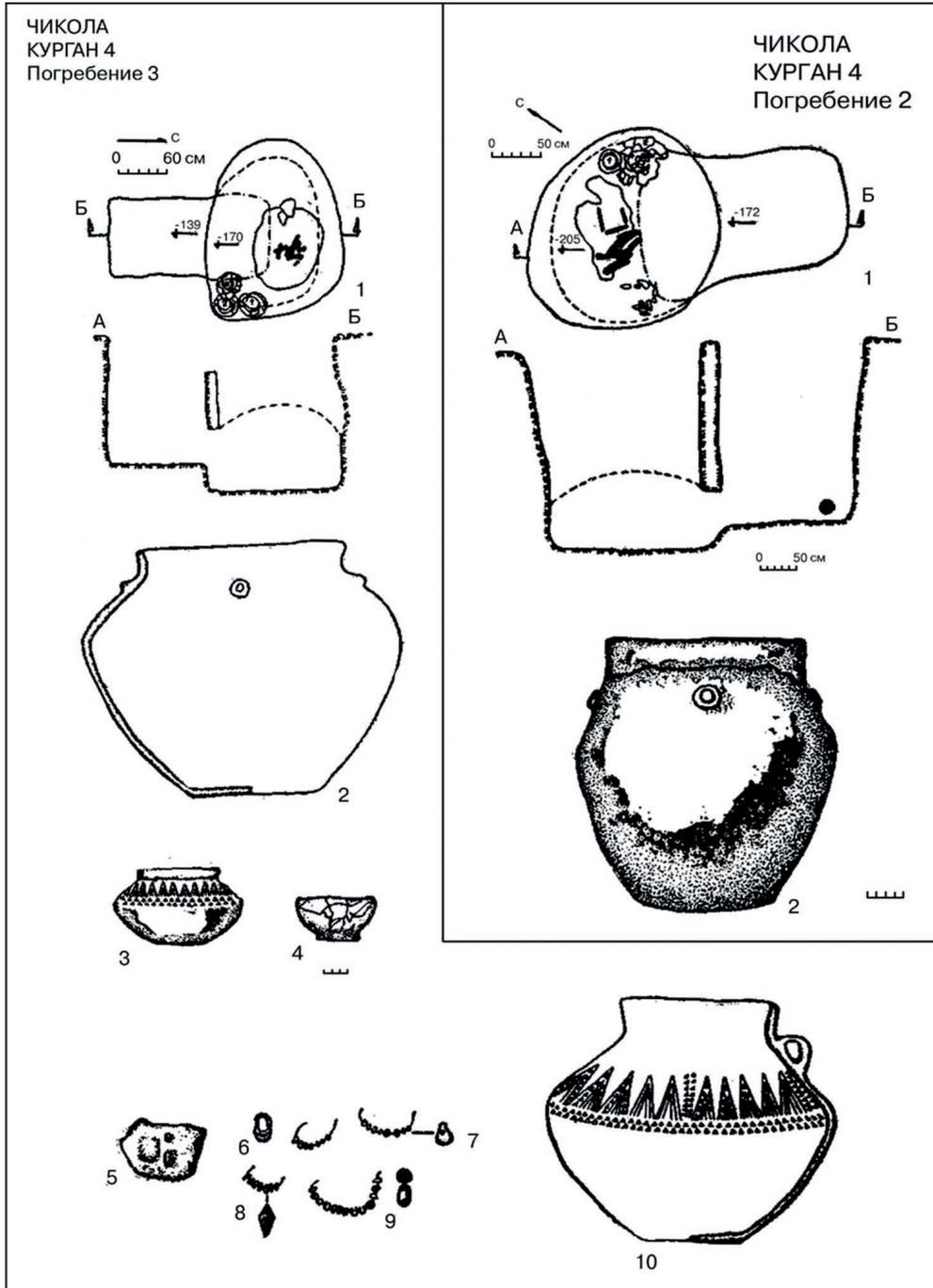

Рис. 7 / Fig. 7. Чикола II курган 4: III этап катакомбной культуры / Chicola II mound 4: III stage of catacomb culture

Источник: Николаева Н. А.
Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в III–II тыс. до н. э.
в контексте древней истории Европы и Ближнего Востока
(выделение древнеевропейской линии развития). М.: МГОУ, 2011. 536 с.

4) *сосуд* чёрного цвета, украшен вписанными углами вершинами вверх; по линии наибольшего диаметра – оттически треугольного штампа; высота – 5 см (рис. 7.3);

5) *браслет* на левой руке из 2 ниток каплевидных бус из голубой пасты; правая рука была украшена ниткой бус ромбической формы из розовой пасты и 3 бусин из голубой пасты (рис. 7.8);

6) *ожерелье* из 2 ниток: нитка круглых бус из розовой пасты, колесовидных бус из розовой пасты, одной цилиндрической бусины из сердолика; вторая – из пастового бисера голубого, розового и белого цветов (рис. 7.9).

Найденные сосуды отмечают новый этап в развитии катакомбной культуры – предкобанский: треугольники направлены вершинами вверх. Резные линии орнамента инкрустированы белой пастой. Сосуды имеют восстановительный обжиг, обеспечивающий чёрный цвет поверхности.

Курган 5 погребение № 2 (рис. 8) – **впускное, катакомбное**, в материке. Размеры входной ямы: 1,8×1,3×2,5 м. На дне ямы на жёлтой глине тёмная линия соединяет камеру с входной ямой. Размеры: 0,7×0,5×0,6 м. В камере лежал скелет на левом боку, скорченно, руки перед лицом, головой ориентирован на СВ. У черепа и у ног – по сосуду:

1) *сосуд амфоровидный* с короткой горловиной, из-под венчика с 4 сторон имеются налепы в виде «гребешка», высота – 25,2 см (рис. 8.2);

2) *сосуд* биконической формы серого цвета, украшенный зигзагом по линии наибольшего диаметра, с линией заштрихованных треугольников, направленных вершинами вверх; высота – 14,8 см (рис. 8.3).

Характеристика катакомбной культуры Северной Осетии

I этап. Стратиграфически и по типологии керамики катакомбы Чиколы 19/3 и 25/11 с орнаментированными сосудами

относятся к раннему этапу катакомбной культуры, представленному также катакомбами Ногир 1/1 и 1/2 у с. Ногир Северной Осетии, которые, в свою очередь, перекрывали погребения кубано-терской культуры в том же кургане (Ногир 1/8, 1/11, 1/13 [Ногир 12]). Статиграфически катакомбы I этапа (Ногир 1/1, 1/2) перекрываются катакомбами II этапа (см. Ногир 1/3, Чиколы К. 4, П. 5–6).

Структура погребального инвентаря катакомб I этапа соответствует комплексу КТК (Дзуарикау 3/1; 4/1-2; 9/3¹). В гробнице кубано-терской культуры Верхнего Прикубанья (Усть-Джегутинская 3/1²) встречены, с одной стороны, курильница I типа, по А. А. Иерусалимской, с другой – амфоровидный сосуд с 4 ушками, а также В-образные пронизки, как в Чиколе 25/11, что указывает не только на синхронизацию с кубано-терской культурой V этапа, по Н. А. Николаевой³ или горизонта СБ IIа, по В. А. Сафронову [12, с. 156–160], но и с восточноманьчжурской культурой и памятниками поздней КТК Кабардино-Балкарии [2; 3], ранняя стадия катакомб которой характеризуется курильницами и «красноохристыми» кубковидными сосудами со шнуровым орнаментом⁴.

Если в Усть-Джегутинской Карачаево-Черкессии такой комплекс единичен, то факт синхронизации и сосуществования на одной территории катакомбной культуры I этапа и кубано-терской культуры V этапа [6; 7] стал важнейшим результатом раскопок в Северной Осетии – Хазнидоне и Чиколе.

¹ Могильник Дзуарикау переинтерпретирован (см. Приложение к книге Николаева Н. А. Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в III–II тыс. до н. э. в контексте древней истории Европы и Ближнего Востока (выделение древнеевропейской линии развития). М.: МГОУ, 2011. С. 439–495).

² Там же. С. 306. Рис. 2.

³ Там же. С. 67. Табл. 10.

⁴ Николаева Н. А., Сафронов А. В. «Северокавказский компонент» в керамике катакомбной культуры Калмыкии (происхождение и хронология) // Oriental Studies. Elista. 2020. № 13 (5). С. 1292–1309.

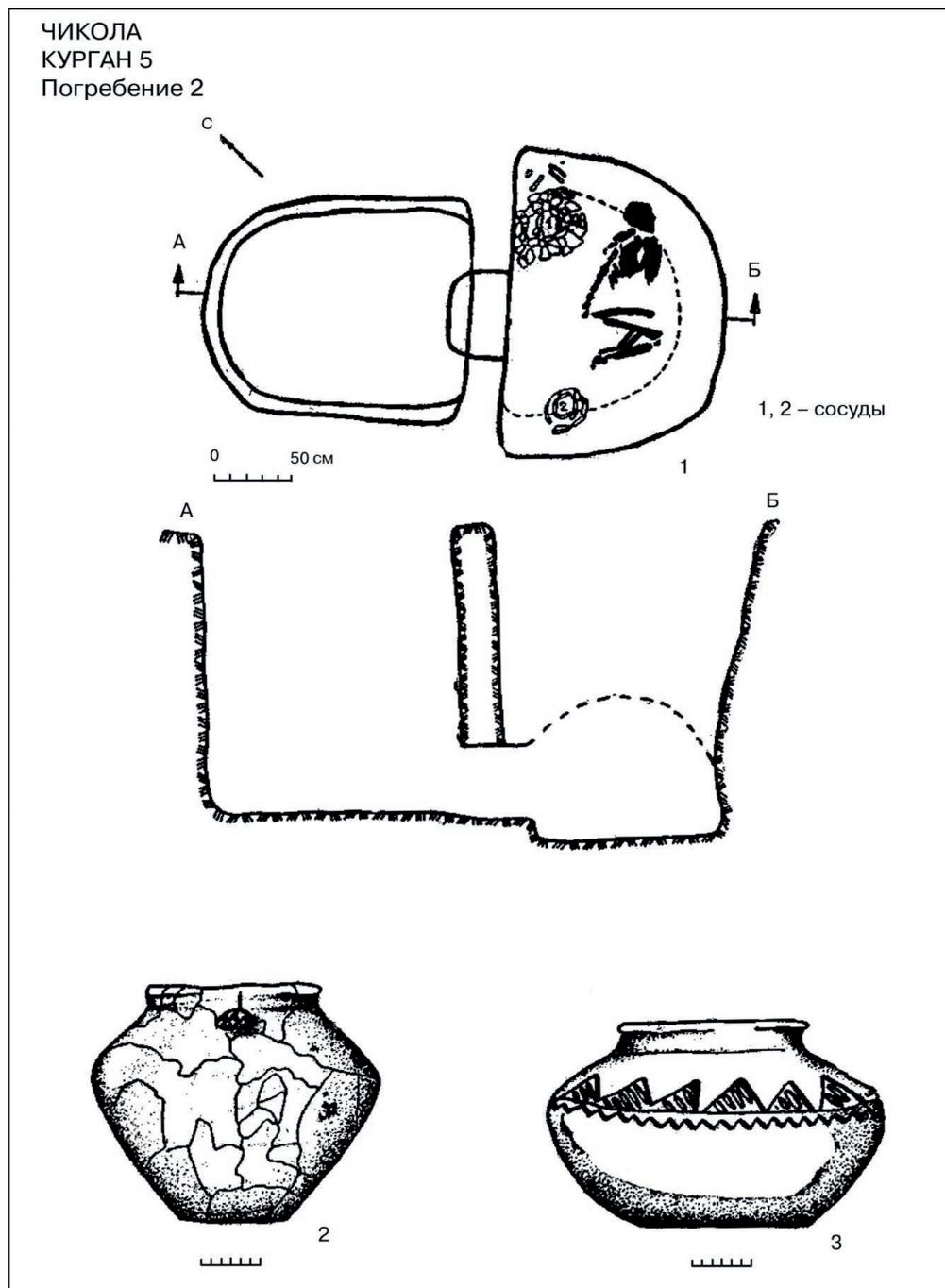

Рис. 8 / Fig. 8. Чикола II курган 4: III этап катакомбной культуры Северной Осетии – 5/2 / Chicola II mound 4: III stage of the catacomb culture of North Ossetia – 5/2

Источник: Николаева Н. А.

Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в III–II тыс. до н. э.
в контексте древней истории Европы и Ближнего Востока
(выделение древнеевропейской линии развития). М.: МГОУ, 2011. 536 с.

Спецификой катакомб с. Чиколы Северной Осетии является исчезновение шнуrowого орнамента на керамике, тогда как в погребениях КТК в курганах соседнего Хазнидона (5/2 и 5/4) шнуrowой орнамент продолжает существовать в сложных композициях на глиняных сосудах.

Устанавливается синхронизация Чиколы 25/11 и 25/9 с Хазнидоном 5/2 и по гранёному кабардино-пятигорскому топору IV ступени, и по зооморфным фигуркам, отлитым из бронзы. Подобные фигурки встречены с многомолоточковидными булавами, литыми умбонами и пронизьями в комплексах Пятигорья, Прикубанья (Андрюковская к. 8, коллекция Фелициана [16, с. 295]), а многомолоточковидные булавки встречены в погребениях КТК в Хазнидоне. В. А. Сафронов сопоставлял эти комплексы с расцветом катакомбной культуры в Предкавказье [12, с. 156].

Можно задаться вопросом, почему культовый предмет древнеямной культуры – молоточковидные булавки – обнаруживается в степном варианте КТК и воспроизведён в бронзе, тогда как во всех ранних вариантах катакомбной культуры на Кавказе мы их не встречаем, при том что костяные молоточковидные булавки в катакомбах Калмыкии (III группа по В. А. Сафронову [12] или в ямно-катакомбной по Н. И. Шишлиной [16]), предшествующих восточноманычской, встречены неоднократно [13; 16]. В то же время реликтовые формы молоточковидной булавки есть в Южной Осетии в памятниках ранней и поздней бронзы [13; 15]. Сохранение погребального инвентаря в виде керамики КТК в первых катакомбах Северной Осетии подтверждает выявленный нами алгоритм формирования всего раннекатакомбного горизонта Восточной Европы и особенно Предкавказья.

II этап. Основание для выделения II этапа катакомбной культуры Северной Осетии – стратиграфия и типология керамики.

Погребение 19/3 предшествует катакомбному впускному погребению 19/4 с

неорнаментированными сосудами, имеющими аналогии в катакомбе Ногир 1/3, которое относится нами ко II этапу катакомбной культуры Северной Осетии, как и впускное погребение в яме с заплечиками 19/2, синхронное катакомбе 19/4 по стратиграфии и одинаковым сосудам.

Структура погребального инвентаря в катакомбах II этапа – неорнаментированный большой сосуд, который может быть украшен 4 круглыми примятыми в середине налестками, и кружка с выделенной горловиной. Отличие от I этапа состоит в отсутствии орнамента и в новой технологии обжига.

III этап. Отличим II от III этапа являются инновации в технологии керамики (восстановительный обжиг) и орнаментации. III этап выделен условно по 2 катакомбным погребениям, содержащим черноглиняные лощёные сосуды с резным орнаментом, инкрустированными белой пастой, в виде треугольников, направленных вершинами вверх. Такая орнаментация встречается в более поздний срубно-андроновский и фрако-киммерийский периоды степей Восточной Европы и Кавказа [1; 14, с. 104, табл. 8; 15; 16; с. 70–71, рис. 60.3].

Первые 2 этапа катакомбной культуры Северной Осетии соответствуют по тем же критериям деления восточноманычской культуры Предкавказья на 2 этапа. Общей формой керамики в северокавказских и предкавказских катакомбах I этапа являются кубковидные сосуды. Происхождение этих сосудов остаётся невыясненным: идея такой формы могла быть подсказана донецкими кубками в той же мере, как и кубковидными сосудами с ручками («кратеры») и без ручек КТК [3; 17]. Соотношение донецкой и ранней предкавказской катакомбной культур определяется общими украшениями и кубковидными сосудами. Орнаментальные композиции разные, но везде есть шнуrowой штамп. Данные лингвистики о картвело-индоевропейских изоглоссах [4; 6] говорят о направ-

лении миграции носителей катакомбных традиций и о том, что на Кавказ пришли не только диверсифицированные группы древнеевропейцев (пракельты, прагерманцы, праславяне, прабалты), но также и индоиранцы. Древнеевропейской следует считать культуру предгорий центрального Северного Кавказа и культуру новосвободненских дольменов, кубано-терскую культуру, а к индоиранским относится степная кубано-днепровская в новотитаровском варианте и позднеямная культуры [4; 6; 7]. Между индоиранской кубано-днепровской культурой с повозками и новосвободненской культурой возникает союз, о чём можно судить по одинаковому комплексу керамики в захоронениях обеих культур.

Вопросы абсолютной хронологии в данной статье не разбираются, поскольку они требуют широкой дискуссии. Требуется решить: даты по С14 должны коррелировать с дендрохронологической шкалой и удревняться (грубо говоря) на 700 лет для III тыс. до н. э. и на 400 и более лет – для II тыс. до н. э. или соответствовать исторической шкале исторической хронологии, устанавливаемой по спискам правителей государств Месопотамии, Египта, корректируемым наблюдениями за небесными явлениями? Доказательства целесообразности соответствия дат III–II тыс. по С14 шкале дат Древнего Ближнего Востока достаточно наглядны, что было показано системным анализом дат всех объектов майкопской культуры 23/22 вв. до н. э. [9; 11] и горизонта Бородинского клада 1250 г. до н. э. [11; 12; 14]. Мы придерживаемся некалиброванных дат, что позволяет сравнивать события в Европе и на Кавказе с событиями древней ближневосточной истории [9].

Заключение

Согласно данным стратиграфии и сравнительной типологии керамики в катакомбных погребениях Чиколы и Ногира Северной Осетии можно выделить 3 этапа катакомбной культуры и син-

хронизировать их с восточноманьчской катакомбной культурой, по определению М. В. Андреевой.

Первый этап характеризуется сменой типичного могильного сооружения КТК (в виде разнообразных каменных конструкций в яме) на катакомбу. Керамический комплекс в таких ранних катакомбах типологически близок керамике КТК (Ногир 1/1, 1/2; Чикола I 19/3, 25/11; 25/9). Основным признаком этого этапа, как и в КТК, является керамический комплекс с орнаментированной керамикой: амфора, кубковидный сосуд с ручками и без ручек и одноручный сосуд – кружка. Однако богатый металлокомплекс КТК с разнообразными типами подвесок в катакомбных памятниках Северной Осетии уже не встречается.

Такой же ранний этап можно выделить в восточноманьчской культуре, где он представлен комплексом из эндемиков для этого региона – кубковидных красноохристых с богатой шнуровой орнаментацией сосудов и курильниц [12]. Это позволяет считать, что имевшие место контакты, выразившиеся в продвижении каких-то групп с «вытянутым на спине» обрядом захоронения с Северного Кавказа в Предкавказье (II и IV группы по В. А. Сафронову [12]) продолжились с приходом в Предкавказье населения с левобочным обрядом захоронения в катакомбах, что зафиксировано комплексом с кубковидными сосудами и амфорами, свидетельствующим об обратной связи между Предкавказьем и предгорьями Кавказа. Конечным результатом этих контактов стало обратное движение степняков и появление катакомб в предгорьях Северного Кавказа с последующим мирным их сосуществованием на одной территории (Чикола и Хазнидон на левом и правом берегах р. Урух) до 14/13 в. до н. э., начала Великого переселения в степях XIII в. до н. э. от Саяно-Алтая до Дуная [12] (хронология определяется нами по некалиброванным датам С14 и по исторической шкале хронологии Ближнего Востока [9, с. 5–10]).

Второй этап катакомбной культуры Северной Осетии демонстрирует кардинальные изменения в керамическом комплексе: число сосудов уменьшается, меняется технология изготовления керамики (цветность глиняного теста сосуда, появляется двухчастный сосуд с уступом), наблюдается минимизация или исчезновение орнамента; штамп меняется на рельефные валики, налпы. Такая же закономерность наблюдается и в восточноманьчжурской культуре, где в погребальном комплексе появляются неорнаментированные большие сосуды и кружки, ранее нехарактерные, украшения из камня. Возможно, это связано с новым притоком населения либо шнурокерамических групп с северо-запада, с Прикарпатья, либо с территории Северного Кавказа (могильники у с. Дзуарикау и с. Ногир докатакомбный горизонт КТК).

Третий этап выделен условно по 2 катакомбным погребениям, содержащим черноглиняные лощёные сосуды с резным, заполненным белой пастой орнаментом в виде треугольников, направленных вершинами вверх, и новый набор украшений из пасты.

Вопрос хронологического и территориального соотношения катакомбной культуры относительно кубано-терской связан с решением вопроса происхождения катакомбной культуры-автохтонного или миграционного; опровергает гипотезу генезиса катакомбы от дольменов Кавказа из-за хронологического разрыва между ними, который занят памятниками кубано-терской культуры в центральной части Северного Кавказа и памятниками культуры шнуровых керамик на западе Северного Кавказа, в Закубанье. Контакты КШК с племенами мегалитических культур Северо-Западной Франции по Рейну, территориальное взаимопроникновение КША и КШК с последующим их смешением ещё в Центральной Европе и последующей миграцией диверсифицированных групп в Восточную Европу и на Кавказ делает естественным и понятным переход к катакомбным традициям носителей кубано-терской культуры, которая по происхождению является производной от культуры шнуровых керамик и шаровидных амфор Европы.

Дата поступления в редакцию 29.09.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамова М. П., Бессонова С. С., Дашевская О. Д. и др. Степи европейской части СССР в скифо-сарматскую эпоху // Археология СССР. М.: Наука, 1989. 384 с.
2. Андреева М. В. Восточноманьчжурская катакомбная культура: анализ материалов погребальных памятников. М.: Таус, 2014. 272 с.
3. Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. / под ред. В. И. Марковина. Нальчик: Эльбрус, 1984. 302 с.
4. Климов Г. А. Древнейшие индоевропейские картвельских языков. М.: Институт языкознания, 1994. 249 с.
5. Марковин В. И. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н. э.). М.: Издательство Академии наук, 1960. 151 с.
6. Николаева Н. А. Древнеевропейцы на Северном Кавказе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2006. № 1. С. 3–12.
7. Николаева Н. А. Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в конце III – первой половине II тыс. до н. э. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2008. № 3. С. 119–130.
8. Николаева Н. А. Юго-Восточная Европа и Кавказ: культурно-исторические связи в середине III тыс. до н. э. (проблема датировки «конеголовых» скипетров) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2011. № 1. С. 99–109.
9. Николаева Н. А. Проблемы исторической реконструкции в археологии, калиброванные даты и новые решения майкопской проблемы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2009. № 1. С. 162–173.

10. Очир-Горяева М. А. Археологические памятники Волго-Маньчских степей (свод памятников, исследованных на территории Республики Калмыкия в 1929–1997 гг.). Элиста: Герел, 2008. 298 с.
11. Сафронов А. В. Датировка угаритского письма RS 88.2009 // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2013. № 2. С. 5–10.
12. Сафронов В. А. Классификация и датировка памятников бронзового века Северного Кавказа // Сообщения научно-методического совета по охране памятников культуры Министерства культуры СССР. Вып. VII. М.: Знание, 1974. С. 23–306.
13. Сафронов В. А., Николаева Н. А. Происхождение костяных молоточковидных булавок // Краткие сообщения Института археологии. 1975. Вып. 142. С. 11–17.
14. Тереножкин А. И. Киммерийцы. Киев: Наукова Думка, 1976. 239 с.
15. Техов Б. В. Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н. э. М.: Наука, 1977. 339 с.
16. Шишлина Н. И. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тыс.) : дис. док. ист. наук. М., 2008. 523 с.
17. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза / отв. ред. К. Х. Кушнарева, В. И. Марковин. М.: Наука, 1994. 384 с.

REFERENCES

1. Abramova M. P., Bessonova S. S., Dashevskaya O. D., et al. [Steppes of the European part of the USSR in the Scythian-Sarmatian era]. In: *Arkheologiya SSSR [Archeology of the USSR]*. Moscow, Nauka Publ., 1989. 384 p.
2. Andreeva M. V. *Vostochnomanychskaya katakombnaya kultura: analiz materialov pogrebalnykh pamyatnikov* [East Manych catacomb culture: analysis of burial sites]. Moscow, Taus Publ., 2014. 272 p.
3. Markovin V. I., ed. *Arkheologicheskie issledovaniya na novostroikakh Kabardino-Balkarii v 1972–1979 gg.* [Archaeological research on new building sites in Kabardino-Balkaria in 1972–1979]. Nalchik, Elbrus Publ., 1984. 302 p.
4. Klimov G. A. *Drevneishie indoevropейzmy kartvelskikh yazykov* [The oldest Indo-European words in Kartvelian languages]. Moscow, Institut yazykoznaniiya Publ., 1994. 249 p.
5. Markovin V. I. *Kultura plemen Severnogo Kavkaza v epokhu bronzy (II tys. do n. e.)* [The culture of the tribes of the North Caucasus in the Bronze Age (II millennium BC)]. Moscow, Izdatelstvo Akademii nauk Publ., 1960. 151 p.
6. Nikolaeva N. A. [Ancient Europeans in the North Caucasus]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences], 2006, no. 1, pp. 3–12.
7. Nikolaeva N. A. [Ethnocultural processes in the North Caucasus at the end of the 3rd – the first half of the 2nd millennium BCE]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences], 2008, no. 3, pp. 119–130.
8. Nikolaeva N. A. [Southeastern Europe and the Caucasus: cultural and historical ties in the middle of the 3rd millennium BCE (the problem of dating the «horse-headed» sceptres)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences], 2011, no. 1, pp. 99–109.
9. Nikolaeva N. A. [Problems of historical reconstruction in archeology, calibrated dates and new solutions to the Maikop problem]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences], 2009, no. 1, pp. 162–173.
10. Ochir-Goryaeva M. A. *Arkheologicheskie pamyatniki Volgo-Manychskikh stepei (svod pamyatnikov, issledovannykh na territorii Respubliki Kalmykiya v 1929–1997 gg.)* [Archaeological finds of the Volga-Manych steppes (a collection of artefacts investigated on the territory of the Republic of Kalmykia in 1929–1997)]. Elista, Gerel Publ., 2008. 298 p.
11. Safronov A. V. [Dating of the Ugaritic letter RS 88.2009]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences], 2013, no. 2, pp. 5–10.
12. Safronov V. A. [Classification and dating of the Bronze Age monuments in the North Caucasus]. In: *Soobshcheniya nauchno-metodicheskogo soveta po okhrane pamyatnikov kul'tury Ministerstva kul'tury*

- SSSR. *Vip. VII* [Reports of the Research and Methodological Council for Protection of Cultural Monuments of the Ministry of Culture of the USSR. Iss. VII]. Moscow, Znanie Publ., 1974, pp. 23–306.
13. Safronov V. A., Nikolaeva N. A. [Origin of bone hammer pins]. In: *Kratkie soobshcheniya Instituta arkhologii* [Brief communications of the Institute of Archeology], 1975, iss. 142, pp. 11–17.
 14. Terenozhkin A. I. *Kimmeritsy* [Cimmerians]. Kiev, Naukova Dumka Publ., 1976. 239 p.
 15. Tekhov B. V. *Tsentralnyi Kavkaz v XVI–X vv. do n. e* [Central Caucasus in the XVI–X centuries BCE]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 339 p.
 16. Shishlina N. I. *Severo-Zapadnyi Prikaspii v epokhu bronzy (V–III tys.) : diss. ... dok. ist. nauk* [North-western Caspian Sea in the Bronze Age (V–III millennia) : D. thesis in History]. Moscow, 2008. 523 p.
 17. Kushnareva K. Kh., Markovin V. I., eds. *Epokha bronzy Kavkaza i Srednei Azii. Rannyyaya i srednyaya bronza* [The Bronze Age of the Caucasus and Central Asia. Early and middle bronze]. Moscow, Nauka Publ., 1994. 384 p.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Николаева Надежда Алексеевна – кандидат исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, археологии и методологии исторической науки Московского государственного областного университета;
e-mail: nikolaeva3145@yandex.ru

Сафронов Александр Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, археологии и методологии исторической науки Московского государственного областного университета;
e-mail: safron1477@yandex.ru

Карлова Ксения Федоровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, археологии и методологии исторической науки Московского государственного областного университета, научный сотрудник отдела истории и культуры Древнего Востока Института востоковедения Российской академии наук;
e-mail: kseniadam87@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nadezhda A. Nikolaeva – Cand. Sci. (History), Prof., Department of General History, Archeology and Methodology of History, Moscow Region State University;
e-mail: nikolaeva3145@yandex.ru

Aleksander V. Safronov – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of General History, Archeology and Methodology of History, Moscow Region State University;
e-mail: safron1477@yandex.ru

Ksenia F. Karlova – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of Ancient Orient, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Department of General History, Archeology and Methodology of History, Moscow Region State University;
e-mail: kseniadam87@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Николаева Н. А., Сафронов А. В., Карлова К. Ф. Периодизация катакомбной культуры (по материалам курганов у с. Чикола Северной Осетии) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 5. Циркумпонтика. Вып. III. С. 129–149. DOI: 10.18384/2310-676X-2021-5-129-149

FOR CITATION

Nikolaeva N. A., Safronov A. V., Karlova K. F. Periodization of the Catacomb culture (based on the materials of the mounds near the village of Chikola, North Ossetia). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2021, no. 5, Circumpontica, iss. III, pp. 129–149. DOI: 10.18384/2310-676X-2021-5-129-149

УДК 902/904 + 069.42

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-5-150-164

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ БРОНЗОВОГО ВЕКА В ФОНДАХ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИЯ ИМ. Н. Н. ПАЛЬМОВА

Кекеев Э. А.

Калмыцкий научный центр Российской академии наук

358000, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. И. К. Илишкина, д. 8, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Обзор и анализ археологических материалов памятников, исследованных на территории Республики Калмыкия и хранящихся в Национальном музее Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова.

Процедура и методы. Проведён обзор и анализ археологических находок в сочетании со статистическим анализом. При проведении исследования применены методы наблюдения, сравнительного сопоставления, обобщения полученных результатов.

Результаты. В ходе работ определено количество археологических находок, погребений, из которых они происходят, и погребальных памятников. Произведена оценка качественных характеристик коллекций.

Теоретическая и/или практическая значимость. Впервые выделены все археологические предметы эпохи бронзы. Сделаны выводы о дальнейших мерах совершенствования работы по сбору, учёту и хранению археологических предметов.

Ключевые слова: Волго-Манычские степи, бронзовый век, музейные коллекции, курган, погребение, погребальный инвентарь

Благодарности. Исследование проведено в рамках государственной субсидии – проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5).

BRONZE AGE ARCHAEOLOGICAL MATERIALS IN THE FUNDS OF N. N. PALMOV NATIONAL MUSEUM OF KALMYKIA

E. Kekeev

Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

I. K. Ilishkina ul. 8, Elista 358000, Republic of Kalmykia, Russian Federation

Abstract

Aim. The article considers Bronze Age archaeological materials from N. N. Palmov National Museum of the Republic of Kalmykia. The collection was formed as a result of burial sites excavations in the territory of the republic.

Methodology. A review and analysis - including with statistical analysis - of archaeological finds was carried out. The methods of observation, comparative comparisons and synthesis of the findings were applied to the study.

Results. The work done identified exact number of archaeological finds, the number of burials from which they originate and the number of burial sites. The qualitative characteristics of the collections were assessed.

Research implications. For the first time, all archaeological objects from the Bronze Age are identified. In addition, conclusions are drawn on further measures to improve the collection, recording and storage of archaeological objects.

Keywords: Volga-Manych steppes, Bronze Age, museum collections, mound, burial, funeral goods

Acknowledgment. This research was funded by government subsidy – project no. AAAA-A19-119011490038-5 «Socio-Political and Cultural Development of South Russia's Peoples: a Comprehensive Research of Respective Processes».

Введение

В последние годы в археологической науке всё больше внимания уделяется сохранению археологических объектов. Это касается как самих памятников, так и вещественных источников, полученных в результате полевых работ. Проблема организации комплектования, учёта, хранения и использования археологических предметов в составе музейных коллекций стала объектом целого ряда исследований [3; 5; 8; 11; 20].

Данная работа является продолжением исследований автора, ведущихся с 2011 г., в результате которых проведена оценка целостности некоторых коллекций: могильники Лола, Архара, Восточный Маныч, Тачин Царанг [9; 10; 11]; в ходе изучения музейного фонда переупакована часть предметов, восстановлены утраченные «паспорта» более 50 экспонатов [2; 11].

В своих исследованиях памятников Калмыкии автор опирался на работы М. А. Очир-Горяевой [17], Л. А. Бембеевой и М. А. Очир-Горяевой [4]. Для уточнения датировок отдельных комплексов привлекались полевые отчёты. Данные сверялись с учётом результатов специализированных исследований, посвящённых бронзовому веку изучаемой территории [1; 6; 12; 13; 14; 15; 19; 21; 22].

Материалы с раскопок на территории Калмыкии 1929–1937 гг. направлялись в Саратовский областной музей краеведения, а формирование археологических фондов Национального музея в Элисте началось с раскопок 1961 г.

По данным М. А. Очир-Горяевой и Л. А. Бембеевой, в период с 1929 по

2009 гг. на территории Республики Калмыкия исследовано 4 300 погребений из 1 376 курганов [4; 17].

Анализ 4 300 погребений Калмыкии показал, что:

- 2 565 (62%) относится к бронзовому веку;
- 864 (20,1%) – к культурам раннего железного века;
- 389 (9%) – к эпохе средневековья;
- 259 (6%) осталось без точной датировки;
- 25 (0,6%) – современные.

Описание коллекции, хранящейся в Национальном музее Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова

Сегодня в археологических фондах Национального музея Республики Калмыкия насчитывается более 4 500 ед. хр., поступивших с раскопок погребальных памятников, в числе которых 1 442 ед. хр. найдено в 854 погребениях бронзового века (табл. 1):

- в 590 погребениях (69,1%) – по 1 предмету;
- в 135 (15,8%) – по 2 находки;
- в 65 (7,6%) – по 3 находки;
- в 59 (6,9%) – от 4 до 10 предметов;
- от 11 до 22 находок только в 5 погребениях (0,6%): Хар-Зуха-1-1991 4/2¹ [18], Овата-5-1992 1/4 [16], Садовое-4-2006 8/8², Кетченеры-2-2007 1/1 и 2/1 [7] (табл. 2). Среднее количество находок в 1 погребении – 1,7.

¹ Здесь и далее после названия памятника указаны № кургана / № погребения.

² Илюков Л. С. Отчёт об исследовании курганов в Сарпинском районе Республики Калмыкия (курганый могильник Садовое-4) в 2006 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Ед. хр. 36178.

Таблица 1 / Table 1

Памятники бронзового века, предметы из которых хранятся в фондах Национального музея Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова / Monuments of the Bronze Age, objects from which are stored in the funds of the N. N. Palmov National Museum of the Republic of Kalmykia

Могильник	Группа	Год раскопок	Кол-во погребений	Кол-во находок
Восточный Маныч	1-3, правый берег	1965-1967	290	344
КВЧ	56	1988	57	131
Эвдык		1982-1984	53	97
Ергенинский		1981-1982 1984 2006-2008	40	62
Лола	1-2	1961-1963	40	59
Архара		1962-1963	33	70
Цаган Усн	2-5, 7-8, 10	1987	31	64
Элиста		1964	30	62
Черноземельский	1	1998	25	61
Хар Зуха	1-2	1991	25	50
Чограй	3-8	1986	23	27
Малые Дербеты	1-2	2007	19	40
Купцын Толга		1974	17	25
Джангар		1980-1982 1988	17	21
Заханата		1976	14	16
Кермен Толга		1968-1970	11	16
Яшкуль	3	2004	10	13
Кетченеры	1-2	2007	8	42
КВЧ	37	1988	8	22
Садовое	4	2006	8	20
Тачин Царанг		1972	8	11
Цаган Нур		1989	7	16
Озерки		1988	6	17
Яшкуль		1986	6	16
Ики-Зегиста		1986	6	9
Кююкн Толга		1985	5	12
Большой Царын	1-2	1977	5	10
Хар Нурин Толга		1980	5	8
Шолмун Толга		1984	5	5

Могильник	Группа	Год раскопок	Кол-во погребений	Кол-во находок
Улан Хееч		2002	4	14
Дюкер		1982	4	9
Ики Орва		1981	3	4
КВЧ	53	1988	3	3
Кермен Толга		1986	3	3
Улан Толга		1985	3	3
Утта-Привольное		1989	3	3
Чилгир		2002	3	3
Кермен Толга		1979	2	4
Хойр Толга		1984	2	4
Красномихайловское		2005	2	3
Яшкуль		2007	2	3
Овата	5	1992	1	22
Чкаловский		1984	1	7
Элиста (Аршань-1)		2006	1	5
Промзона		1997	1	2
Аршань-Зельмень		1988	1	1
Гува	2	1975	1	1
Кануково		2002	1	1
Тугтун		1981	1	1
		ВСЕГО	854	1442

Источник: составлено автором

Таблица 2 / Table 2

Погребальные комплексы бронзового века, представленные наибольшим количеством инвентаря (по фондам Национального музея Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова) / Burial complexes of the Bronze Age, represented by the largest amount of finds (according to the funds of the National Museum of the Republic of Kalmykia named after N. N. Palmov)

Могильник	Группа	Год	Курган	Погребение	Кол-во ед. хр.
Садовое	4	2006	8	8	11
Кетченеры	2	2007	1	1	12
Кетченеры	2	2007	2	1	12
Хар Зуха	1	1991	4	2	13
Овата	5	1992	1	4	22

Источник: составлено автором

Рассматривая археологические коллекции как собрания предметов, важно понимать технологию их изготовления. Знание свойств материала, из которых изготовлены находки, позволяет качественно проводить работы по сбору, хранению, транспортировке и исследованию этих предметов. Чаще всего окончательная реконструкция изделий не требуется. Однако восстановление размера, общей формы, особенностей фрагментированной находки является неотъемлемой частью работы специалиста-археолога. Воссоздание общих характеристик отдельного предмета порой не обходится без привлечения аналогичных находок, которые сохранились лучше.

Большая часть археологических коллекций, хранящихся в Национальном музее Калмыкии, состоит из нереставрированных экспонатов. Данный факт накладывает дополнительную ответственность на специалистов, отвечающих за этапы сбора, упаковки, транспортировки и хранения находок. Существуют правила организации хранения музейных коллекций, в соответствии с которыми недопустимо совместное хранение предметов из материалов, требующих разных условий хранения и отличающихся габаритами. Однако по разным причинам эти требования соблюдаются редко. Большинство находок хранится в том виде, в котором они были обнаружены.

Согласно правилам хранения глиняные и металлические сосуды хранятся в шкафах с полками, крупногабаритные предметы – на открытых полках, а остальной, т. н. «мелкий инвентарь», – в индивидуальной бумажной и полиэтиленовой упаковке размещён в картонных коробках и деревянных ящиках.

Среди находок бронзового века преобладают предметы из глины (61,1%), бронзы (12,1%), камня (5,9%) и кости (5,9%). 85% коллекций этого периода состоят из находок, изготовленных из этих материалов. Остальные предметы изготовлены из более чем 25 различных мате-

риалов, основными из которых являются паста, кремль, охра, дерево, серебро, рог и др.

Для подробной характеристики археологических коллекций как источника истории бронзового века найденные предметы были распределены по категориям: посуда, оружие и орудия, украшения и детали костюма, средства передвижения, образцы органических подстилок и покровов, краски, огня и др.

Среди инвентаря этого периода одним из важных элементов материальной культуры является посуда. Глиняную посуду, составляющую абсолютное большинство среди находок, принято разделять по типам:

- сосуды закрытой формы (сосуды, горшки, кувшины, светильники, сосудики);
- сосуды открытой формы (миска, чаша, тарелка, стакан, сковорода);
- особые виды сосудов (глиняные воронки).

Всего в коллекции насчитывается 817 предметов глиняной посуды (рис. 1–5).

По технике изготовления курильницы (ритуальные чаши на поддоне) являются близкими к глиняным лепным сосудам. Однако это всё же ритуальный предмет. Курильницы являются маркером катакомбной культуры бронзового века и встречаются как в погребениях, так и в жертвенниках. Курильницы неоднократно становились объектом исследования [19]. Их орнамент в композиции практически не повторяется. Однако, как и в случае с молоточковидными костяными «булавками», вопросы их происхождения и датировки остаются нерешёнными¹.

К ритуальным предметам относят и «жаровни» – крупные фрагменты толсто-стенных сосудов со следами нагара. По

¹ В настоящее время, в связи со всеобщим переходом на калиброванные даты, датировка и курильниц, и булавок очень проблематична, поскольку шкала калиброванных дат расходится с хронологической шкалой истории государства Древнего Ближнего Востока на сотни лет [15].

Рис. 1 / Fig. 1. Сосуд глиняный / Clay vessel.

Источник: Фонды Национального музея Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова

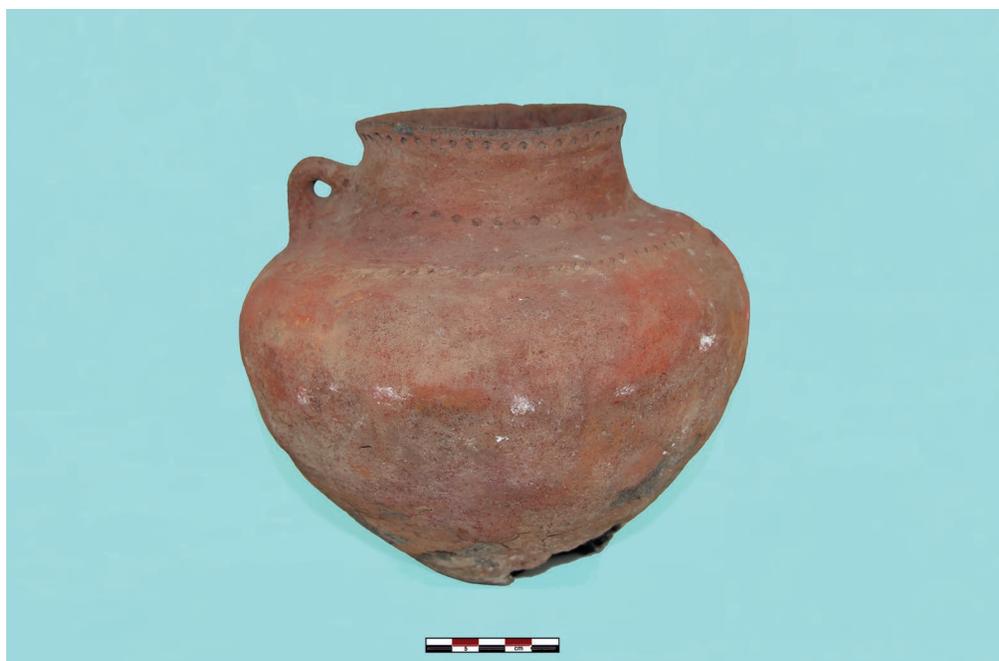

Рис. 2 / Fig. 2. Сосуд глиняный / Clay vessel.

Источник: Фонды Национального музея Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова

Рис. 3 / Fig. 3. Сосуды глиняные / Clay vessels.

Источник: Фонды Национального музея Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова

Рис. 4 / Fig. 4. Сосуд глиняный реповидный / Clay Repovid Vessel.

Источник: Фонды Национального музея Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова

Рис. 5 / Fig. 5. Сосуд глиняный / Clay vessel.

Источник: Фонды Национального музея Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова

мнению специалистов, они предшествовали курильницам и также имеют сугубо культовый характер [1, с. 29]. В фондах Национального музея хранится 173 курильницы (рис. 6) и жаровни.

Общей для лепной глиняной посуды и курильниц является относительно несложный процесс их реставрации. Замечено, что глиняные находки часто поступали на хранение уже в восстанов-

Рис. 6 / Fig. 6. Курильница глиняная / Clay incense burner

Источник: Фонды Национального музея Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова

ленном виде, но до наших дней они доходят вновь в виде фрагментированных изделий. Некоторые находки не подвергались тщательной склейке; сделанная на скорую руку реставрация проводилась для получения фотографии предмета и создания его рисунка. Эти обстоятельства усугубляются несоответствующими условиями хранения коллекций.

Деревянная посуда никогда не сохраняется в первозданном виде. В основном такой предмет реконструируется по остаткам дерева, металлических заклёпок и / или зафиксированному отпечатку сосуда. В Калмыцком музее хранятся мелкие фрагменты одного такого сосуда и 3 комплекса бронзовых скреп, отнесённых к остаткам деревянных сосудов.

Следующая категория – *орудия труда и оружие*. По большей части подобное объединение орудий и оружия касается находок неолита, энеолита и бронзового века. Бронзовые орудия труда и / или оружие – это ножи, шилья (стержни), крюки, тесла, долота, иглы (103 ед. хр.). Сохранность этих вещей разная, но в основном удовлетворительная. Покрытые зелёной патиной предметы сохраняют свою форму, даже если они очень тонкие в сечении. Реставрация проводится редко, в основном находки хранятся в том виде, в котором были обнаружены.

Каменные орудия труда и / или оружие в основном представлены пестами разных размеров и форм. Кроме пестов в погребениях встречаются ступки, наковальни, тёрочные камни, выпрямители древков стрел, точильные бруски и предметы неясного назначения (рис. 7).

Редкими находками являются скипетры, наверхия и булавы. В изучаемых коллекциях предметов данной категории насчитывается 66 ед. хр. К кремнёвым орудиям труда и / или оружию относятся ножевидные пластины, нуклеусы, скребки, микролиты, отщепы и т. д. – 25 ед. хр. (рис. 8).

Полный комплекс с конеголовым скипетром, кремнёвыми стрелами, кремнёвым тесловидным топором, уникальными идолами найден вместе с сосудами среднестоговско-хвалынского типа.

К предметам / орудиям из кости относятся найденные вне сочленения отдельные кости животных, часть из которых имеют следы обработки, – астрагалы (таранные кости), рога, лопатки и др. (рис. 9).

Коллекция костяных изделий представлена проколками, гребнями, рукоятками ножей и шильями. Среди находок бронзового века выделяются изделия из трубчатой кости, один край которых срезан под прямым углом, а второй – косо срезан и имеет продольный и попереч-

Рис. 7 / Fig. 7. Выпрямители древков стрел / arrow shafts straighteners

Источник: Фонды Национального музея Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова

Рис. 8 / Fig. 8. Кремневые орудия и отщепы / Flint tools and chips.

Источник: Фонды Национального музея Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова

Рис. 9 / Fig. 9. Рога и костяная проколка / Horns and bone puncture.

Источник: Фонды Национального музея Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова

ный желобки. Всего в коллекции насчитывается 30 предметов.

Многообразием предметов характеризуется категория *личных украшений*. В эту группу включены наборные украшения (бусы, ожерелья и др.), подвески (височные кольца, серьги, амулеты и др.), кольца, элементы пояса и фрагменты этих предметов. Близки к этой группе личные предметы, некоторые из которых, возможно, тоже являлись частью костюма – костяные и бронзовые молоточковидные булавки (рис. 10) [15], кольца, подвески, пронизи и др. К данной категории отнесено 93 ед. хр.

Более перспективной является гипотеза о культовом характере костяных молоточковидных булавок, а точнее, о стилизации изображения Великой богини индоиранцев, памятники которых видят в древнеямной и кубано-днепровской / новотитаровской культурах [13]. Молоточковидные булавки позволяют установить как генетическую связь кубано-днепровской и древнеямной культур, а также форму первых контактов катакомбников и древнеямников.

Средства передвижения и их модели являются отдельной категорией, эти находки относятся к раннему и среднему

бронзовому веку. Первые находки колёсного транспорта были обнаружены ещё П. С. Рыковым при исследовании кургана 9 группы Три Брата-1 в 1934–1936 гг. Дальнейшие исследования курганов на Ергенинской возвышенности открыли деревянные повозки и их части в группах Архара, Лола, Элиста, Ергенинский и др. Эти предметы были изготовлены из дерева без применения металлических частей. Реконструкция возможна лишь при внимательном прослеживании остатков плохо сохранившихся элементов. Ситуация затрудняется ещё и тем, что большая часть повозок помещалась в погребение в разобранном виде. Сегодня в фондах хранится несколько остатков деревянных колёс и их слепки – 6 ед. хр.

Заключение

Итак, дадим краткое описание коллекции бронзового века, хранящейся в Национальном музее Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова:

- 1442 ед. хр.;
- все находки были найдены в 854 погребениях 49 курганных групп;
- большая часть погребений (790 из 854) представлена 1–3 находками; в 59 погребениях (6,9%) было найдено от

Рис. 10 / Fig. 10. Булавки молоточковидные костяные / Hammer-shaped bone pins.

Источник: Фонды Национального музея Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова

4-х до 10 предметов; от 11 до 22 находок обнаружено в 5 погребениях (0,6%);

– по материалу изготовления преобладают (85%) предметы из глины, бронзы, камня и кости – 1 225 ед. хр.; остальные находки изготовлены из более чем 25 материалов (паста, кремь, охра, дерево, серебро, рог и др.);

– основные категории коллекции:

- глиняная лепная посуда – 817 предметов;
- глиняные курильницы и жаровни – 173 предмета;
- орудия труда и оружие: из бронзы – 103 предмета, из камня – 66 предметов, из кремня – 25 ед. хр., из кости – 30 предметов;
- личные предметы и украшения, изготовленные из различных материалов – 93 ед. хр.

- транспорт: фрагменты деревянных колёс – 6 ед. хр.

Ввиду того, что работа по изучению археологических фондов Национального музея ещё продолжается, сделано несколько промежуточных выводов. В фондовой работе необходимо совершенствование системы учёта и хранения археологических находок. Для этого требуется создание базы данных полевых отчётов, что значительно облегчит работу по восстановлению утраченных «паспортов» находок. Совершенствование традиционных методов в фондовой работе и внедрение современных систем учёта позволят исправить выявленные упущения и улучшить дальнейшую работу с археологическими коллекциями.

Дата поступления в редакцию 30.09.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева М. В. Восточноманьчжурская катакомбная культура: анализ материалов погребальных памятников. М.: ТАУС, 2014. 272 с.
2. Археологические коллекции Национального музея Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова (по материалам полевых экспедиций 1961–1967 гг.) / сост.: Э. А. Кекеев, Е. Г. Буратаев. Элиста: КалмНИЦ РАН, 2018. 172 с.
3. Баранов В. С. Целостность археологических коллекций в музейном хранении: Эффект «распредмечивания» // Археология Евразийских степей. 2019. № 5. С. 66–74.
4. Бембеева Л. А., Очир-Горяева М. А. Археологические памятники волго-маньчжурских степей (по материалам раскопок с 1998 по 2009 гг.) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 1. С. 8–53.
5. Бердникова Н. Е. Археологические объекты, коллекции и проблемы хранения // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2014. Т. 10. С. 94–109.
6. Державин В. Л. Степное Ставрополье в эпоху бронзы. М.: ИА АН СССР, 1991. 186 с.
7. Дремов И. И., Кольцов П. М. Раскопки курганов у с. Кетченеры в Республике Калмыкия // Вестник Прикаспия: археология, история, этнология. 2010. № 2. С. 40–59.
8. Казанцева О. А. Делить нельзя изучать (целостность археологической коллекции: возможности и трудности научного исследования) // Археология Евразийских степей. 2019. № 5. С. 57–66.
9. Кекеев Э. А. Анализ археологического материала раскопок курганной группы «Восточный Маньчжур» // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011. № 1. С. 70–74.
10. Кекеев Э. А. О материалах археологических раскопок из курганной группы Архара, хранящихся в фондах Национального музея Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 4. С. 27–30.
11. Кекеев Э. А., Буратаев Е. Г. Свод археологических памятников Кумо-Маньчжурской впадины (1965–1967 гг.). Элиста: КалмНИЦ РАН, 2016. 352 с.
12. Мимоход Р. А. Лолинская культура. Северо-западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века: материалы охранных археологических исследований. Т. 16. М.: ИА РАН, 2013. 568 с.

13. Николаева Н. А. О культе великой богини в религии индоиранцев по данным археологии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2010. № 1. С. 98–106.
14. Николаева Н. А. Проблемы исторической реконструкции в археологии, калиброванные даты и новые решения майкопской проблемы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2009. № 1. С. 162–173.
15. Николаева Н. А., Сафронов В. А. Происхождение костяных молоточковидных булавок // Краткие сообщения Института археологии. 1975. № 142. С. 11–17.
16. Очиров Д. В. Новый памятник катакомбной культуры из Центральной части Ергенинской возвышенности // Россия и Центральная Азия: историко-культурное наследие и перспективы развития : сборник трудов конференции, Элиста, 13–14 сентября 2006 г. Элиста, Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН, 2008. С. 55–59.
17. Очир-Горяева М. А. Археологические памятники волго-маньчских степей: (свод памятников, исследованных на территории Республики Калмыкия в 1929–1997 гг.). Элиста: Герел, 2008. 298 с.
18. Очир-Горяева М. А. Древние некрополи Ергенинской возвышенности. Элиста: Калмыцкий научный центр РАН, 2017. 420 с.
19. Сафронов В. А. Классификация и датировка памятников бронзового века Северного Кавказа // Вопросы охраны, классификации и использования археологических памятников / под ред. О. Н. Бадера. М.: Знание, 1974. С. 23–173.
20. Сорокина И. А. Становление современных норм учета и хранения археологических коллекций в России // Краткие сообщения истории археологии. 2014. № 236. С. 361–365.
21. Шилов В. П. Древние скотоводы калмыцких степей. Элиста: Герел, 2009. 303 с.
22. Шишлина Н. И. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тыс. до н. э.). М.: Государственный исторический музей, 2007. 400 с.

REFERENCES

1. Andreeva M. V. *Vostochnomanychskaya katakombnaya kul'tura: analiz materialov pogrebalnykh pamyatnikov* [Vostochnomanychskaya catacomb culture: analysis of materials of burial monuments]. Moscow, TAUS Publ., 2014. 272 p.
2. Kekeev E. A., Burataev E. G., comps. *Arkheologicheskie kollektzii Natsionalnogo muzeya Respubliki Kalmykiya im. N. N. Palmova (po materialam polevykh ekspeditsii 1961–1967 gg.)* [Archaeological collections of the National Museum of the Republic of Kalmykia named after N. N. Palmov (based on materials from field expeditions of 1961–1967)]. Elista, KalmNTS RAN Publ., 2018. 172 p.
3. Baranov V. S. [Integrity of Archaeological Collections in Museum Storage: The De-Objective Effect]. In: *Arkheologiya Evraziiskikh stepei* [Archeology of the Eurasian steppes], 2019, no. 5, pp. 66–74.
4. Bembeeva L. A., Ochir-Goryaeva M. A. [Archaeological sites of the Volga-Manych steppes (based on materials from excavations from 1998 to 2009)]. In: *Byulleten Kalmytskogo nauchnogo tsentra RAN* [Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2021, no. 1, pp. 8–53.
5. Berdnikova N. E. [Archaeological sites, collections and storage problems]. In: *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya* [Bulletin of the Irkutsk State University. Series: Geoarcheology. Ethnology. Anthropology], 2014, vol. 10, pp. 94–109.
6. Derzhavin V. L. *Stepnoe Stavropole v epokhu bronzy* [Steppe Stavropol in the Bronze Age]. Moscow, IA AN SSSR Publ., 1991. 186 p.
7. Dremov I. I., Koltsov P. M. [Excavation of burial mounds near the village. Ketcheners in the Republic of Kalmykia]. In: *Vestnik Prikaspiya: arkheologiya, istoriya, etnologiya* [Bulletin of the Caspian Sea: archeology, history, ethnology], 2010, no. 2, pp. 40–59.
8. Kazantseva O. A. [Divide not study (integrity of the archaeological collection: the possibilities and difficulties of scientific research)]. In: *Arkheologiya Evraziiskikh stepei* [Archeology of the Eurasian Steppes], 2019, no. 5, pp. 57–66.
9. Kekeev E. A. [Analysis of the archaeological material from the excavations of the Eastern Manych burial mound]. In: *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* [Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2011, no. 1, pp. 70–74.
10. Kekeev E. A. [About the materials of archaeological excavations from the Arkhara burial mound

- group, stored in the funds of the National Museum of the Republic of Kalmykia named after N. N. Pal-mov]. In: *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* [Bulletin of the Kalmyk Insti-tute for Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences], 2013, no. 4, pp. 27–30.
11. Kekeev E. A., Burataev E. G. *Svod arkheologicheskikh pamyatnikov Kumo-Manychskoi vpadiny (1965–1967 gg.)* [The collection of archaeological sites of the Kumo-Manych basin (1965–1967)]. Elista, KalmNTS RAN Publ., 2016. 352 p.
 12. Mimokhod R. A. *Lolinskaya kultura. Severo-zapadnyi Prikaspii na rubezhe srednego i pozdnego perio-dov bronzovogo veka: materialy okhrannykh arkheologicheskikh issledovaniy. T. 16* [Lola culture. North-western Caspian Sea at the turn of the Middle and Late Bronze Age: materials of protective archaeo-logical research. Vol. 16]. Moscow, The Institute of Archaeology of the RAS Publ., 2013. 568 p.
 13. Nikolaeva N. A. [On the cult of the great goddess in the religion of the Indo-Iranians according to archeology]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences], 2010, no. 1, pp. 98–106.
 14. Nikolaeva N. A. [Problems of historical reconstruction in archeology, calibrated dates and new so-lutions to the Maikop problem]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Political Science], 2009, no. 1, pp. 162–173.
 15. Nikolaeva N. A., Safronov V. A. [Origin of bone hammer pins]. In: *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Summary reports of the Institute of Archeology], 1975, no. 142, pp. 11–17.
 16. Ochirov D. V. [A new monument of catacomb culture from the central part of the Ergenin Upland]. In: *Rossiya i Tsentralnaya Aziya: istoriko-kul'turnoe nasledie i perspektivy razvitiya: sbornik trudov konferentsii, Elista, 13–14 sentyabrya 2006 g.* [Russia and Central Asia: Historical and Cultural Heritage and Development Prospects: Proceedings of the Conference, Elista, 13–14 September, 2006]. Elista, 2008, pp. 55–59.
 17. Ochir-Goryaeva M. A. *Arkheologicheskie pamyatniki volgo-manychskikh stepei: (svod pamyatnikov, issledovannykh na territorii Respubliki Kalmykiya v 1929–1997 gg.)* [Archaeological monuments of the Volga-Manych steppes: (a collection of monuments investigated on the territory of the Republic of Kalmykia in 1929–1997)]. Elista, Gerel Publ., 2008. 298 p.
 18. Ochir-Goryaeva M. A. *Drevnie nekropoli Ergeninskoi vozvysheynosti* [Ancient necropolises of the Ergenin Upland]. Elista, Kalmytskii nauchnyi tsentr RAN Publ., 2017. 420 p.
 19. Safronov V. A. [Classification and dating of the Bronze Age monuments in the North Caucasus]. In: Bader O. N., ed. *Voprosy okhrany, klassifikatsii i ispolzovaniya arkheologicheskikh pamyatnikov* [Issues of protection, classification and use of archaeological sites]. Moscow, Znaniye Publ., 1974, pp. 23–173.
 20. Sorokina I. A. [Formation of modern standards for accounting and storage of archaeological collec-tions in Russia]. In: *Kratkie soobshcheniya istorii arkheologii* [Brief reports on the history of archeol-ogy], 2014, no. 236, pp. 361–365.
 21. Shilov V. P. *Drevnie skotovody kalmytskikh stepei* [Ancient cattle breeders of the Kalmyk steppes]. Elista, Gerel Publ., 2009. 303 p.
 22. Shishlina N. I. *Severo-Zapadnyi Prikaspii v epokhu bronzy (V–III tys. do n. e.)* [North-Western Caspian Sea in the Bronze Age (V–III millennium BC)]. Moscow, State Historical Museum Publ., 2007. 400 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кекеев Эрдни Анатольевич – научный сотрудник Калмыцкого научного центра Российской академии наук;
e-mail: kekeev.kekeev@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Erdni A. Kekeev – Research Associate, Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences;
e-mail: kekeev.kekeev@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Кекеев Э. А. Археологические материалы бронзового века в фондах национального музея Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 5. Циркумпонтика. Вып. III. С. 150–164. DOI: 10.18384/2310-676X-2021-5-150-164

FOR CITATION

Kekeev E. A. Bronze Age archaeological materials in the funds of N. N. Palmov national museum of Kalmykia. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2021, no. 5, Circumpontica, iss. III, pp. 150–164.

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-5-150-164

УДК 902(531)+39

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-5-165-178

ОБРЯД ВТОРИЧНОГО ЗАХОРОНЕНИЯ В РАННИХ КОМПЛЕКСАХ АДАЙДОНСКОГО НЕКРОПОЛЯ КОБАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ КАВКАЗА

Чшиев В. Т.

*Институт истории и археологии Республики Северная Осетия – Алания
362025, г. Владикавказ, ул. Ватутина, д. 46, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Прояснить ряд аспектов смены населения на территории Центрального Кавказа в эпоху финала средней бронзы – начала позднебронзового века.

Процедура и методы. В работе использованы типичная для археологических исследований методология, комплексный и сравнительно-исторический метод.

Результаты. В ходе исследования выявлены параллели в обрядах центральнокавказских памятников раннего пласта кобанской культуры (период Кобан 1 а-б) по периодизации В. И. Козенковой и раннеколхидских, а также более поздних памятников Восточного Причерноморья.

Теоретическая и/или практическая значимость. В статье представлены новые, ранее неизвестные особенности погребальной обрядности племён кобанской археологической культуры Кавказа. Результаты исследования могут быть использованы при подготовке научных работ по древней истории Кавказа, для научной работы студентов и преподавателей исторических факультетов, аспирантов.

Ключевые слова: Северная Осетия, бронзовый век, кобанская культура, Адайдонский некрополь, погребальный обряд, вторичные захоронения эпохи бронзы, миграции на Кавказе в эпоху бронзы

THE RITE OF SECONDARY BURIAL IN THE EARLY COMPLEXES OF THE ADAYDON NECROPOLIS OF THE KOBAN CULTURE OF THE CAUCASUS

V. Chshiev

*Institute of History and Archeology of Republic of North Ossetia – Alania
Vatutina ul. 46, Vladikavkaz 362025, Russian Federation*

Abstract

Aim. To clarify a number of aspects of population change in the Central Caucasus in the era of the middle bronze end - the beginning of the late Bronze Age.

Methodology. The work uses a methodology typical of archaeological research, a complex and comparative historical method.

Results. During the study, parallels were revealed in the rites of the Central Caucasian monuments of the early formation of Koban culture (Koban period 1 a-b) on the periodization of V. I. Kozenkova and the Early Kolkhid, as well as later monuments of the Eastern Black Sea region.

Research implications. The article presents new, previously unknown features of the funeral rite of the tribes of the Koban archaeological culture of the Caucasus. The results of the study can be used in the preparation of scientific papers on the ancient history of the Caucasus, for the scientific work of students and teachers of historical faculties, graduate students.

Keywords: North Ossetia, Bronze Age, Koban culture, Adaidon necropolis, burial rite, secondary burials of the Bronze Age, migration in the Caucasus during the Bronze Age

Введение

Адайдонский могильник кобанской культуры был выявлен в результате археологических работ в 2006 г. в верховьях Алагирского ущелья Северной Осетии, проводившихся сотрудниками Института истории и археологии РСО – Алания при участии сотрудников ГУП «Наследие» министерства культуры Ставропольского края [17; 18; 19; 20]. Раскопки проводились с 2006 по 2009 г. (руководитель раскопок В. Т. Чшиев). Памятник расположен в северной части Зарамагской аридной высокогорной котловины, на древней террасе, вытянутой по линии С-Ю, на левом берегу р. Адайкомдон. Река Адайкомдон сливается здесь с р. Нардоном и р. Мамисондоном, образуя, в 300 м к северу от могильника р. Ардон. Могильник находится на дне ущелья, зажатого с запада крутыми скальными откосами, а с востока – склонами Зарамагского утёса, в местности весьма неблагоприятной для жизнедеятельности как древнего, так и современного человека. Площадь могильника составляет более 6 000 м².

Структура Адайдонского могильника

Могильник представляет собой погребальные сооружения разного времени и типов, расположенные 4 ярусами, устроенными в теле древней террасы левого берега р. Адайдон. Ярусы могильника размещены друг над другом со смещением к западу в виде ступеней. Нижний, первый, ярус некрополя представляют большие коллективные гробницы квадратной или подпрямоугольной формы размерами в среднем 230×230 см. Пол погребений ровный, стены выложены из валунов и дикого камня, перекрытия составлены из массивных уплощённых плит чёрного сланца. Гробницы представляли собой коллективные захоронения, сопровождавшиеся многочисленным ме-

таллическим погребальным инвентарём. Определение положения погребённых в гробницах и их ориентировки затруднены вследствие перемешанности костей, возникшей в результате позднейших подзахоронений, а также деформации конструкции самих гробниц. Кроме того, значительная часть захоронений первого и второго ярусов совершена по обряду вторичного захоронения, о чём подробнее будет сказано ниже.

Второй ярус могильника представлен также коллективными захоронениями. Погребальные сооружения второго яруса представляют собой прямоугольные гробницы размером в среднем 250×120–140 см, ориентированных по длинной оси – 3-В. Погребения третьего яруса – типичные для «классической кобани» каменные ящики и сопроводительный инвентарь.

Четвёртый ярус могильника пока не исследовался, но частично были выявлены конструкции гробниц, которые прослеживались в вертикальных срезах западной стены третьего яруса.

Материалы предкобанского / раннекобанского горизонта могильника

Наиболее ранние кобанские («раннекобанские», «предкобанские») материалы могильника, как представляется на современном этапе исследования, составляют захоронения первого и второго ярусов, содержавшие предметы:

- бронзовые литые топоры с круглым отверстием типа Фаскау 7 и Фаскау 8 (группа 2,17 и 2,18 по С. Н. Кореневскому);
- клювовидные секиры – алебарды (рис. 1);
- бронзовые булавки с дисковидным навершием, снабжённым отверстием в нижней его части (фото 7);
- булавки с навершием в виде 5 отверстий (фото 8);

- привески в виде головы барана с закрученными рогами, покрытыми насечками;
- птицевидные бляхи со скульптурной головой барана;
- бронзовые топоры со скульптурой барана на обухе;
- пластинчатые и литые браслеты овальной формы;
- кинжалы (фото 9);
- грушевидные бронзовые навершия булав с 4 круглыми выступами (фото 6);
- диадемы;
- наконечники дротиков;
- наконечники копий, как с раскрытой, так и с литой втулкой и пр. оружием и украшениями.

Фото 1 / Photo 1. Гробница № 56 / Tomb no. 56

Источник: фото автора

Фото 2 / Photo 2. Гробница № 72 / Tomb no. 72

Источник: раскопки и фото автора

В целом, кобанские материалы первого и второго ярусов датируются 14 – первой половиной 12 вв. до н. э., возможно, 15 – первой половиной 12 вв. до н. э. Они нахо-

дят аналогии в таких памятниках Кавказа, как Кумбулта (Верхняя Рутха), Галиат (Фаскау), Стырфаз, Тли, Нули, Квасатали, Цоиси, Брили и др. [1; 2; 3; 4; 5; 6; 14; 15; 21].

Фото 3 / Photo 3. Гробница № 91 / Tomb no. 91

Источник: раскопки и фото автора

Фото 4 / Photo 4. Гробница № 112 / Tomb no. 112

Источник: раскопки и фото автора

Фото 5 / Photo 5. Гробница № 112 / Tomb no. 112

Источник: раскопки и фото автора

ИЛЛ. 1. МАТЕРИАЛЫ АДЫДОНСКОГО МОГИЛЬНИКА
(СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ)

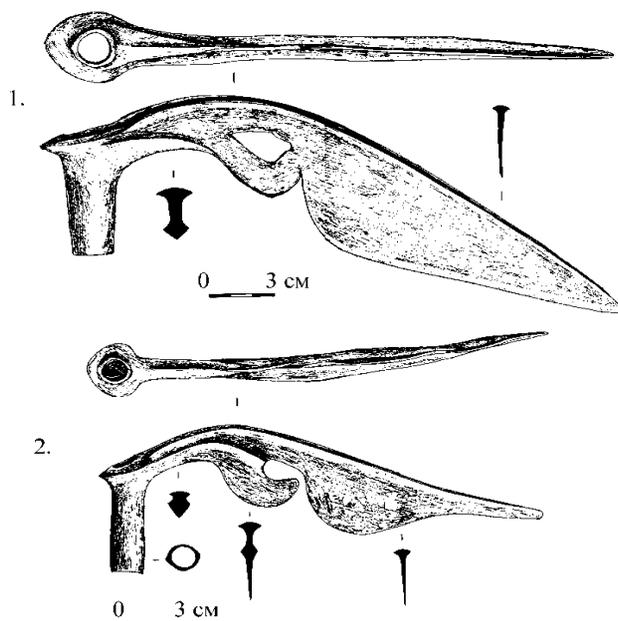

Рис. 1 / Fig. 1. Секиры из гробницы № 56 / Pole-ax from tomb no. 56

Источник: данные автора

Говоря о датировке данного памятника, хотелось бы отметить, что мы разделяем недоверие ряда исследователей к калиброванным датам и полагаем, что перекрёстное датирование памятников и материалов археологическими методами с привязкой к системе дат древнего Ближнего Востока и Европы гораздо надёжнее. Как справедливо отмечает Н. А. Николаева, «калиброванные даты отдаляют от шкалы хронологии древней истории Ближнего Востока...» [10, с. 162]. Исходя из личного опыта многолетних исследований на ряде памятников археологии Осетии, отметим, что продатировать артефакты удавалось археологическими методами с точностью до 40–50 лет, что пока не удаётся уверенно сделать, обращаясь к калиброванной шкале дат.

Вторичные захоронения Айдадонского могильника

Одним из интересных аспектов обряда захоронения в гробницах первого и второго ярусов Адайдонского некрополя является присутствие здесь погребений, совершённых по обряду «вторичного захоронения». Наиболее ярко этот обряд может быть представлен на примере гробниц №№ 56, 72, 91 и 112 (фото 1–5).

Этот обряд зафиксирован в погребениях разного типа – это и небольшие гробницы, содержавшие 1 (возможно, 2) захоронения, сложенные из валунов и накрытые 1–2 большими каменными плитами (гробница № 56) (фото 1), парные захоронения (мужчина и женщина), совершённые в узких удлинённых гробницах подпрямоугольной формы сложенных из валунов и значительного числа уплощённых каменных плит (фото 2, 4, 5), и коллективные захоронения, со-

вершённые в обширных подквадратной формы склепах, сложенных из большого числа валунов и уплощённых каменных плиток и перекрытых массивными сланцевыми плитами (фото 3).

В гробнице № 56 у восточной стенки были зафиксированы 2 фрагментированные трубчатые кости взрослого человека, расположенные параллельно друг другу. Других останков не выявлено. Между тем, сопроводительный погребальный инвентарь здесь был весьма внушительный. Он состоял как из оружия (бронзовые клювовидная секира, крупный наконечник копья, кинжал), так и из украшений (овальная височная привеска, круглый браслет и др.) (фото 1, рис. 1). Исходя из вещевого материала, можно предполагать здесь захоронение 1–2 человек.

В гробнице № 72 вне анатомического порядка вдоль центральной части были уложены бедренные и берцовые кости, некоторые кости рук и таза 2 взрослых людей. У восточной стенки гробницы располагались 2 черепа (фото 2). Между костями и на них были уложены бронзовые массивные грибовидные булавки, другие женские украшения и бронзовое оружие. Вероятно, гробница представляет собой парное захоронение – мужчина и женщина.

Обширная коллективная гробница № 91 содержала небольшое количество фрагментированных человеческих останков на разных уровнях и большое количество бронзового оружия, топоры-секиры типа Фаскау 7 (по классификации С. Н. Корневского), украшенные скульптурной головкой барана, наконечники копий и дротиков, клинки бронзовых кинжалов, привеску в виде «крылатого барана» и пр., гагатовые и сердоликовые бусы, разнообразные булавки¹ и другие

¹ С подобными булавками в Тлийском могильнике найдены «молоточковидные булавки», которые идут вне комплексов, датируются первой половиной II тыс. до н. э. и связаны, по мнению Б. В. Тихова, с молоточковидными булавками ямной и (отчасти) катакомбной культур, и в Закавказье являются «отмирающей формой» [14, с. 39, рис. 37.8,

женские украшения. Этот же обряд зафиксирован в гробнице № 112.

Эта гробница отличалась хорошей сохранностью своей конструкции: не была деформирована «сползанием» вниз по склону или сильным разрушением внутреннего пространства под давлением балласта или другими факторами, как многие другие. Погребение представляет собой прямоугольную конструкцию, близкую по типу длинному каменному ящику. По длинной оси гробница ориентирована точно по линии С-Ю (фото 4–5). Несмотря на то, что богатый сопроводительный погребальный инвентарь свидетельствует о принадлежности данного захоронения к нерядовым представителям «адайдонских кобанцев», целого скелета в гробнице не обнаружено. Только на полу в середине гробницы с некоторым смещением к её южной половине компактно располагались фрагментированные трубчатые кости от ног и рук 2 взрослых людей (возможно, и 3). Кости были уложены друг на друга параллельно длинной оси погребального сооружения. Размещение погребального инвентаря создаёт картину раскладывания предметов, оконтуривающих верхнюю часть вытянутого на спине человеческого тела, с вытянутыми вдоль тела руками. Южная часть зеркально повторяет расположение инвентаря северной половины гробницы.

Таким образом, в случае с погребением № 112 и рядом других погребений данного памятника, в т. ч. вышеотмеченных, мы наблюдаем захоронения, где присутствует обряд «освобождения костей от плоти». Очищенные от плоти кости, на примере гробницы № 112, точнее, часть костей первого захоронения, которому отводилась южная половина гробницы, были размещены в середине погребального сооружения с некоторым смещением

37.10]. Напротив, другие исследователи [8] указывают на происхождение северокавказских экземпляров от закавказских. Пока вопрос о происхождении молоточковидных булавок остаётся открытым. Бронзовые молоточковидные булавки вообще эндемичны для Северного Кавказа.

Фото 6 / Photo 6. Адайдонский могильник. Бронзовое навершие булавы / Adaydon burial ground. Bronze top of the mace

Источник: фото автора

Фото 7 / Photo 7. Адайдонский могильник. Бронзовая булавка / Adaydon burial ground. Bronze pin

Источник: фото автора

Фото 8 / Photo 8. Адайдонский могильник. Бронзовая булавка / Adaydon burial ground. Bronze pin

Источник: фото автора

Фото 9 / Photo 9. Адайдонский могильник. Кинжал бронзовый / Adaydon burial ground. Bronze dagger

Источник: фото автора

ем к югу. Вокруг них и далее к югу, вплоть до южной торцевой стены, аккуратно выложен сопроводительный погребальный инвентарь. При втором захоронении кости второго костяка были уложены поверх костей первого, а сопутствующие предметы аналогично размещены в северной части гробницы.

Территориально наиболее близкая параллель вышеописанному обряду известна нам в могильниках западной части Колхидской низменности, где, кроме прочих, имеются и коллективные захоронения по обряду вторичного захоронения [12, с. 82–85]. Также в обряде одного из этих колхидских могильников эпохи поздней бронзы раннего железа – Эргета I – зафиксирован и обычай раскладывания инвентаря в гробнице «в определённом порядке и одномоментно», недалеко от отдельно сложенных вторично захороненных костей [13, с. 96]. Позднее, в эпоху раннего железа, этот обряд зафиксирован также в западной Грузии – «Близ Ланчхути, в с. Нигвзиани был открыт могильник, состоявший из коллективных погребений, где встречаются кремация и вторичные захоронения костей [2, с. 138].

В целом погребения, совершенные по обряду вторичного захоронения, составляют на Адайдонском некрополе, веро-

ятно, около 40–50%. Весь материал этого сложного обширного могильника пока не обработан и не проанализирован, возможно, со временем эта цифра может измениться. Каким способом кости очищались от плоти перед захоронением в этих погребениях Адайдонского могильника, пока неясно. Это могло быть и вторичное захоронение после пребывания тела какое-то время в грунте, и способ «выставления тел» стервятникам для освобождения от плоти, близкий практике древнеиранских «башен молчания» – дахам. Возможно, «очищение» от плоти происходило и каким-либо третьим способом.

Античные авторы применительно к погребальным обычаям древнего населения Кавказа описывают обычай «воздушного» погребения тел. В частности, в «Походе аргонавтов» Аполлония Родосского (вторая половина 3 в. до н. э.) сообщается: «...на холме... росло множество раки и ив, на верхушках которых висели привязанные верёвками трупы: и теперь ещё считается у колхов святотатством предавать огню трупы умерших мужчин; нельзя даже зарывать их в землю и насыпать сверху могильные холмы: их завёртывают в невыдубленные бычьи шкуры и вешают на деревьях вдали от города» [7, с. 197]. Николай Дамасский (I в. до н. э. –

И в. н. э.) отмечает: «Колхи покойников не погребают, а вешают на деревьях» [7, с. 235]. Похожий обряд захоронения отмечался в Восточном Причерноморье – Западном Кавказе ещё в XVII в. Эвлия Челеби сообщает: «Примечательно, что [люди] этого племени абазы трупы своих беев чаще всего кладут в деревянную колоду, как в сундук. Прикрепив её к вершине высокого дерева между двумя ветвями, они оставляют её там, проделав отверстие у изголовья» [16, с. 38].

Возможно, и в случае с адайдонскими вторичными захоронениями мы имеем дело с обрядом, когда после очищения костей от плоти в удалённом от мест проживания древнего населения месте («первичное – воздушное погребение» или какой-либо другой способ освобождения костей от плоти), они затем уже захоранивались в гробницах некрополя в сопровождении многочисленного соответствующего вещевого материала.

Куро-аракский горизонт могильника

Надо сказать, что кобанский пласт захоронений на Адайдоне – не единственный, он наслаивается на более ранние захоронения. Более ранний пласт Адайдона представляют собой куро-аракские гробницы – каменные ящики подквадратной формы с соответствующей этой культуре керамикой. Выявлены и материалы с характерными «триподами» – керамическими сосудами на 3 ножках, которые датируются В. А. Сафроновым и Н. А. Николаевой финальной стадией раннебронзового века [9; 11]. Куро-аракские материалы и захоронения «горизонта с триподами» на Адайдоне немногочисленны и потревожены пришедшими позднее «адайдонскими кобанцами».

Вероятный временной разрыв между поздним куро-араксом, «горизонтом с триподами», с одной стороны, и ранними кобанскими гробницами Адайдона составляет, на наш взгляд, несколько столетий, когда в 15/14 – первой половине 13 в. до н. э. здесь появляется новое «кобанское»

население, использующее на раннем этапе в т. ч. обряд вторичного захоронения.

Спустя 150–200 лет в кобанских захоронениях Адайдона появляются формы вещевого инвентаря и орнаменты, близкие индоевропейцам позднебронзовой Европы, протофракийцам, и отразившиеся в культуре полей погребальных урн, гальштатской, голиградской, лужицкой культурах и др. Причины смены населения в кавказском регионе и отмеченные параллели в материальной культуре Европы и Кавказа пока не вполне понятны. Но в контексте этого вопроса нам представляется интересной гипотеза Н. А. Николаевой об инкорпорировании в среду индоиранских (возможно, древнеевропейских) племён Кавказа новой волны – а может быть, и не одной – индоевропейского населения в эпоху с конца ранней бронзы Кавказа до финала поздней бронзы [9; 11].

Заключение

Как известно, в археологических материалах Кавказа эпохи ранней и средней бронзы обряд вторичного захоронения отсутствует. Он неизвестен ни в майкопской, ни в куро-араксской культурах, ни в триалетских курганах, ни в культурах северокавказской культурно-исторической общности. Появление в середине II тыс. до н. э. этого обряда вместе с новым вещевым погребальным инвентарем в «кобанских» гробницах Адайдонского могильника, на наш взгляд, связано со сменой населения в данном регионе в указанную эпоху. Откуда передвинулось это новое население на территорию Центрального Кавказа, пока неясно. Однако наиболее близкие территориально и хронологически обряду вторичных захоронений параллели обнаруживаются пока на территории Закавказья и в Восточном Причерноморье. Здесь же, в Восточном Причерноморье, этот обряд уже в более позднее время и, вероятно, в трансформированном виде был зафиксирован и описан античными авторами.

Дата поступления в редакцию 26.08.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Абесадзе Ц. Н. К истории медно-бронзовой металлургии триалетской культуры // Реставрация, консервация, технология музейных экспонатов. Т. 1. Тбилиси: Мецниереба, 1974. С. 62–65.
2. Джапаридзе О. М. Позднебронзовая эпоха. Западногрузинская культура // Очерки истории Грузии. Т. 1 / под ред. Г. А. Меликишвили, О. Д. Лордипанидзе. Тбилиси: Мецниереба, 1989. С. 119–140.
3. Козенкова В. И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М.: Пушкинский научный центр РАН, 1996. 162 с.
4. Корневский С. Н. Втульчатые топоры – оружие ближнего боя эпохи средней бронзы Северного Кавказа // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье : сборник статей. М.: Наука, 1981. С. 20–41.
5. Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М.: Издательство Академии наук СССР, 1960. 520 с.
6. Куфтин Б. А. Материалы к археологии Колхиды. Тбилиси: Техника да шрома, 1949. 359 с.
7. Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Приложение к журналу «Петербургский Археологический вестник. Вып. 3 (XXI) и 4 (XXII): Фарн. – Спб., 1993. 352 с.
8. Николаева Н. А., Сафронов В. А. Происхождение костяных молоточковидных булавок // Краткие сообщения Института археологии. 1975. № 142. С. 11–17.
9. Николаева Н. А. Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в конце III – первой половине II тыс. до н. э. // Вестник Московского государственного университета. Серия: История и политические науки. 2008. № 3. С. 119–130.
10. Николаева Н. А. Проблемы исторической реконструкции в археологии, калиброванные даты и новые решения майкопской проблемы // Вестник Московского государственного университета. Серия: История и политические науки. 2009. № 1. С. 162–173.
11. Николаева Н. А. Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в III–II тыс. до н. э. по данным археологии, лингвистики и мифологии // Краткие сообщения Института археологии. 2009. № 223. С. 121–142.
12. Папуашвили Р. К вопросу об абсолютной хронологии Колхиды эпохи поздней бронзы – раннего железа // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа / отв. ред. Х. М. Мамаев. Грозный: Институт гуманитарных исследований; Москва: ИА РАН, 2011. С. 82–94.
13. Скаков А. Ю. Погребальные ямы Колхиды // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа / отв. ред. Х. М. Мамаев. Москва: ИА РАН, 2011. С. 95–113.
14. Техов Б. В. Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н. э. М.: Наука, 1977. 238 с.
15. Техов Б. В. Новый памятник эпохи поздней бронзы в Южной Осетии (стырфазские кромлехи). Владикавказ; Цхинвал: Издательство Северо-Осетинского научного центра, 2000. 240 с.
16. Челеби Э. Книга путешествия. М.: Наука, 1983. 249 с.
17. Чшиев В. Т. Раскопки Адайдонского могильника кобанской культуры в 2006–2007 гг.: предварительные итоги исследования // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. (Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа). Тезисы докладов / отв. ред. А. А. Туаллагов. Владикавказ: Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева, 2008. С. 376–380.
18. Чшиев В. Т. Памятники кобанской культуры Северной Осетии // Археология Северной Осетии / отв. ред. А. А. Туаллагов. Т. 1. Владикавказ: Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева, 2007. С. 178–293.
19. Чшиев В. Т. Эпоха поздней бронзы – раннего железа Северной Осетии. Кобанская культура // История Осетии / отв. ред. С. А. Айларова, А. Г. Кучиев. Т. 1. Владикавказ: Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева, 2012. С. 53–88.
20. Чшиев В. Т. Адайдонский некрополь – памятник эпохи поздней бронзы – раннего железа Большого Кавказа // Вестник Владикавказского научного центра. 2021. Т. 21. № 3. С. 6–10.
21. Motzenbäcker I. Sammlung Kossnierska. Bestandskataloge. Bang 3. Berlin: Museum für Vor- und Frühgeschichte, 1996. 294 p.

REFERENCES

1. Abesadze Ts. N. [To the history of copper-bronze metallurgy of the Trialeti culture]. In: *Restavratsiya, konservatsiya, tekhnologiya muzeinykh eksponatov. T. 1* [Restoration, conservation, technology of museum exhibits. Vol. 1]. Tbilisi, Metsniereba Publ., 1974, pp. 62–65.
2. Dzhaparidze O. M. [Late Bronze Age. Western Georgian culture]. In: Melikishvili G. A., Lordipaniidze O. D., eds. *Ocherki istorii Gruzii. T. 1* [Essays on the history of Georgia. Vol. 1]. Tbilisi, Metsniereba Publ., 1989, pp. 119–140.
3. Kozenkova V. I. *Kulturno-istoricheskie protsessy na Severnom Kavkaze v epokhu pozdnei bronzy i v ranem zheleznom veke (Uzlovye problemy proiskhozhdeniya i razvitiya kobanskoj kultury)* [Cultural and historical processes in the North Caucasus in the Late Bronze Age and in the Early Iron Age (Key problems of the origin and development of the Koban culture)]. Moscow, Pushchino science centre of the RAS Publ., 1996. 162 p.
4. Korenevsky S. N. [Pole axes – close combat weapons of the middle bronze era of the North Caucasus]. In: *Kavkaz i Srednyaya Aziya v drevnosti i srednevekoye : sbornik statey* [Caucasus and Central Asia in Antiquity and the Middle Ages: a collection of articles]. Moscow, Nauka Publ., 1981, pp. 20–41.
5. Krupnov E. I. *Drevnyaya istoriya Severnogo Kavkaza* [Ancient history of the North Caucasus]. Moscow, The USSR Academy of Sciences Publishing House, 1960. 520 p.
6. Kuftin B. A. *Materialy k arkheologii Kolkhidy* [Materials for the archeology of Colchis]. Tbilisi, Tekhnika da shroma Publ., 1949. 359 p.
7. Latyshev V. V. [News of ancient writers about Scythia and the Caucasus]. In: *Peterburgskii Arkheologicheskii vestnik. Prilozhenie. Vip. 3–4* [St. Petersburg Archaeological Bulletin. Application. Iss. 3–4]. St. Petersburg, 1993. 352 p.
8. Nikolaeva N. A., Safronov V. A. [Origin of hammer-shaped bone pins]. In: *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief communications of the Institute of Archeology.], 1975, no. 142, pp. 11–17.
9. Nikolaeva N. A. [Ethnocultural processes in the North Caucasus at the end of the 3rd – the first half of the 2nd millennium BC NS.]. In: *Vestnik Moskovskogo oblastnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences], 2008, no. 3, pp. 119–130.
10. Nikolaeva N. A. [Problems of historical reconstruction in archeology, calibrated dates and new solutions to the Maikop problem]. In: *Vestnik Moskovskogo oblastnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences], 2009, no. 1, pp. 162–173.
11. Nikolaeva N. A. [Ethnocultural processes in the North Caucasus in the III–II millennium BC NS. according to archeology, linguistics and mythology]. In: *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief communications of the Institute of Archeology], 2009, no. 223, pp. 121–142.
12. Papuashvili R. [To the question of the absolute chronology of Colchis of the Late Bronze Age – Early Iron Age]. In: Mamaev H. M., ed. *Voprosy drevnei i srednevekovoï arkheologii Kavkaza* [Questions of ancient and medieval archeology of the Caucasus]. Grozny, Institute for Humanities Research Publ., Moscow, The Institute of Archeology of the RAS Publ., 2011, pp. 82–94.
13. Skakov A. Yu. [Burial pits of Colchis]. In: Mamaev H. M., ed. *Voprosy drevnei i srednevekovoï arkheologii Kavkaza* [Questions of ancient and medieval archeology of the Caucasus]. Moscow, The Institute of Archeology of the RAS Publ., 2011, pp. 95–113.
14. Tekhov B. V. *Tsentralnyi Kavkaz v XVI–X vv. do n. e* [Central Caucasus in the XVI–X centuries BC NS]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 238 p.
15. Tekhov B. V. *Novyi pamyatnik epokhi pozdnei bronzy v Yuzhnoi Osetii (styrfazskie kromlekhi)* [A new monument of the Late Bronze Age in South Ossetia (Styrfaz cromlechs)]. Vladikavkaz, Tskhinval, Izdatel'stvo Severo-Osetinskogo nauchnogo tsentra Publ., 2000. 240 p.
16. Chelebi E. *Kniga puteshestviya* [Travel book]. Moscow, Nauka Publ., 1983. 249 p.
17. Chshiev V. T. [Excavations of the Adaidon burial ground of the Koban culture in 2006–2007: Preliminary results of the study]. In: Tuallagov A. A., ed. *Otrazhenie tsivilizatsionnykh protsessov v arkheologicheskikh kulturakh Severnogo Kavkaza i sopedelnykh territorii : tezisy dokladov* [Reflection of civilizational processes in the archaeological cultures of the North Caucasus and adjacent territories : abstracts]. Vladikavkaz, V. I. Abayev North-Ossetian Institute of Humanitarian and Social Studies Publ., 2008, pp. 376–380.

18. Chshiev V. T. [Monuments of Koban culture of North Ossetia]. In: Tuallagov A. A., ed. *Arkheologiya Severnoi Osetii T. 1* [Archeology of North Ossetia. Vol. 1]. Vladikavkaz, V. I. Abayev North-Ossetian Institute of Humanitarian and Social Studies Publ., 2007, pp. 178–293.
19. Chshiev V. T. [The era of late bronze – the early iron of North Ossetia. Koban culture]. In: Aylarova S. A., Kuchiev A. G., eds. *Istoriya Osetii. T. 1* [History of Ossetia. Vol. 1]. Vladikavkaz, V. I. Abayev North-Ossetian Institute of Humanitarian and Social Studies Publ., 2012, pp. 53–88.
20. Chshiev V. T. [Adaidon necropolis – a monument of the Late Bronze Age – Early Iron Age of the Greater Caucasus]. In: *Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo tsentra* [Bulletin of Vladikavkaz Scientific Center], 2021, vol. 21, no. 3, pp. 6–10.
21. Motzenbäcker I. *Samlung Kossnierska. Bestandskataloge. Bang 3.* Berlin, Museum für Vor – und Frühgeschichte, 1996. 294 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Владимир Таймуразович Чшиев – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии Республики Северная Осетия – Алания;
e-mail: hacht@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir T. Chshiev – Cand. Sci. (History), Senior Researcher, Institute of History and Archeology of the Republic of North Ossetia – Alania;
e-mail: hacht@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Чшиев В. Т. Обряд вторичного захоронения в ранних комплексах Адайдонского некрополя кобанской культуры Кавказа // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 5. Циркумпонтика. Вып. III. С. 165–178.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-5-165-178

FOR CITATION

Chshiev V. T. The rite of secondary burial in the early complexes of the Adaydon necropolis of the Koban culture of the Caucasus. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2021, no. 5, Circumpontica, iss. III, pp. 165–178.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-5-165-178

УДК 904

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-5-179-202

ЗНАКИ-НИШАН АРИСТОКРАТИИ САСАНИДСКОГО ИРАНА

Яценко С. А.

*Российский государственный гуманитарный университет
125047, г. Москва, Миусская пл., д. 6, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Системно рассмотреть и идентифицировать знаки-нишан сасанидских шаханшахов и знати в разных аспектах их восприятия и употребления современниками и ближайшими потомками.

Процедура и методы. Исследование выполнено с использованием признанного международным сообществом комплекса авторских методик работы со знаковыми системами типа нишан/тамга, разработанного после 1995 г.

Результаты. Выявлены основные особенности бытования сасанидских нишан на материале имперской знати и их близость знакам иранского мира. Идентифицированы 22 знака шаханшахов. Уточнены личности реформаторов, изменивших принципы использования и облик знаков элиты.

Теоретическая и/или практическая значимость. Впервые комплексно изучена совокупность клановых, семейных и личных эмблем аристократии одной из крупнейших империй поздней античности и начала средневековья.

Ключевые слова: знаки-нишан, империя Сасанидов Ирана, аристократия, принципы использования эмблем, идентификация знаков правителей, хронологическая специфика

NISHAN-SIGNS OF THE ARISTOCRACY OF SASANIAN IRAN

S. Yatsenko

*Russian State University for the Humanities
Miusskaya pl. 6, Moscow 125047, Russian Federation*

Abstract

Aim. The systematic analysis and identification of nishan-signs of the Sasanian shahanshahs and nobility in various aspects of their perception and usage by contemporaries and immediate descendants.

Methodology. The complex of author's methods of study of the nishan/tamga type sign systems was developed after 1995 and is internationally recognized.

Results. The main features of the Sasanian nishans on the material of the Imperial nobility, as well as their proximity to the signs of the Iranian world, are defined. 22 signs of shahanshahs have been identified. The personalities of the reformers who changed the principles of usage and appearance of elite signs are clarified.

Research implications. For the first time the complex of clan, family and personal emblems of the aristocracy of one of the biggest empires of the Late Antiquity and the Early Middle Ages has been comprehensively studied.

Keywords: nishan-signs, Sassanid Empire of Iran, aristocracy, principles of emblems' usage, identification of signs of rulers, chronological specifics

Введение

Знаки (*nishan*), весьма популярные как у знати, так и у мастеров-ремесленников (и даже, вероятно, у зажиточных крестьянских семей) в персидской империи Сасанидов 224–651 гг., по-прежнему представляют собой для специалистов настоящую *terra incognita*. Обычно коллеги механически воспроизводят данное когда-то Э. Херцфилдом определение их как «*монограмм*»¹ и довольствуются этим термином без серьёзных комментариев². Как известно, после выхода нашей монографии «Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья» [6] специалисты по Сасанидам (кроме Николо Монассеро [29]) предпочитают вообще не обсуждать столь деликатную и сложную тему, которая требует длительной трудоёмкой работы (со сбором и сопоставлением обширного материала по специальной программе и т. п.). При этом стереотипное представление о нишан как о «*монограммах*» не только ничем всерьёз не обосновано, но и является существенным препятствием к их исследованию. Ведь преобладающий взгляд на такие знаки как на «*монограммы*» делает их специальный анализ практически ненужным... Между тем, более 20 лет назад было отмечено, что элементы, из которых состоят самые сложные знаки, почти совершенно не имеют соответствий в среднеперсидском алфавите пехлеви³ и, напротив, состоят из 3 эле-

ментов, каждый из которых идентичен или очень близок обычным тамгам родственных ираноязычных народов в позднеантичной Средней Азии и Сарматии [6, с. 90–91, 103–104, рис. 33а]. В целом из-за туманных представлений о характере нишан почти не изученным остался и упомянутый важный вопрос о точных и близких аналогиях в тамговом фонде аристократии Сарматии и Средней Азии [6, с. 102; ср. наблюдения методического характера: 7].

Работа над предлагаемой сегодня читателю статьёй началась около 25 лет назад, но и сегодня можно, скорее, сформулировать многие вопросы, нежели дать на них убедительные ответы.

Опыт работы с сасанидскими нишан говорит о том, что они, как у рядовых мужчин, так и у аристократии, типологически не отличались от аналогичных знаковых систем других частей древнего иранского и иранизированного мира, знаков коренного доисламского населения Средней Азии, этнографических таджикских крестьянских *nishon* или осетинских *gakk*. Подобная весьма специфическая знаковая система достоверно имела до восьми разнообразных функций, среди которых – функции эмблемы, удостоверения, сопричастности к общественным акциям или процессам, знака собственности, авторства [5, с. 19–21]⁴.

¹ Перед Сасанидами в эллинизированном парфянском Иране классические монограммы из сочетания ряда букв (греческих) действительно использовались, причём некоторыми правителями, весьма широко (см., например, у Орода II [35, р. 129–130]).

² О более экзотических (и, разумеется, недоказуемых) трактовках таких знаков как реалистического воспроизведения наверхий крупных зороастрийских храмов (Г. А. Пугаченкова) или символов титулов (?) вельмож (Г. В. Луконин) всерьёз говорить нет необходимости [ср.: 4, с. 53–54].

³ Исключениями, возможно, были буквы š, zu и g (см., например, некоторые элементы ряда знаков на рис. 12, I, V–VI), однако это тоже не даёт серьёзного повода считать целый сложный знак именно моно-

граммой. Ведь в знаковых системах типа тюркских тамг и т. п. использовали иногда, как известно, для построения отдельные элементы своего и чужих алфавитов, но такие знаки не переставали от этого быть тамгами (как и первая буква фамилии в составе европейских дворянских гербов уже не имела реальной функции письменности, превращаясь в эмблему, удостоверительный и статусный знак).

⁴ Иногда мы встречаем в изобразительном искусстве ситуации, когда отдельные персонажи в многофигурных сасанидских композициях метились по какой-то причине буквами, цифрами и иными символами. Ярким примером являются знаки, нанесённые на персонажах или рядом с ними (красной или процарапанные) на известной позднему кувшине («вазе», во вторичном использовании ставшим оссуарием) из Мерва со сценами этапов жизни знатного мужчины [3, рис. 78–81].

В этой статье впервые предпринята попытка идентифицировать и системно представить знаки сасанидских шаханшахов и их ближайшего окружения в разных аспектах их восприятия и употребления современниками и ближайшими потомками. Ниже рассматриваются именно неизученные аспекты использования таких знаков сасанидской аристократией. Увы, как уже отмечалось, ни нумизматы [8; 11; 18; 34; 37], ни специалисты по многочисленным печатям этой династии [9; 10; 19; 20; 21; 23; 32] или по скальным сасанидским рельефам [13; 14; 24; 25; 38; 40], ни иные коллеги таких задач не ставили (да и не могли ставить, т. к. не имели в своём исследовательском арсенале необходимых для этого методик и/или особого подбора изучаемого материала). В небольшой статье Весты Куртис (Британский Музей) часть её посвящена ранним царским знакам [12].

Источники, принципы размещения на изображениях, хронология, территориальное распределение

Основные объекты, на которые нанесли знаки-нишан знати империи Сасанидов – это личные печати (среди них есть доля вставок в перстни и халцедоновых подвесок – псевдо-перстней). Их оттиски сохранились на буллах и изредка – на особых свинцовых изделиях (гирьках, вислых печатях). Много реже, чем на печатях, их типы встречены на прокламативных скальных рельефах конкретных государей (они сопровождали, как мы увидим, не самого правителя после его воцарения, а наиболее значимых приближённых). Единичны пока находки царских нишан на керамических плитках облицовки парадных помещений дворцов в западной части Империи [28] (рис. 1).

Для распространённых категорий изображений характерны особые принципы размещения знаков по отношению к человеческой фигуре. Так, на каменных рельефах они обычно высекались на головных уборах, реже – на воинских атрибутах –

особых конских пополах, шлемах и колчанах со стрелами, на печатях (помимо головного убора) – перед лицом или у затылка изображённого в профиль знатного лица, на монетах ранних царей – обычно на реверсе (чаще всего – над алтарём со священным огнём или на базе такого алтаря), позже – на аверсе перед лицом. Заметим, что на полуяйцевидных головных уборах типа тиар нишан изображались ещё при старшей ветви парфянской династии Аршакидов, начиная с Орода I (80–77 гг. до н. э.) [р. 85, type 31, ii].

К сожалению, археологический контекст находок самого массового нашего источника – печатей разных типов – во многих случаях не установлен. Соответственно, датировки большинства из них – сугубо гадательные (если на них нет подписей известных в государстве лиц или не указаны должности, существовавшие короткое время) и чаще основываются на более или менее остроумных суждениях о стилистике сопровождающих изображений. Однако сегодня становится ясно, что самые сложные, многокомпонентные знаки относятся обычно к позднему периоду V–VII вв. Такой вывод кажется логичным: ведь эти знаки, как мы увидим, представляют собой соединение 3 разных более простых форм (рис. 12, I–VI), и для их образования требовалось известное время, развитие форм семейных и личных знаков. Разобраться в хронологии бытования ряда важнейших нишан помогают некоторые скальные рельефы, а также ряд монет конкретных правителей.

Отметим, что коллекции и отдельные значимые находки анализируемых нишан в Сасанидском Иране встречены в историческом центре зарождения династии (древнейшие Персида / Фарс и Элам), в западных (у столицы и самых популярных храмов) районах Империи (рис. 1) и северных крепостях (Дербент) и практически отсутствуют в восточных. О неравномерности использования аналогичных знаков в пространстве, во времени и среди разных социальных групп, о вспле-

сках их актуализации в ряде ситуаций уже писалось [6, с. 31–32; 5, с. 10–11]. В ряде пунктов имеются обширные коллекции знаков мастеров-ремесленников (на каменных плитах крепостных стен ряда городов) или мобилизованных на общественные работы мужчин (на куда более дешёвых кирпичях общественных зданий). Однако в них господствуют самые простые, незамысловатые формы знаков-нишан, не имеющие аналогий в субкультуре знати. Так, на каменных стенах г. Дербент середины VI в. из примерно 520 знаков множества (с вариантами) типов приглашенных волею Хосрова I каменотёсов [15, p. 183, fig. 3–7; 16, Abb. 4–15] лишь 3 знака (№ 232, 234 и 263) можно было бы всерьёз сопоставлять с многокомпонентными нишан поздней знати. Важно, что эти знаки нанесены поблизости друг от друга, у башни № 50 и ворот Дар-и Кийамат и, вероятно, действительно принадлежали не мастерам-каменотёсам, а тем, кто контролировал строительство [16, Abb. 2,10]. Коллекции меток строителей в таких пунктах, как Кенгавар, Тахт-и Белькис, Тахт-и Нишин и ряде других, пока куда менее представительны [16, Abb. 26]. Много знаков местных сельских (?) жителей сасанидской эпохи нанесено на парфянский рельеф в пустынной местности в Кир, в провинции Фарс (эти знаки в основном точно соответствуют знакам мастеров в позднесасанидском Дербенте [6, рис. 33е; 16, Abb. 27; 28, Abb. 5].

Триумфальный рельеф Арташира I у г. Арташир-Хварнах (совр. Фирюзабад): знак Арташира I

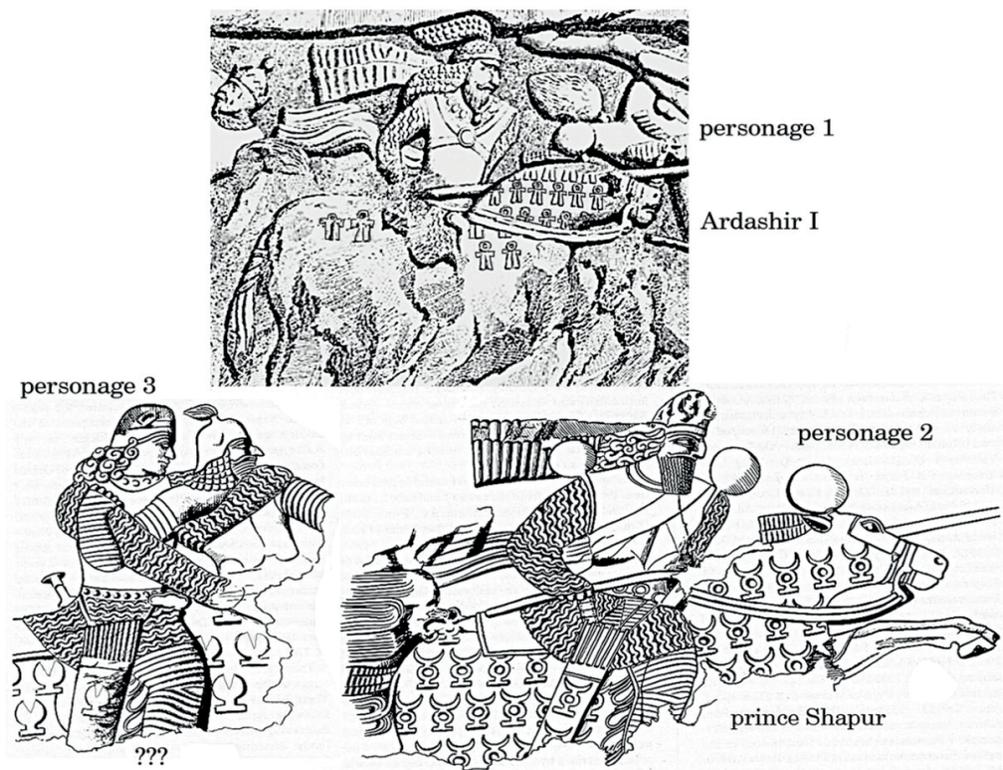
Анализ нишан сасанидской аристократии логично начать с первого памятника монументального искусства новой династии – символической сцены победы *Арташира I* (224–240) над парфянским Артабаном V в 224 г. н. э. Она представляется в виде ряда из 4 тяжеловооружённых всадников-катафрактариев в доспехах и с особыми, очень длинными копьями. Движение идёт слева направо. Первым справа

показан падающий с коня последний аршакидский государь, левее – фигура его победителя, основателя новой династии. Ещё левее скачут 2 близких к будущему шаханшаху мужчины [17, fig. 165–166; 39, fig. 8] (рис. 2¹). На этом первом прокламативном большом изображении Сасанидов видим одну уникальную и очень важную для нас деталь: у каждого из персонажей (включая побеждённого врага) боевая защитная попона коня покрыта рядами оригинальных знаков-нишан (у последнего всадника нишан представлен и на колчане). Иначе говоря, именно таким образом мастер и заказчик хотели явить зрителю личность каждого из всех известных в новой Империи аристократов.

Обратимся теперь к знакам победителей. *Арташир I*. Правый из трёх представителей новой сасанидской элиты персонаж 1) имеет знак, который более нигде в дальнейшем в правление первого государя достоверно не изображается; известны оттиски его на 3 буллах из коллекции А. Saeedi, однако сделаны они после прихода Ардашира к власти или раньше – неясно [21, II, 1–3]. Важен тот факт, что Арташир прокламировал свой нишан *лишь до церемонии восшествия на престол* (то же мы увидим и у следующих за ним правителей). Нишан будущего Ардашира I стал помещать на реверсе своих динаров только его внук, 4-й правитель Варахран I (271–274) (рис. 3.1), а затем – 3 следующих долго правивших шаханшаха, в правление Шапура II (309–379) и (исключая перерыв в царствование Ардашира II) при Шапуре III (383–388) (рис. 3.2–3.5). *Так знак первого правителя превратился de facto более чем на столетие в декларируемый официально своеобразный символ династии Сасанидов.*

Последний всплеск интереса к эмблеме основателя мы видим уже в самом конце Сасанидской империи в знаменитом Большом Гроуте в Так-и Бустане (г. Керманшах). Как убедительно показал К. Та-

¹ Прим. автора: на рисунке показаны и пронумерованы только представители победителей.

1 – Атрашир I

2 – наследный принц Шапур

3 – неизвестный со «знаком первосвященника Тансара»

Рис. 2 / Fig. 2. Рельеф в честь победы Арташира I над парфянским Артабаном V в 224 г. н. э. у г. Арташир-Хваррах (Фирузабад), цепочка воинов-катафрактариев / The relief demonstrating the victory of Ardashir I over the Parthian Artabanus V in 224 CE near Ardashir-Khwarrah City (Firuzabad), the row of cataphractory warriors

Источник: 1 – Wikimedia : [сайт]. URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Ardachir_relief_Firuzabad_1.jpg; 2–3 – Researchgate : [сайт]. URL: https://www.researchgate.net/figure/The-Firuzabad-II-relief-Ardashir-Is-victory-on-the-Parthians-drawing-E-Smekens_fig6_290537588 (дата обращения: 18.12.2021).

набе, этот замечательно декорированный грот со множеством сцен и орнаментами создан не великим Хосровом II, а вполне ничтожным и правившим менее двух лет Арташиром III (628–630) [38]. Он подражал своему знаменитому тёзке в иконографии порой даже в мелочах. Например, как и создатель Империи, он изобразил себя в виде всадника-катафрактария, и серия таких нишан представлена также на боевой попоне [13, pl. III]. Гравирован

этот же знак и в линию как декоративная полоса на стене [14, fig. 55.11]¹.

Знак будущего Шапура I и его сына

Не менее, а возможно, и более интересен для нашей темы знак следующего за

¹ У двух правителей первой половины V в. – отца и сына Варахрана V и Йездигерда II этот знак модифицирован и приобрёл на верхнем краю дополнительную дугу концами вверх; он размещался на аверсе перед лицом (см.: www.vcoins.com : [сайт], no. 1506346, 1503496).

Рис. 3 / Fig. 3. Знак-нишан – символ династии (её основателя Арташира I) на более поздних монетах / Nishan-sign – the symbol of dynasty (its founder Ardashir I)

Источник: 1 – Wikimedia : [сайт]. URL: <https://clck.ru/ZQfyb>; 2 – CNG : [сайт]. URL: <https://www.cngcoins.com/Coin.aspx?CoinID=103640>; 3 – NumisBids : [сайт]. URL: <https://www.numisbids.com/n.php?p=lot&sid=288&lot=897>; 4 – SixBid : [сайт]. URL: <https://clck.ru/ZQg4P>; 5 – Zeno.ru : [сайт]. URL: <https://www.zeno.ru/showphoto.php?photo=232708> (дата обращения: 18.12.2021).

новым государём (в той же сцене победы над парфянским Артабаном V) персонажа 2 – наследника престола Шапура, будущего великого воителя *Шапура I* (240–270). При этом его знак сильно отличается по форме от нишан отца и, похоже, был не семейным (внутри клана потомков Сасана), а именно *личным*. Это очень важный факт. Судьба этого знака такая же, как и у нишан Арташира: *хозяин демонстрировал его, только когда он был наследником престола* в правление отца на ряде важных парадных изображений, на головном уборе полудиадемы формы (его чаще носило высокопоставленное духовенство, но и светские аристократы не были лишены его) (рис. 4.1). Дети этого государя тоже использовали этот нишан, и для них он

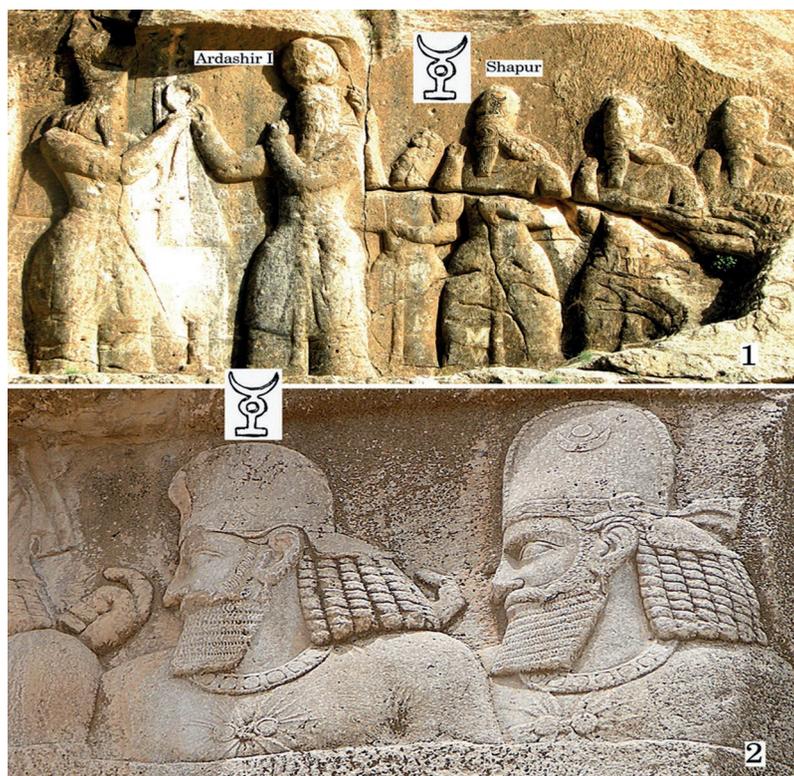
был уже *семейным*. Так, на триумфальном рельефе в Накши-и Раджабе [25, Text, fig. 2; 31, p. 80; 39, fig. 9, pl. 20;] этот знак носит не государь Шапур I, а стоящий сразу за ним, закрывая фигуры соседей, вельможный воин (рис. 6.1). Он тоже *наследник престола – будущий Хормизд I*, правивший лишь несколько месяцев (270–271). Эту же тенденцию можно предполагать и для третьего стабильного правителя династии – *Варахрана I* (271–274). На его печати, найденной в Керманшахе, в период, когда он *ещё наследником престола* управлял Керманом в 270 г., представлен оригинальный нишан [22, fig. 7] (рис. 11.3). Иными словами, для *первых Сасанидов обнаруживается тенденция использовать свой знак* (иногда полученный от отца, как у будущего

Хормизда I, а иногда созданный самостоятельно, как могло быть с Шапуrom I) в бытность наследником престола. После воцарения этот знак уже не использовался (это отдалённо напоминает принятие особого тронного имени очередным китайским императором и моментальное забвение прежнего, родного).

Позже, в правление Варахрана II (274–293), внука Шапура I, в кругу его приближённых на рельефе в Накш-и Раджабе близко стоящий к нему вельможа носит на головном острове кулахе всё тот же нишан будущего Шапура I (рис. 4.2).

Не менее интересно то, что именно в царствование Варахрана II было положено начало традиции (продолженной

и при следующих двух долго правивших государях) помещать нишан Шапура I на реверсе золотых и серебряных монет, а левее его – знак его отца-основателя Арташира I (рис. 5). Так расположенные рядом знаки-нишан двух первых, славных военными победами основателей Сасанидской державы становятся примерно на 100 лет своеобразным и довольно широко прокламируемым визуальным символом династии. Подобное парное размещение рядом знаков правителей на монетах – далеко не исключение в тогдашнем иранском мире: оно встречается и в Кушанской империи, и в Согде, подчас также справа и слева от центрального композиционного элемента [6, с. 97–98, рис. 14n].

1 – рельеф с инвеститурой Арташира I у г. Арташир-Хваррах / Фирузабад
2 – Варахран II с приближёнными, Накш-и Раджаб

Рис. 4 / Fig. 4. Знак Шапура I и его родственников / The sign of Shapur I and his relatives

Источник: 1 – SalfBase : [сайт]. URL: <https://salfbase.com/images/sang-negare-firuzabad/1/taj-gozari1.jpg> (дата обращения: 18.12.2021), 2 – фото автора

Рис. 5 / Fig. 5. Знаки двух основателей династии на монетах последующих правителей. The signs of the dynasty founders on the coins of later rulers.

Источник: 1 – CNG : [сайт]. URL: <https://clck.ru/ZQfae>; 2 – <https://clck.ru/ZQfbb>; 3 – History Wiki : [сайт]. URL: <https://clck.ru/ZQfdd>; 4 – Pars Coins : [сайт]. URL: <https://clck.ru/ZQffZ>; 5 – [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/ZQfhP>; 6 – Museum of Cultural History : [сайт]. URL: <https://clck.ru/ZQfhw> (дата обращения: 18.12.2021).

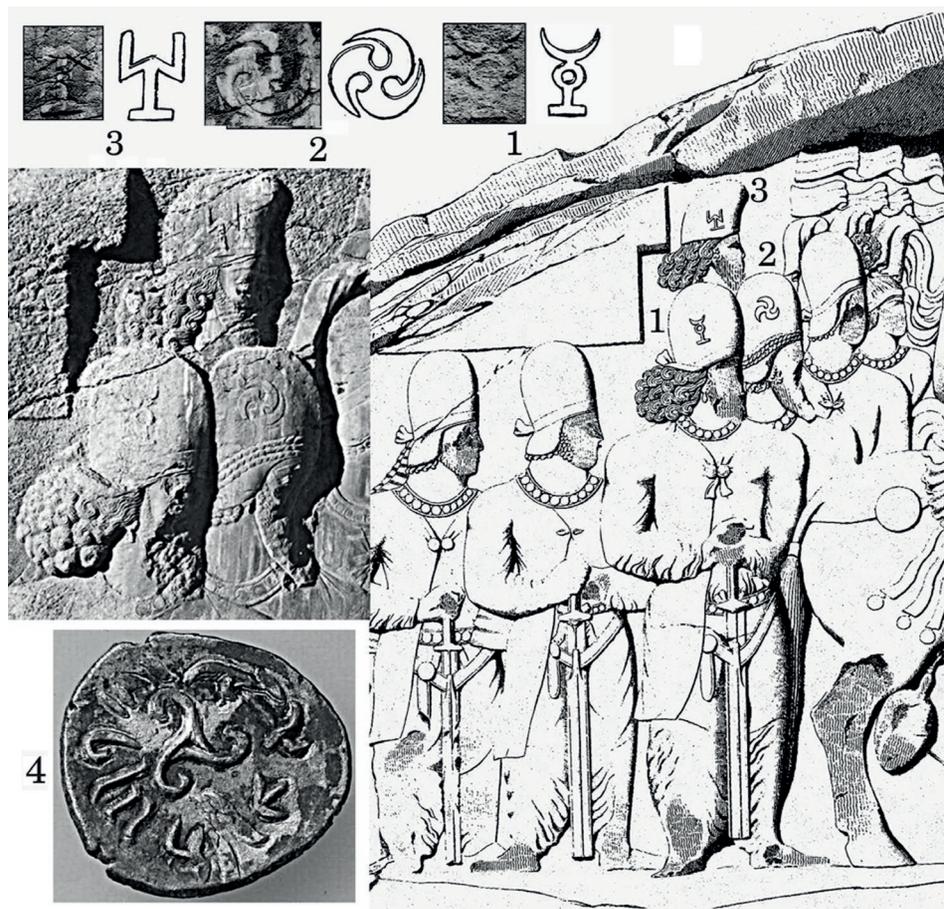
Однако откуда взялась сама форма знака будущего Шапура I? Ещё в середине I в. н. э. идентичная сарматская тамга представлена на декорированном золотом мече с Западной Украины, найденном в Рошава-Драгане [6, с. 79–80, 102, рис. 26с]. Не менее интересен тот факт, что близкий знак (но не с дугой поверх круга, а с 2 торчащими под сходными углами прямыми выступами) известен на одном из типов монет свергнутого при активном участии Шапура последнего парфянского государя Артабана V [35, р. 301, туре 91 iii].

Представители царского клана Фарса (Персиды) парфянского времени

На упомянутом триумфальном рельефе Шапура I в Накш-и Раджабе рядом с наследником престола стоит ещё один, слегка заслонённый им, очень значимый в государстве человек, на статусной тиаре

которого также изображен своеобразный нишан (рис. 6.2). Почему и как он оказался на первых ролях в новой империи? Ответ на это (помимо его вероятных личных заслуг) даёт сама форма его нишан. Ещё в начале I в. н. э. такой знак изображался на монетах Пакора I, правителя того самого Фарса (Персиды), откуда был родом менее значимый до поры жреческий клан Сасана [26, pl. XXXV, 1–2] (рис. 6.4). Есть основания полагать, что этот клан продолжал процветать и после Шапура I. Ведь он также представлен на печати влиятельного мага (жреца) Се-Арур Фарнбай [21, 60.2] и на бляхах золочёной уздечки из Музея Метрополитен [30, no. 431]¹.

¹ Идентичный знак на упряжи использовался ранее, в I–II вв., в некрополях сарматов Нижнего Дона (Новый, курган 69) и сарматизованных поздних скифов Центрального и Западного Крыма (Битак, могила 120; серия могил в Усть-Альминском).

1–3 – типы знаков;

4 – аналогия знаку № 2: Фарс, Пакор I из династии Фратараков, начало I в. н. э.

Рис. 6 / Fig. 6. Знаки приближённых Шапура I на триумфальном рельефе в Накш-и Раджабе I / The signs of Shapur I courtiers on the triumphal relief in Naqsh-e Rajab I

Источник: 1–3 [31, p. 8]; 4 – фотоархив автора¹

Знаки семей ранних зороастрийских первосвященников (эрбадов, магупатов)

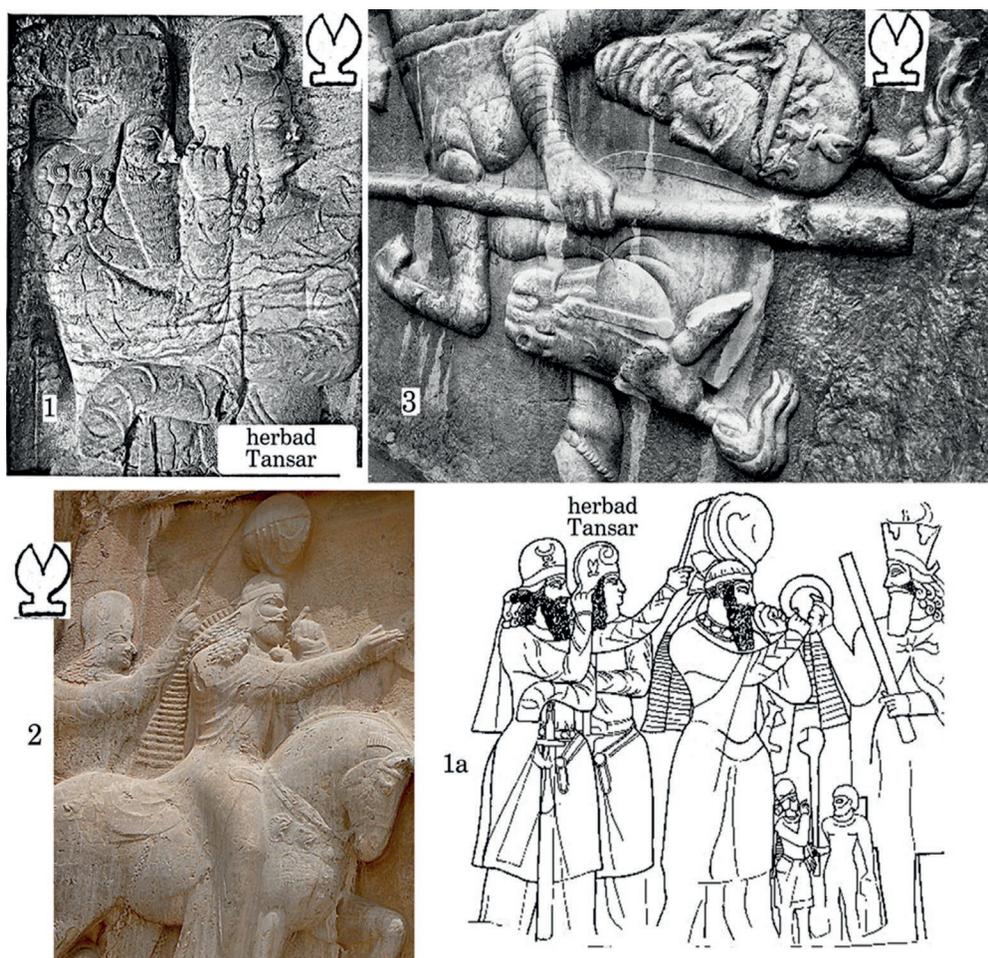
На уже упоминавшемся первом монументальном сасанидском памятнике (рельефе со сценой победы Арташира I над последним парфянским царем у Фирузабада) позади остальных (слева) находится активный участник торжества Сасани-

дов – неизвестный персонаж, также поданный как катафрактарий (рис. 2.3). Его нишан очень интересен и важен. В тот же период, около 224 г., в сцене инвеституры Ардашира I в Накш-и Раджабе, помимо бога Ахура-Мазды, его сзади символически благославляет на царство первый верховный жрец Сасанидов – молодой эрбад Тансар (рис. 7.1-1а). На его кулахе видим

¹ Прим.: Рисунки и фото, представленные в данной работе, собирались автором в течение последних 20 лет, в связи с чем у некоторых иллюстраций невозможно указать первоисточник. Часть иллюстраций можно найти в сети Интернет, но многие остались только в фотоархиве автора.

тот же нишан. В последний же раз мы этот знак отмечен в куда более печальных обстоятельствах. В Накш-и Рустаме, под скальной гробницей ахеменидского царя представлен около 305 г. триумф Хормизда II (302–309) над неизвестным мятежником. У самого царя нет знаков, но нишан есть на шлеме поверженного противника (рис. 7.3). Это всё тот же знак семейства первосвященника Тансара. Позже мы этого знака не встречаем.

При сыне Шапура I Хормизде I (270–271) стала восходить всё ярче звезда эрбада *Картира*, имевшего при двух следующих государях титул магупата [25, fig. 2]. На 2 изображениях времени Варахрана II (274–293) в Накш-и Раджабе (рис. 6.2) и Сураб-и Бахраме [39, fig. 10] он представлен на рельефах в тиаре с особым нишан. Вероятно, именно он изображён на известном бронзовом бюсте III в. н. э. из Музея Михо в г. Сигараки

- 1, 1a – инвестира Ардашира I, рельеф в Накш-и Раджабе, деталь
 2 – то же
 3 – рельеф в Накш-и Рустаме: Хормизд II убивает мятежника

Рис. 7 / Fig. 7. «Знак первосвященника Тансара» в III – начале IV вв. / The «sign of herbad Tansar» in the 3rd – early 4th CE

Источник: 1 – фотоархив автора; 2 – фото автора; 3 – [17, pl. 219]

(рис. 8.1). Всемогущий магупат был изгят из политической жизни в ранний период правления Нарсе (293–302), около 295 г. Однако история политического влияния семейства с таким нишан на этом не завершилась. Более того, сын Насре, *Хормизд II* (302–309), покончив с двумя другими братьями, воцарился, изображая на своей тиаре... тот же знак Картира. Перед этим он расправился с двумя другими братьями. Его мы видим на известной печати из Британского Музея (рис. 8.3)¹. При этом тот же знак Хормизда (в оформлении центра нижней части он имеет небольшое отличие от такового у Картира – доведённую до нижнего края центральную вертикальную линию, что может быть вариантами написания одного и того же нишан) известен ранее, в III в., на высокохудожественной печати вельможи Пероз Хормизда, сына Канаранга (Британский Музей, по. 134847); интересно, что его двойное имя тоже содержит элемент «Хормизд».

¹ Прим. автора: Ряд специалистов, в частности Джудит Лернер из Нью-Йорка, подчас сомневаются в подлинности этой печати, но для этого нет серьёзных оснований.

Знаки царей до середины V в. на серебряных и бронзовых монетах

На ряде редких или уникальных монет ранних Сасанидов представлены не знаки предшественников, а, похоже, их собственные. У нас нет серьёзных оснований считать эти нишан знаками каких-то локальных администраторов (которые осмелились бы, например, изображать свой крупный нишан перед лицом «царя царей»). Начиная с Варахарана II имеем, похоже, тенденцию, отличную от практики первых государей: собственный знак здесь (хотя и изредка) ставят шаханшахи уже во время своего правления. *Варахаран II* (274–293) был единственным, кто какое-то время изображал на своей короне нишан основателя династии (рис. 3.2); однако на одной из его драхм мы видим на реверсе, над алтарем огня, иной, уникальный знак (рис. 9.1). Ещё один специфический нишан изображён на реверсе, на базе алтаря, на драхме *Нарсе* (293–302) (рис. 9.2). Эти два государя, правивших друг за другом (Нарсе, как известно, убил предыдущего Варахарана III вскоре после воцарения последнего и отличался

1 – эрбад Картир
2 – магупат Картир, рельеф Варахарана II в Накш-и Раджабе
3 – печать Хормизда II

Рис. 8 / Fig. 8. «Знак Картира» у первосвященников и царей III – начала IV вв. н. э. / «Kartir sign» of the magupats and kings of the 3rd – early 4th CE

Источник: 1 – Miho Museum, 2 – фото автора, 3 – British Museum Trustes

исключительным вниманием к разнообразию монетных типов), ставят особые знаки только на серебряной монете, на реверсе и в композиционной связи с алтарём огня. У последующих государей предполагаемый личный знак ставился лишь на медных монетах.

На меди Шапура II (309–379), с его наиболее долгим для династии правлением, мы встречаем 2 знака, дальнейшая судьба которых различается. Наиболее важным и основным для этого государя представляется нишан, впервые изображенный в крупном масштабе у лица шаханшаха (рис. 9.3; 11.7а). Знак этот в одном случае изображён и на монете правившего в следующем столетии Варахрана V¹, следовательно, он имел более важное значение и мог быть именно основным у Шапура II. Этот знак в более раннее время хорошо известен в иранском мире, в частности – у сарматской знати. В I в. н. э. известен на гривне из Дунахарашти (Венгрия), а примерно на рубеже II–III вв. изображён на котле в разрушенной женской могиле в устье Дона (Мокрый Чалтырь) [6, рис. 5, № 90, 132; 5, № 31]. Другой знак уникален и изображён на реверсе одной монеты: он передан чётко и реалистично на фоне стилизованного сооружения (рис. 9.3, 11.7б).

Любопытную картину дают медные монеты правителей первой половины V в. – отца и сына Варахрана V (420–438) и Йездигерда II (438–457). Здесь крупный нишан всегда представлен перед лицом повернутого в профиль шаханшаха, и каждый из них использовал по 2–3 разных знака (рис. 9.5–9.7), один из которых принадлежал более ранним государям². О традиции использования знаков предшественников уже говорилось. У Варахрана II видим как знак шаханшаха преж-

него столетия – Шапура II (см. выше), так и 2 других новых знака (рис. 9.5–9.6; 11, 11.a-b). Последний был затем использован на монетах его сына Йездигерда II, превратившись в своеобразный семейный символ (однако тип на рис. 11, 12b отличается от исходного отцовского отсутствием точки вверху) (рис. 11, 12: a – www.vcoins.com, no. 1506344; b – www.vcoins.com, no. 1532876), наряду с его собственным знаком (рис. 11, 12)³. К сожалению, другие царские знаки конца IV – первой половины VII вв. сегодня хотя и известны, но пока не могут быть идентифицированы с конкретными шаханшахами.

Знаки на печатях и керамических плитках облицовки дворцов могут быть признаны царскими потому, что они обводились снизу парой крыльев, имитируя поздние (после 457 г.) короны шаханшахов⁴. Другой признак царского статуса владельцев – обведение знака снизу 2 стилизованными рогами изобилия – атрибутом греко-римской Тюхе (на рис. 11, знак № 9 из Британского Музея обведён снизу парой крыльев и парой рогов изобилия; № 17 из Метрополитен Музея подчеркнут только рогами изобилия). Надёжный признак царственного положения – изображение на головном уборе основного персонажа на золочёных серебряных блюдах (их обычно дарил своим приближённым государь, и изображался в случае «реалистического» сюжета именно он). Так, вероятно, V в. датируется блюдо со сценой охоты шаханшаха на пару медведей, найденное в Красной Поляне на окраине г. Сочи: здесь нишан представлен на тиаре (рис. 10.7) [22, pl. 9].

³ Этот собственный знак Йездигерда II, как и знаки ряда других сасанидских государей (см. выше), имеет более раннюю сарматскую аналогию [3, рис. 4, № 1, подвеска рубежа н. э. из Нижнего Джуджата].

⁴ Первая крылатая корона появилась у Пероза (457–484), и она ещё имела надо лбом характерный для ранних корон мягкий шаровидный нависающий выступ. «Классические» крылатые короны (со звездой и полумесяцем по верхнему краю) использовались, начиная с Хормизда IV (579–590) и до конца династии [11, pl. IV–VI].

¹ Был на сайте CoinArchives – базе данных монет, представленных на нумизматических аукционах. В настоящий момент можно найти по ссылке: <https://clck.ru/ZQfWg> (дата обращения: 18.12.2021).

² Явные тамги изображены в это время справа от лица правителя и на монетах гуннских владык (Тобазини и др.) на северо-восточных границах империи, копирующих типы монет сасанидских.

Рис. 9 / Fig. 9. Персональные знаки сасанидских царей (шаханшахов) на серебряных и бронзовых монетах / The personal signs of Sasanian kings (shahanshahs) on the silver and bronze coins

Источники: 1 – CNIG : [сайт]. <https://clck.ru/ZQgFW>; 2 – фотоархив автора; 3 – [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/ZQgGy>; 4 – фотоархив автора; 5 – [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/ZQgJM>; 6 – [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/ZQgLZ>; 7 – Pashiz Coins : [сайт]. URL: <https://clck.ru/ZQgRt> (дата обращения: 18.12.2021)

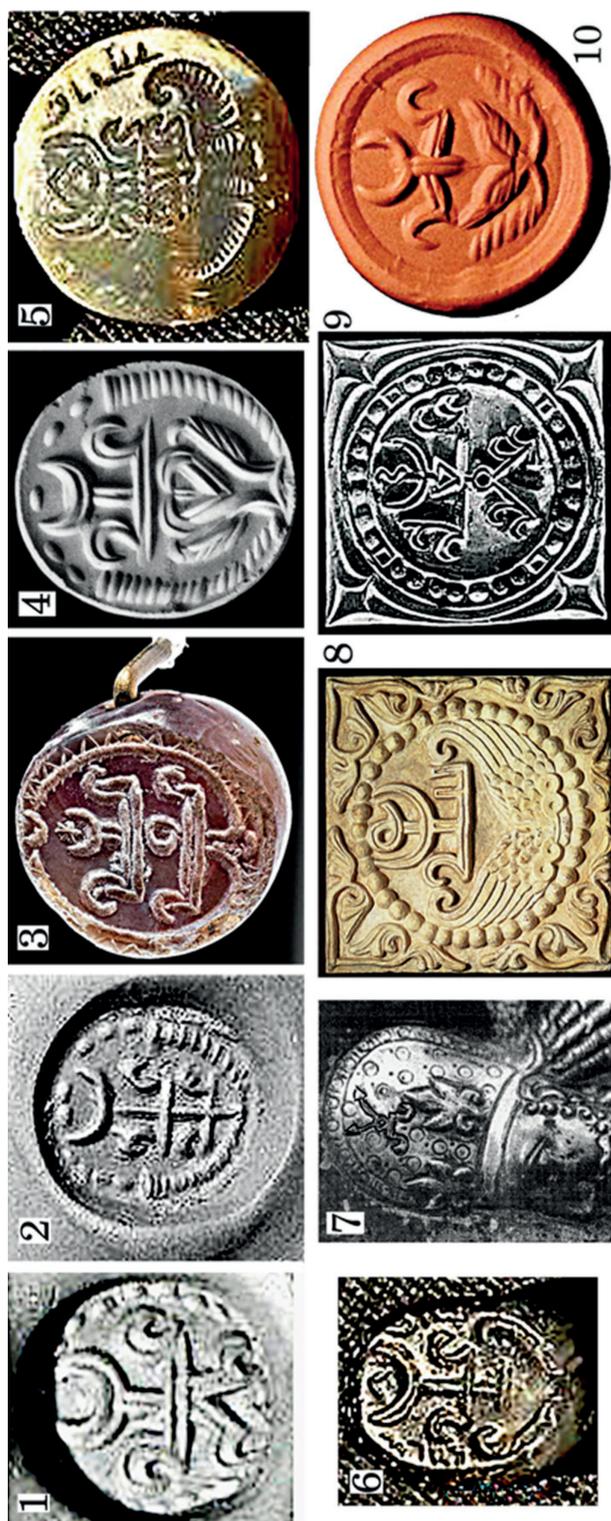

Рис. 10 / Fig. 10. Царские знаки Сасанидов на печатях, керамической плитке облицовки дворцов и серебряных блюдах / The kings' signs of Sasanians on seals, palace ceramic tiles and silver dishes.

Источники: 1-2 – Metropolitan Museum; 3 – www.invaluable.com : [сайт];
4 – British Museum; 5-6 – фотоархив автора;

7 – блюдо из Красной Поляны [22, р. 9];

8 – Кресифон, Берлин, Государственные Музеи Берлина [10, Abb. 23];

9 – Ренн Museum [28, fig. 28, 3]; 10 – фотоархив автора

Пока подобных типов нишан известно мало, а археологический контекст их находок часто неизвестен. В целом, исходя из приведённых выше соображений, 22 знака-нишан можно считать царскими. Связать с конкретными государями пока можно лишь 9 из них (рис. 11). Не идентифицированные знаки на рис. 11 размещены по степени близости их форм (в весьма условном порядке их усложнения в каждой группе). Исследователи глиптики пока сходятся лишь на том, что знаки с «сердечком» в основании (№ 8–10) датируются еще IV в. и частью V в. (т. е., по нашим данным, «не заняты» 380–420 гг.) [9, NJ, 1-2; 10, no. 71; 23, no. 1062]. Нетрудно заметить, что знаки

после 380 г. объединяются в группы по наличию общих элементов их структуры: нишан с «сердечком» в нижней части (№ 8–10), с основанием в виде перевернутого вверх ногами «Т» (№ 11–12, 19), с ромбом в центре (№ 13–14), с основанием в виде «П» с отогнутыми наружу дугами по краям (№ 16–18), со «стилизованным цветочным бутонем» по верхнему краю (№ 18–20), с выступом внизу, на котором есть 2 сближенных друг с другом параллельных зубца (№ 20–21 на керамических плитках облицовки VI в.). Однако в какую именно сторону шло изменение таких сходных знаков в конкретных семействах клана Сасанидов, мы не знаем.

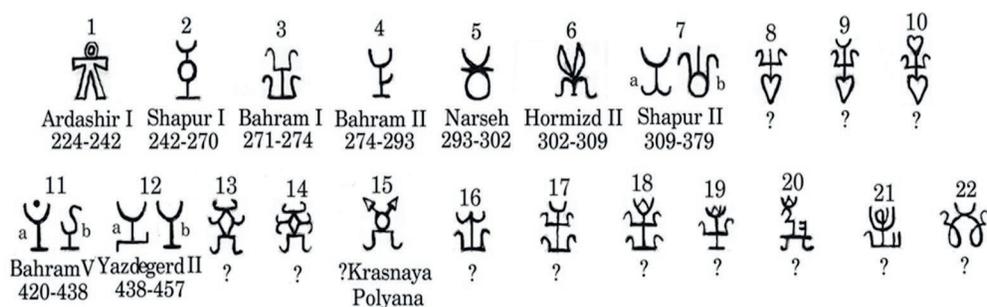

Рис. 11 / Fig. 11. Знаки наследников престола и царей (шаханшахов) сасанидского Ирана по данным автора / The signs of the crown-princes and kings (shahanshahs) of the Sasanian Iran according to the author's data

Источник: 8 – Fitzwilliam Museum [23, no. 1062]; 9 – Metropolitan Museum [9, NJ, 1–2];

10 – British Museum, no. 119979; 13 – Fitzwilliam Museum [23, no. 471];

14 – British Museum [9, ND, 7]; 16 – [10, p. 125, no. 165]; 17 – British Museum;

18 – фотоархив автора; 19 – Тахт-и Сулейман [10, Abb. 77]; 22 – Fitzwilliam Museum [23, no. 472]

При этом можно сделать ряд наблюдений в связи со сходством и некой преемственностью более ранних и более поздних знаков царей. Так, после воцарения Шапур II использует нишан, типологически близкий знаку его деда Нарсе (а не отца – Хормизда II, вернувшего знак удалённого от двора Картира) и его тезки Шапура I (в основе их всех лежат центральный круг и дуги) (рис. 11, № 2, 5, 7). Знаки V в. № 13–15 (рис. 11) в нижней части имеют П-образную форму с дугами на концах, как в предыдущем

столетии – нишан Хормизда II. Нижняя часть знака Варахрана I встречается вновь спустя долгое время на знаках № 16–18. Нижняя часть нишан на монете Варахрана II (перевернутая «вверх ногами» буква Т) много позже (в первой половине V в.) будет встречена на монете его тезки Варахрана V, а затем – его сына Йездигерда II и на более позднем знаке № 19. В отличие от ранних государей нишан поздних шаханшахов подчас неоднократно встречены на печатях или буллах (№ 9 [23, no. 1062, 1-2], № 17 [9,

NI, 8; 36, no. 164] и № 18 (www.ebay.com)). У них было много родственников среди светской знати и высшего жречества, и это давало много вариантов от неких исходных форм (отражённых, прежде всего на печатях). Некую особую роль играет в истории нишан сасанидской знати неизвестный государь, который использовал ранний знак Варахрана I (рис. 11, №3), но уже как государь, обрамляя его на печати двойными крыльями государевой короны (что документируется не ранее 457 г.: см. прим. 9) (рис. 10.10). Вельможи, его родственники, с тем же нишан изображены погрудно в профиль с тиарах на серии печатей высокого художественного уровня из Музея Метрополитен (бывш. коллекция W. H. Moore, см. www.pinterest.com) и с 2 крупных аукционов (www.ebay.com и www.vcoins.com, no. 1532286). С этим исходным нишан, видимо, связаны 3 родственных царских знака (рис. 11, №17–19).

Сложносоставные поздние знаки элиты

Названные *поздние знаки* – обычно более сложные, чем у предшественников (это касается не только царских персон, но и высокопоставленных чиновников и жрецов позднего периода). Это усложнение и явное структурное сходство небольших серий разных знаков – *результат относительного «перепроизводства элиты»*, когда появилось много новых форм (в т. ч. у родственных семей), и их требовалось отличать друг от друга. Не исключена в это время и *престижность* сложных форм, своеобразная мода на усложнённость нишан. Такие суперсложные знаки обычно явно состоят из 3 простых элементов; они часто имеют точные аналогии у других иранских народов к северу от Сасанидской державы (рис. 12, I–VI). Учитывая то, что известно по историческим и этнографическим данным, наиболее вероятным кажется такое объяснение: *эти знаки обычно формировались на основе соединённых под разными*

углами семейных знаков отца и матери и небольшого собственного добавления. Во всяком случае, другие объяснения пока выглядят маловероятными. Кроме печатей, такие сверхсложные знаки размещали на облицовочных плитках царских резиденций в столице Империи – Ктесифоне и иногда – во дворцах у святых мест (священный огонь Адур Гуштасп в Тахт-и Сулейман) (рис. 11, № 19–21). Интересен особый случай с подобным дворцом у юго-восточного угла Каспийского моря, в провинциальном Дангдане [28, taf. 88, 3] (рис. 10.9). Здесь создал небольшое и эфемерное царство (около 5 лет) принц Бестам – дядя знаменитого Хосрова II (591–628), не признавший власть последнего¹.

Скопления знаков на одном объекте

Неоднократно на материале разных частей Сарматии и доисламской Центральной Азии рассматривались скопления («энциклопедии» по В. С. Драчуку) знаков одной культуры на конкретных объектах, в т. ч. портативных, изучались их композиции, символика и характер использования [4, с. 61–81, рис. 9–13; 20–26; 33–34; 5, с. 152–153, 176, 86, 193, 201, 238 и др.]. В империи Сасанидов также бытовали особые печати с 4–5 разными знаками, размещенными в 1–2 ряда. Одно из скоплений представлено на практически квадратной глиняной печати из западного спутника сасанидской столицы – г. Вех Арташир [30, fig. 4, 6–7] (рис. 12, VII), другое, из неизвестного пункта, – на круглой свинцовой двусторонней печати (на противоположной стороне которой изображён идущий медведь) (рис. 12, VIII)².

¹ А. Д. Н. Бивар склонен считать близкие этому знаки относящимися в основном к IV, отчасти к V вв. [9, pl. 28, NE, 1-3; NG, 9; NH, 4-8, 10].

² Ср. пример сарматского парадного меча с золотым декором около середины I в. н. э. из Рошава-Драганы, где ряд разных тамг также вписан в круглую форму: [6, с. 79–80, рис. 26с]. У северо-восточного соседа Сасанидского Ирана – в «кочевой империи» Кангюй в III – первой половине IV вв. известны случаи нанесения нескольких штампов с тамгами на одном изделии (парадных лощёных флягах до их обжига из крепости

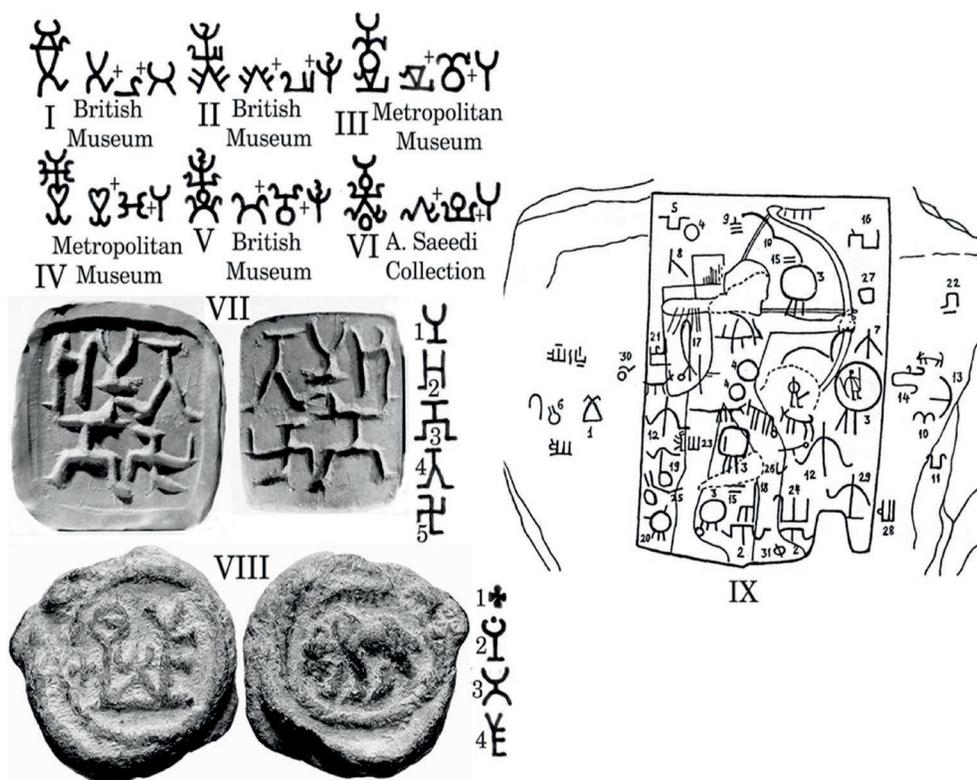

Рис. 12 / Fig. 12. Механизм образования супер-сложных знаков аристократии из трёх компонентов (I–VI), скопления 4–5 нишан на печатях (VII–VIII) и изображения на рельефе в Кире (IX) / The mechanism of the super-complex signs formation from three components (I–VI), the accumulations of 4–5 nishans on the seals (VII–VIII) and the images on the relief in Qir

Источник: I – British Museum; II – [9, NF, 2];

III – [10, p. 130, no. 116]; IV – [10, p. 127, no. 80];

V – [9, NG, 9]; VI – [22, VC, 17]; VII – г. Вех-Арташир [30, fig. 4];

VIII – [Электронный ресурс] URL: <https://clck.ru/ZQgrq> (дата обращения: 18.12.2021);

IX – [4, fig. 33, e].

На образце из Вех Арташира (С3791) размером 5,5×6,0 см из слоя 1 (IV – первая половина V в.) из раскопок итальянской экспедиции Центра археологических исследований и раскопок для Ближнего Востока и Азии в г. Турин видим размещённые в 2 ряда грубовато прорезанные 5 простых знаков, не имеющих аналогов у сасанидской знати. Эта дешёвая и не-

затейливая по исполнению печать принадлежала кому-то из низшей администрации или же носила символический характер (визуально отражая союз или родство 5 семейств).

Куда более интересна для нас вторая, свинцовая двусторонняя, круглая печать. Судя по типу некоторых знаков, мы явно имеем дело с представителями знати. Четыре эмблемы расположены в ряд весьма необычно: 3 из них (более крупных) соединены общей линией по нижнему краю, а самый маленький знак слева как бы висит в стороне самостоятельно. Последний малый знак 1 в виде 4-лепестковой

Бока-тобе) в ряд или же в форме треугольника вокруг зооморфного изображения. Однако эти штемпели были явно не обычными печатями, а миниатюрными железными клеймами с длинной ручкой для таврения породного скота [1, с. 163, рис. 6–10].

розетки иногда встречается перед лицом шаханшаха на монетах небольших номиналов; собственно к нишан он, видимо, не относится. Знак 2 намного интереснее: *это 1 из 2 знаков Варахрана V (420–438) (рис. 9, 6; 11, 11a). Следующий знак 3 пока не имеет точных аналогов в Сасанидской империи, но популярен у знати иранского мира; эмблема, являющаяся его усложнённой версией (с добавленным в центре популярным у сасанидской аристократии элементом многих нишан в виде опрокинутой «П» с дугами на концах), известна на одной из печатей в Британском Музее и датируется также V в. [9, NG, 10]. Необычный по форме знак 4 не имеет близких аналогий. Итак, мы видим соединённые по нижнему краю 3 знака аристократов, причём на левом краю ряд находится знак шаханшаха. Можно предполагать, что у Сасанидов в таком ряду слева подчас размещался более значимый нишан (вспомним, что на монетах, где представлены 2 основателя династии, знак первого государя находится слева, а его сына – правее (рис. 5)).*

Мы имеем также серию сасанидских (см. выше) довольно простых знаков рядового населения на отдельном камне с парфянским рельефом со стоящим лучником в *Кире* (Фарс), представляющую не менее 35 типов [6, рис. 33e] (рис. 12, IX). Это скопление нишан вполне внятно организовано в пространстве: знаки более размещены в нижней части прямоугольной рамки старого рельефа, а вне её справа и слева – по 7 знаков (священное число). В середине высоты рельефа небрежно процарапаны в ряд синхронные, видимо, изображения мужчины с 2 копиями (?) и 2 стоящих левее лошади (?). Среди знаков много родственных, идентичных или близких (в форме кругов, иногда с 3 или 5 боковыми лучами, имеющих в основе «Ш», «Т» и «П»). Возможно, все или большинство знаков были нанесены одновременно в ходе некой акции, и нишан нигде не перекрывают друг друга. Знаки в виде круга с 3 находящими-

ся рядом лучами явно здесь имеют особый статус, а 4 таких знака имеют более крупный, чем большинство, размер. Они были очень популярны и среди мастеров-каментотёсов в позднесасанидском Дербенте [16, no. 239, 241, 470, 474–475, 485, 490, 500]. Столь же важна была серия крупных знаков типов 12 и 29 в виде дуги углами вниз с дугообразными выступами на концах, которая посередине пересекалась более длинной вертикальной линией; этот знак тоже использовался в Дербенте [16, no. 243].

Отчасти выяснены закономерности размещения знаков мастеров-каментотёсов (как персов, так и местных жителей, связанных с зороастризмом) на стенах крепости Дербент. Для таких знаков характерна концентрация на немногих башнях и стенах рядом с ними, а также у некоторых из городских ворот¹.

Заключение

Итак, были рассмотрены нормы функционирования знаков-нишан сасанидской знати с учётом принципов их размещения, графической близости, хронологии и её специфики, степени родства персонажей и на фоне других иранских народов.

С одной стороны, мы обнаруживаем немало черт знаковой системы нишан, роднящих её с аналогичными системами иранского мира. С другой стороны, налицо и *яркая специфика употребления этих меток идентичности сасанидской знати*: прокламирование первыми 3 государями своего знака лишь в бытность наследником престола; рост популярности (видимо, к V в.) сложных, трёхкомпонентных знаков; наличие знаков действующего шаханшаха только на серебряных (после 274 г.), а затем на медных монетах

¹ Так, на северной городской стене из 45 башен заметное количество знаков концентрируется лишь у 7 (31, 40, 44, 50, 55, 57, 59), на южной стене – у 2-х ворот, а в цитадели (Нарын-кала) – из 8 башен южной стороны только у башен 2 и 7 [15, fig. 2; 16, Abb. 1–3].

(после 309 г.) при прокламировании в основной монетной чеканке, прежде всего, типов корон государей и ряда сакральных символов; популярность декларирования нишан первых 2 влиятельных лидеров зарострийского духовенства (Тансара и Картира); использование как личных (будущий Шапур I), так и семейных (будущий Хормизд I) знаков; прокламирование на монетах наследников в течение более 10 лет вначале знака основателя династии (после 271 г.), а затем обоих первых шаханшахов (после 274 г.) как своеобразных символов Сасанидской империи.

Некоторые другие наблюдения также представляются весьма важными:

1) по разным источникам установлена последовательность знаков 9 будущих и после 271 г. правивших сасанидских шаханшахов, а также возможная логика эволюции других знаков семей внутри правившего клана Сасанидов (рис. 11)¹. Особенно значимо то, что мы имеем сведения по первым 7 долго правившим государям;

2) существенную роль в изменении практики использования знаков наследников престола и прежних шаханшахов сыграли в последней четверти III в. Вархран I и его сын Варахан II. Они не только ввели в практику декларирование знаков 2 государей-основателей, но и, видимо, отменили традицию их использования своих нишан только в бытность наследником престола. Варахан II вместо этого начинает изображать на монетах свой собственный знак (эта традиция продлилась до середины V в., до Йездигерда II). Вскоре Шапур II использует уже 2 своих оригинальных знака (один из которых употребляли другие правители), кроме нишан основателей;

3) сделан ряд наблюдений относительно причудливой смены типов знаков правивших в Сасанидской империи государей. Однако в целом эта логика от нас пока скрыта;

4) при первых Сасанидах нашли место при дворе представители семей древних царских кланов Фратараков в Фарсе – на родине Сасанидов, что явствует из деталей одного из скальных рельефов Шапура I;

5) явную близость (наличие серии идентичных форм) имеет часть царских знаков и тамг непосредственно предшествовавшей Сасанидам сарматской кочевой знати I–II вв. к северу от Кавказского хребта. Суть подобной идентичности форм остаётся неясной, но сводить её лишь к некому «общему фонду древних знаков иранских народов» вряд ли стоит;

6) рассмотрение серии из нескольких знаков-нишан на небольших предметах (печатах) впервые показало некоторые особенности их размещения.

В целом «сверхсложные» (*предположительно, трёхкомпонентные*) знаки элиты датируются, на наш взгляд, поздним периодом Сасанидской династии. Такой вывод кажется логичным: ведь эти знаки, как уже отмечалось, представляют собой соединение 3 разных более простых форм, и для их образования требовалось известное время, развитие форм семейных и личных знаков. В женской субкультуре семейные/личные нишан крайне редко прокламировались публично. Однако мы имеем и серию печатей знатных женщин и, как минимум, одна печать влиятельной дамы с нишаном у её фигуры (она изображена с сыном-подростком, стоя в лодке: www.ebay.ca, 284391590676). Возможно, знаками могли пользоваться, в первую очередь, единичные правительницы страны и богатые вдовы, воспитывавшие сыновей-наследников.

Дата поступления в редакцию 18.09.2021

¹ Сасаниды были на престоле практически весь период между 224 и 651 г. Лишь между 590 и 630 г. мятежники из клана Михрана – Бахарам Чубин и Шахбазаз – правили оба считанные месяцы. Исключение – представитель клана Испахбудана – Нистахм, воцарившийся на целых пять лет (591–595).

ЛИТЕРАТУРА

1. Археология и история Кангюйского государства / С. А. Яценко, А. К. Авизова, А. И. Торгоев, А. Саипов, А. В. Кулиш, Е. П. Китов, А. Е. Рогожинский и др. Шымкент: Элэм, 2020. 288 с.
2. Дашков С. Б. Цари царей – Сасаниды. Иран III–VII вв. в легендах, исторических хрониках и современных исследованиях. М.: СМИА-АЗИЯ, 2008. 352 с.
3. Кошеленко Г. А. Родина парфян. М.: Советский художник, 1977. 176 с.
4. Луконин В. Г. Иран в эпоху первых Сасанидов. Очерки истории и культуры. Л.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 1961. 116 с.
5. Тамги доисламской Центральной Азии / С. А. Яценко, А. Е. Рогожинский, Е. А. Смагулов, К. Ш. Табалдыев, С. Р. Баратов, Дж. Я. Ильясов, Г. Б. Бабаяров. Самарканд, 2019. 452 p.
6. Яценко С. А. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М.: Восточная литература, 2001. 190 с.
7. Яценко С. А. Использование сарматских тамг западными и северными соседями сарматов в I–IV вв. н. э. // Археологическое наследие. 2020. № 1 (3). С. 409–420.
8. Alram M., Gyselen R. *Sylloge Nummorum Sasanidarum. Band I. Ardashir I – Shapur I*. Vienna: Verl. der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2003. 404 p.
9. Bivar A. D. N. Catalogue of the Western Asiatic Seals in the British Museum. Stamp Seals II: The Sasanian Dynasty. London: British Museum, 1969. 147 p.
10. Brunner C. J. Sasanian Stamp Seals in the Metropolitan Museum of Art. New York: Metropolitan Museum of Art, 1978. 150 p.
11. Chegini N. N., Nikitin A. B. Sasanian coins // History of civilizations of Central Asia. Vol. III. Paris: UNESCO Publ., 1996. P. 49–56.
12. Curtis V. S. Royal and Religious symbols on early Sasanian coins // Current Research in Sasanian Archaeology, Art and History. Oxford: Archaeopress, 2008. P. 137–147.
13. Fukai S., Horiuchi K. Taq-i Bustan. Vol. III. Tokyo: Institute of Oriental Culture, 1983. 17 p.
14. Fukai S., Horiuchi K. Taq-i Bustan. Vol. IV. Tokyo: Institute of Oriental Culture, 1984. 160 p.
15. Gadjiev M. S. On the interpretation of Derbent's Mason Marks. In: Traditional Marking Systems: A Preliminary Survey. London, Dover: Dunkling Books, 2010. P. 181–212.
16. Gadhiiev M. S., Kudrjavcev A. A. Steinmetzzeichen des 6. Jahrhunderts n. Chr. in Daruband // Archdologishce mittlungen aus Iran und Turan. 2001. Vol. 3. P. 357–390.
17. Ghirshman R. Iran. Parthes et Sassanides. Paris: Gallimard, 1962. 406 p.
18. Göbl R. Sasanian Numismatics. Braunschweig: Klinkhardt & Biermann, 1971. 97 p.
19. Gyselen R. Catalogue des sceaux, camees et bulles sassanides de la Bibliothèque Nationale et du Musée du Louvre. Vol. I. Collection Generale. Paris: Bibliothèque Nationale, 1993. 239 p.
20. Gyselen R. Les Sceaux des Mages de l'Iran Sassanide // Au Carre four des Religions. Mélanges offerts à Philippe Gignoux. Bures-sur-Yvette: Res Orientales, 1995. P. 121–150.
21. Gyselen R. Sasanian Seals and Sealings in the A. Saedi Collection (Acta Iranica, Vol. 44). Louven: Peeters Publishers, 2007. 408 p.
22. Harper P. O., Meyers P. Silver Vessels of the Sasanian Period. Vol. 1: Royal Imagery. New York: Metropolitan Museum of Art, 1981. 256 p.
23. Henig M. Classical Gems, Ancient and Modern Intaglios and Cameos in Fitzwilliam Museum, Cambridge. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 538 p.
24. Herrmann J., Mackenzie D. N., Howell R. The Sasanian Rock Reliefs in Bishapur. Part 3. Berlin: D. Reimer, 1983. 71 p.
25. Herrmann J., Mackenzie D. N., Howell R. The Sasanian Rock Reliefs in Naqsh-i Rostam. Berlin: D. Reimer, 1989. 72 p.
26. Hill G. F. Catalogue of the Greek Coins of Arabia, Mesopotamia and Persia. Bologna: Formi, 1965. 360 p.
27. Huff D. Das Felsreliefs von Qir // Archdologishce Mittlungen aus Iran. 1984. Vol. 17. P. 225–236.
28. Kröger J. Sasanidische Stuckdekor. Mainz am Rhein: Verl. P. von Zabern, 1982. 295 p.
29. Monassero N. On some marks engraved on seals from Veh-Ardashir (Coche-Iraq) // *Le Archeologie di Marilli. Miscellanea di studi in ricordo di Maria Maddalena Negro Ponzi Mancini*. Alessandria: Edizioni dell'Orso, 2018. P. 85–104.
30. Muscarella O. W. Bronze and Iron Ancient Near Eastern Artifacts in the Metropolitan Museum of Art. New York: Metropolitan Museum of Art, 1988. 502 p.

31. Nazmjoo A. R. Persepolis. Monuments historiques du Fars. Pasargadae, Naqch-e Rostam et Naqsh-e Radjab. Teheran: Yassavoli, 2004. 132 p.
32. Ritter N. On the development of Sasanian seals and sealing practice: A Mesopotamian Approach // *Seals and Sealing Practices in the Near East*. Leiden: Brill, 2012. P. 99–114.
33. Romans and Barbarians. Boston: Museum of Fine Arts, 1977. 256 p.
34. Schindel N. Sasanian coinage // *Encyclopædia Iranica* : [сайт]. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/sasanian-coinage> (дата обращения: 02.11.2021).
35. Sellwood D. An Introduction to the Coinage of Parthia. London: Spink & Son, 1971. 315 p.
36. Splendeur des Sassanides. L'empire entre Rome et la Chine / cord. B. Overlaet. Bruxelles: Musees royaux d'Art et d'Histoire, 1993. 310 p.
37. Sasanian coins. A sylloge of the Sasanian Coins in the National Museum of Iran, Tehran. Vol. 1. Ardashir I – Hormizd IV / V. S. Curtis, M. E. Askari, E. J. Pendelton, R. Hodges, A-A. Safi. London: Institute of Persian Studies, 2010. 113 p.
38. Tanabe K. Identification of the King of Kings in the Upper Register of the Large Grotto, Taq-I Bustan // *Eran ud Aneran. Studies Presented to Boris Ilich Marshak on the Occasion of his 70th Birthday*. Venice: Cafescarina, 2003. P. 583–602.
39. Vanden Berghe L. Reliefs rupestres de l'Iran Ancien. Bruxelles: Musees Royaux d'art et d'histoire, 1984. 208 p.
40. Vanden Berghe L., Schippmann K. Les reliefs rupestres d'Elymaide (Iran) de l'époque parthe. Gand: Peeters Publishers, 1985. 175 p.

REFERENCES

1. Yatsenko S. A., Avizova A. K., Torgoev A. I., Saipov A., Kulish A. V., Kitov E. P., Rogozhinsky A. E., et al. *Arkheologiya i istoriya Kanguyskogo gosudarstva* [Archeology and history of the Kanguy state]. Shymkent, World Publ., 2020. 288 p.
2. Dashkov S. B. *Tsari tsarey – Sasanidy. Iran III–VII vv. v legendakh, istoricheskikh khronikakh i sovremennykh issledovaniyakh* [Kings of Kings – Sassanids. III–VII centuries Iran in legends, historical chronicles and modern studies]. Moscow, SMI-AZIYA Publ., 2008. 352 p.
3. Koshelenko G. A. *Rodina parfyan* [Homeland of the Parthians]. Moscow, Sovetskii khudozhnik Publ., 1977. 176 p.
4. Lukonin V. G. *Iran v epokhu pervykh Sasanidov. Ocherki istorii i kultury* [Iran in the era of the first Sassanids. Essays on history and culture]. Leningrad, Izd-vo Gosudarstvennogo Ermitazha Publ., 1961. 116 p.
5. Yatsenko S. A., Rogozhinsky A. E., Smagulov E. A., Tabaldyev K. Sh., Baratov S. R., Ilyasov J. Ya., Babayarov G. B. *Tamgi doislamskoi T'Sentralnoi Azii* [Tamgas of pre-Islamic Central Asia]. Samarkand, 2019. 452 p.
6. Yatsenko S. A. *Znaki-tamgi iranoyazychnykh narodov drevnosti i rannego srednevekovya* [Signs-tamgas of the Iranian-speaking peoples of antiquity and the early Middle Ages]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2001. 190 p.
7. Yatsenko S. A. [The use of the Sarmatian tamgas by the western and northern neighbors of the Sarmatians in the 1st – 4th centuries AD]. In: *Arkheologicheskoe nasledie* [Archaeological heritage], 2020, no. 1 (3), pp. 409–420.
8. Alram M., Gyselen R. *Sylloge Nummorum Sasanidarum. Band I. Ardashir I – Shapur I*. Vienna, Verl. der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2003. 404 p.
9. Bivar A. D. N. Catalogue of the Western Asiatic Seals in the British Museum. Stamp Seals II: The Sasanian Dynasty. London, British Museum, 1969. 147 p.
10. Brunner C. J. *Sasanian Stamp Seals in the Metropolitan Museum of Art*. New York, Metropolitan Museum of Art, 1978. 150 p.
11. Chegini N. N., Nikitin A. B. Sasanian coins. In: *History of civilizations of Central Asia*. Vol. III. Paris, UNESCO Publ., 1996, pp. 49–56.
12. Curtis V. S. Royal and Religious symbols on early Sasanian coins. In: *Current Research in Sasanian Archaeology, Art and History*. Oxford, Archaeopress, 2008, pp. 137–147.
13. Fukai S., Horiuchi K. *Taq-i Bustan*. Vol. III. Tokyo, Institute of Oriental Culture, 1983. 17 p.
14. Fukai S., Horiuchi K. *Taq-i Bustan*. Vol. IV. Tokyo, Institute of Oriental Culture, 1984. 160 p.

15. Gadjiev M. S. On the interpretation of Derbent's Mason Marks. In: *Traditional Marking Systems: A Preliminary Survey*. London, Dover, Dunkling Books, 2010, pp. 181–212.
16. Gadhiiev M. S., Kudrjavcev A. A. Steinmetzzeichen des 6. Jahrhunderts n. Chr. in Daruband. In: *Archäologischce mittlungen aus Iran und Turan*, 2001, vol. 3, pp. 357–390.
17. Ghirshman R. *Iran. Parthes et Sassanides*. Paris, Gallimard, 1962. 406 p.
18. Göbl R. *Sasanian Numismatics*. Braunschweig, Klinkhardt & Biermann, 1971. 97 p.
19. Gyselen R. *Catalogue des sceaux, camees et bulles sassanides de la Bibliothèque Nationale et du Musée du Louvre*. Vol. I. Collection Generale. Paris, Bibliothèque Nationale, 1993. 239 p.
20. Gyselen R. Les Sceaux des Mages de l'Iran Sassanide. In: *Au Carre four des Religions. Mélanges offerts à Philippe Gignoux*. Bures-sur-Yvette, Res Orientales, 1995, pp. 121–150.
21. Gyselen R. *Sasanian Seals and Sealings in the A. Saeeedi Collection* (Acta Iranica, Vol. 44). Louven, Peeters Publishers, 2007. 408 p.
22. Harper P. O., Meyers P. *Silver Vessels of the Sasanian Period*. Vol. 1: Royal Imagery. New York, Metropolitan Museum of Art, 1981. 256 p.
23. Henig M. *Classical Gems, Ancient and Modern Intaglios and Cameos in Fitzwilliam Museum, Cambridge*. Cambridge, Cambridge University Press, 1994. 538 p.
24. Herrmann J., Mackenzie D. N., Howell R. *The Sasanian Rock Reliefs in Bishapur*. Part 3. Berlin, D. Reimer, 1983. 71 p.
25. Herrmann J., Mackenzie D. N., Howell R. *The Sasanian Rock Reliefs in Naqsh-e Rostam*. Berlin, D. Reimer, 1989. 72 p.
26. Hill G. F. *Catalogue of the Greek Coins of Arabia, Mesopotamia and Persia*. Bologna, Formi, 1965. 360 p.
27. Huff D. Das Felsreliefs von Qir. In: *Archaologischce Mittlungen aus Iran*, 1984, vol. 17, pp. 225–236.
28. Kröger J. *Sasanidische Stuckdekor*. Mainz am Rhein, Verl. P. von Zabern, 1982. 295 p.
29. Monassero N. On some marks engraved on seals from Veh-Ardashir (Coche-Iraq). In: *Le Archeologie di Marilli. Miscellanea di studi in ricordo di Maria Maddalena Negro Ponzi Mancini*. Alessandria, Edizioni dell'Orso, 2018, pp. 85–104.
30. Muscarella O. W. *Bronze and Iron Ancient Near Eastern Artifacts in the Metropolitan Museum of Art*. New York, Metropolitan Museum of Art, 1988. 502 p.
31. Nazmjoo A. R. *Persepolis. Monuments historiques du Fars. Pasargadae, Naqch-e Rostam et Naqsh-e Radjab*. Teheran, Yassavoli, 2004. 132 p.
32. Ritter N. On the development of Sasanian seals and sealing practice: A Mesopotamian Approach. In: *Seals and Sealing Practices in the Near East*. Leiden, Brill, 2012, pp. 99–114.
33. *Romans and Barbarians*. Boston, Museum of Fine Arts, 1977. 256 p.
34. Schindel N. Sasanian coinage. Available at: URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/sasanian-coinage> (accessed: 02.11.2021).
35. Sellwood D. *An Introduction to the Coinage of Parthia*. London, Spink & Son, 1971. 315 p.
36. Overblaet B., cord. *Splendeur des Sassanides. L'epire entre Rome et la Chine*. Bruxelles, Musees royaux d' Art et d' Histoire, 1993. 310 p.
37. Curtis V. S., Askari M. E., Pendelton E. J., Hodges R., Safi A-A. *Sasanian coins. A sylloge of the Sasanian Coins in the National Museum of Iran, Tehran*. Vol. 1. Ardashir I – Hormizd IV London, Institute of Persian Studies, 2010. 113 p.
38. Tanabe K. Identification of the King of Kings in the Upper Register of the Large Grotto, Taq-I Bustan. In: *Eran ud Aneran. Studies Presented to Boris Ilich Marshak on the Occation of his 70th Birthday*. Venice, Cafescarina, 2003, pp. 583–602.
39. Vanden Berghe L. *Reliefs rupestres de l'Iran Ancien*. Bruxelles, Musees Royaux d'art et d'histoire, 1984. 208 p.
40. Vanden Berghe L., Schippmann K. *Les reliefs rupestres d'Elymaide (Iran) de l' epoque parthe*. Gand, Peeters Publishers, 1985. 175 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сергей Александрович Яценко – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и теории культуры Российского государственного гуманитарного университета;
e-mail: sergey_yatsenko@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey A. Yatsenko – Dr. Sci. (History), Prof., Department of History and Theory of Culture, Russian State University for the Humanities;
e-mail: sergey_yatsenko@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Яценко С. А. Знаки-нишан аристократии сасанидского Ирана // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 5. Циркумпонтика. Вып. III. С. 179–202
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-5-179-202

FOR CITATION

Yatsenko S. A. Nishan-signs of the aristocracy of Sasanian Iran. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2021, no. 5, Circumpontica, iss. III, pp. 179–202.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-5-179-202

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

УДК 902.2

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-5-203-215

ИССЛЕДОВАТЕЛЬ КАВКАЗСКИХ ДОЛЬМЕНОВ А. Ф. ЛЕЩЕНКО (1880–1954 ГГ.): К БИОГРАФИИ УЧЁНОГО

Ткачёв А. Н.

Кубанский государственный университет

350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Рассмотреть различные аспекты научной деятельности директора Кубанского областного научного музея Антона Фаддеевича Лещенко.

Процедура и методы. Проведён анализ архивных материалов и документов из фондов Краснодарского историко-археологического музея-заповедника им. Е. Д. Фелицына. При проведении исследования использовались сравнительно-исторический и проблемно-хронологический методы исследования процессов становления кубанской археологии.

Результаты. В статье сделана попытка собрать воедино разрозненные факты о жизни и творчестве учёного, который стоял у истоков кубанской археологии, был в числе первых исследователей дольменных памятников Западного Кавказа в послереволюционный период. Наряду с биографическими сведениями, в статье показаны итоги его научных исследований, а также впервые приводятся ранее не публиковавшиеся материалы экспедиций, в частности, экскурсии сотрудников Кубанского областного научного музея к дольменам Абинской долины в 1925 г. Результатом исследования стало выявление этапов научной деятельности А. Ф. Лещенко. Сделаны выводы о значимости проанализированных аспектов его научной деятельности в изучении памятников эпохи бронзы Кавказа.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в историю археологии Кавказа. Данная работа представляет несомненный интерес для исследователей бронзового века Кавказа, поскольку публикуется одна из первых археологических экспедиций по изучению дольменов после Октябрьской революции. Представленные в статье материалы могут быть использованы в курсах истории российской археологии и археологии Кавказа, а также при изучении отдельных аспектов эпохи бронзы Кавказа.

Ключевые слова: дольмены, бронзовый век, Кубанский научный музей, А. Ф. Лещенко, Кавказ, краеведение, репрессии

RESEARCHER OF THE CAUCASIAN DOLMENS A. F. LESHCHENKO (1880–1954): TO THE BIOGRAPHY OF THE SCIENTIST

A. Tkachev

Kuban State University

Stavropol ul. 149, Krasnodar 350040, Russian Federation

© CC BY Ткачёв А. Н., 2021.

Abstract

Aim. To consider various aspects of the scientific activity of the director of the Kuban Regional Scientific Museum Anton Faddeevich Leshchenko.

Methodology. The analysis of archival materials and documents from the funds of the Krasnodar Historical and Archaeological Museum-Reserve named after E. D. Felitsyn is carried out. During the research, comparative-historical and problem-chronological methods of studying the processes of formation of Kuban archeology were used.

Results. The article attempts to collect scattered facts about the life and work of a scientist who stood at the origins of Kuban archeology, was among the first researchers of dolmen monuments of the Western Caucasus in the post-revolutionary period. Along with biographical information, the article shows the results of his scientific research and presents for the first time previously unpublished materials from expeditions, in particular excursions by employees of the Kuban Regional Scientific Museum to dolmens of the Abina Valley in 1925. The result of the study was identification of the stages of scientific activity of A.F. Leshchenko. Conclusions were made about the significance of the analyzed aspects of his scientific activity in the study of monuments of the Bronze Age of the Caucasus.

Research implications. The results of the study contribute to the history of archeology of the Caucasus. This work is of undeniable interest to researchers of the Bronze Age of the Caucasus, since one of the first archaeological expeditions to study dolmen after the October Revolution is published. The materials presented in the article can be used in courses on the history of Russian archeology and archeology of the Caucasus, as well as in the study of certain aspects of the Bronze Age of the Caucasus.

Keywords: dolmens, the Bronze Age, Kuban Scientific Museum, A. F. Leshchenko, the Caucasus, local history, repression

Введение

Одним из первых исследователей археологических памятников Кубани в советский период был историк, директор Кубанского научного музея Антон Фаддеевич Лещенко. На сегодняшний день большинство работ, посвящённых деятельности А. Ф. Лещенко, обращены к его научным интересам в области этнографии, палеонтологии и музейной работы. Между тем огромный пласт его исследований в области археологии остаётся, к сожалению, вне поля зрения ученых.

А. Ф. Лещенко родился в 1880 г. в г. Жлобин Могилёвской губернии. В 1904 г. окончил историко-филологический институт в г. Нежине Черниговской губернии. Незадолго до революции Антон Фаддеевич переехал в Екатеринодар, где стал преподавать историю, латынь и географию в 1-й Екатеринодарской мужской гимназии им. В. С. Климova. После закрытия гимназии в августе 1920 г. был принят преподавателем в только что созданный Кубанский институт народного образования, который в 1922 г. был переименован в Кубанский государственный педагогический институт, где на гуманитарном факультете было организовано словесно-историческое отделение [1, с. 116]. А. Ф. Лещенко преподавал в пединституте исторические дисциплины до 1930 г. Педагогическая работа всегда занимала важное место в профессиональной деятельности Антона Фаддеевича и осуществлялась им параллельно с научными изысканиями.

Начало научной деятельности

На фоне общего подъёма краеведения в стране при Кубанском педагогическом институте 23 ноября 1924 г. было открыто Литературно-историческое и этнологическое

научное общество (ЛИЭТО), которое стало первым научным объединением любителей древностей. Согласно уставу целью общества являлись коллективное изучение и проработка вопросов литературы, языка, истории, археологии и этнологии. Общество состояло из 3 секций: литературной, этнологической и краеведческой (секции местной археологии и истории).

Антон Фаддеевич был одним из активных членов общества, являлся руководителем секции местной археологии и истории. Именно в рамках деятельности ЛИЭТО после революции стали проводиться первые археологические исследования Кубани. Члены ЛИЭТО (А. Ф. Лещенко, Н. А. Захаров, М. В. Покровский) с 1925 г. начинают систематическое изучение археологических памятников (в первый год пока в формате экскурсий и осмотров).

В первые 2 года работы на заседаниях общества было прочитано свыше 50 докладов и сообщений, из них: 15 – по истории, археологии и антропологии. Так, А. Ф. Лещенко были сделаны доклады: «Дольмены на Северном Кавказе», «Обследование Таманского полуострова в археологическом отношении летом 1925 г.» [4, с. 2].

В рамках ЛИЭТО А. Ф. Лещенко также вёл работы по истории колонизации Кубани и проводил совместно со школьниками и студентами обследования казачьих и крестьянских хозяйств (коммун, артелей, товариществ по совместной обработке земли и проч.) на предмет революционных преобразований в сельском хозяйстве [6, с. 78].

Помимо участия в ЛИЭТО, А. Ф. Лещенко также заведовал отделением народного образования Кубано-Черноморского архивного управления, являлся сотрудником секции археологии, антропологии и этнографии Северо-Кавказского бюро краеведения, а также членом археологической секции Северо-Кавказского краевого общества археологии, истории и этнографии, в которой

состояли такие известные исследователи древностей Северного Кавказа, как М. А. Миллер, А. Н. Дьячков-Тарасов, Г. Н. Прозрителев, Б. В. Лунин, С. Ф. Войцеховский, Н. А. Захаров, Г. Ф. Чайковский и др.

После установления в 1920 г. на Кубани советской власти местные музеи испытали многочисленные реорганизации и преобразования. Кубанский Войсковой этнографический и естественно-исторический музей, картинная галерея им. Ф. А. Коваленко и городской музей наглядных пособий были объединены в один Кубано-Черноморский областной музей. С 1924 г. он получил название Кубанского областного научного музея. В том же году музей возглавил А. Ф. Лещенко (рис. 1). Став директором музея, он достойно продолжил дело, начатое его предшественниками. Опыт и знания Антона Фаддеевича позволили внести много нового в жизнь музея: организовывались выставки, развивались связи с краеведческими организациями региона. С его приходом деятельность музея начала развиваться на качественно новом уровне. Была активизирована исследовательская работа, научно-просветительская, после революции возобновился сбор материалов о состоянии различных памятников археологии. Приоритетной задачей Кубанского научного музея как преемника Кубанского Войскового этнографического естественно-исторического музея также являлась работа по надзору, учёту состояния и охране кубанских памятников. Сам А. Ф. Лещенко участвовал в археологических раскопках, проводившихся центральными экспедициями А. С. Башкирова и А. А. Миллера.

Наиболее крупные работы А. Ф. Лещенко по археологии связаны с изучением дольменов. В июле 1925 г. при его непосредственном участии была организована экспедиция сотрудников музея в Абинскую долину, станицы Шапсутскую и Эриванскую, где были обследованы орнаментированные дольмены (рис. 2).

Рис. 1 / Fig. 1. Сотрудники Кубанского Областного научного музея в зале отдела археологии: сидит А. Ф. Лещенко, слева стоит сотрудник музея А. Г. Панюта / Employees of the Kuban Regional Scientific Museum in the hall of the Department of Archeology: A. F. Leshchenko is sitting, on the left is an employee of the museum A. G. Panyuta

Источник: Научный архив КГИАМЗ. Д. 178

О первых проведённых обследованиях мегалитических памятников после революции свидетельствует отчёт А. Ф. Лещенко, сохранившийся в фондах КГИАМЗ. Приведём его полностью, чтобы проиллюстрировать характер и задачи экспедиций тех лет.

«Маршрут экскурсии 12–15 июля 1925 г. в станицы Эриванскую и Шапсугскую, устроенной работниками Куб. Обл. Музея.

12/VII

6.55–9.46. От ст. Краснодар до ст. Абинская 70 вёрст (поездом). От станции Абинской до станицы (базар) прошли 2 версты по открытой местности.

10.20–13.10. От Абинской до хутора Эриванского (11 вёрст). Дорога на хутор тянется полями ст. Абинской, местами жалкая кустарниковая поросль, состоящая из летнего дуба, береста яблони, груши, татарского и полевого клена и

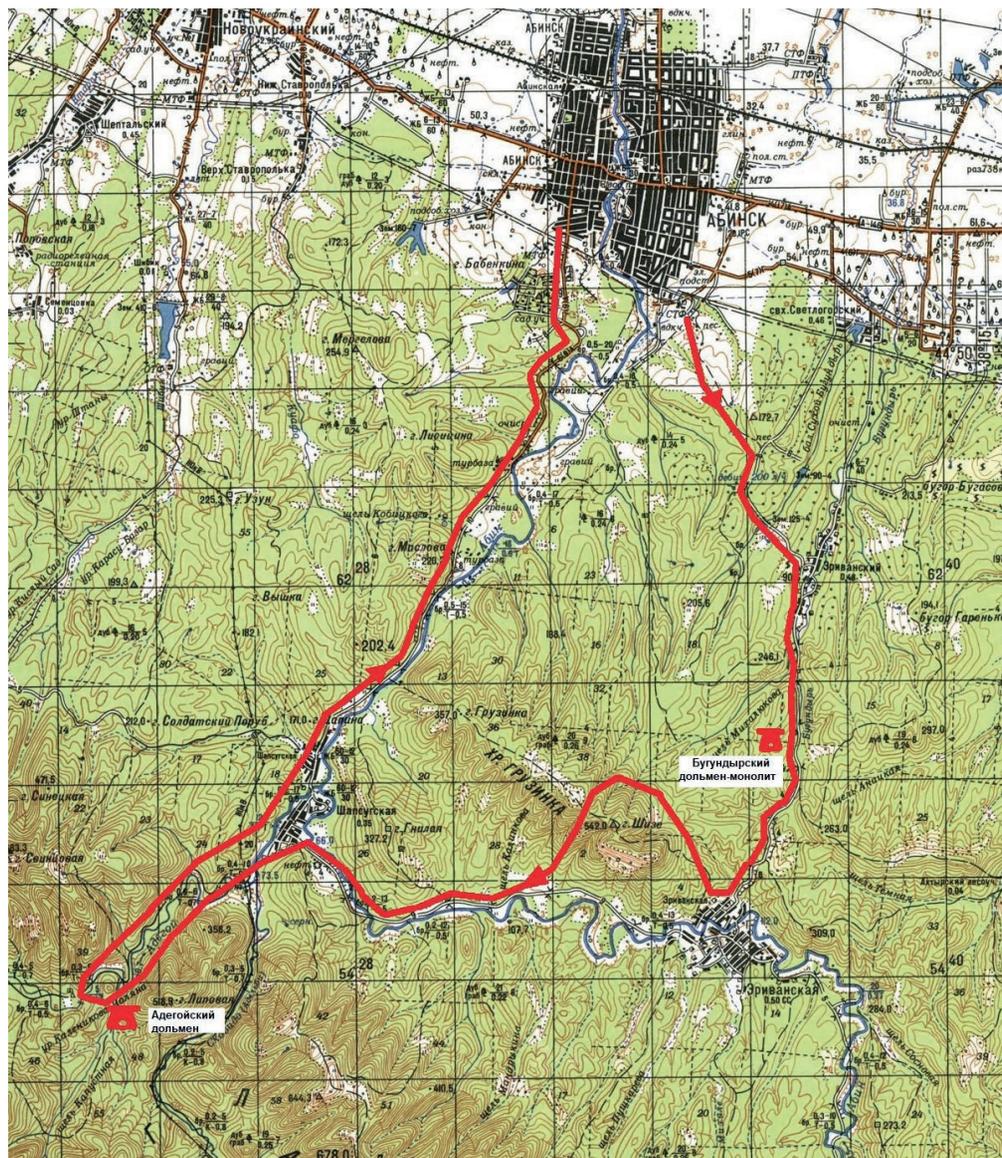

Рис. 2 / Fig. 2. Примерный маршрут экскурсии 12–15.07.1925 г. (составлен по описанию в отчёте) / Approximate route of the excursion 12–15.07.1925 (compiled according to the description in the report).

Источник: реконструкция автора

пр., обычных для предгорной полосы пород – остатки некогда покрывавших эту местность обширных вековых лесов. На юге синеют отчётливо горы: Шезе, Свинцовая, Собер-Баш, Папай и др.

15.25–16.45. От х. Эриванского до «поляны каменных хаток» (4 версты). За х. Эриванским местность принимает гор-

ный характер. Склоны гор и берега реки покрыты лесом тех же пород, что и на пути от Абинской. Лес дровяной, строевой и здесь истреблён. На «полявине» – 2 дольмена, оба вправо от дороги на Эриванскую и всего в нескольких саженях от неё. Первый из них сохранился недурно, другой – находившийся в 70 шагах южнее

первого в полуразрушенном виде – уничтожен почти окончательно одним из хуторян осенью 1922 г. (с целью изготовления из него катков).

17.00–17.15. От «полявины» до Бугундырского дольмена-монолита. Дольмен этот находится на хребтике, поднимающемся на левом берегу левого притока р. Большой Бугундырь – щели Сиротина, в начале ската к этой щели, саженей 200 к С-З от дороги в ст. Эриванскую (есть тропа, начинающаяся пред мостиком через щель Сиротина). Хорошо сохранился, как и предыдущие, описан (не совсем точно) В. М. Сысоевым (см. его работу «Археологическая экскурсия по Закубанью летом 1893 г.»).

18.15–19.15. От дольмена-монолита до ст. Эриванской (4 версты). В 2 в. за дольменом дорога переваливает из долины р. Б. Бугундырь в долину р. Абин. С перевала, поднимающегося до высоты 104 саж. над уровнем моря – красивый вид на г. Шезе и привольно раскинувшуюся вдоль р. Абин ст. Эриванскую, вдали лесистые вершины хр. Кецехур.

13/VII

9.15–10.45. От Эриванской до могильника на западном склоне г. Шезе (3 версты). Подъем на г. Шезе начат в 9.50 по тропе, что начинается немного западнее подъёма на перевал дороги на х. Эриванский. Могильник состоит из нескольких десятков довольно больших курганов, находящихся гл. обр. по левую сторону тропы, в лесу, нетронутых.

10.45–11.55. От могильника до «Станишной» горы. В 10 минутах за ним встречаются первые буки (сев. склон г. Шезе). В 3 версты от могильника тропа выходит на «первую полявину», от которой в 10 мин. ходьбы – вершина «Станишной» г. (под этим именем известна ю-в вершина г. Шезе, ближайшая к ст. Эриванской) с великолепным видом на станицу, долину р. Абин и хребет Кецехур. На г. Шезе, поднимающейся до 1770 футов абс. высоты и имеющей крутой мергелистый и су-

хой южный склон, нашли на этом последнем крайне любопытную, свойственную лишь прибрежным скалам Анапско-Геленджикского района, флору (кустарный жасмин, держи-дерево, сумах колючий и можжевельники).

12.45–15.05. От горы до пещеры в истоках Сибирияковой Щели (2 версты). Пещера эта находится на сев. склоне хр. Шезе, над истоками Сибирияковой Щели. Вследствие обвалов потолка исследовать её нет возможности, а потому вопрос – естественная ли она или искусственная – остаётся открытым. По дороге к ней в 10 м от первой полявины (от тропы в пещеру) – довольно хороший родник над вершиной Щели Сиротина; далее в 10 м от родника – полявина, находящаяся в седловине меж ю-в и с-з (т. н. «вышка») вершинами г. Шезе, и ещё далее – отличный родник «Штецин» (в вершине Михайлюковой Щели).

16.00–21.24. От пещеры до места ночлега (по дороге из ст. Эриванской в ст. Шапсугскую не доходя 4 вер. до ст. Шапсугской). От пещеры через «3-ю полявину» поднялись на западную оконечность «станичной горы» и отсюда спустились напрямик на дорогу из ст. Эриванской в ст. Шапсугскую с большим трудом преодолев обрывы на половине южного склона этой горы.

14/VII

3.37–3.52. От места ночлега до дольмена (1 верста). Находится этот дольмен в 10 шагах вправо от дороги из ст. Эриванской в ст. Шапсугскую, в густых зарослях, вследствие чего с дороги не видим. У начала тропы к дольмену стоит средней величины груша с натёсом-зарубиной. В 8 мин. от дольмена по дороге на ст. Шапсугскую – брод через р. Абин; переход затруднений не представляет (легко перейти по камням).

4.48–5.40. От дольмена до ст. Шапсугской (3 версты).

10.30–11.55. От ст. Шапсугской до Адегойского дольмена (3 версты). Адегойский дольмен находится в долине р. Адегой по

дороге из ст. Шапсугской в сел. Кабардинку, саж. в 50 вправо от 5 брода через р. Адегой, в лесу. Броды глубоки (необходимо разуваться), благодаря чему путь к дольмену довольно затруднителен и долг. Дольмен отлично сохранился и представляет собою (...), по имеющемуся на внутренней поверхности образующих преддверие плит первобытному орнаменту, огромный интерес. По дороге встречается местами редкое реликтовое дерево – тисс или красное дерево, а также впервые начинает попадаться типичный представитель крымско-новороссийской ботанической провинции – дуб пушистый.

(...) От Адегойского дольмена до могильника, что на р. Адегой против впадения в эту последнюю р. Схабеды (2 версты). В могильнике – свыше сотни дов. значительных курганов, в значительном количестве уже раскопанных тайком местным населением. У некоторых из этих курганов имелись каменные плиты с высеченными на них древними крестами, сохранившимися до настоящего времени в числе 4-х.

(...) От могильника до ст. Шапсугской (1 верста).

15.00–18.55. От ст. Шапсугской до ст. Абинской (17 верст). Перегон этот сделан лошаадьми по грунтовой (по речке) дороге, а не по шоссе, вследствие чего имеющиеся над шоссе между ст. Шапсугской и Абинской озеро (8 вер. от ст. Шапсугской, около 40 саж. в поперечнике, до 11 саж. глубиной) и выходы нефти (...вер. от ст. Абинской) остались неосмотренными¹.

Часть текста отчёта утрачена², однако в дальнейших публикациях А.Ф. Лещен-

ко отмечал, что в ходе экспедиции были обследованы орнаментированные дольмены и вывезена в Краснодарский музей единственная в СССР орнаментированная каменная «пробка» от Адегойского дольмена [7, с. 103; 8, с. 253]. В отчёте сохранились акварельные рисунки Адегойского дольмена (вид с порталльной стороны и вид сбоку) с указанием основных размеров (рис. 3). А. Ф. Лещенко отмечает в отчёте, что Бугундырский дольмен-монолит и Адегойский дольмен хорошо сохранились (о чём свидетельствуют акварельные рисунки последнего). К сожалению, сегодня они находятся в разрушенном состоянии (рис. 4–5).

В 1926 г. А. Ф. Лещенко вместе с членами ЛИЭТО В. Г. Способиным и И. Т. Черковым обследовал дольмен в 5 верстах от ст. Шапсугской в долине р. Адыгаго. Были сделаны фотографии дольмена и снят эстампаж с рисунков, начерченных на левой и правой приставных плитах, образующих глубокий навес перед дольменом. Лещенко отмечает, что эти рисунки имеют ближайшую аналогию с рисунками известных майкопских сосудов хеттского типа, найденных Н. И. Веселовским. Также был обследован и снят на план мегалитический некрополь (скопление дольменов) недалеко от Пшадды [7, с. 105].

По результатам исследований на страницах научных журналов и в сборниках краеведческих обществ А. Ф. Лещенко публиковал статьи. В 1925 г. в сборнике «Известия ОЛИКО» вышла его работа «О времени сооружения мегалитических памятников Северо-Западного Кавказа», где дано описание орнаментированных дольменов и их хронологическая интерпретация, сделан вывод о том, что на Северо-Западном Кавказе в эпоху расцвета мегалитической культуры II – начала I тыс. до н. э. создался очаг довольно высокой культуры под влиянием Древнего Востока³ [5, с. 93]. В 1931 г. в Киеве вышла

³ В настоящее время к культуре рубежа раннего и среднего бронзового века Западного Северного

¹ Маршрут экскурсии 12–15 июля 1925 г. в станицы Эриванскую и Шапсугскую работников Кубанского Областного Музея // Научный архив КГИАМЗ. Д. 159. Л. 1-3.

² По всей видимости, в конце 90-х гг. в отчёте ещё присутствовал ныне утраченный лист с описанием Адегойского дольмена. О наличии в отчёте его подробного описания пишет А. В. Пьянков в статье по истории археологического изучения Абинского района [11, с. 23].

Рис. 3 / Fig. 3. Акварельный рисунок Адегойского дольмена (Маршрут экскурсии 12–15 июля 1925 г. в станицы Эриванскую и Шапсугскую работников Кубанского областного музея) / Watercolor drawing of the Adegoy dolmen (The route of Kuban Region Museum staff members to the villages of Erivan and Shapsug. July 12–15, 1925).

Источник: Научный архив КГИАМЗ. Д. 159

Рис. 4. / Fig. 4. Адегойский дольмен. Современное состояние / Adegoy dolmen at present.

Источник: архив автора

Рис. 5. / Fig. 5. Бугундырский дольмен-монолит. Современное состояние / Bugundyr dolmen-monolith at present.

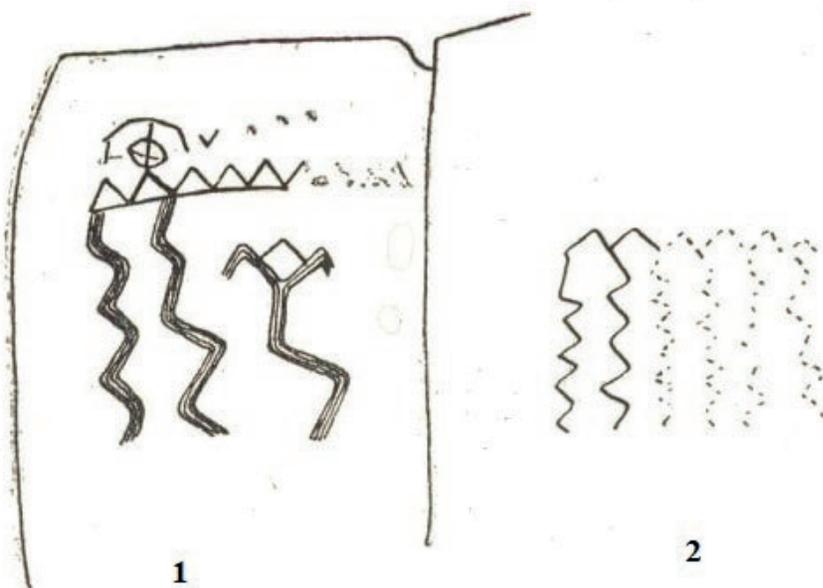
Источник: архив автора

его статья «Материалы к орнаментике дольменов на Северо-Западном Кавказе» на украинском языке, где приведены рисунки петроглифов Адегойского дольмена (рис. 6) и дано их описание [8]. На внутренней поверхности южной боковой плиты изображен ряд из 9 треугольников, 6 которых показаны сплошной линией, а последние 3 – точками (рис. 6.1). Обращает на себя внимание фигура – овал с крестом, расположенная над линией треугольников. Извилистые линии А. Ф. Лещенко сравнил с изображениями на сосудах из Майкопского кургана и выдвинул предположение, что на портале Адегойского дольмена изображена карта: волнистые линии изображают воду (что ха-

Кавказа относят только закрытые комплексы, связанные с подкурганными дольменами Новосободной и урочища Клады, происхождение которых ведут из Западной Европы из круга мегалитических культур, определяя их атрибуцию как «древнеевропейскую» [9, с. 5 и сл.; 10, с. 119, 124].

рактерно для узора керамики дольменной культуры) наиболее крупных рек Абин, Афипс, Псекупс и горных хребтов: Маркотхский, Кецехур и гора Папай (рис. 6.2).

В 1927–1928 гг. А. Ф. Лещенко была предпринята серия экспедиций в черкесские аулы, в ходе которых изучались материальная и духовная культура, свадебная и погребальная обрядность, обычаи, связанные с рождением ребёнка, обычаи профессиональных групп и др. [12, с. 196]. При этом Антон Фаддеевич не прекращал преподавательскую деятельность в пединституте. Согласно пятилетнему плану научно-исследовательской работы кафедры истории и археологии Краснодарского пединститута на 1929–1933 гг. А. Ф. Лещенко планировал проведение исследований и написание статей по следующим научным темам: «Казачья колонизация Кубани (конец XVIII – первая половина XIX в.)», «Происхождение

1 – рисунок на южной плите портала;
2 – рисунок на северной плите портала.

Рис. 6 / Fig. 6. Петроглифы Адегойского дольмена / Petroglyphs of the Adegoy dolmen [8, p. 249]

Источник: [8, с. 249]

ние черкесов», «История г. Краснодара», «Этнография и быт сельского населения Кубани», предполагавшие командировки в Москву, Тифлис и работу с архивными материалами¹.

Однако намеченным планам не суждено было осуществиться. Волна репрессий, обрушившихся на страну в конце 1920-х–1930-е гг., не миновала и музейную интеллигенцию. Печатаемая статьи на русском и украинском языках, А. Ф. Лещенко не избежал репрессий в связи с «разукраинизацией» Северного Кавказа, жертвами которой стали десятки кубанских литераторов и учёных, писавших на украинском языке. В 1930 г. он был уволен с поста заведующего музеем, а затем выслан за пределы края [2, с. 46].

¹ Пятилетний план научно-исследовательской работы КПИ на 1929–1933 учебные годы // Труды Кубанского педагогического института. Т. I (IV). Краснодар, 1930. С. 284–285.

Челябинский период

В начале Великой Отечественной войны А. Ф. Лещенко был эвакуирован в г. Челябинск. Здесь начался новый этап его творческой биографии, гораздо менее известный, чем предыдущий. О дальнейшей судьбе учёного стало известно только благодаря выходу в свет недавних работ [3]. Антон Фаддеевич продолжил преподавательскую деятельность на историческом факультете Челябинского педагогического института, где в 1942 г. был принят на преподавание истории древнего мира. Накопленный опыт и профессиональное мастерство сделали его одним из самых ярких и талантливых преподавателей не только кафедры, но и всего факультета.

В юбилейной книге, посвящённой 70-летию исторического факультета ЧГПУ, приведены воспоминания коллег:

«А. Ф. Лещенко был энциклопедически образованный историк, знал греческий, латинский языки, его лекции по истории древнего мира были блестящими по содержанию и по форме, насыщены интереснейшим фактическим материалом. Студенты с восхищением слушали его рассказы о Северном Причерноморье, скифских курганах, личных путешествиях в Египет, Грецию, Италию. Многообразны были и его научные интересы: кроме греческих колоний Причерноморья, он начал изучать вопросы происхождения славян, много лет разрабатывал научную проблему «Историческая география Восточной Европы». А. Ф. Лещенко был не только знаток истории древнего мира: когда потребовалось, он стал заведывать кафедрой истории СССР, продолжая читать курс древней истории и оказывая помощь молодым преподавателям. Это настоящий русский интеллигент, очень демократичный, доброжелательный человек оставил заметный след на историческом факультете...» [3, с. 33].

В 1945–1947 г. А. Ф. Лещенко заведовал кафедрой истории СССР. К концу войны он завершил работу над докторской диссертацией, посвящённой проблемам происхождения славянства и термина

«Русь». А. Ф. Лещенко проработал в Челябинском пединституте на историческом факультете до 1954 г. [3, с. 30].

Заключение

В биографии А. Ф. Лещенко, как и у многих учёных, археологов, краеведов той поры, прошедших через волну репрессий, остаётся ещё много пробелов. Заполнить их возможно только поднимая архивы, среди которых много неопубликованных документов. Вклад А. Ф. Лещенко в становление кубанской археологии значителен и на сегодня освещён в научной литературе не в полной мере. Между тем, именно им впервые после революции начаты разведки мегалитических памятников и дана их культурно-хронологическая интерпретация. Будучи историком разносторонним, А. Ф. Лещенко немалую долю своих исследований посвятил дольменам Северо-Западного Кавказа. Публикация архивных материалов по экспедиции в Абинскую долину дополнит историографию дольменной культуры послереволюционного периода и будет представлять интерес для исследователей эпохи бронзы Кавказа [10, с. 119, 124]

Дата поступления в редакцию 19.09.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Бенкен А. Ф. Два года жизни Кубанского государственного педагогического института // Известия ОЛИКО. 1922. Вып. 7. С. 113–117.
2. Есипенко Л. М. А. Ф. Лещенко и Кубанский научный музей // Художественный музей в контексте истории / науч. ред. Ю. А. Солодовников. Краснодар, 2000. С. 44–47.
3. История и историки: Нам – 70 лет! (Исторический факультет ЧГПУ: прошлое, настоящее, будущее) / под ред. Н. А. Вахрушевой и др. Челябинск: Челябинский государственный педагогический университет, 2006. 275 с.
4. Клочков М. В. Краткий обзор деятельности Литературно-Исторического и Этнологического общества // Сборник статей по экономике и культуре / под ред. М. В. Клочкова. Вып. 1. Краснодар, 1927. С. 1–6.
5. Лещенко А. Ф. О времени сооружения мегалитических памятников Северо-Западного Кавказа // Известия ОЛИКО. 1925. Вып. IX. С. 89–94.
6. Лещенко А. Ф. К вопросу о происхождении южно-украинского казачества // Сборник статей по экономике и культуре / под ред. М. В. Клочкова. Вып. 1. Краснодар, 1927. С. 78–92.
7. Лещенко А. Ф. Два года работы этнологической секции ЛИЭТО // Сборник статей по экономике и культуре / под ред. М. В. Клочкова. Вып. 1. Краснодар, 1927. С. 102–106.
8. Лещенко А. Ф. Матеріали до орнаментіки дольменів на північно-західньому Кавказі // Антропологія. Т. IV. Киев, 1931. С. 237–263.

9. Николаева Н. А. Древнеевропейцы на Северном Кавказе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2006. № 1. С. 3–20.
10. Николаева Н. А. Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в конце III – начале II тыс. до н. э. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2008. № 3. С. 119–130.
11. Пьянков А. В. К истории археологического изучения Абинского района (советский и постсоветский периоды) // Вестник Абинского народного музея. 1998. Вып. 2. С. 11–28.
12. Смертина М. Ю. Экспедиционная деятельность Кубанского областного музея в 20-е годы XX века // XVII «Фелицынские чтения». Научно-исследовательская деятельность музеев Северокавказского региона: Проблемы и перспективы : материалы межрегиональной научно-практической конференции. Краснодар: Вика-Принт, 2016. С. 194–196.

REFERENCES

1. Benken A. F. [Two years of life of the Kuban State Pedagogical Institute]. In: *Izvestiya OLIKO* [News of OLIKO], 1922, no. 7, pp. 113–117.
2. Esipenko L. M. [A. F. Leshchenko and the Kuban Scientific Museum] In: Solodovnikov Yu. A., ed. *Hudozhestvennyj muzej v kontekste istorii* [Art Museum in the context of history]. Krasnodar, 2000, pp. 44–47.
3. Vakhrusheva N. A., ed. *Istoriya i istoriki: Nam – 70 let! (Istoricheskij fakultet CHGPU: proshloe, nastoyashchee, budushchee)* [History and historians: We are 70 years old! (Faculty of History of ChSPU: past, present, future)]. Chelyabinsk, Chelyabinsk State Pedagogical University Publ., 2006. 275 p.
4. Klochkov M. V. [A brief overview of the activities of the Literary-Historical and Ethnological Society] In: Klochkov M. V., ed. *Sbornik statej po ekonomike i kulture. Vyp. 1* [Collection of articles on economics and culture. Iss. 1]. Krasnodar, 1927, pp. 1–6.
5. Leshchenko A. F. [About the time of construction of megalithic monuments of the North-West Caucasus]. In: *Izvestiya OLIKO* [News of OLIKO], 1925. no. IX, pp. 89–94.
6. Leshchenko A. F. [On the origin of the South Ukrainian Cossacks]. In: Klochkov M. V., ed. *Sbornik statej po ekonomike i kulture. Vyp. 1*. [Collection of articles on economics and culture. Iss. 1]. Krasnodar, 1927, pp. 78–92.
7. Leshchenko A. F. [Two years of work of the ethnological section of LIETO]. In: Klochkov M. V., ed. *Sbornik statej po ekonomike i kulture. Vyp. 1* [Collection of articles on economics and culture. Iss. 1]. Krasnodar, 1927, pp. 102–106.
8. Leshchenko A. F. [Materials for the ornamentation of dolmens in the North-Western Caucasus]. In: *Antropologiya. Vip. IV* [Anthropology. Vol. IV]. Kiev, 1931, pp. 237–263.
9. Nikolaeva N. A. [Ancient Europeans in the North Caucasus]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and Political Science], 2006, no. 1, pp. 3–20.
10. Nikolaeva N. A. [Ethnocultural processes in the North Caucasus at the end of the 3rd and the beginning of the 2nd millennium BC]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and Political Science], 2008. no. 3, pp. 119–130.
11. Pyankov A. V. On the history of the archaeological study of the Abinsky district (Soviet and post-Soviet periods). In: *Vestnik Abinskogo narodnogo muzeya* [Bulletin of the Abinsk Folk Museum], 1998, iss. 2, pp. 11–28.
12. Smerlina M. Yu. [The expedition activity of the Kuban Regional Museum in the 20s of the XX century]. In: XVII «Felicynskie chteniya». *Nauchno-issledovatel'skaya deyatel'nost' muzeev Severokavkazskogo regiona: Problemy i perspektivy : materialy mezhhregionalnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [XVII «Felitsyn readings». Research activities of museums in the North Caucasus region: Problems and prospects: proceedings of the interregional scientific and practical conference]. Krasnodar, Vika-Print Publ, 2016, pp. 194–196.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ткачёв Алексей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Кубанского государственного университета;
e-mail: alexey_tk@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aleksey N. Tkachev – Cand. Sci (History), Assoc. Prof., Department of General History and International Relations, Kuban State University;
e-mail: alexey_tk@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

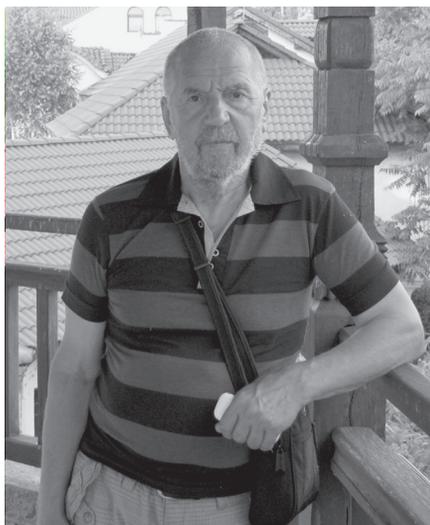
Ткачёв А. Н. Исследователь кавказских дольменов А. Ф. Лещенко (1880–1954 гг.): к биографии учёного // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 5. Циркумпонтика. Вып. III. С. 203–215.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-5-203-215

FOR CITATION

Tkachev A. N. Researcher of the Caucasian dolmens A. F.Leshchenko (1880–1954): to the biography of the scientist. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2021, no. 5, Circumpontica, iss. III, pp. 203–215.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-5-203-215

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

К ЮБИЛЕЮ ИОНА ПЫСЛАРУ

В 2021 г. отметил свой 80-летний юбилей известный советский, украинский и румынский археолог Ион Пыслару. Его жизнь напоминает круто закрученный приключенческий роман, в котором переплелись самые неожиданные сюжеты и события. Его биография в определённой степени уникальна, хотя и характерна для многих людей его поколения.

Ион Пыслару (Иван Писларий) родился в Бессарабии, в с. София Дрокиевского района в 1941 г., в год, когда началась Великая Отечественная война. Она катком прокатилась по западным регионам Советского Союза, разбросав миллионы семей.

Потерял своих родителей и Ион, и в результате оказался в городке Кадиевка на Украине. Здесь его назвали Иваном и зачислили в детский дом на полное государственное обеспечение. Будучи ещё школьником, он играл в духовом оркестре, пел в хоре, собирал минералы и гербарий.

Однако с детства мечтал стать лётчиком. Когда же его не приняли в военное лётное училище, поступил в Луганское музыкальное училище, поскольку виртуозно играл на трубе. В Луганске впервые посетил краеведческий музей и стал его активным помощником. Древние коллекции произвели настолько сильное впечатление, что юный музыкант решил серьёзно заняться археологией и начинает проводить разведки в окрестностях Луганска. Он открывает несколько палеолитических и средневековых памятников и становится успешным разведчиком-археологом, которому всегда улыбается удача!

Жизнь без родителей не была лёгкой. Постоянное недоедание привело к решению временно оставить музыку и поступить в ремесленное училище, где кормили гораздо лучше. Но даже в этот тяжёлый для себя период он не перестал

заниматься археологией. В 16 лет Иван уже руководит археологическим кружком в детской туристической станции, проводит регулярные разведки, читает археологические инструкции и монографии, знакомится с известными археологами. В 1959 г. он открыл выдающееся поселение срубной культуры у с. Капитаново на левом берегу Северского Донца.

Затем служба в армии, во время которой он сделал ещё ряд археологических открытий. Среди них наиболее известны неолитический памятник Белая гора под Полтавой и поселение эпохи бронзы у с. Здвижевка в Киевской области. После армии была учёба на историческом факультете Киевского университета, вынужденная работа слесарем-наладчиком, а затем и мастером участка на тепловозостроительном заводе в Луганске. Но любовь к археологии всё же победила. В 1966 г. И. Писларий оставляет хорошо оплачиваемую работу в инструментальном цехе и занимает скромную должность научного сотрудника в местном музее с мизерной зарплатой. Зато теперь появляется возможность полностью отдаваться любимому делу.

Во время работы в Луганской области во всей широте развернулся организаторский талант начинающего археолога. Этот период отмечен созданием отдела археологии в Луганском музее, который Иван возглавил в 27 лет. Он также инициировал открытие Северо-Донецкой экспедиции, в которой проработал в общей сложности 10 лет. В этот период И. Писларий успешно ведёт полевые исследования и пишет серьёзные аналитические работы. В научных кругах хорошо известны его публикации не только по энеолиту и эпохе бронзы, но также по каменному и раннежелезному векам, античной и средневековой археологии. Особое значение имеют его работы по применению математических и компьютерных методов в археологии и музееведении.

В 1984 г. И. Писларий успешно защитил кандидатскую диссертацию по культуре

многоваликовой керамики Украины в Московском государственном университете и получил приглашение на работу в Киево-Печерский музей-заповедник. Здесь он проработал до 1996 г. и вновь проявил себя как талантливый организатор. Вначале создал сектор, а потом и отдел археологии, а с 1989 по 1996 г. заведовал научной частью и создал редакционно-издательский совет (РИСО). Именно при нём заповедник был включён в список памятников ЮНЕСКО, получил издательские права и был признан национальным музеем. Впервые за долгие годы музей-заповедник стал контролировать все земляные работы на территории Лавры и издавать собственные научные труды, проводить международные конференции и организовывать выставки за рубежом. К сожалению, в 1996 г. И. Писларий потерял работу в Киеве. Одарённому учёному и организатору в расцвете творческой активности не нашлось места на Украине.

Результатом этого стал его переезд в Румынию, где Иван Писларий превратился в Иона Пыслару. Новый период жизни в очередной раз был отмечен новыми научными достижениями. Только за последние годы им были открыты и исследованы поселения культур Хаманджия, Криш, Тиса-Полгар, эпохи бронзы и античности. В Румынии он подготовил и защитил докторскую диссертацию, посвящённую памятникам культуры Делакеу-Бабино (многоваликовой керамики), которую опубликовал в 2006 г. и на долгие годы закрыл эту тему. В 2010 г. он приехал в Москву в поисках античного папируса, который был найден в Румынии, а затем передан на реставрацию в СССР. Здесь он установил тесные контакты с различными музеями и университетами, включая и МГОУ, и провёл настоящее детективное расследование. В результате через несколько лет ему удалось не только найти уникальную находку, но и вернуть её на родину в Мангалию.

За 60 лет в науке Ион Пыслару успел сделать немало: открыть десятки архео-

логических памятников, раскопать множество поселений, курганов и могильников различных культур, опубликовать результаты своих исследований и осветить проблемные направления в археологии.

И. Пыслару стал одним из инициаторов создания Международного ежегодника МГОУ «Циркумпонтика», освещающего различные проблемы археологии в регионе Чёрного моря.

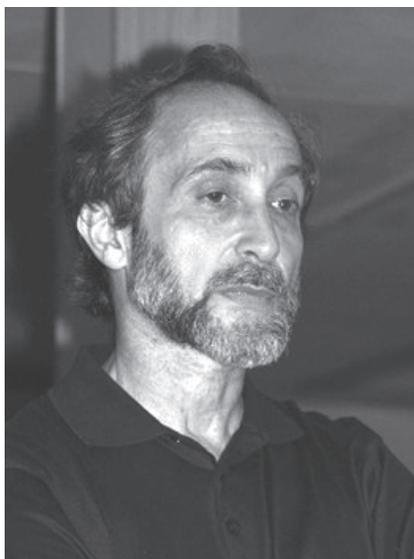
Врождённый талант организатора позволил ему создать новые научные структуры в Луганске и Киеве, организовать работу крупнейшей на Украине новостроечной экспедиции, основать археологические музеи в Каневском музее-заповеднике Киевского государственного университета

и школьный музей в одном из районов Киевской области, которые, кстати, действуют и поныне.

Являясь представителем послевоенного поколения, И. Пыслару прошёл множество испытаний, познал, что такое недоедание, отсутствие средств и близких родственников. Без какой-либо поддержки он добился всего своими силами. Сегодня Ион уже человек мира, имеющий, как минимум, три исторических родины. Он также энергичен, трудолюбив и полон планов на будущее. Пожелаем ему здоровья и новых научных открытий!

*Оргкомитет проекта «Циркумпонтика»
Московского государственного
областного университета*

К ЮБИЛЕЮ АЛЕКСАНДРА ГРИГОРЬЕВИЧА КОЗИНЦЕВА

10 декабря свой 75-летний юбилей отмечает Александр Григорьевич Козинцев, российский антрополог, доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела антропологии Музея антропологии и этнографии РАН (Кунсткамера).

О необыкновенной родословной юбиляра можно узнать из Википедии и сделать свои выводы. О его достижениях в области антропологии скажут специалисты, его коллеги, ученики.

Но сегодня мне хочется сказать несколько слов об Александре Григорьевиче как о свободном исследователе, тяготеющем, скорее, к типу мыслителя эпохи Возрождения, насколько это возможно в XXI в. в нашей стране. О широте его научных и человеческих интересов можно судить по более чем 200 опубликованным работам на Academia.edu¹ (социальной сети учёных).

По первой специальности Александр Григорьевич – археолог и демонстрирует прекрасную профессиональную форму,

¹ Большинство работ А. Г. Козинцева можно найти на сайте Academia.edu (<https://kunstkamera.academia.edu/AlexanderKozintsev>).

уточняя результаты своей дипломной работы спустя десятилетия в связи с новыми раскопками в Мешоко².

Мы, конечно, знали друг о друге, поскольку учились в 1960-х гг. в Ленинградском государственном университете, а в разное время – на кафедре археологии у одних и тех же преподавателей. Но неожиданное письмо, где Александр Григорьевич предложил мне познакомиться с некоторыми его работами по миграциям, предоставило мне возможность узнать этого человека не понаслышке. Завязалась интенсивная переписка длиной в 10 лет, которая дала мне, надеюсь, некоторое право поделиться своими впечатлениями от общения с ним.

Главным содержанием писем стало обсуждение индоевропейской про-

² Kozintsev A. G. A Generalized Assessment of Cultural Changes at Stratified Sites: The Case of Chalcolithic Fortresses in the Northwestern Caucasus. 2017 [Электронный ресурс] // Academia : [сайт]. URL: https://www.academia.edu/32375631/A_Generalized_Assessment_of_Cultural_Changes_at_Stratified_Sites_The_Case_of_Chalcolithic_Fortresses_in_the_Northwestern_Caucasus_2017 (дата обращения: 01.11.2021).

блемы в археологии. Дискуссия по этой теме вновь возникла с появлением ряда статей западных генетиков, где они поддерживали гипотезу «степной» прародины индоевропейцев (дискуссия в течение нескольких лет шла на сайтах *Генофонд.рф*, *Антропогенез.ру*, *Academia.edu*).

Все эти годы А. Г. Козинцев был активным участником дискуссий, причём вёл их и академично, и одновременно азартно. Результатом этих дискуссий и нашей переписки стала серия его статей междисциплинарного характера о локализации индоевропейской и уральской прародин, в которых дан глубокий анализ археологических, лингвистических и генетических данных, на что способны только единицы. И оказалось, что равных ему на этом поприще, т. е. в новом подходе к индоевропейской проблеме, просто нет.

Немалую роль в успехе сыграли талант и страсть А. Г. Козинцева чувствовать животрепещущую тему и быть в курсе последних достижений науки. У него огромная электронная библиотека, которой он щедро делится. Поиском книг он владеет виртуозно, считая исчерпывающее знание литературы задачей первоочередной важности.

Новые штрихи к своему портрету А. Г. Козинцев добавил своими ответами на Антропологическом форуме¹. Один из них мог бы стать эпиграфом к этой

заметке: «Наука – это отношения между идеями, а не между организациями, что бы ни писали по этому поводу... Не место красит человека, а человек место. А места (должности) вообще может и не быть». Но и за отсутствием такового, по мнению Александра Григорьевича, учёный не перестаёт быть учёным.

Под другим его высказыванием об эффективности труда учёного подпишутся все здравомыслящие люди: «Наукометрические показатели дают очень приблизительное, а порой и искажённое представление о результативности научной работы. Чем обширнее научное сообщество, представляющее то или иное направление, тем, при прочих равных, больше у вас читателей и, соответственно, цитат. А любителям горных троп на большое число спутников рассчитывать не приходится».

Потенциал юбиляра огромен. Ему нужно пожелать только крепкого здоровья и сил! И хочется твёрдо верить, как утверждает Александр Григорьевич, что «есть ценностей незыблемая скала над скучными ошибками веков»².

Н. А. Николаева

*кандидат исторических наук,
профессор кафедры всеобщей истории,
археологии и методологии
исторической науки*

¹ Форум: Тенденции изменения научного ландшафта. Антропологический форум. 2020. № 46 [Электронный ресурс]. URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/046/forum.pdf> (дата обращения: 01.11.2021).

² Там же. С. 86.

К ЮБИЛЕЮ ИГОРЯ ЛЕОНИДОВИЧА КЫЗЛАСОВА

И.Л. Кызласов около Сулекской писаницы

В августе 2021 г. своё 70-летие отметил наш сокурсник, известный археолог Игорь Леонидович Кызласов, который полжизни отдал изучению и популяризации истории и культуры Хакасии – земли своих предков.

Он родился в Москве и после окончания школы поступил в лучший вуз страны – Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, чтобы пойти по стопам отца и стать археологом.

В те годы на кафедре археологии преподавали многие выдающиеся специалисты-археологи, подготовившие целое поколение молодых специалистов. Но в практической и научной деятельности Игорь Леонидович считает себя учеником Л. Р. Кызласова и С. А. Плетнёвой. Леонид Романович Кызласов (1924–2007), отец юбиляра, – археолог, историк и востоковед, заслуженный профессор МГУ – пользовался большим авторитетом в студенческой среде. Именно он стал университетским наставником

И. Л. Кызласова. Игорю Леонидовичу, по его признанию, «посчастливилось поработать почти всю жизнь рядом с отцом, как в археологических экспедициях, так и разрабатывая общие теоретические проблемы». Но такое особое положение, с одной стороны, всегда требует высокой ответственности и самоконтроля, а с другой – достижений сверхвысоких результатов в избранном деле. И это испытание юбиляр прошёл в высшей степени достойно.

Следуя своему кредо «в своём деле нужно знать всё», он легко прошёл все этапы карьеры: в 1974 г. окончил кафедру археологии исторического факультета МГУ, в 1974–1977 гг. – аспирантуру Института археологии АН СССР; в 1977 г. защитил кандидатскую диссертацию, а в 1990 г. – докторскую диссертацию. С 1977 г. Игорь Леонидович работает в Институте археологии РАН, где в настоящее время является ведущим научным сотрудником отдела средневековой архе-

ологии, членом учёного и диссертационного совета ИА РАН.

Более 50 лет И. Л. Кызласов провёл в археологических экспедициях. Он занимался раскопками в различных регионах Хакасии, Тувы, Горного Алтая и юга Красноярского края. Был участником зарубежных экспедиций (Болгария, руководитель – С. А. Плетнева) а также участником и руководителем эпиграфических экспедиций. В последние 20 лет руководил круглогодичной Хакасской археологической экспедицией Совета министров Правительства Республики Хакасия.

Хотя основные научные интересы И. Л. Кызласова в области археологии, истории и культуры тюркских народов Южной Сибири и Центральной Азии определились сразу, со временем он приступил к изучению степных рунических надписей. Это позволило ему открыть и расширить представления о мыслителях древности и средневековья, приблизиться к пониманию их духовного мира. Сам Игорь Леонидович определяет значимость своего погружения в изучение рунических надписей так: «Если археология даёт представление о том, как жили наши предки, то руны свидетельствуют о том, чем жили они, каково было их мировоззрение. Получается, что зная материальное положение древних людей, легче постигнуть их духовный мир. Два таких рубежа меня профессионально сформировали».

Научная деятельность И. Л. Кызласова ознаменовалась рядом открытий: установление систематических связей Древнехакасской державы Южной Сибири в XI–XII вв. с Восточной Европой – Древней Русью, Волжской Булгарией, с землями удмуртов и мордвы; новая гипотеза о более древнем, чем средневековье, происхождении азиатского (орхоно-енисейского) алфавита; связь енисейских рун с распространением манихейства в Южной Сибири, Казахстане и Средней Азии; мысль о несовместимости куль-

турогенеза центральноазиатских гуннов (хунну/сюнну) с основами древней культуры тюркских, монгольских или тунгусо-маньчжурских народов¹.

Для создания столь необходимой для учёного среды научных дискуссий, где демократично и без личных предпочтений обсуждались бы новые открытия и назревшие проблемы науки, И. Л. Кызласов ежегодно собирает археологов-востоковедов в Москве, организуя и проводя в течение 17 лет в Институте археологии РАН конференцию «Восточные древности в истории России. Эпоха средневековья». Принимает активное участие во всех редсоветах и редколлегиях в журналах научных центров Москвы, Башкирии, Казахстана, Хакасии, поскольку включён в их состав как несомненный авторитет.

Продолжением научной деятельности является популяризаторская и педагогическая деятельность И. Л. Кызласова. В частности, он разработал ряд специальных курсов по археологии, истории и культуре тюрков и тюркоязычных народов домусульманского периода, а также раннесредневековой истории и археологии тюркских народов Центральной Азии, Южной Сибири, Средней Азии и Поволжья. В разное время он выступал с докладами о памятниках рунической письменности не только в университетах Москвы (МГУ, РГГУ) и в десятке городов страны, но также и за рубежом – в Институте археологии и музееведения Пекинского университета и на кафедре казахского языка и литературы Центрального Института национальностей (Китайская Народная Республика, 2006). Следует особо отметить, что эта подвижническая работа требует больших умственных и физических затрат, на какую мало кто способен.

Всеми своими работами Игорь Леонидович Кызласов доказывает, что Южная Сибирь – это жемчужина в историческом

¹ Публикации И. Л. Кызласова включают более 360 научных работ. С ними можно познакомиться на сайте Academia.edu (<https://archaeolog-gu.academia.edu/ИгорьКызласов>).

прошлом, один из древнейших культурных центров человечества. В подтверждение он приводит не только научный, но и поэтический авторский перевод рунических надписей. Древние надписи, свидетельствующие об извечном стремлении

наших предков с древности приобщиться к тому, что мы называем сейчас высшими ценностями, являются связующей нитью между прошлым и настоящим.

Поздравляем с юбилеем! Ждём новых открытий!

Н. А. Николаева,

*кандидат исторических наук,
профессор кафедры всеобщей истории,
археологии и методологии
исторической науки МГОУ*

Е. В. Яровой,

*доктор исторических наук, профессор
кафедры всеобщей истории,
археологии и методологии
исторической науки МГОУ*

ПАМЯТНИКИ МИРОВОЙ МЫСЛИ: ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

УДК 902

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-5-224-229

СООБЩЕНИЕ О РАСКОПКАХ, ПРОВЕДЁННЫХ В АПОЛЛОНИИ ПОНТИЙСКОЙ Г-НОМ ДЕГРАНОМ, КОНСУЛОМ ФРАНЦИИ В ФИЛИППОПОЛЕ¹

Коллиньон М.

Аннотация. Причерноморские памятники, находящиеся на территории России, не следует изучать в отрыве от памятников, расположенных на территории других стран Причерноморья и раскопанных иностранными археологами. Данная публикация представляет собой перевод отчёта о раскопках греческой колонии Аполлонии Понтийской (совр. Болгария) и её окрестностей, проведённых французской экспедицией в 1904 г. В ходе этих раскопок были исследованы тумулы в окрестностях Аполлонии, византийские памятники на о. Св. Иоанна и античные памятники на о. Св. Кириака, где располагалась древнейшая часть Аполлонии.

Ключевые слова: археология античного Причерноморья, археология Византии, археология начала XX в., Болгария, Аполлония Понтийская, древние погребения, античный город

NOTE ON THE EXCAVATIONS CONDUCTED IN APOLLONIA PONTICA BY MONSIEUR DEGRAND, CONSUL OF FRANCE IN PHILIPPOLI

M. Collignon

Abstract. Acquaintance with the results of excavations conducted by non-Russian archaeologists seems essential for Russian specialists in the archaeology of the Black Sea region. We present a Russian translation of a report on French excavations in Apollonia Pontica and its vicinity (modern Bulgaria) conducted in 1904. The expedition researched ancient tumuli near Apollonia, remains of Byzantine buildings at the island of St. Johannes, and the ancient Greek site at the island of St. Kyriakos, where the most ancient part of Apollonia had been situated.

Keywords: archaeology of the Black Sea coast, classical antiquity, Byzantium, archaeology in the early 20th century, Bulgaria, Apollonia Pontica, ancient burials, ancient city

В своём отчёте о работах, выполненных или поддержанных с помощью задолженностей фонда Пио, наш коллега г-н Поттье сообщил, что была согласована субсидия г-ну Деграну, консулу Франции в Филиппополе, ввиду его намерения провести

¹ Перевод осуществлён И. Н. Коровчинским по изданию: Collignon M. Note sur les fouilles exécutées à Apollonie du Pont par M. Degrand, consul de France à Philippopoli // Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. 1905. Iss. 49. № 3. P. 300–306

раскопки на месте древней Аполлонии Понтийской¹. Г-н Дегран выполнил запланированные работы и предоставил Академии надписей и изящной словесности детальный отчёт, сопровождающийся фотографиями и чертежами. Цель предлагаемой заметки – обозначить важные результаты его исследований, предпринятых на протяжении 1904 г. Вследствие различных инцидентов эти последние пришлось прервать, а затем возобновить в менее благоприятных условиях. Поэтому результаты, отражённые в отчёте г-на Деграна, весьма неполны.

Аполлония Понтийская, известная с III в. н. э. под другим названием – Созополь, была колонией Милета, основанной около 609 г. до н. э. на фракийском берегу Понта Эвксинского. Его место в наше время занимает болгарский г. Сизебол², стоящий на высоком мысу на южной стороне Бургасского залива. К северу от этого выступа суши находятся 2 острова – о. Святого Кириака, более близкий к побережью, и о. Святого Иоанна. Местность в окрестностях Сизебола, протянувшаяся к востоку и югу от этого города, усыпана тумулусами, отмечающими места древних некрополей. Г-ну Деграну было предложено исследовать: 1) район тумулусов, 2) 2 острова, на которых он рассчитывал найти следы первоначального поселения милетских колонистов.

Тумулусы. В часе конной езды от Сизебола, в местности, носящей название Колокифия (Kolokithias), на обрывистом побережье располагаются многочисленные курганы³ разного размера, многие из которых были раскопаны в 1896 г. Г-н Дегран взялся за те из них, которые остались неисследованными, но только в 2 случаях его исследования привели к успеху. Были найдены терракотовые и бронзовые сосуды, а также довольно грубо выполнен-

ный предмет из терракоты, в котором, несомненно, следует видеть модель челнока со скамьями⁴. Похожие предметы были найдены в тумулусах, раскопанных ранее. Все эти курганы были сооружены одинаково и окружены у основания круглой каменной стеной.

В другой местности, к югу от Сизебола, располагается большой тумулус Марес Могила (Marès Moghila), которую турки называют Кысыр-Михаил-Тепе (Kissir Mihaïl Téré). Он имеет в окружности 200 м, в высоту 10 м и внутри пересечён двумя стенами, рядом с которыми г-н Дегран нашел 2 гробницы.

Гробница I. Погребение состояло из одной гробницы, сооружённой из узких плит, соединённых штифтами из красной терракоты, зафиксированными свинцом. Эти плиты поддерживали «крышку с гребнем, составленную из двух крупных камней, грубо обтёсанных, но тщательно и точно пригнанных и выровненных в их верхней части». Это была, несомненно, могила женщины, если судить по сохранившимся в ней предметам: украшениям из тонких листов позолоченной меди и терракотовым пуговицам, также позолоченным. Кроме того, был найден маленький алабастрон из слоновой кости, фрагменты терракотовой статуэтки со следами позолоты и бронзовая монета чекана Аполлонии.

Гробница II. Данная гробница крупнее предыдущей, но её конструкция была такой же. «На плитах, образующих её дно, было найдено нечто наподобие носилок, сделанных из двух длинных деревянных брусьев, соединённых между собой сеткой из тростника, на которых сохранились фрагменты человеческих останков». На месте головы были найдены остатки большого погребального венка в форме листьев и ягод лавра, выполненных из позолоченной меди и прикреплённых к деревянному обручу, обмотанному свинцовой лентой. Остальные находки состо-

⁴ Прим. автора: этот объект в настоящее время находится в Луврском музее.

¹ Comptes rendus. 1905. P. 50 (Здесь и далее ссылки на литературу принадлежат автору).

² Прим. переводчика: так во французском оригинале (Sizebol), современное болгарское название – Созопол, на русских картах возможен вариант Созополь.

³ Прим. переводчика: дословно «холмики» (tertres).

ялы из бронзовой скребницы и 2 больших алабастронов. Раскопки в других частях тумулуса не дали ничего, и из исследований г-на Деграна следует, что другие курганы в данном районе редко содержали больше 2 захоронений.

Поскольку г-н Дегран был вынужден приостановить раскопки в связи с состоянием здоровья, а также по причине внезапно возникших трудностей, в дальнейшем было предпринято лишь краткое обследование тумулусов усилиями г-на Баладжева. Было открыто захоронение в тумулусе Сенетудия (Senetoudias), в нём были обнаружены расписные вазы в аттическом стиле IV в. до н. э. Особо следует отметить фрагмент арибаллического краснофигурного лекифа с позолотой, стиль которого напоминает некоторые сосуды, найденные на юге России¹.

Острова. Согласно местной традиции, на которую указывает пассаж Страбона, милетские колонисты основали своё первое поселение на острове (εἶτ' Ἀπολλωνία... ἄλοικος Μιλήσιων, τὸ πλεόν τοῦ κτίσματος ἰδρυμένον ἔχουσα ἐν νησίῳ τινί – Страбон, VII, с. 319)². Именно там был возведён храм Аполлона, в котором стояла колоссальная статуя этого бога, выполненная в бронзе афинским скульптором Каламидом и позднее транспортированная на Капитолий Лукуллом³.

Движимый стремлением найти остатки храма г-н Дегран обследовал 2 острова близ Сизебола – о. Святого Иоанна и о. Святого Кириака. Первый из них – более крупный; удалён от материка, и связь с ним часто затруднена из-за преобладающего направления ветров. «На этом

острове, – пишет г-н Дегран, – я нашёл лишь остатки византийской церкви Святого Иоанна, довольно грубо возведённой из кирпича, и недалеко от неё цистерну, чей свод поддерживают две небольшие арки. Уверяют, что там можно найти множество следов византийской эпохи, но исследования там были трудны и дороги».

Поэтому было уместно сосредоточить усилия на маленьком о. Святого Кириака. Он имеет всего 250 м в длину, и античный слой большей частью обнаруживается на глубине 2 м. Поэтому раскопки там относительно легки. К сожалению, этот остров с давних пор использовался как каменоломня, где добывался строительный материал для построек нынешнего города. Кроме того, легенда, согласно которой там были зарыты сокровища Лисимаха, часто подталкивала местных жителей к кладоискательским раскопкам.

Г-н Дегран начал с того, что стал руководить раскопками рядом с западной оконечностью острова. В месте, наиболее близком к берегу, он открыл лестницу, поднимающуюся на высоту примерно 6 м и ведущую к платформе из известняка, обтёсанного грубо, как и ступени. Недалеко оттуда он нашёл в яме, наполненной золой, углём и обугленными костями животных, ряд предметов.

Прежде всего, стоит назвать кусок терракотовой плиты, на которой изображён грифон со сложенными крыльями, далее – ряд фрагментов терракотовых рельефов в архаическом стиле VI в. до н. э. Наиболее интересный из этих фрагментов в настоящее время принадлежит Луврскому музею. На нём изображены 2 воина, движущиеся вправо. Первый, в панцире с наплечниками, держит в одной руке копье, а в другой – предмет, напоминающий свёрнутый ремень. Поскольку его рот широко открыт, похоже, что он издаёт воинственный клич. Второй персонаж в доспехе, как у предыдущего, движется в том же направлении и трубит, за спиной у него висит щит, а в правой руке он держит копье.

¹ Ср. с т. зр. формы сосуда Antiquités du Bosphore cimmérien, pl. LXII et pl. LVIII 6, 7.

² Прим. переводчика: «далее – Аполлония..., колония милетцев. Большая часть этого города лежит на одном острове» (пер. Г. А. Страгановского). Ссылка дана на книгу и страницу первого критического издания Казобона; в стандартной разбивке на книги, главы и параграфы – VII, 6, 1.

³ См. тексты, процитированные в Pauly-Wissowa. Realencyclopaedie, s. v. Aphrodisias и монографию Kleinsorge. De civitatibus graecarum in Ponti Euxini ora occidentali sitarum rebus. Halle, 1888.

Раскопки в Аполлонии Понтийской (Болгария)

Находка в Сизеболе известной стелы, на которой изображён персонаж, подписанный как Анаксандр, уже показала, что в VI в. до н. э. искусство Аполлонии было своего рода провинциальным вариантом ионийского искусства¹. И вот перед нами новый памятник, точно так же относящийся к архаическому ионийскому стилю. Его можно сопоставить с терракотовой плитой из Кабинета медалей², которую г-н Жубен определил как ионийскую и сопоставил с мраморным барельефом из Кизика³.

Наконец, в той же яме были найдены многочисленные фрагменты терракотовых статуэток, и среди них бюст женского

божества, держащего птицу, напоминающий известный тип Афродиты с голубем.

На другой оконечности острова г-н Дегран открыл кладку из широких плоских черепиц 10 м в длину и 4 м в ширину, примыкающую к кубическому блоку из обтёсанного камня, каждое ребро которого имеет 0,5 м в длину. Находки в этом районе свелись к сосудам, содержащим золу, фрагментам черепиц, на одной из которых стоит клеймо с головой Аполлона и надписью АПО, фрагменту терракотового фриза, украшенного орнаментами в форме яиц; обломкам статуэток и светильников. В той части острова, которая обращена к матерiku, находятся античные захоронения, лишённые единой ориентации и аналогичные тумулусу Мапес.

Таковы наиболее существенные результаты исследований г-на Деграна. Они

¹ Jahrbuch des arch Inst., 1902, pl. I и Arch. Anzeiger, 1896, p. 136.

² Gaz. arch., VIII, pl. 49; Babelon, Cabinet des antiques, pl. IV.

³ Bull. de corresp. hellénique, 1894, p. 493–496.

не вполне соответствуют нашим ожиданиям. Тем не менее, они позволили прийти к правдоподобным заключениям относительно расположения античного города. Согласно г-ну Деграну, именно о. Святого Кириака должен был быть тем местом, где высадились милетские колонисты, и, возможно, храм Аполлона в самом деле располагался там же. Лестница, открытая в ходе раскопок, была предназначена для облегчения коммуникации

между островом и материком, и, вероятно, её продолжением служил мол. Но по причине небольших размеров остров не мог быть подходящим местом для развития столь процветающего города, каким была Аполлония. Колонисты должны были обустроиться на материке, и именно там рос античный город. Искать его следы надлежит на территории нынешнего Сизебола, что, правда, потребует весьма дорогостоящих раскопок.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Максим Коллиньон (1849–1917) – французский учёный, специалист по археологии, мифологии и искусству Древней Греции.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maxime Collignon (1849–1917) – French scholar, specialist on archaeology, mythology and art of ancient Greece.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ ПЕРЕВОДА

Коровчинский Иван Николаевич – доцент кафедры всеобщей истории, археологии и методологии исторической науки Московского государственного областного университета; e-mail: korin3@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR OF THE TRANSLATION

Ivan N. Korovchinskiy – Assoc. Prof., Department of World History, Archaeology and Methodology of Historical Science, Moscow Region State University; e-mail: korin3@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Коллиньон М. Сообщение о раскопках, проведённых в Аполлонии Понтийской г-ном Деграном, консулом Франции в Филиппополе / пер. с франц. И. Н. Коровчинского // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 5. Циркумпонтика. Вып. III. С. 224–228.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-5-224-228

FOR CITATION

Collignon M. Note sur les fouilles exécutées à Apollonie du Pont par M. Degrand, consul de France à Philippopoli (Russ. ed.: I. N. Korovchinskiy, transl. *Soobshchenie o raskopkakh, provedennykh v Apollonii Pontijskoi g-nom Degranom, konsulom Frantsii v Filipppole*). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2021, no. 5, Circumpontica, iss. III, pp. 224–228.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-5-224-228

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г.

Сегодня Московским государственным областным университетом выпускается десять научных журналов по разным отраслям науки. Журналы включены в Перечень ВАК (составленный Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки РФ Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук). Журналы включены в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатные версии журналов зарегистрированы в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Полнотекстовые версии журналов доступны в интернете на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru), а также на платформах Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru) и Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

2021. № 5

Над номером работали:

Литературный редактор С. Ю. Полякова
Переводчик Н. Г. Юрышева
Корректор А. А. Глазунова
Компьютерная верстка А. В. Тетерин

Адрес редакции:

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101);
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».

Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. 18, усл. п.л. 14,5.

Подписано в печать: 29.12.2021. Выход в свет: 10.01.2022. Заказ № 2021/12-06.

Отпечатано в МГОУ

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А